

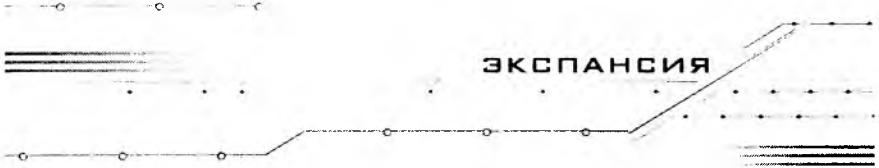
СВЯТОСЛАВ ЛОГИНОВ

ЭКСПАНСИЯ. во имя свободы!

ИМПЕРСКИЕ
ВЕДЬМЫ

СВЯТОСЛАВ
ЛОГИНОВ

ИМПЕРСКИЕ ВЕДЬМЫ

ЭКСПАНСИЯ

ВО ИМЯ СВОБОДЫ!

ЭКСПАНСИЯ

СВЯТОСЛАВ ЛОГИНОВ

ИМПЕРСКИЕ
ВЕДЬМЫ

МОСКВА
ЭКСМО
2005

УДК 82-312.9
ББК 84(2Рос-Рус)6-4
Л 69

Оформление серии художника *С. Киселевой*

Серия основана в 2003 г.

Логинов С. В.

Л 69   Имперские ведьмы: Фантастические произведения. —
М.: Изд-во Эксмо, 2005. — 480 с.— (Экспансия).

ISBN 5-699-12726-7

Ему был нужен штаб: знатное офицерье, столетиями ведущее войну
чужими руками, войну не ясно с кем и за что, зажавшее Вселенную в им-
перские тиски. Пусть они хоть раз узнают, что такое грохот настоящего
взрыва и как пахнет не чужой, а собственный страх. Скинувший мес-
тальный поводок, спасенный от смерти ведьмой, открывший новую Все-
ленную лейтенант Влад Кукаш начинает атаку во имя спасения, во имя
свободы!

УДК 82-312.9
ББК 84(2Рос-Рус)6-4

ISBN 5-699-12726-7

© Логинов С. В., 2005
© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2005

ИМПЕРСКИЕ ВЕДЬМЫ

ГЛАВА 1

И ведь не придерешься, объявила Кайна с самыми добрыми намерениями: предупредить, что из глубин всплывает Великий кракен. А чего предупреждать? И без того все кругом вопит на разные голоса: «Кракен проснулся! Великий кракен всплывает!» Глухим надо быть, чтобы не услышать. И только глупый поверит в Кайнину заботливость; просто-напросто захотелось Кайне полюбоваться чужой неудачей, почувствовать на словах, не скрывая ехидной улыбочки. Еще бы!.. Это же какое удовольствие: посмотреть, как гонористая девчонка, впервые высунувшая нос за порог дома, будет что есть сил улепетывать обратно, не добыв ничегошеньки, так что придется дурехе чуть не полсотни лет копить силы для нового полета. А удачливая Кайна, у которой уже сейчас в запасе не меньше десятка вылетов, будет притворно охать и повторять при каждом удобном случае: «Говорила я, рано тебе из дома вылетать, поучись еще годик-другой. А не послушалась доброго совета, так теперь — полвека сиди». И не возразишь, не огрызнешься, ты теперь никто и звать тебя никак, летучее имя Чайка дано тебе в насмешку, сиди и смотри, как другие летают. Обессилевшее помело в угол поставь, а хочешь — чисти им половики, на это оно еще сгодится.

— Пошевеливайся, милая! — звучал в ушах голос Кайны. — Тут не абы кто, сам Великий идет! Такое творится — страх глядеть! Пост�ай!

А погода как назло — добычливая, ветер крепчает с каждой минутой, бьет рывками, закручивается в дикий ураганный глаз. Мелкий сор сгорает в его порывах бессмысленными искристыми вспышками. А вон и бирюзовая змейка скользнула, та, что дает помелу силу полета. Чайка метнулась в сторону и поймала змейку, словила голой рукой, как не всякая бывалая ведунья сможет. Одна бирюзовица есть, значит, дома годом меньше сидеть, если, конечно, успеешь вернуться. Сейчас счет идет на мгновения, не на годы...

— Что ты делаешь, дура! — восторженно вопила Кайна. — Сожрет!

Чайка не слушала. Она сама видела, что мироздание ежесекундно готово треснуть, выпустив из глубин потустороннего алчущее исчадье тьмы. Ведьмы называли его кра肯ом, а каков он на самом деле, никто не знает. Если кто и успел увидеть, уже никому не расскажет. Кракен являлся отовсюду и если не хватал сразу, то лишь для того, чтобы жертва успела прочувствовать весь ужас своего положения.

— Беги! — заливалась Кайна. Ах, как она будет рассказывать о гибели товарки, о том, как предупреждала и старалась помочь, как будет живописать последний вопль погибающей!

Душа ныла в предчувствии гибели, кракен был уже почти здесь, и не какая-то мелюзга, с которой можно поиграть в смертельные пятнашки, а Великий кракен, не оставляющий ни единого шанса. Бирюзовица раздувалась вокруг запястья и шипела. Чайка напряглась, готовясь к последнему рывку, ко-

торый еще может спасти ее... и тут... огненная полоса прочертила бледное пространство над ближайшим островком.

Ошибиться было невозможно: на пустынный, ничем не примечательный и никому не нужный островок падала ступа. С первого взгляда было видно, что хозяйки у нее нет и ступа не летит, а именно падает, гонимая разыгравшимся штормом.

Ступа — мечта каждой ведьмы. Ее невозможно сделать самой, ее не добудешь никакой волшбой и заклинаниями. Ступу можно только найти и взять с бою. Ступа — это не безобидная энергетическая змейка, что так грозно шипит, когда схватишь ее голой рукой, ступа — сильное и опасное животное, которое непросто усмирить и заставить служить себе, случается, поединок заканчивается не в пользу наездницы. Что бывает дальше — предсказать нетрудно: ступа — хищник и глотает добычу целиком. Преимущество ведьмы в скорости, необъезженная ступа глупа и неповоротлива, но, чтобы взять ступу живьем, нужно приблизиться вплотную, и в этот момент зверь способен на любые неожиданности. И уж разумеется, никто не станет устраивать поединок за минуту до появления Великого кракена. Кракен сожрет твою сущность, высосет до дна и кинет на ветер пустую шкурку. Именно этим словом, цинично и безжалостно, ведьмы называют тела погибших сестер.

— Беги!.. — визжала Кайна из своего безопасного убежища, и именно этот взвизг заставил Чайку решиться на безумный поступок. Заложив крутой вираж, она метнулась наперерез падающему сокровищу.

Кайна захлебнулась от восторга и ужаса.

Ступа снижалась катастрофически быстро. Ураганный ветер, который лишь бодрил несущуюся на

помеле ведьму, был смертельно опасен для неповоротливого зверя. Видимо, ступа пыталась укрыться на острове, но не сумела справиться с разыгравшейся круговертью, и теперь ее мгновения были сочтены. Как, впрочем, и мгновения Чайки. Только ступу убьет тайфун, а Чайку — кракен. Смешно, тупая зверюга скорей всего даже не заметит прихода инфернального чудовища. Кракен жрет лишь тонкую материю, грубая плоть ступы ему не по зубам, зато тайфун, такой красивый и безопасный, сейчас раздробит беспомощного зверя о скалы.

Если бы не кракен, какая славная получилась бы охота!

Мощный импульс, посланный Чайкой, задержал падение ступы ровно настолько, чтобы она сумела выровнять полет, а затем сама Чайка окунулась в искристый туман, ореолом окружавший остров. Великий кракен наконец вырвался на волю, и Чайка чудом успела нырнуть к поверхности. Конечно, кракен может достать ее и здесь, но для этого ему нужно учять силу заклятий или услышать звук летящего помела. Просто так на сушу кракен не полезет.

Теперь Чайка тоже падала, бестолково кувыркаясь в воздухе. Главное сейчас — не выдать себя ни единственным заклятием, а потом, когда кракен уйдет, попытаться найти ступу. Если, конечно, ступа тоже останется жива. Кроме того, шторм может прекратиться прежде, чем Великий уберется восвояси, и тогда ступа попросту улетит, провожаемая бессильным взглядом Чайки. А с другой стороны, едва владыка бездны скроется в потустороннем нигде, сюда ринутся все сестры, и ни одна из них не захочет помочь Чайке, все примчатся, мечтая о легкой добыче: одинокая ступа, отбившаяся от стада, уставшая, по-

трепанная бурей, возможно, раненая — как просто будет заполучить ее! А Чайка так и останется на этих бесплодных камнях, где загнется благополучно через некоторое время от голода и тоски. Самой отсюда не улететь, а товарки ради неудачницы помелом не шевельнут. Значит, падай, но примечай, куда тянетесь дымный след от завалившейся ступы.

Эти мысли отстреливались тренированным мозгом едва ли не одномоментно, в такт кувыркам. Затем — единственный рывок ожившего помела, чтобы хоть немного приостановить падение, после чего Чайку припечатало к земле. Хорошо припечатало, почти как упавшую где-то неподалеку ступу. Если бы не исконные ведьминские умения, то и костей бы не собрала. Но и так досталось серьезно, яму выбила в красноватой глинистой почве метра полтора глубиной. Правый бок будет целую неделю ныть, а синячище с плеча, которому достался главный удар, не сойдет целый месяц.

«До самой смерти», — уточнила Чайка, выбираясь из ямы.

Далее предстояло идти пешком, рискуя попасть на обед какой-нибудь плотоядной живности, поскольку любое защитное заклинание может привлечь кракена, который бушует совсем рядом и до сих пор не объявился здесь исключительно из нелюбви инфернального гостя к грубым веществам, слагающим этот и все иные острова.

Погашенное помело Чайка закинула за спину, а бирюзовицу оставила на руке. Коловской сути в змейке не больше, чем в молнии, так что кракена она не привлечет, а вот отбиться от любителей мяса поможет, поскольку не одушевленную ведовством плоть бирюзовица сжигает не хуже все той же мол-

нии. Жаль тратить единственный резерв на какого-нибудь саблезубого дурака, но тут мнение Чайки никто не спрашивает. Некому спрашивать...

Сборы заняли три минуты. Теперь Чайка и впрямь никто и звать ее никак. Таких даже кракен не ест. Жаль только, что ступу обуздать такой боец не сможет ни при каком раскладе.

Ступа вообще зверь необычный. Неповоротливые громады, закованные в прочный панцирь, обычно держатся стадами, где их практически невозмож но взять. И почти всегда вокруг стада выются стремительные и безумно опасные драконы...

Еще одно дивное существо, обитающее в пространстве, давний и почти неуязвимый враг. Единственный враг во Вселенной. Если кракен выплывал и жрал, не глядя, если дикие ступы огрызались, но почти никогда не нападали первыми, то драконы, судя по всему, сознательно охотились за сестрами, пожирая отчаянных наездниц или сжигая их струями голубого огня. Единственным спасением для наездницы на помеле было бежать стремглав, словно Великий кракен выплыивает из своих глубин. Драконы — стремительные и умелые охотники — все же уступали в скорости ведьмам, а задеть крошечную фигурку огненным плевком почти невозможно, так что столкновения обычно заканчивались вничью. В открытом бою противостоять дракону могла только ведьма в ступе: заглотить массивную ступу дракон не мог, а прожечь панцирь прирученного зверя не так просто. Вот только зачем ведьме схватываться с драконом, если она всегда может уклониться от боя?

Поймать дракона живьем или хотя бы заполучить его труп еще не удавалось никому и никогда, так что сестрам оставалось выдвигать остроумные

гипотезы о природе этого существа. Одни предполагали в драконах зачатки разума, извращенного и злого. Именно эти качества заставляют драконов ненавидеть истинный разум и беспощадно преследовать сестер, хотя никакой пользы драконам эта война не приносит. Другие, более рациональные ведьмы, считали, что на самом деле драконы и ступы представляют собой самцов и самок одного вида. Среди примитивных существ такое встречается сплошь и рядом. Таким образом, поведение драконов становится вполне объяснимым: активные и деятельные самки защищают свой генофонд.

В любом случае, драконы сейчас Чайку не интересовали. Ей была нужна ступа, одна-единственная, которую предстояло взять голыми руками до того, как кракен бесследно рассеется или, нажравшись, уползет в свое «никуда».

Последний рискованный импульс не только приостановил падение, но и отбросил Чайку в нужном направлении, так что упала она совсем рядом от того места, где грохнулась ступа. По хорошей дороге дойти можно было бы часа за два, Чайка добиралась едва ли не полдня. Хорошо хоть вовсе не потеряла направление, но, по счастью, ближнее чутье не требовало волшебства и верно привело ведьму к цели.

Ступа, громадная, черная, лежала среди скал. Видимо, она пыталась опуститься стоймя, но не удержалась на скользком склоне, завалилась на бок и покатилась вниз, дробя камни. Шрам, прочерченный ступой, тянулся по склону на пятьсот шагов. Скорлупу зверя покрывали вмятины и глубокие царапины, хотя более серьезных ран Чайка не заметила. Чудовищная беззубая пасть была распахнута, но липкий язык, которым ступа захватывает добычу, упрятан

внутри и, значит, в любую секунду мог выстрелить навстречу непрошеной гостьи. Никаких признаков жизни Чайка заметить не смогла. Возможно, чудовище было оглушено, возможно, затаилось и подманивало неосторожную охотницу поближе, а быть может, просто не выдержало страшного удара и погибло. Последнее — хуже всего, ибо обещает не просто гибель, а смерть, долгую и мучительную.

В нерешительности Чайка коснулась помела, но тут же отбросила дурацкую мысль. Это уже не риск, а самоубийство... даже отсюда, из глубины острова, видно, как бурлит океанский простор, взбаламученный Великим кракеном. Достаточно взмахнуть помелом или извлечь на свет аркан, и кракен немедля будет здесь. Разве что короткая узда может остаться незамеченной, но узду можно безопасно надеть лишь на усмиренную ступу. А как в присутствии кракена набросить аркан с земли на бесчувственно валяющегося зверя? Задача дважды невыполнимая.

И тогда Чайка совершила уже который кряду безумный поступок. Она просто подошла к бесчувственному зверю и шагнула в открытую пасть, словно ступа уже была скручена арканом, крепко выезжена и усмирена, так что оставалось только взнудзить ее по всем правилам.

Конечно, пасть называлась пастью условно, на самом деле это был створ панциря, из которого вылетал липкий язык, и за этим створом имелось несколько объемов, вполне подходящих для жилья. А после того, как ампутируешь язык и органы, позволяющие ступе плеваться огнем, внутри станет и вовсе уютненько. Но все это можно делать лишь после того, как на ступу будет накинута настоящая узда. Случалось, зверь, казалось бы вполне усмирен-

ный и скрученный самым жестким арканом, вдруг приходил в себя и проглатывал укротительницу, на миг помешавшую с уздой.

Как ступа выглядит изнутри, Чайка знала пре-восходно; выскобленные оставы умерших от старости ступ валились дома возле каждого жилища, и молоденькие ведьмочки, еще не умеющие летать, пол-зали по внутренним объемам, раз за разом пытаясь накинуть узду на опустевшую полость, где когда-то находились жизненно важные органы зверя, те, ко-торые нельзя удалять ни в коем случае.

Очутившись внутри, Чайка ринулась именно ту-да, в святая святых, и с ходу набросила выхваченную узду. И так же, как в детстве, узда соскользнула, не зацепившись ни за что. Внутри не было ничего жи-вого. Более того, последний створ, который даже после смерти ступы оставался нагло закрытым, на этот раз зиял овальной дырой, и там, внутри, не бы-ло ничего, словно погибший зверь растекся лужи-цей слизи, как бывает только с самыми примитив-ными моллюсками.

Шершавые стенки полости еще были активны, по ним пробегали всполохи и искры, но во всей этой деятельности не было ни на вздох жизни: хозя-ин умер, не выдержав слишком сильного удара.

Погасшими глазами Чайка обвела внутренности ступы. Вот здесь скрывается так и не объявившийся язык, которого она опасалась больше всего, тут — огненные железы, и сейчас до предела накачанные ждущим злым электричеством — не успела ступа пустить в ход свое оружие. А это — сфинктерные мышцы, придающие ступе ее неторопливый черепа-ший ход. Вот сюда можно пристроить помело, и

медлительный зверь обретет сказочную стремительность... Не обретет. Ступа умерла.

Чайка медленно выбралась наружу, села на расколотый валун возле самой пасти и разревелась, как не ревела со времен самого сопливого детства.

ГЛАВА 2

— Осужденный Кукиш!

Не дождавшись ответа, гранд-майор Кальве прошелся вдоль строя и остановился напротив Влада.

— Я, кажется, тебя вызывал!

Влад стоял навытяжку и уставно ел начальство преданным взглядом. Но на прямое обращение ответил строптиво:

— Моя фамилия — Кукаш.

— Кукишем ты был, кукишем и остался, — резюмировал гранд-майор. — Выйти из строя!

Влад отпечатал три четких шага и развернулся.

— Командование базы сочло, что осужденный Кукаш, — зачитывая приказ, даже господин гранд-майор не осмелился искажать фамилию осужденного, — удовлетворительно освоил пилотную подготовку и может приступить к выполнению заданий. Осужденный Кукаш переводится в распоряжение Особого отдела.

Строй смертников не шелохнулся, никто не удивился приказу, его ждали. До того как загреметь под трибунал, лейтенант Кукаш был одним из лучших разведчиков базы, никакой пилотной подготовки ему не требовалось, он сам мог поучить недоумков-инструкторов, объясняющих каторжникам азы пилотирования. И уж, конечно, его не станут тупо ис-

пользовать в качестве живца; для бывшего аса уготована куда более причудливая и интересная смерть.

— Поздравляю тебя, Кукиш, — произнес гранд-майор Кальве неуставным тоном. — Тебе предоставляется возможность славно подохнуть. И не думай, что ты избавился от меня: поводочек всегда будет здесь, — Кальве показал обтянутый перчаткой кулак. — Это относится ко всем! — резко выкрикнул он, поворачиваясь к строю. — Будь моя воля, я сегодня же перевешал бы вас всех. Однако война есть война, даже такие отбросы, как вы, могут послужить империи. Все вы рано или поздно улетите с базы, но запомните: любой ваш чих фиксируется на моем мониторе. Если кто-то из вас думает, что, очутившись в космосе, на боевом корабле, он станет свободным, то он жестоко ошибается. Я слежу за каждым вашим шагом, и вы знаете, как наказывают за нарушение дисциплины.

Это знали все.

— Осужденный Кукаш на месте, остальные — кругом! В казарму шагом — арш!

Особист, офицер средних лет и совершенно цивильной внешности, подошел к Владу, коснулся руки:

— Идемте, лейтенант.

— Осмелюсь доложить, осужденный Кукаш разжалован по приговору военно-полевого суда! — отрапортовал Влад.

— Оставьте, это не имеет никакого значения, — штатский офицер уже шел по плацу прочь от казарм, и Влад, не дожидаясь дополнительного приглашения, поспешил за ним.

Ничего хорошего он не ожидал, но, во всяком случае, мерзавец Кальве уже не сможет по собствен-

ному желанию врубать поводок. Все-таки теперь у Влада другое начальство. А второй поводок на человека, хоть умри, не нацепишь. Очень верное выражение: «хоть умри» — и один поводок не всякий выдержит, а два — верная смерть.

Чтобы добраться до места, им пришлось пройти через три контрольно-пропускных пункта, так что в результате они оказались в той части наземной базы, где Владу не приходилось бывать ни в бытность его пилотом, ни осужденным на казнь преступником. Двухэтажный коттедж, куда они в конце концов пришли, стоял отдельно от других зданий, хотя никакой охраны заметно не было.

— Вот ваша комната, — произнес особист, входя в крошечную, метров на пять, каморку. Так же как и Кальве, особист носил звезды гранд-майора, странно было видеть, как высший офицер показывает будущее жилье каторжнику. — Вот форма — переоденетесь. Выходить из здания — нельзя, разговаривать с сотрудниками — нельзя. Завтра в семь утра — инструктаж, послезавтра — первый вылет. А сейчас можете отдыхать.

Уже в дверях он остановился и добавил с улыбкой:

— Я был в офицерском собрании, когда вы съездили по сопатке скотине Кальве. Это было бесподобно! Кальве поручили спровоцировать вас на нарушение субординации, но он переусердствовал и получил по морде. Дело дошло до командующего, и нам пришлось постараться, чтобы избавить вас от публичной казни. Поверьте, повешение при пониженной гравитации — чрезвычайно долгий и мучительный процесс.

— Так значит, — хрипло спросил Влад, — все было подстроено?

— А вы как думали? — особист притворил дверь и вернулся к столу. — У нас ничего не происходит случайно. Вы были нам нужны, мы вас получили. Способ несколько экстравагантный, но главное, как известно, результат.

— Вам, что же, не хватало добровольцев?

— Ай, — гранд-майор устало отмахнулся. — Эти кретины из корпуса камикадзе... Они могут налетать по десять тысяч часов, но останутся неврастениками, которые ищут только геройской смерти. А нам нужны настоящие пилоты, которые будут не только улетать, но и возвращаться.

— Я говорю о настоящих добровольцах. Объявить пилотам, что ожидается сложное, опасное, но крайне важное задание... да я сам бы вызвался!

— И согласились бы на поводок? — спросил особист с кривоватой усмешкой.

Лицо Влада закаменело.

— Никакому добровольцу нельзя доверять настолько, чтобы отпустить его в одиночный полет на два-три месяца. И это отнюдь не главная причина, почему вы были нужны на поводке.

— Уходите, — ломким голосом произнес Влад, — иначе я съезжу по сопатке и вам.

Особист выдвинул из-за стола единственный стул, уселся, снизу вверх глянул в лицо Владу.

— Не съездите. И не из-за поводка, а потому, что я говорю вам правду. Жестокую, отвратительную, но правду. А за правду морду не бьют. Ведь вам самому хочется знать все. Тогда будем считать, что завтрашний инструктаж уже начался. Можете задавать вопросы.

— Двухмесячная автономка, как это возможно? — быстро спросил Влад, не успев удивиться странной форме инструктажа. — Торпедники тысячу раз успеют перехватить меня за это время, даже если я полечу на корабле с торпедным ускорителем.

— Вы полетите на обычном патрульном катере с усиленной огневой мощью, но безо всяких ускорителей. Просто и без затей.

— И первая же торпеда сшибет меня, словно механическую утку в тире.

Гранд-майор покивал, радуясь сообразительности подопечного.

— Тут действительно имеет место некоторый риск, особенно в начальной стадии проекта. Именно некоторый, потому что мы заметили, что при повышенном значении пси-вектора торпедные ускорители дают сбой, а то и вовсе ломаются. Кстати, именно поэтому вы полетите на простом истребителе. Понимаете, лейтенант, при определенном значении пси-вектора торпедники не летают. Для начала вам предстоит определить это значение.

— Минутку! — перебил Влад. — А как же космический психоз? Пилот-одиночка, повышенный пси-вектор, психологи этого не одобрят. Вы не боитесь, что у меня произойдет нервный срыв и я вам таких делов понаделаю...

— Не боимся. То есть нервный срыв возможен, но делов, извините за выражение, вы не наделаете. Не забывайте про поводок. Если вас не удастся разумить болевым шоком, гранд-майору Кальве будет отдан приказ убить вас. И он выполнит этот приказ с большим удовольствием.

— Не понимаю, чего ради вы сообщаете мне эти подробности?

— Хочу и в будущем сопеть нерасквашенным носом, — особист обворожительно улыбнулся. — Поэтому говорю правду, только правду, ничего, кроме правды.

— Всю правду?

— Вы желаете слишком много. Всю правду не знаю даже я. Хотя что касается вас, то тут все просто. Доброволец-смертник в данной ситуации заработает космический психоз со стопроцентной вероятностью. Именно поэтому мы стараемся не летать в эти периоды. Неважно, обуяет его священная ярость или же он впадет в депрессию — результат будет один: мы потеряем корабль и не получим никакой информации. Вы — другое дело. Вы спокойный, уравновешенный человек. Знаете, каких трудов стоило Кальве довести вас до белого каления? Но чтобы свести вероятность космического психоза до минимума, даже вы должны быть поглощены одним, искренним и незамутненным, чувством. А что может быть искренней ненависти? Поэты вспомнят про любовь, но мы с вами не поэты, мы люди военные, поэтому нам остается только ненависть. Ненависть к исполнительному мерзавцу Кальве, ко мне, ведь это я задумал всю эту авантюру, которая уже стоила вам свободы, а может стоить и жизни, к самой империи, наконец...

Осужденный Влад Кукаш гневно выпрямился, словно лейтенантские погоны еще были на его плечах.

— Прекратите!

— А что я такого сказал? — невинно поинтересовался гранд-майор. — Во время одиночных полетов у вас будет достаточно времени, чтобы додуматься до такой простой вещи. Что дала вам империя?

Я знаю, вы хотели стать художником, но пришлось становиться пилотом. Вы послушно стали пилотом, почти смертником, одним из тех, кто принимает на себя удары вражеских торпед, но вас и здесь не оставили в покое. Вы ни в чем не виноваты, вас хладнокровно спровоцировали на необдуманный, хотя и человечески понятный поступок, вас отдали под суд, ошельмовали, приговорили к позорной смерти и в виде особой милости посылают погибать в одиночном полете, посадив на цепь, словно бешеного пса. Государство, которое так поступает с собственными гражданами, не заслуживает любви. Вы скажете, что идет война. Хорошо, пусть война, но ведь она идет уже триста лет — и каковы результаты? Мы потеряли десятки тысяч кораблей, а сбили, в лучшем случае, несколько десятков. Противник давит нас техникой, в пространстве становится тесно от их торпед. Наша пропаганда хвалится, что мы не уступили ни одной из принадлежащих нам планет, но ведь враг и не пытался атаковать их! Есть даже гипотеза, что планеты вообще не нужны торпедникам, что они всего лишь стараются изгнать нас из космического пространства. Но даже этой гипотезы мы не можем проверить! Мы не знаем ничего о собственном противнике. Мы научились использовать ускорители, снятые с перехваченных торпед, — и это все. Маловато для трехсотлетней войны, не находите? Бездарная война, бездарное командование, бездарное государство! Если бы нам удалось обнаружить хотя бы одну их планету... взять хотя бы одного пленного... захватить хотя бы один боевой корабль... Ведь это так просто — если ускоритель, снятый с торпеды, разгоняет до гиперскоростей истребитель, то ускоритель с корабля-призрака разгонит косми-

ческий крейсер, а то и линкор. И хотел бы я знать, что во Вселенной сможет противостоять такой монстру! Впрочем, это лирика, главное, что государство не вправе рассчитывать на вашу признательность. Теперь, во всяком случае, между вами все обговорено: вы знаете, чего вам ждать от империи, империя знает, чего ждать от вас.

— Если эти разговоры, — медленно произнес Влад, — дойдут до вашего начальства, боюсь, вам не удастся заменить для себя позорную казнь выполнением какого-нибудь щекотливого задания. Говорят, генерал Мирзой очень не любит подобные беседы и расправляется с виновными беспощадно.

— Это довод, — согласился особист. — С органами безопасности шутить небезопасно, даже если сам работаешь в них. Я рад, что вы это понимаете. Кстати, мы с вами еще не представлены друг другу. Я знаю о вас все, вы обо мне — ничего. Позвольте представиться: начальник Особого отдела генерал-барон Мирзой-бек.

Влад гулко глотнул и сел на заправленную койку. Генерал, благосклонно кивая, смотрел на это грубейшее нарушение дисциплины. Затем произнес:

— Теперь вы знаете, какие силы задействованы в вашем проекте. Не стану врать, что я рискую головой, но рискую многим, так что язык вам лучше держать за зубами. Помните про поводок и майора Кальве. И заметьте, я веду эти недозволенные речи исключительно для того, чтобы свести для вас к минимуму риск заболеть космическим психозом.

«Странно, — подумал Влад, — у генерала совершенно европейская внешность при таком-то имени».

Вслух он сказал:

— А вам не кажется, господин генерал-барон, что, делая ставку на незамутненную ненависть, вы совершаете ошибку? Ведь ради того, чтобы досадить вам, я могу просто покончить с собой. И что тогда?

Генерал вскочил со стула.

— Умница! — проникновенно выговорил он. — Положительно, мы не ошиблись в вас, вы задаете именно те вопросы, какие нужно. Так вот, вы не покончите с собой. Если бы у вас не было никакой надежды — тогда другое дело, но надежда у вас есть. Не забывайте, что во время полета вы будете один, гравигенная связь на таких расстояниях ненадежна, а поводок... это же психотропное устройство, при максимальных значениях пси-верктора он просто не будет работать. Потом, конечно, восстановится и связь, и поводок, так что вам придется давать отчет, чем вы занимались, но тем не менее значительную часть времени вы будете полностью независимы. Кстати, ученые утверждают, что снять поводок абсолютно невозможно: мол, необратимые изменения в мозгу и все такое прочее... Но единственное, в чем я абсолютно убежден: что абсолюта не существует. Завтра на инструктаже вам категорически запретят предпринимать хоть что-то в отношении поводка, но здесь, в приватной обстановке, я благословляю вас на этот подвиг. Снимите — будете свободны. А я буду знать, что такая штука возможна. Это тоже чрезвычайно ценная информация. — Мирзой-бек шагнул через комнату, коснулся дверной ручки. Улыбнулся штатской, не подходящей к мундиру улыбкой. — Вот теперь я рассказал вам все, так что на завтрашнем инструктаже меня не будет. Там дадут технические вводные и наговорят кучу благоглупостей. Не надо перечить инструкторам, к чему сму-

щать честных офицеров? А послезавтра вы улетите и на время станете свободным. Вы будете улетать все дальше и надольше, выполнять все более сложные задания. Вы отыщете для нас планеты торпедников или их базы, ненавидя империю, вы будете спасать ее, и дрожащий призрак свободы будет светить вам вдали. А я искренне желаю вам удачи.

Генерал вышел, тихо прикрыв дверь. Влад подошел к окну, глянул на улицу. Там темнело, на небе высыпали звезды, и среди них, словно небольшая луна, ярко светился шар Седьмой опорной базы космических войск. Там было его прошлое место службы, оттуда послезавтра он вылетит в свой первый поиск.

ГЛАВА 3

Кто-то из богословов прошлого, доказывая истинность Священного Писания, призывал читателя глянуть на небо. Мол, на Земле все изменчиво, временно и преходяще, ураганы случаются, извержения вулканов и землетрясения, а на небеси все движется по раз и навсегда определенным путям, словно в отложенном часовом механизме. Этого бы ученого дурака посадить на патрульный катер и отправить в свободный поиск... Помер бы, бедняга, со страху вместе со своим богом. И не нужно даже серьезных катаклизмов, никаких взрывов сверхновой, никаких слияний черных дыр, достаточно сближения двух нейтронных звезд, что в плотных скоплениях происходит сплошь и рядом. Беда эта может случиться очень далеко, а отголоски ее аукнутся чуть не за полгалактики. Гравитационное поле начинает не-предсказуемо пульсировать, и в такт ему бьется плазма в реакторе, грозя вырваться на волю и испа-

рить корабль. Не хочешь сгорать — глухи реактор и ложись в дрейф, но и это приводит лишь к отсрочке гибели. Обезумевшие звезды испускают потоки гамма-квантов, нейтронов и заряженных частиц, и эта небесная артиллерия за пару суток превращает человеческое тело в комок слизи. Потом, может быть, товарищи найдут твои оплывшие останки и по наведенной радиации определят, как быстро и сколь мучительно ты помирал. Никакая броня не спасет неудачливого астронавта, настоящей защитой может служить только плотная атмосфера вовремя подвернувшейся планеты. Если, конечно, сподобит счастливый случай добраться туда на барахлящем движке.

Влад Кукаш не доверял счастливым случаям и выбирал маршруты так, чтобы поблизости всегда была система с подходящей планетой. И когда первый толчок заставил взыть аварийную сигнализацию, нужная планета была в двух часах лета. Едва прошла гравитационная волна, Влад врубил двигатели на форсаж, понимая, что через несколько минут следует ожидать радиационного всплеска, а дальше начнется круговорть, выбраться из которой уже не получится. Поле искусственной гравитации он расширил насколько возможно, чтобы хоть немного прикрыть двигатель от внешних воздействий. Он успел набрать достаточную скорость, чтобы уйти от фронта тяжелых частиц, а гамма-кванты, зацепившие катер через полчаса, на этих скоростях обернулись относительно безобидным рентгеном. За полчаса Влад успел подготовиться к посадке, крепко изругать пропавшую жизнь и отправить на базу гравиграмму, хотя у него не было никакой уверенности, что сообщение дойдет. Однако оно дошло, более того, надсадно хрипящий передатчик

вдруг взмекнул голосом лорд-капитана Кутерлянда: «Посадку запрещаю!..» — и вновь разразился серией хрипов.

— Ага, запрещаешь! Так я тебя и послушал. Тебя бы сюда, мигом бы в штаны наделал. Не слыхал я твоего запрещения, понял, лорд? Связи у меня нет.

Больным местом всех пилотов было то, что воинский устав обязывал их беспрекословно выполнять указания, присылаемые с базы. Боевой генерал, командующий флотом, должен был подчиняться какому-то майоришке только потому, что тот сидел в штабе и перед званием имел приставку «гранд». А генерал был просто генералом, безо всяких титулов, и с пространством сталкивался вживую.

Космос на экранах пылал. Особо впечатляла гравитационная картина: закручивающийся спиралью смерч, уродливый слепок галактики, сквозь него смутными пятнами просвечивает звезды, к которой он приблизился вплотную, и пара планет, на одну из которых предстоит свалиться. Жесткая область электромагнитных колебаний бьет по глазам мешаниной сполохов, а радиодиапазон залит ровным белым светом. И лишь видимый свет позволял разглядывать безмятежную картину свободного космоса.

Тормозил Влад, прикрываясь гравитационным полем звезды, и к планете вышел совершенно на нулевой по межзвездным понятиям скорости. Теперь, когда его прикрывают магнитные поля звезды и планеты, корпускулярные потоки можно не принимать в расчет, поэтому Влад, не желая рисковать напрасно, вырубил двигатель, позволив истребителю свободно падать на планету. Затормозить он успеет и в атмосфере, а стукнет его все равно прилично, патрульный катер не приспособлен к посадке на

планеты земного типа, особенно если у него не работают гравигенераторы.

За бортом уже начал светиться разреженный газ ионосфера, когда на оптическом экране, единственном, который продолжал служить, Влад заметил косой кометный росчерк. Ошибиться было невозможно, слишком часто за годы службы Влад видел эти росчерки. На перехват падающему кораблю шла вражеская торпеда.

Что представляют собой торпедники, не знал никто. У генерал-барона Мирзой-бека были все основания называть войну бездарной. Триста лет назад имперский флот, идущий на подавление восстания в одной из провинций, был внезапно атакован неизвестным противником. Командование сгоряча решило, что это новое оружие повстанцев, но потом выяснилось, что мятежные провинции также были атакованы. При этом противника обнаружить не удалось. Сияющие капсулы, формой напоминающие веретено, были слишком малы, чтобы нести хоть какой-то экипаж. Собственно говоря, они не могли иметь даже двигателя, трехметровая величина просто не позволяла им этого. Тем не менее веретена, тут же прозванные торпедами, не только развивали скорость, тысячекратно превышающую скорость света, но и маневрировали на этих скоростях, посмеиваясь над законами физики.

Поначалу торпедники едва не парализовали вся-
кую жизнь в галактике. В первых же боях были по-
теряны сотни истребителей, что неудивительно, ес-
ли учесть, что предельная скорость имперского ко-
рабля в ту пору составляла десять це. Спасало толь-
ко явное преимущество в огневой мощи. Сла-
бенькие энергетические разрядники, зачем-то имев-

шиеся на торпедах, не могли причинить никакого вреда кораблю землян, а подойти вплотную к тихоходному броненосцу или крейсеру торпеда не успевала, ее сжигали раньше. Зато истребители, транспортные катера и крошечные исследовательские кораблики гибли пачками. А ведь именно они, а не медлительные летающие крепости осуществляли львиную долю межзвездных перевозок. Яркая точка торпеды сливалась с кораблем, и спустя несколько секунд следовал взрыв. Анализ газов, оставшихся на месте взрыва, неизменно показывал, что взорвались батареи плазменных пушек. Иногда на месте катастрофы находили части корабельного оборудования, но никогда ни единой частицы брони или двигателя. И никаких следов торпеды. Загадка эта оставалась необъяснимой, но и без того ясно, что звездолет, у которого взорвались артиллерийские батареи, будет разрушен до основания.

Казалось, война проиграна вчистую. Капитуляции не было лишь потому, что ее никто не требовал. Единственным положительным следствием войны оказалось то, что перед лицом внешней агрессии сепаратисты уже не смели выступать в открытую. Космические форты, способные выжечь все пространство окрест и потому неуязвимые для торпед, были пусть сомнительным, но единственным гарантом безопасности.

А потом в войне случился если не перелом, то частичное выравнивание сил. Произошло это случайным и совершенно нелепым образом. Исследовательский кораблик, принадлежащий одному из провинциальных университетов, был атакован одиночной торпедой. И на что надеялся молодой профессор биологии, в одиночку отправляясь в опасное путеше-

ствие? То есть это как раз понятно — сначала он надеялся проскочить незамеченным, а потом надеяться стало не на что, но умирать не хотелось, и штафирка, лысый очкарик, стал драться. Стрелком он был никудышным, в пять минут расстрелял боезапас единственной пушечки и, когда торпеда красиво, как на параде, пошла на таран, применил последнее средство, которое оказалось у него, — биоманипулятор.

До той поры биоманипулятор не считался оружием и был принадлежностью не боевых, а исследовательских кораблей. Механизм этот представляет собой упругий липкий жгут длиной около двухсот метров, который наподобие лягушачьего языка выстреливается в сторону добычи. Он с равным успехом может отбирать образцы микрофлоры и спеленать хищного звероящера. Опытный оператор может на расстоянии ста шагов выхватить из роя насекомых заранее указанную мушку, да так, что остальные и не поймут, куда девалась их подруга.

Опрометчивый профессор оказался виртуозом, так что торпеда была крепко спелената во мгновение ока. Она сияла всеми цветами побежалости и вовсю хлесталась своими жалкими молниями, но ничего не могла поделать. Так профессор и доставил ее к ближайшей базе, бережно держа на весу и не осмеливаясь втащить страшную добычу в корабль. Это уже потом установили, что пойманная торпеда не взрывается.

Далее пленницей занимались военные, и окончание истории скрыто покровом секретности. Ходят слухи, что разобрать торпеду так и не удалось, а когда после долгих мытарств непроницаемое свечение погасло, на месте торпеды обнаружилась горстка мелкого сора и двухметровая палка, выстроганная

из дерева неизвестной породы. Все это, впрочем, относится к области фольклора, после отбоя в казармах кадетских училищ рассказывают и не такое.

Во всяком случае, именно военные обнаружили, что если спеленатую торпеду поместить в створ плазменной камеры, обычный гиперпространственный двигатель начинает развивать непредставимую мощность, а вернее, при той же мощности позволяет кораблю разгоняться до немыслимых прежде скоростей, хотя и эта скорость была меньше, чем у торпед.

С этого времени всякий самый незначительный борт оборудовался биоманипулятором, и искусству обращения с ним уделялось не меньше времени, чем огневой подготовке. Началась охота за торпедами, и первые быстроходные истребители появились на театре военных действий. Ими и были обнаружены корабли-призраки — настоящие корабли торпедников, которых, по словам генерал-барона Мирзойбека, за всю войну было сбито, в лучшем случае, несколько десятков. А ведь это были не крейсера, а кораблики, размерами не отличавшиеся от истребителей империи. Огневой мощью призраки похвастаться не могли, но их окружало опасное торпедное свечение, и они обладали неприятной способностью исчезать в самые неподходящие моменты, за что и были прозваны призраками. От прямого боя призраки стремились уйти, что было им вовсе не трудно.

Война вновь зашла в тупик, что, кажется, удовлетворяло всех сановников империи, кроме Мирзойбека — европейца с азиатским именем.

Сталкиваться с торпедой один на один Владу еще не доводилось. Тем более в такой критической ситуации. Обычно пилоты старались не рисковать и держались плотным строем. Охотников получить

очередное звание за пойманную торпеду было не так много, и большинство из них ловило торпеду не манипулятором, а собственным бортом. Влад не стремился к воинской карьере и предпочитал не подпускать торпеды на расстояние манипуляторного броска. Но сейчас — совсем иное дело. Торпеда была нужна ему во что бы то ни стало. Торпеды не летают при повышенном пси-векторе, и поводок, нацепленный гранд-майором Кальве, тоже не работает в этих условиях. Значит, между ними есть что-то общее. Помудрить бы с пойманной торпедой, с разрядами, которыми она стегается, со свечением, а быть может, и с другими свойствами, о которых даже слухи не ходят... Всяко дело, это лучше, чем впустую скрежетать зубами от чистой, незамутненной ненависти.

Краем глаза Влад глянул на указатель пси-вектора, специально установленный на его корабле. Прибор зашкаливал.

Ничего себе — не летают! Хотя эта торпеда и впрямь не летит, она падает, точно так же, как и корабль Влада.

Торпеда скользила в каких-то трехстах километрах, так что оптика позволяла отчетливо видеть ее — крошечную светящуюся сигарку, оставляющую след, слегка напоминающий инверсионный. Спектрометр можно не включать, и так известно — нет там никакого спектра, сплошная белизна, словно радиодиапазон во время космического шторма.

— Посадку запрещаю! — квакнул приемник и захочотал треском помех.

Торпеда вошла в перекрестье прицела, бортовой компьютер замигал зеленым, призывая стрелять, потом обожжено бипнуло.

Нет, стрелять нельзя. Даже разбившаяся о камни торпеда ценнее, чем сожженная. Падай, голубушка, падай, а я посмотрю, куда ты упадешь и что там с тобой случится...

В этот момент торпеда ударила.

Никогда прежде торпеды не применяли гравитационный удар против обычного сторожевика. Случалось, уходя от истребителя с торпедным ускорителем, призрак или обычная торпеда притормаживали его, но ни разу еще земляне не регистрировали такой силы удара. Вероятно, эти энергии и позволяли торпеде совершать лихие развороты. Но сейчас чудовищный удар, способный смять собственное поле катера и размазать Влада по стенкам рубки, пропал втуне. Более того, он притормозил падающий сторожевик, словно приглашая его совершить мягкую посадку. Случайными такие промахи не бывают, Влад понял — его сажают. Что ж, это уже интересно... Терять ему считай что нечего, значит, можно играть в самые рискованные игры.

Второго тормозного импульса владельцы торпеды дать не успели, не смогли или не сочли нужным. Сама торпеда тоже падала, мертво кувыркаясь в воздухе и не предпринимая никаких попыток выпрямить свое бедственное положение. Словно и не она только что тормознула падающий космический катер. Ладно, играйся, сейчас не до тебя, земля уже слишком близко...

Автоматику Влад перебросил на слежение за падающей торпедой, а сам принял сажать корабль вручную. Справился он с этим идеально, будь на земле захваты наподобие тех, что стоят в посадочных шахтах, истребитель так и остался бы стоять, устремленный носом в зенит и готовый в любую се-

кунду взмыть в небо. Увы, никаких захватов на девственной поверхности не было, и, постояв пару секунд, башня корабля накренилась и загрохотала по склону, пропоров меж камней полукилометровой длины шрам.

Перегрузок Влад не ощущал, но и без того впечатление было не из приятных. К тому же совершенно неясно, как теперь взлетать. Если посадка истребителя на планету с атмосферой весьма проблематична, то самостоятельно взлететь удавалось лишь героям легенд и мифов. Теперь, задним числом, можно понять лорд-капитана Кутерлянда и даже посочувствовать ему. Ради недовешенного смертника посыпать спасательную экспедицию, поднимать с поверхности планеты покореженный корабль... беда, морока, головная боль...

Торпеда была потеряна из виду уже в те секунды, когда катер кувыркало по камням. Судя по всему, противник не ожидал от Влада такой зоркости и пытался в последний миг спасти ценное оборудование, однако земля оказалась слишком близко, и торпеда, уже начавшая вираж, все-таки упала в каких-то десяти километрах.

Что ж, это приятно, когда противник, пусть даже бесконечно сильнейший, не ожидает от тебя чего-то, а еще лучше, когда у него, противника, что-то не получается. Такие вещи внушают надежду на добный исход дела.

Наружу Влад выбрался через амбразуру, пред назначенную для действий биоманипулятора. Обычный люк, где имелась кессонная камера, которую можно было бы задраить снаружи, оказался плотно прижат к камням. Проход из боевой рубки, где обитал Влад, в технические помещения был опечатан,

так что Влад нарушил еще один строжайший запрет. Но, как говорится, кто не рискует, тот не только не станет Наполеоном, но и одноименных коньяка с пирожным не попробует.

К месту падения торпеды Влад добежал за два часа. Можно было бы и побыстрей, но все-таки пересеченная местность, да и снимок, сделанный с километровой высоты из падающего корабля, получился не вполне четким. Никакой торпеды найти не удалось, обнаружилась лишь свежая воронка, выбитая в глинистой земле. И еще — цепочка босых человеческих следов на рыхлом отвале, окружающем воронку. Следов, ведущих из центра ямы в сторону его корабля.

Назад Влад примчался, побив все личные рекорды, но все же опоздал. Возле распахнутой амбразуры сидела девчонка лет семнадцати с виду и самозабвенно, в голос рыдала, размазывая слезы по чумазым щекам.

ГЛАВА 4

Кракен вовсю бушевал в зените, так что Чайка, оглохшая и ослепшая, заметила чужака, только когда он выступил из-за груды камней, наваленных опрокинутой ступой.

Поначалу Чайка решила, что кто-то из сестер оказался случайно на островке и, заметив падающую ступу, примчался на поживу.

— Опоздала, подруженька, — мстительно произнесла она и, лишь бросив взгляд в сторону гостя, поняла, что ошиблась. Явившийся был слишком высок, широк в плечах и чем-то резко отличался от

любой из сестер. Пружинисто вскочив, Чайка изгото-
тилась к бою.

— Тогда уж не подруженька, а мил-дружок, —
сказал Влад для того, чтобы что-нибудь сказать.
Беспомощная девчонка преобразилась во мгновение
ока, зареванное лицо стало холодным и сосредото-
ченным, ладная фигурка, затянутая в кожаный ком-
бинезончик, напружинилась для стремительного
броска, а вокруг левой руки опасно засветились ог-
ни Эльма, что так любят изображать кинематогра-
фисты и иллюстраторы фэнтезийных романов. Огни
эти не понравились Владу больше всего, и он быст-
ро добавил, мотнув головой в сторону неприятно-
го свечения: — Ты это дело погаси, нечего зря элек-
тричество тратить.

Говорил незнакомец странно, с силой выдыхая
воздух и производя громкие бессмысленные звуки,
но все-таки основной смысл его речей был понятен.
Главное, что нападать он не собирался, по крайней
мере — сейчас.

Чайка успокоила раздраженно шипящую бирю-
зовицу и произнесла более миролюбиво:

— А хоть бы и мил-дружок, но ступа-то все равно
сдохла. Так что мы оба на бобах остались.

Мил-дружок ничего не понял. Он стоял, перево-
дя взгляд с перемазанного лица на лоснящуюся ко-
жу комбинезона, затем на исцарапанные ноги. Не
вязались эти детали друг с другом. То есть лицо с
босыми ногами гармонировало, а комбинезончик
был явно из другой оперы. Затем взгляд зацепился
за длинную палку, что, словно дедовская берданка,
торчала у девушки над плечом. Сразу наполнились
живой памятью казарменные страшилки, что звучали
в дортуарах после отбоя. Можно и к гадалке не

ходить: палка выстругана из неизвестного науке дерева.

— На метлу не зыркай, — предупредила девушка, и Влад обратил внимание, что говорит она, не разжимая плотно сжатых губ.

Вот, значит, каков враг, с которым империя сражается уже три сотни лет... Веснушки и свежая ссадина над бровью — неужто результат падения с космической орбиты? Вполне возможно, если вспомнить потрескивающие молнии между пальцев. Серьезная девочка... но почему-то совершенно не хочется выхватывать оружие, которого осужденному Кукашу иметь при себе не полагается ни в какой ситуации.

— Милости прошу в гости, — сказал Влад, указывая на открытый люк.

— Говорят тебе, нет там ничего, — сразу поникнув, ответила девушка. — Ясмотрела, сдохла ступа, внутри одна мертвечина.

— Ты что, внутри хозяйствичала? — взревел Влад и ринулся в рубку. Контрольные огоньки успокоили его.

О неблагополучии сообщали лишь два сигнала: катер неверно ориентирован относительно твердой поверхности и потому не может взлететь, да входной люк блокирован все той же нештатной поверхностью. Ну, не приспособлен межзвездный разведчик к посадке на планеты — слишком длинный, слишком тонкий, чтобы отнести жилые отсеки подальше от реактора, да и от носа корабля, где слишком сильно встречное излучение. А уж поднять его — задача и вовсе нереальная. Хотя, как говорят, бывали случаи, когда пилоту удавалось самостоятельно поднять катер с земли. При наличии искусственной

гравитации вес не играет роли, остается управляться только с массой, и хотя инерция — штука упрямая, но человек порой еще упрямее.

Впрочем, Влад и не собирался предпринимать никаких шагов для своего спасения. Вот стихнет шторм, наладится связь, тогда Влад пошлет на базу гравиграммку, выслушает матюги дежурного лорда, а потом примется ждать спасателей. И ни у кого не возникнет ни малейших сомнений... ну да, не стал смертник совершать трудовых подвигов, так на то и мудрость изречена: «Солдат спит — служба идет». А каторжник Кукаш тем временем потолкует по душам с босоногой летуньей.

Чайка стояла возле распахнутого створа и наблюдала за действиями нового знакомца. Судя по всему, мил-дружок и впрямь не первый раз был внутри ступы. Он по-хозяйски оглядел огни на стенке, что-то слегка переменил в их расположении. Сквозь решетку на одном из выступов доносились неразборчивые механические хрюпы. «Замолкни, дурак!» — прикрикнул мил-дружок, и наступила тишина. Слишком уж одновременно случились два эти события, чтобы объяснить их случайностью. Между тем хрюющая штуковина была так же мертва, как и все кругом, а магию, вздумай мил-дружок применить ее, первым заметил бы кракен, раскинувший лапы на полмира.

— Ты что, — настороженно спросила Чайка, — умеешь приказывать мертвым вещам?

— Ерунда, — отмахнулся Влад. — Он просто настроен на звук моего голоса. Вот и вся хитрость.

— Но ведь он мертвый, — словно маленькому, повторила Чайка очевидную вещь.

— И что с того? — мил-дружок в упор не желал понимать самых очевидных вещей. — Ты что же,

только с живым дело имеешь? Так не можешь? — Влад поднял с пола сорванную с запретной двери пломбу, подкинул на ладони, поймал, разжав кулак, продемонстрировал пломбу летунье.

— Так могу. Но для этого силы нужно — совсем ничего. А ты хриплую решетку голосом пришиб. И потом... — Чайка запнулась, но все же задала главный вопрос: — Я правильно поняла, что ты в этой скорлупе давно?

— Больше месяца.

— И кроме тебя тут не было ничего живого?

Влад кивнул, и кивок этот прозвучал для изощренного слуха кратким, но исполненным горечи «да».

— И падал сюда вместе с ней?

— Конечно.

— Но ведь я видела, как ступа маневрировала. И хорошо, между прочим, маневрировала, мне аж завидно стало.

— Это я маневрировал, а сама она, на автопилоте, может только простейшие маневры совершать.

— Вот и я о том! — закричала Чайка. — Мы ведь тоже на таких ступах летаем, но чтобы им приказывать, надо, чтобы она была живая! А твоя — умерла давно, сам же сказал: больше месяца. Как же она тебя слушалась?

— Она и сейчас слушается, только взлететь не может, для этого ее вертикально поднять надо. А так... — Влад, не садясь в кресло пилота, привел в действие сервомоторы биоманипулятора, и Чайка с ужасом увидела, как, чмокнув, распались запоры на внутреннем створе и язык ступы, который она так и не успела ампутировать, длинный, белый и смертельно опасный, вылетел из пасти, дрожа, завис над камня-

ми, мётнулся в сторону и сорвал одиноко растущий цветок. Потом, изогнувшись петлей, ринулся к ней.

Чайка с трудом сдержала крик. В замкнутом помещении было некуда деваться от убийственного языка и нечем защищаться. Это была верная гибель, то, чего сестры боялись больше всего. Но язык, не коснувшись ее, замер в полу шаге. Неимоверно истончившийся кончик языка сжимал сорванное растение.

— Подарок, — сказал мил-дружок.

Чайка медленно выдохнула и осторожно взяла цветок двумя пальцами. Цветок был ничем не примечательный, не содержал никакой силы, годной для волшебного зелья, да и лечебными свойствами похвастаться не мог. Совершенно бесполезное растение, но то, как он был подан...

— Испугалась? — спросил Влад. — Сейчас я его уберу.

Чмокнули запоры, язык исчез.

— Эта штука, — переводя дыхание, сказала Чайка, — она не живая, но и не совсем мертвая. Говорят, прежде кое-кто из сестер делал таких големов. Это всегда плохо кончалось. Нельзя с големами дело иметь. Ты ее убей, или давай, я убью.

— А с меня потом начальство голову снимет за порчу оборудования, — сказал Влад. — И вообще, ничего в нем нет опасного. Кремнийорганика, псевдобелковые структуры... — он замолк, исчерпав свои познания в области квазиживых систем.

— Этому тоже можешь приказывать? — спросила Чайка, указав на артиллерийские батареи... Прорва косной, неодушевленной энергии, стократ больше, чем требуется помелу для полета, но все негодное, ибо мертвое не летает, а лишь падает.

— Могу и этому, только отчитываться придется, почему стрелял да зачем...

Уже второй раз мил-дружок упомянул некие недобрые силы, от которых он зависит. Значит, рано или поздно придется встретиться с этими... настоящими хозяевами. Мысль эта плотно легла в память, так, чтобы всякую минуту Чайка была готова ко встрече с неведомым врагом. Именно врагом, потому что всякий раз, когда симпатичный мил-дружок поминал эти силы, вокруг него ощутимо сгущалось темное облачко ненависти.

И хотя Владу Чайка ничего не сказала, он, словно подслушав тайную мысль, бесшабашно воскликнул:

— А, семь бед — один ответ! Смотри. Да не туда... вон, видишь, горка? Сейчас мы ей вершину поправим.

Одно неуловимое движение, и вершина, вздымающаяся на добрых полкилометра, обратилась в вулкан. Огненный смерч, опустошая окрестности, прошелся по соседним вершинам, раскалывая камень, сжигая и уничтожая все, вставшее на пути. Корабль ощутимо тряхнуло, сквозь распахнутый люк пахнуло жаром. Снаружи что-то горело, а на пульте тревожно замигали огни, извещавшие, что корабль подвергся нападению и задет выстрелом.

— Дела!.. — пробормотал Влад, сам не ожидавший такого эффекта от собственной стрельбы. — Красиво садануло.

— Впечатляет, — уклончиво согласилась девушка, завороженно созерцающая катализм.

Лишь когда огонь снаружи начал стихать, Влад понял, что произошло. Плазменная пушка рассчитана на стрельбу в физическом вакууме, где она способна стрелять на многие сотни и тысячи километ-

ров. Гигантские орудия космических крепостей так и вовсе способны поражать цель, отстоящую на десятки астрономических единиц. Но здесь, в плотной атмосфере, плазменный заряд вызвал ионизацию воздуха уже у самых орудий, так что досталось не только горам, но и стрелку. Пальба в атмосфере из плазменной пушки оказалась страшным и самоубийственным делом. Дальность стрельбы уменьшилась в десятки раз, зато плотность огня возросла обратно пропорционально квадрату расстояния. Еще пяток таких выстрелов — и истребитель уничтожил бы не только все окрест, но и себя самого.

— Скажу, что едва не врезался при посадке и пришлось убирать помеху, — пробормотал Влад, разглядывая расколотую гору. — Потому и бил на полную мощность. А впредь мне наука: сначала думать, а потом палить.

— Это никогда не мешает.

Влад глянул на собеседницу и наконец задал простой и естественный вопрос:

— А как тебя зовут? Ну не подруженькой мне тебя кликать-то.

Прежде среди сестер бытовало поверье, что знание имени дает недругу власть над тобой. Пустое суеверие — сам не позволишь, никто над тобой власти не возьмет. Но все-таки ведьмы неохотно называли свои имена. Однако разговор с хозяином мертвой ступы складывался так, что не ответить было просто неудобно.

— Чайкой меня зовут.

— А меня — Влад.

— А мил-дружок — что такое?

— Это вроде как у вас — подруженька. Ласково, да не очень.

Влад быстро перевел артиллерийские батареи в режим подзарядки, повернулся к Чайке.

— Ты знаешь, у меня ощущение, что мы с самого начала называли друг друга по именам.

— В общем-то так оно и было.

Чайка, по-прежнему стоявшая в дверях, осторожно кивнула в сторону пульта и спросила:

— Можно, я посмотрю его поближе? Я не стану... хозяйничать.

— Посмотри. Только не касайся ничего. Вообще-то здесь сенсорное управление, все настроено на меня, но мало ли...

Чайка подошла, наклонилась, словно обнюхивая приборы, а может, она и в самом деле обнюхивала их, Влад не разобрал. Зато он вплотную увидел метлу, на которую ему решительно запретили зыркать. Это действительно оказалась метла: пучок сухих веток, накрепко перевязанных грубой бечевкой и наложенных на длинную палку. Уже прорву лет люди не пользуются этим допотопным инструментом, и метла известна им лишь из волшебных сказок. Непременный атрибут злой ведьмы... «Покатаюся, повалюсь, Ивашкиного мясца поевши!» — смотри, Ивашка, как бы на обед не угодить...

— Не понимаю! — вынесла окончательный приговор Чайка. — Мертвый он, как есть. Тут просто некому приказывать. Как ты с ним управляешься?

— Да вот, получается как-то, — Влад пожал плечами. — Ты ведь тоже не только с живым дело имеешь. Ну, например... — Он хотел было указать на помело, но поостерегся и, запнувшись на мгновение, закончил фразу: — Например, комбинезон — живой?

— Одевка-то? — Чайка провела ладонями по бокам. — Живая, конечно.

Она щелкнула одевку по носу, та послушно сползла и свернулась у ног, недовольно сопя и поблескивая пуговками глаз.

— Да... — выдохнул Влад.

Смотрел он вовсе не на сброшенную одевку, а на то, какая она, Чайка, без одежды. Было в этом взгляде неприкрытое восхищение, радость и почему-то с трудом сдерживаемая жадность смертельно изголодавшегося зверя. Взгляд притягательный и пугающий одновременно.

Засмущавшись неведомо чего, Чайка послала панический сигнал одевке и перевела дух, лишь когда непроницаемая черная кожа привычно облекла ее тело.

— Такого я не ожидал, — произнес Влад, растирая лицо рукой. Очевидно, странное наваждение отпускало его медленнее. Он помолчал немного, потом проговорил, словно пробуя на вкус имя: — Слушай, Чайка, давай присядем и расскажем друг другу все с самого начала. Кто мы такие и откуда здесь взялись.

— Давай присядем, — согласилась Чайка. Проигнорировав приглашающий жест в сторону одного из мертвых предметов, она присела на корточки и начала рассказ: — Ты же видишь, я простая ведьма. — Влад кивнул, подтверждая, что он уже понял: его собеседница — самая что ни на есть простая ведьма. — Сегодня у меня первый вылет... неудачный. Только вылетела — тут кракен. Значит, надо несолоно хлебавши домой бежать. А помелу для нового вылета пятьдесят лет силу копить. Старухой буду... Вот я и погналась за тобой, потому что обида взяла. Я же не

знала, что это ты летиши, думала — обычная дикая ступа, живая... теперь тут и останусь, пока не загнусь. Вот и вся моя история.

— Ясно... — протянул Влад. — То есть дело ясное, что дело темное. Значит, мы оба тут не по своей воле кукуем... На орбиту я тебя, положим, постараюсь поднять, а дальше уж и не знаю как. Планета твоя далеко?

— Какая планета? — искренне удивилась Чайка. — Планеты — это звезды бродячие, что по небу ходят. До них и в ступе не долететь. А я на Земле живу.

— Так, это уже интереснее! — сказал Влад. — Дело в том, что я тоже с Земли прилетел. Родился там, вырос. Вот только ведьм у нас на Земле нет. В сказках рассказывается, что прежде были, а сейчас нет. И на метлах у нас никто не летает, а ты ведь на помеле сюда заявила?

— На помеле, — согласилась Чайка.

— И как это все друг с другом согласуется?

— Слушай, а может быть, ты со Старой Земли? У нас рассказывают, будто раньше ведьмы на другой Земле жили. И там кроме них еще были люди — мужчины и женщины. А потом между простыми людьми и ведьмами вражда пошла. Многих сестер убили, а остальные собрались и улетели на Новую Землю. И где Старая Земля находится, никто уже не знает.

— Я знаю. У нас и сейчас живут мужчины и женщины, а вот ведьм, таких, чтобы летать умели и молнии с пальцев стряхивать, — ни одной.

— Конечно, мы же улетели, и сила с нами ушла. Слушай, я вот знаю, что женщины на ведьм похожи, только силы в них нет. А мужчины — кто такие? Хоть бы краем глаза посмотреть...

— Посмотри, — разрешил Влад.

— Так ты, что ли, мужчина? — догадалась Чайка. — А я-то гадаю: и на человека вроде похож, а какой-то не такой.

— Спасибо на добром слове, — Влад усмехнулся. — Все-таки признали похожим на человека. А вообще, как вы без мужчин обходитесь, дети у вас откуда берутся? Сами, что ли, заводятся, от сырости?

— В капусте находим, — в тон Владу ответила Чайка. — А вообще, если колдунья захочет ребенка, то она идет к старшим сестрам, те у нее кровь берут, еще что-то, творят специальные заклинания — я их не знаю, это старушечья ворожба, — и потом у женщины рождается дочка. У некоторых сестер по тринадцать дочерей бывает, но это у тех, кто летать не может. Вот если бы я от кракена не сюда бросилась, а домой, то тоже пошла бы и завела себе дочку.

— Рано тебе о дочках думать, — не слишком искренне сказал Влад. — Погоди, разберемся с твоим кракеном, еще полетаешь.

— Кракен и сам скоро уберется, а вот помело у меня погасло, и заново его не разжечь. Одна всего змейка, а их надо помелу штук тридцать скормить, а без этого толку не будет.

Влад согласно кивнул, не вдаваясь в подробности. А что можно сказать? Пообещаешь девчонке помочь, а потом в дело вмешаются Мирзой-бек и гранд-майор Кальве... Уж они-то не станут выяснять, как молоденькие ведьмочки обходятся без мужиков, они с ходу за помело возьмутся. И держись, Чайка, — навеки тебе быть бескрылой.

— В наших сказках, — сказала Чайка, — мужчина обязательно или прекрасный принц, или вели-

кан-людоед. Людоедов побеждают, а в принцев влюбляются и потом живут долго и счастливо.

— До принца я не дорос, — невесело пошутил Влад, — до великана — тоже роста не хватает. А что касается людоедов, то их и в настоящей жизни предостаточно. Мяса человечьего они, конечно, не жрут, но и добрей от этого не становятся. Им только на зубы попади, не выпустят.

— У нас то же самое. Едят друг друга поедом.

— Тогда давай думать. Может быть, можно мешалку твою от реактора подзарядить, ну... от ступы?

— Не, я смотрела, там все мертвое, метла такого не ест. Ей бы звездчатки погуще или бирюзовицу.

— А сама ты что ешь? Тоже только живое?

— Ага, — Чайка улыбнулась, блеснув ровненькими зубками: — Особенно люблю по ночам у мужчин кровь пить...

Заметив, что Влад слушает с серьезным видом, она расхохоталась и произнесла, словно извиняясь:

— Я всякое ем: и вареное, и печеное. Ватрушка у меня знаешь какая знатная получается? Но живое, конечно, лучше. Некоторые сестры только живое и едят. Пауков глотают, мокриц, червей дождевых. Я пробовала червяков — невкусно. Пресные они, и земля на зубах скрипит; у них всегда земля внутри. А вот яблоки — люблю, и ракушки — морские гребешки.

— Яблок и гребешков не обещаю, — сказал Влад, старательно пропустивший мимо ушей менее аппетитную часть рассказа, — но рацион у меня не каторжный, а боевой, так что и вдвоем с голодухи не погибнем. Давай обедать.

Сублимированные продукты на Чайку впечатления не произвели, хотя свою долю она подъела до

последней крошечки. Влад смотрел на сосредоточенно жующую Чайку: «Все-таки она еще ребенок. Жить ей, по собственным ее словам, осталось недели две, ей бы сейчас метаться, пути к спасению искать, а она черт-те чем занимается, и на уме у нее прекрасные принцы и людоеды-великаны. Да и я хорош, нет чтобы сразу спросить, что ей известно о пси-векторе и как бы к моему поводку ключик подобрать... Хотя о пси-векторе она, скорей всего, и не слыхивала и кличет его каким-нибудь волшебным именем. Ребенок, право слово...»

Вслух он сказал:

— Кончится шторм — постараюсь взлететь. Авось сумеем и без помела, на моих скоростях, набирать тебе звездчатки и бирюзовиц.

— Не насобираем. Кракен все подчистую сожрал. Разве что где-нибудь совсем далеко. И потом, ты же говорил, что взлететь не можешь.

— А я через «не могу» постараюсь. Катер-то исправный, но на боку лежит. Сумею его стоймя поставить — взлечу, не сумею — значит, не судьба.

— И всего-то? — удивилась Чайка. — Так я могу твою ступу хоть сейчас на попа поставить... — Она глянула в низкий потолок рубки и поправилась: — Нет, сейчас не могу. Кракен еще не ушел.

— А когда уйдет?

— Часа через три. Хотя кто его знает, инфернальные существа непредсказуемы.

Влад глянул на приборы. Пси-вектор стремительно падал, через три часа майор Кальве сможет подергать за поводок, а уж он никогда не откажет себе в этом удовольствии.

— Ладно, — бесшабашно сказал Влад, — раз ближайшие три часа мы все равно обречены на безде-

лье, то давай отдохать. На улице уже темень, ты, наверное, с ног валишься. Хочешь, устраивайся в кресле да спи. А я покараулю.

Ничего себе предложеныице — спать при постороннем! Чайка ажно подскочила на месте.

— Ну уж нет! Сам спи!

— Как знаешь, — Влад зевнул. — А я покемарю минут пяток... — Он откинулся в кресле пилота, превратив в койку, повалился на него и затих.

Некоторое время Чайка сидела молча, настороженно вслушиваясь в тишину, стараясь понять, что происходит. Неужто и вправду спит, словно новорожденный малыш, вот так, в открытую, безо всякой защиты, при постороннем? Или это изощренная ловушка?

Очень осторожно, готовая мгновенно отпрянуть, Чайка коснулась сознания спящего. Влад действительно спал. Причем даже во сне он был недоволен, что спит в такую минуту, когда кругом пропасть дел и бездна нерешенных проблем. И все-таки он не мог проснуться, потому что она, Чайка, в раздражении приказала ему: «Спи!» Приказала, даже не вкладывая в слова силы, ведь по-настоящему колдовать еще нельзя. И вот он спит, открытый, беспомощный, беззащитный...

Бедняга, как же он выжил-то до сих пор в этом мире, не стал легкой добычей первого встречного, не замкнулся в себе, не озлобился. Вон, сколько шрамов на душе, и всего страшней жуткий, незаживающий рубец. Это из-за него вокруг Влада то и дело сгущается непроницаемое облако ненависти.

Спящий вздрогнул, ощущив ее присутствие.

— Это я, — сказала Чайка. И навстречу ей сквозь шрамы и рубцы поднялась теплая радостная волна,

лишь где-то совсем далеко глухо уркнул изголодавшийся зверь. Ведь это ему, а не ей сказал Влад: «Я покараулю».

И этот человек, которого так била жизнь, еще способен улыбаться, радоваться, говорить о сказках, о прекрасных принцах и великанах-людоедах... Глупый прекрасный великан, попавший на зубы принцам-людоедам.

Чайка провела ладонью по покрытому испариной лбу, и Влад мгновенно открыл глаза.

— Кракен ушел. Больше спать нельзя. Сейчас сестры на поживу слетятся.

Влад вскочил, бросил взгляд на приборы, тихо ругнулся.

— Что-то не так? — спросила Чайка.

— Шторм. Гравитационных ударов вроде бы больше не будет, а фон страшенный. За атмосферу носа не высунуть.

— Какой фон?

— Ну... — Влад запнулся, не зная, как объяснить. — Сполохи видишь? Мы чуть не на экваторе, а северное сияние в полнеба.

— Так это ветер! — Чайка чуть не добавила: «Что его бояться?» — но вовремя вспомнила, что это ей в непрорудаемой одевке нечего бояться, а Влад в своих мертвых тряпках беззащитен даже перед такой мелочью и, значит, должен скрываться на этом островке.

— Ничего! — успокоила Чайка. — Управимся и здесь. Ну что, поднимать твою ступу?

— Давай!

Чайка легко выпорхнула из корабля, движением, напоминающим лучника, выхватывающего из колчана стрелу, коснулась метлы, и вдруг не стало девушек: над камнями, светясь голубым, зависла враже-

ская торпеда. Затем раздался треск, долгий скрежет, и восьмидесятиметровая игла галактического разведчика поднялась в воздух, замерла под нелепым углом и медленно выпрямилась, указав острием зенит.

Держать ступу на весу было неимоверно тяжело, метла мгновенно сожрала единственную бирюзовицу и требовала еще, но больше не было ничего, и Чайка отдавала себя саму. Только незримая нить, оставшаяся между ней и Владом, позволяла ей держаться. И она увидела, как Влад, впившись пальцами в сияющие огни перед собой, слился в единое целое с неодушевленным механизмом, и мертвая ступа ожила. Чудовищные мышцы налились силой, железы — ядом и огнем, бельмастые глаза — зоркостью. Ступу уже не надо было держать, она сама висела в воздухе, огромная, страшная, смертельно опасная.

На борту распахнулась еще одна пасть, о существовании которой не подозревал никто из сестер, и голос Влада позвал:

— Готово! Лети сюда!

Ни секунды не колеблясь, Чайка скользнула на встречу судьбе.

ГЛАВА 5

Торпеда высветилась на экранах задолго до того, как вошла в атмосферу.

— Летит, — сказал Влад.

Чайка кивнула, соглашаясь. Сама она видела со всем иную картину, чем вырисовывалась на мутном пузыре перед Владом. Летела Кайна, конечно, кто же еще, ведь она наблюдала падение ступы до того самого момента, когда кракен перекрыл всякую возможность наблюдения. И теперь Кайна была пер-

вой. Она летела, небрежно, боком, сидя на помеле, надменная красавица, в детстве нещадно шпынявшая Чайку, которая была на полтора года младше. И теперь она готова посмеяться над неудачницей, если та еще жива, или позорадствовать над неостывшим трупом. Но прежде, конечно, ступа. Сияние, которое разливалась ступа, недвижно висящая среди воздушного тумана, можно было различить за три дня пути, и немало сердец тревожно забилось, предвкушая удачную охоту. Но Кайна была первой. Она неслась, не считая нужным скрываться, и в левой руке, которая у всякой ведьмы главная, искрился конец тщательно сотворенного аркана.

— Что ж она делает, дура! — прорычал Влад. — Ведь прямо под выстрел прется!

— Стреляй!

— Нельзя! Сама говорила, там девчонка! Ее же в пыль разнесет!

— Она тебя не пожалеет! Стреляй, тебе говорят!

И вновь приказ, напоенный колдовской силой, был отброшен, словно удариившийся о стену мяч. Не верилось, что это тот самый человек, что покорно уснул от небрежно брошенного «Спи». Влад держал торпеду в перекрестье прицела, но никакая сила не могла заставить его нажать на гашетку. Злая и неумная, там была живая девчонка, и убивать ее было никак нельзя.

Дикая обида захлестнула Чайку. И еще — горькое, разъедающее чувство, которое называлось незнакомым ей словом «ревность». Значит, Влад старался не ради нее! Точно так же он жертвовал бы собой ради любой встречной ведьмы, и так же смотрел с восторгом и нетерпением, и рассказывал о Старой Земле... А она, Чайка, тут и вовсе ни при чем, просто случайно

подвернулась. А теперь летит настоящая хозяйка — красавица Кайна, и Чайка больше не нужна.

Кайна уже давно погасила скорость: запредельные ускорения и рывки хороши на больших расстояниях, а чтобы набросить аркан, надо подойти к ступе вплотную, сверхсветовые скорости здесь не годятся, а все решает обычная человеческая реакция и крепость нервов. Успеть отпрянуть вовремя или ударить самому, расчетливо, коротко и жестоко... Даже здесь преимущество в юркости помогает всаднице против неповоротливой ступы.

С яркой отчетливостью Чайка поняла, что сейчас произойдет: кинутый бестрепетной рукой аркан пронижет мертвую броню и черной петлей ляжет на живое сознание Влада. Затянемся, сожмет, калеча и разрывая мозг. Вот отчего тот жуткий, незаживающий рубец: однажды кто-то из сестер уже принял его ступу за обычного дикого зверя и набросил аркан, но Влад сумел сорваться и уйти. Говорят, что такое случается порой, что заарканенная ступа срывается. Но сейчас такого не будет, второго рубца Влад не переживет и погибнет в ту же минуту в страшных конвульсиях.

Чайка не думала, что вместе с Владом умрет, уже навсегда, и ступа, а значит, последняя ее надежда. Она просто не могла допустить, чтобы умер человек, который за несколько часов почему-то стал нужен ей. И когда Кайна с диким визгом на выраже метнула свой аркан, Чайка кинула навстречу собственное, наспех слепленное заклинание.

Противостоять моши хорошо подготовленного и подкрепленного силой помела заклятья Чайка не могла. Ее сбило с ног, ударило о стену рубки, но и бросок Кайны оказался неудачен, аркан не достиг

жертвы. И в то же мгновение, когда происходила эта невидимая дуэль, ступа выплюнула длинный белый язык и словила наездницу, словно лягушка неосторожного мотылька.

— Вот и все, — весело сказал Влад. — Куда ее теперь?

Чайка поднялась, утерла кровь с разбитого носа. Получить по физиономии арканом — это не с высоты падать, тут никакое ведьминское умение не поможет. Глянула в сторону противницы. Кайна, парализованная прикосновением наполовину живой, наполовину мертвой субстанции, висела на самом конце чудовищного языка. Точь-в-точь как давешний цветок. Будь биоманипулятор вполне мертвым, Кайна и не заметила бы его прикосновения. Будь он живым, первое же заклинание заставило бы его отдернуться, словно от ожога. Но кремнийорганическая, квазиживая система оказалась достаточно подвижной, чтобы схватить, и вполне косной, чтобы не подчиниться заклинаниям. И тогда уже не Кайна, а ее метла сделала единственное, на что была способна: отгородилась от мира непроницаемой завесой, сквозь которую хозяйку не достанет никакой враг, кроме разве что выплывшего из глубин инферно кракена. Но и сама Кайна не могла теперь применить даже самого легкого заклятия, так что единственное, что ей оставалось, — наугад бить злобно шипящими бирюзовицами, надеясь, что они сожгут псевдоплоть.

— Что с ней делать? — повторил вопрос Влад.

— Сюда тащи! — крикнула Чайка, пританцовывая от нетерпения. — В подарок!

Хотя несколько минут назад Чайка сама обращалась в такое же, не существо даже, а явление, Владу

было страшно приближать к девушке окутанную электрическими разрядами сигару. Он втащил пойманную торпеду, стараясь отнести ее к дальней стене, но Чайка немедленно прыгнула туда. Извиваясь и крича, она танцевала немыслимый танец, и было неясно, сама она так изгибается или ее корежат удары молний. Влад, закусив губу, следил за этой вакханалией. Он был готов при малейшем признаке опасности вышвырнуть гудящую сигару из корабля, но не мог понять, что происходит: гибель, пиршество или танец над поверженным врагом.

И вдруг молнии разом стихли, огненный ореол погас, лишь сама торпеда продолжала светиться, чуть слышно потрескивая. Чайка, пошатываясь, вошла в рубку. На лице ее застыло блаженство.

— Все. Обезоружила дуру. Ты знаешь, у нее бирюзовиц было больше шести десятков и два золотых птаха. А это такая вещь — чудо! Жаль, ты его увидеть не можешь.

— Подруженьку свою ты не очень помяла?

— Помяла, как же без того. Да ты не тревожься, я все помню, жива твоя любезная Кайна. Я ей даже кой-какую малость оставила, чтобы до дому добраться. А там — будет полвека силу копить для нового вылета. Она мне такую судьбу пророчила, да сама и напоролась. Так что не обессудь, но Кайны ты больше не увишишь.

— Век бы ее не видать, — проворчал Влад, утирая пот со лба. — Отпускать ее, что ли? Снова она не нападет?

— Нападет — ей же хуже будет, — сухо произнесла Чайка. — Отпускай.

Влад вынес торпеду за пределы корабля и разжал манипулятор. Этого, очевидно, пленница ожидала

менее всего, потому что свечение погасло, и Кайна предстала в своем истинном виде. Модная посадка подвела ее, Кайна не удержалась и грохнулась на землю с десятиметровой высоты.

— Ай-я-яй, подруженька, что ж так неаккуратно? — спросила Чайка, глядя на соперницу из распахнутой амбразуры. — И на чужую ступу этак с налету наезжать — нехорошо. Не ушиблась часом?

Кайна медленно поднялась, глянула наверх. Лицо ее исказилось:

— Ты?!

— Я, подруженька. Вот видишь, теперь моя очередь тебе советы давать. Как ты говорила? «Поспешай, милочка, домой, рано тебе на метле кататься, поучись еще годик-другой. А не захотела — сиди теперь дома полвека, помелом половики чисти».

— Смейся, смейся... — глаза Кайны метали молнии, но на настоящую молнию сил уже не было. — Посмотрю я, что ты запоешь, когда старшие сестры узнают, что ты ступе язык не вырезала! С големом связалась, чернокнижница! Я ведь прямо в совет пойду!

— Давай! Ябедничать ты всегда была горазда. Ползи в свой совет, пока я тебе язык не вырезала. Поспешай, а то у меня руки чешутся...

С неразборчивым проклятием Кайна вспрыгнула на помело и исчезла во мгновение ока.

— Ничего себе — уползла! — восхитился Влад.

— Это она поначалу, пока запал не пропал, — откликнулась Чайка. — А вообще будет до дому дня три добираться. А как наябедничает старшим ведьмам, тут меня на расправу и потащат.

— Вот черт! А я-то думал, что хотя бы у тебя дела в порядок пришли.

— У меня они в полном порядке. Ничего мне старухи не сделают, я к твоему голему не прикасалась, значит, ни в чем и не виноватая.

— А что Кайну обобрала?

— Это дело обычное. На то мы и ведьмы, — философски рассудила Чайка. — Она бы меня оббрала еще и не так.

— Я вижу, у вас нравы не хуже наших... — Влад повернулся и обнаружил, что Чайки в рубке нет, хотя ее голос раздавался совсем рядом. Влад поспешил включил экраны кругового обзора. Чайка, зажав коленями метлу, кружила вокруг корабля, время от времени шлепая ладошкой по посеченной броне.

— Что ты там делаешь?

Чайка с довольным видом появилась в проеме амбразуры. Спрятнула на пол, и метла мгновенно оказалась у нее за плечом.

— Я знаки ставила, — пояснила Чайка, — будто бы эта ступа мне принадлежит, будто бы я ее усмирила и теперь ее хозяйка. А то что же, нам с каждой встречной девкой драться? Так и неприятностей на- жить недолго.

— А мое начальство эти знаки не заметит? А то я таких неприятностей ограбу, что на десятерых хватит.

— Не должно. А в крайнем случае я их сниму. — Чайка присела на корточки в углу, уже ставшем для нее привычным, и продолжила, не меняя тона: — Давай теперь с твоим начальством разбираться. Очень почему-то хочется ему насолить.

Влад смотрел, и в голову пришла мысль, не посещавшая его уже много лет: взять бы карандаш и нарисовать, как Чайка уютно чувствует себя в этой страшно неудобной позе.

Потом он заговорил:

— Я даже не знаю, с чего начать. Я был пилотом в имперских войсках; у нас империя — над каждым человеком есть свое начальство, и все, в конечном счете, подчиняются императору. Хотя и император тоже скорее символ, так что я даже не знаю, есть ли у нас хоть кто-то вполне свободный. Государство при империи самодовлеющее и подчиняет всех.

— Кракен какой-то, — вставила Чайка.

— Во-во. Хотя скорее голем — живет, но сам не живой. И всех живых парализует. Но все-таки пилот — это не самое худшее, что может быть с человеком, я люблю летать, мне нравились сложные задания, и у начальства я был на хорошем счету. Но потом кто-то решил, что меня выгоднее использовать по-другому. Меня лишили всего, даже имени, даже права называться человеком. За каждый шаг мне теперь приходится отчитываться, и за всякое свободное движение меня наказывают унижением и болью. С минуты на минуту восстановится связь с базой, где сидят мои командиры, и весь этот ад начнется заново.

— Почему же ты их слушаешь? — очень тихо и очень серьезно спросила Чайка.

— У них есть способ заставить меня слушаться. Способ зверский, бесчеловечный, но, по счастью, не всегда работающий. Понимаешь, есть такая характеристика пространства — пси-вектор. Так вот, когда он повышен, они не могут до меня достать. А сейчас он уменьшается с каждой минутой. Кроме того, я знаю, что, когда пси-вектор повышен, торпедники — то есть ведьмы — не летают. Что-то у вас с помелом происходит.

— Сытое помело летает всегда, — твердо объявила Чайка.

— А вчера?

— Вчера был кракен. Взлететь я бы могла, но он сожрет сразу.

— А прежде? Вот, смотри, тут графики, не знаю, поймешь ли...

К удивлению Влада, в графиках Чайка разобралась с ходу, сказались занятия каббалистикой. Она перекладывала исчерченные листы, морщила нос, потирала ладонью ссадину над бровью, потом объявила:

— Кажется, я знаю, что это. В эти дни из глубин инферно выплывали адские жители. Вот, вчера, это был Великий кракен. Разумеется, мы не летаем в эти дни — кому хочется попасть на зубы исчадью зла?

— Не понимаю, — сказал Влад. — Какое еще инферно? В космосе нет никакого инферно. Повышается пси-вектор, и повышается вероятность нервных срывов и космического психоза. Мы больше пятисот лет осваиваем галактику, но никаких адских жителей покуда не встретили, никто на зубы исчадьям зла не попадал.

— Мир, тот, что мы знаем, — словно младенцу, принялась объяснять Чайка, — состоит из земли, океана с островами и ада, о котором мы не знаем ничего, кроме того, что он есть. Где-то существует еще Старая Земля, но о ней никто не помнит, вот разве ты обещал показать...

— Что за средневековая космогония? — перебил Влад. — Добро бы вы одичали в своем захолустье и ничего о мире не помнили, но вы-то меж звезд летаете. Мы же с тобой в семистах парсеках от Земли встретились. Ну, вот это, по-твоему, что? — Влад ткнул в экран кругового обзора.

Камеры, с которых подавался сигнал, были расположены на самом носу корабля, и вид оттуда открывался такой, что дух захватывало. Безымянная

планета торопилась накручивать дни, и солнце, еще недавно бывшее за горизонтом, поднялось уже довольно высоко, короткая ночь кончилась. Сильный ветер гнал облака по изумительно аквамариновому небу, сквозь которое нельзя было различить никакого намека на космос. На северо-востоке громоздился горный кряж, на краю которого упала ступа и где до сих пор дотлевал пожар, вызванный необдуманным выстрелом плазменной пушки. С других сторон начиналась холмистая степь, теряющаяся в дымке смазанного горизонта. Ничего живого на экранах заметить не удавалось, падения двух межзвездных гостей и огненные забавы разогнали всю окрестную живность.

— Это остров, — уверенно ответила Чайка. — В океане много таких, каждый возле своего огня. Этот остров хороший, тут и дышать можно свободно, и ходить, а на других без помела и одевки минуты не проживешь. Все острова плавают в океане, тут мы с тобой и встретились. По одну сторону океана — Земля, по другую — ад. Что делается там, мы не знаем, оттуда еще никто не возвращался, а недавно старшие сестры попросту запретили туда соваться, и строго запретили, за нарушение этого запрета — сразу развоплощение, безо всякой пощады. Может быть, ты и прав, и никаких адских жителей нет, а есть только мертвый хаос, но то, что прорывается оттуда в космический океан, мы привыкли называть инфернальными существами. Все-таки проще думать, что имеешь дело с живым, чем с мертвым, которое умеет охотиться и убивать.

— Круто, — признал Влад. — Это выходит, какие-то другие пространства или вселенные? Похоже, что средневековая космогония у меня, потому

что мы не знаем ничего, кроме космического пространства и... в общем — островов. И Старая Земля — это такой же остров, что и этот. Ну что ж, кое-что мы все-таки выяснили. Значит, ты говоришь, пси-вектор возрастает, когда происходит энергетический прорыв из инферно в наш континуум... — Влад перехватил удивленный взгляд Чайки и пояснил: — Это я перевожу твои слова на свой язык. Обидно, что так получается, но учти: чтобы освободиться, я полезу не только в ад, но и вообще куда угодно.

— Это я уже поняла, — согласилась Чайка.

Они молчали довольно долго, потом Чайка спросила:

— А не может получиться так, что твои злодеи и сама империя, в которой никто не свободен, это просто еще одно проявление инфернальных сил?

— Нет, — Влад решительно покачал головой. — Это наше родное изобретение. Ад не может быть где-то, настоящий ад всегда в нас самих.

ГЛАВА 6

Передатчик заработал через полчаса.

— Фига, Фига, отвечай базе, — зазвучал в рубке голос сквайр-лейтенанта Ногатых, сменившего на посту лорд-капитана Кутерлянда.

Издевательский позывной «Фига» придумал для осужденного Кукаша лично гранд-майор Кальве.

Влад приложил палец к губам, призывая Чайку к молчанию, и ответил:

— Осужденный Кукаш слушает.

— Почему молчишь, сволочь? Задницу заложило? Так я могу прочистить, — сквайр-лейтенант Ногатых, не имевший никакого отношения к землевла-

дельцам старой Англии, умел и любил ругаться, а «задница» во всех падежах и синонимах была его любимым словечком.

— Связи не было, — коротко ответил Влад.

— Сейчас тебе такая связь будет, забудешь, как маму родную звали, — пообещал сквайр. — Докладывай обстановку.

— Шторм, — коротко сказал Влад. — Чрезвычайно много быстрых протонов в спектре. Совершил вынужденную посадку, сейчас лежу на брюхе.

— Я же тебя подняла! — воскликнула Чайка.

Влад замахал руками и лишь потом сообразил, что, пока Чайка не произносит слов вслух, штабные ее не услышат. Но и того, что произнес Влад, было достаточно, чтобы привести Ногатых в ярость. Приходить в ярость сквайр-лейтенант умел превосходно, заводясь с полоборота.

— Тебе что было приказано, падаль? Маневрировать, уходить, в дрейф ложиться... а на планету садиться не сметь!

«Тебе бы там поманеврировать», — с ненавистью подумал Влад, но вслух произнес лишь:

— Связи не было. Гравитационные возмущения одно за другим шли.

— Что значит — не было связи?! — орал Ногатых. — Должна была быть! Просрал задание, говнюк! Вот, что теперь делать?

— Я собираюсь поднять корабль своими силами.

Влад сказал это, надеясь успокоить разбушевавшегося куратора, но добился прямо противоположного.

— Кретин! — взревел Ногатых. — Каким местом ты думал? Пси-вектор на нуле, чтоб ты у меня пер-

нуть не смел, не то что корабль поднимать своими силами. Сиди и жди, пока за тобой прилетят!

— Слушаюсь, — хмуро сказал Влад.

— Раньше надо было слушаться, прежде чем на планету садиться. Теперь готовь жопу к порке, так всыплем, что навеки отучишься сидеть. Штанишки снять не забудь, засранец!

Особой темой в разговорах сквайр-лейтенанта было обсуждение того факта, что при наказании болевым шоком никто из истязаемых не мог сдержать некоторых физиологических реакций, так что, в дополнение ко всему, осужденному потом приходилось чистить изгаженный комбинезон. Гранд-майор Кальве чрезвычайно любил сразу после применения поводка устраивать осужденным марш-бросок, так что спустя полчаса каторжники смердели, словно ходячая выгребная яма. Для Влада именно эта часть наказания была особенно мучительной.

Селектор донес удаленные голоса, затем Ногатых пропел в микрофон:

— А вот и папочка твой пришел... Гляньте, господин гранд-майор, что ваш подопечный натворил!

— Натворил — накажем... — очевидно, гранд-майор Кальве только что плотно отобедал и теперь находился в наилучшем расположении духа.

— Мало того, он еще собирается при нулевом пси-векторе запускать двигатель и взлетать с планеты самостоятельно!

— Значит, накажем сугубо.

— Господин гранд-майор!.. — взмолился Влад. Он хотел придумать какую-то отговорку, что склон ненадежен и корабль может быть засыпан оползнем, что в небе появились торпеды... Еще какую-нибудь ерунду, лишь бы Кальве не врубал поводок. Потом он,

конечно, возьмет свое, но тогда рядом уже не будет Чайки, она не увидит всех гнусных и грязных физиологических подробностей, не услышит хрипа, неудержимой икоты, а быть может, и криков... Чайку надо избавить от этого зрелища во что бы то ни стало.

— Что, господин гранд-майор? — ласково переспросил Кальве, и Влад понял, что уж теперь поводок будет врублен непременно.

Чайка стояла в растерянности. Она не понимала звуков, издаваемых решеткой, но слышала ответы Влада, чувствовала его беспокойство и страх. Кого он боится? Мертвой штуковины, которую сам так недавно прихлопнул одной короткой фразой. Почему же он сейчас медлит? И Чайка решила прийти на помощь. Она набрала полную грудь воздуха, а затем громко и отчетливо произнесла:

— Замолкни, дурак!

— Что ты сказал?! — в два голоса всхрипел динамик.

Теперь терять было нечего. Оставалось спровоцировать Кальве на убийство и утешаться мыслью, что гранд-майору влетит за самоуправство.

— Сукой ты был, майор, сукой и остался, — произнес Влад в микрофон. — Мало я тогда тебе по морде врезал.

В следующую секунду пришла боль. Она родилась в позвоночнике, в самом крестце, словно приступ радикулита, поднялась вверх, обхватив ребра невралгической атакой, скрутила шею острым миозитом, отдалась в затылке и лишь затем разлилась по всему телу, так что уже нигде, по всей планете, во всей Вселенной не оставалось ничего, кроме неторопливой и безжалостной боли. Каждый палец скрючивало подагрой, всякий зуб пульсировал пуль-

питным воспалением, и любой оттенок боли существовал сам по себе, не смешиваясь в единый вопль, а причиняя свои особые мучения. Можно было кусать губы и руки, можно кричать и корчиться, ничто не уменьшало боли и не отвлекало от нее. И даже потерять сознание, уйти в спасительное беспамятство было невозможно: поводок, врезавшийся в мозг, в самый болевой центр, держал не отпуская.

Всю силу воли, всю ненависть Влад кинул лишь на одно: не закричать, но на самом деле уже выл сквозь сжатые зубы бессмысленным звериным воем.

Целое мгновение Чайка, замерев, смотрела, как страшно сработало прежде безобидное заклинание. Черная смертельная струна перепоясала Влада, удавкой затянулась вокруг него, превратив в бьющийся комок боли. Это была не узда и даже не аркан, а что-то бесконечно грубое, варварское, предназначеннное только для одного — причинять мучения. Сердце еще не начало отсчитывать второй удар, а Чайка метнулась и перехватила конец уродского бича, протянувшегося через океан. Она ожидала рывка и приступа боли, но руки, державшие противоположный конец, оказались на удивление гнилыми и не смогли оказать никакого сопротивления.

Влад кричал. Затянувшийся узлом конец удавки рвал его мозг, не позволяя ни мгновения передышки, убивая мучительно и верно. Легким толчком Чайка опрокинула Влада в небытие, заставив забыть себя и не чувствовать лишних страданий, а потом левой рукой принялась распутывать узел. Правой она удерживала бич, подавая на него слабину, потому что мерзавец, укрывшийся за океаном, продолжал подергивать свой инструмент, недоумевая, почему не слышит криков.

— Что там случилось? Сдох он, что ли? — спросил Ногатых.

— Не должен, — процедил Кальве. — Ну-ка, сквайр, глянь, какой там пси-вектор? Может, у меня поводок отказал?

Готово! Чайка скинула последнюю петлю, извлекла вонзившееся в душу черное лоснящееся жало, двумя пальцами обломила его и брезгливо кинула прочь. Мгновенно сплела в уме самую причудливую узду, какую только смогла измыслить, повязала ее на конец дергающегося бича, затянула на самодав и украсила сверху кокетливым бантиком. Сейчас тот, кто мучил Влада, узнает, что такое настоящая боль. Чайка отпустила натянутую струну, и ее подарок скользнул на тот конец бича, за океан.

— Все в порядке, пси-вектор на нуле! — сквайр-лейтенант обернулся и замер с открытым ртом.

Гранд-майор Кальве плакал. По щекам катились мелкие, не приносящие облегчения слезы. Гранд-майор оплакивал свою бездарно загубленную жизнь, рыдал от безысходности и душевной муки. Чувство безвозвратной потери сдавило ему грудь, и самое страшное, что Кальве сам не мог сказать, что именно он потерял. Оставались только горе, тоска, мрак...

— Что с вами, господин гранд-майор?

Гранд-майор Кальве былся лицом о столешницу, безуспешно стараясь заглушить угрызения совести, о существовании которой он не подозревал минуту назад.

Теперь из динамика доносились понятные звуки: один голос бессвязно бормотал, второй плакал. Чайка удовлетворенно кивнула и вновь повторила за-
клинание:

— Замолкни, дурак!

На этот раз заклинание сработало, а вернее, перепуганный сквайр-лейтенант Ногатых поспешил выключил связь.

Чайка обернулась к лежащему без сознания Владу. Тело его, только что сведенное судорогой, обмякло, сквозь полуоткрытые веки поблескивали белки закатившихся глаз. Как можно осторожнее Чайка коснулась души. Рубец, так испугавший ее в прошлый раз, зиял рваной раной.

Что же делать? Наложить самую мягкую, самую нежную повязку, заглушить боль, даже воспоминание о ней, и прошлая жуть никогда не вернется, и никогда не явится на свет темное облако ненависти. А у Чайки в руках окажется самая мягкая, самая нежная на свете узда. Влад станет тих, послушен, он ни на шаг не захочет отойти от нее, и, если она скажет: «Стреляй!» — он выстрелит без рассуждений. Из его разговоров исчезнут непонятные шутки, а из жизни — неведомая цель. А когда Чайка в следующий раз скинет одевку, в его взгляде не вспыхнет жадного восторга, Влад будет безразлично смотреть и ждать распоряжений.

Чайка скжала ладонями виски Влада, заглянула в невидящие глаза:

— Пожалуйста, справься с этим сам. Я очень прошу.

Влад вздохнул и застонал, приходя в сознание.

Минуту он бессмысленно смотрел в потолок, потом облизнул распухшие, искусанные губы и произнес:

— Надо же — жив. Не думал, что он меня отпустит. Отпустил... Боюсь, впрочем, ненадолго.

— Навсегда, — твердо произнесла Чайка. — А если он или кто-то другой снова явится и захочет на-

бросить на тебя эту мерзкую штуковину, я его сразу убью.

— Ты что, сняла поводок?!

— Конечно, сняла! — страдальчески выкрикнула Чайка. — Дела там и на минуту нет, да откуда мне было знать, что на человека, как на дикого зверя, аркан наброшен? И ты тоже хороши — о каких-то векторах рассуждает, нет чтобы прямо сказать: на привязи я, помоги, мол!..

— Сняла поводок... — глупо улыбаясь, повторил Влад. — Ты волшебница, Чайка.

— Разумеется — волшебница, — согласилась Чайка. — Кто же еще?

— Я думал, добрые волшебницы бывают только в сказках.

— А у нас, — сказала Чайка, — все сказки обязательно про любовь. И я никак не могла понять, что это такое. А сейчас, когда они тебя мучили, я, кажется, поняла. Ты такой беззащитный, такой слабый... Мне так хочется защитить тебя, укрыть от всякой беды. Наверное, это и есть любовь?

Как бы хотел Влад услышать от девчонки, с которой он и знаком-то всего ничего, слова любви! Вот только не в такой форме и не в эту минуту...

— Прости, — сказал Влад, — но ты не могла бы выйти ненадолго? Мне... надо вымыться.

— Конечно, — немедленно согласилась Чайка. — А хочешь, я дам тебе свою одевку? Она все вычистит как надо.

ГЛАВА 7

Утром следующего короткого дня они покинули гостеприимную планету, так и оставшуюся для них безымянной. Собственно говоря, было совершенно

все равно, когда именно вылетать, но природа человеческая такова, что начало всякого дела удобнее приурочивать к утру. По пологой спирали корабль поднялся ввысь, и планета вскоре впрямь превратилась в островок, затерянный в безбрежном океане.

— И куда мы теперь? — спросила Чайка, завороженно следящая за чудом укрощения мертвый ступы.

— Не знаю. Куда-нибудь подальше. Меньше всего мне бы сейчас хотелось встречаться со своими, но боюсь, что меня не оставят в покое. Как бы генерал Мирзой не послал сюда «спасательную экспедицию», — последние слова Влад произнес с заметным сарказмом, — и если он выделит для этой цели корабли с торпедными ускорителями, то они будут здесь очень скоро. А я совершенно не хочу вступать в бой и вообще видеть их.

— И что делать? — это было не жалобное восклицание растерянного и беспомощного существа, а трезвый вопрос: что лучше всего предпринять в данной ситуации.

— Пока есть время — отлететь как можно дальше, а потом глушить двигатель и ложиться в дрейф или, лучше, опуститься на какую-нибудь планету... на остров. Ты же сама знаешь, с какого расстояния можно обнаружить включенный двигатель. А искать меня будут крепко, можешь не сомневаться.

— Зачем?

— Хотя бы для того чтобы спросить, как я снял поводок. Наши ученые считают, что это совершенно невозможно сделать.

— Скажи им, что это я сделала.

— Боюсь, что, если они узнают о тебе, нас начнет ловить весь имперский флот. Ведь война с тор-

педниками — то есть с вами — идет уже триста лет, и до сих пор о вас ничего не удалось узнать.

— Какая война? Мы ни с кем не воюем!

— Это вы так считаете. А они считают, что идет война.

— Ладно, с этим мы разберемся потом, а пока давай думать, куда ж нам плыть? Если бы твоя ступа была живой, я бы закрепила помело возле сфинктера, это вон там, в дальнем конце, — Чайка указующе махнула рукой, — и показала бы, что такое настоящая скорость.

— Если бы ты не была живой, — многозначительно произнес Влад, — я бы зажал торпеду манипулятором, закрепил ее в створе плазменного генератора, это вон там, в дальнем конце, — Влад скопировал жест Чайки, — и показал бы, что такое настоящая скорость.

Они посмотрели друг на друга и рассмеялись.

— Попробуем?

— Попробуем! Только без манипулятора.

— И без узды, — непонятно сказала Чайка.

Чайка протиснулась в технические помещения и через минуту крикнула оттуда:

— Готово!

— Сама оттуда отойди! — приказал Влад.

— Ты с ума сошел! Метлу в руках держать надо, а то ничего не получится.

— Во время работы двигателя сильно фонит.

— Ерунда, у меня одевка.

Влад поднялся, заглянул в оставшийся открытым люк. Чайки не было, над створом плазменного генератора висела торпеда.

— Дверь закрой поплотней, — услышал он голос Чайки. — У тебя-то одевки нет.

Влад задраил люк, вернулся в кресло пилота и включил тягу.

До сих пор Владу не приходилось иметь дело с торпедными ускорителями, а тренажер, даже с полной иллюзией достоверности, этой самой достоверности и не давал. Вселенная повернулась вокруг корабля. Звезды, до которых нужно было лётеть много часов, а то и дней, набегали и оказывались за кормой в считанные минуты. И при этом Влад успевал заметить множество подробностей и мелких деталей, казалось бы невидимых на такой скорости. И знал, что может совершить любой маневр, затормозить и развернуться практически мгновенно. А ведь скоростным истребителям, оборудованным пленными торпедами, подобные виражи были недоступны, для них маневр начинался лишь на субсветовых скоростях.

— Летим? — голос Чайки звучал совсем рядом.
— Летим!
— А ты знаешь, ведь прирученная ступа таких скоростей не развивает.
— Наши корабли тоже.
— Это потому, что мы вместе летим, — последнюю фразу они произнесли одновременно.
— Какой остров ты выберешь себе? Хочешь вон тот? Добрый, приветливый островок...

Влад, не глядя на экран, понял, куда указывает Чайка, различил звезду и даже невидимую на экранах кислородную планету.

— Погоди, — сказал он. — Сначала покажи мне Новую Землю.

— Ты разве не видишь? Смотри лучше!
Увиденное оказалось настолько ярким и неожиданным, что Влад непроизвольно охнул, вызвав у Чайки взрыв веселого смеха.

— Что, проняло? Смотри, смотри!..

Мир, только что казавшийся единственно возможным, вдруг превратился в подобие картинки, которую плоский экран тщится представить объемной. Зато взгляд теперь проницал настоящий объем, истинную многомерную глубину, что так привлекала живописцев прошлого, дразнила и не давалась им. Что именно находится там, Влад рассмотреть не мог, однако ощущал безграничное пространство, ничуть не уступающее космосу, которому они все еще принадлежали. Но теперь, чтобы покинуть космический океан, достаточно было прорвать плотную, но проницаемую завесу, что до поры скрывала неведомый мир. Вернее, завес было две: одна — играющая беспокойными оранжевыми разводами, вторая — мерцающая ровной, спектрально-чистой зеленью. Плоская вселенная Влада была зажата между этими двумя завесами.

— Куда? — крикнул Влад.

— В зеленое! Там Земля!

Никогда еще ни один пилот не совершал такого виража, подобные кунштуки были доступны лишь неуемной фантазии ведьм. Пелена взорвалась изумрудными сплохами, и Влад увидал Землю. Безбрежная бескрайняя даль, тянувшаяся до горизонта и за горизонт, в бесконечность. Именно тот безбрежный простор, который должен быть на настоящей Земле. Гладко синело море, темным малахитом отсвечивали леса, дремучие, нехоженые... Заснеженные горы казались гравированными на фоне небес. И все это первозданное великолепие тянулось бесконечно, без границ и преград, — на север, запад, восток и юг.

Плотный ветер удариł Владу в лицо. Какой ветер? Даже на тысячекратно меньших скоростях лю-

бая, самая разреженная атмосфера покажется каменной стеной, о которую расшибется неосторожный корабль. Какие леса внизу, какое море, если проносишься быстрее, чем можешь заметить их, если обгоняешь самый свет? И все же ветер бил в лицо, а землю Влад видел сам, без помощи экранов, услужливо подстраивавших картину сверхсветового полета к слабому человеческому восприятию.

— Смотри! Смотри! — ликовала Чайка. — Это Земля!

— И там, что же, никто не живет?

— Там живем мы. По преданию, со Старой Земли улетело шестьсот шестьдесят шесть ведьм, а сейчас нас больше миллиона.

— Миллион человек на целую вселенную? Это меньше, чем ничего! Зачем же вы рветесь в океан?

Чайка рассмеялась, и смех ее слился со свистом ветра.

— Только там есть настоящая мощь! Здесь погасшему помелу, чтобы пробить завесу, надо копить силу полсотни лет, а там можно наловить бирюзовиц за каких-то два дня. А знаешь, сколько звездчатки слопала моя метелка, пока мы неслись через океан? Вы сотни лет живете там, но научились только переползать с одного острова на другой, вы не знаете, как богаты те просторы! И вообще, ведьма рождена, чтобы летать, а значит, мы не можем без океана.

— А что там? — Влад ткнул пальцем в вышину.

Бездонная голубизна глядела оттуда, чистая, без единого облачка; все облака ползали понизу. Тяжелое солнце, багровея, опускалось к горизонту, по всей бесконечной Земле разом наступал вечер, но в небесах не было заметно еще никакой лиловости, они вздымались на непредставимую высоту, так что

хотелось взмыть туда и узнать, что находится за пределом, положенным каждому Икару.

— Там небо.

— Это я вижу. Но что дальше, за ним?

— Не знаю. И никто не знает. Туда можно лететь сколько угодно, хоть всю жизнь, но никуда не прилетишь. А когда захочешь вернуться, то окажется, что Земля совсем рядом, просто ты улетел очень далеко от дома.

— Здорово! Сюда бы наших физиков, уж они бы помудрили с такой анизотропией, — Влад еще выговаривал последнее мудреное слово, а руки его сами, независимо от разума, включили торможение. Ступа дернулась и, вопреки законам физики, мгновенно погасила скорость, неподвижно зависнув в воздухе.

— Смотри, — сказал Влад. — Дым.

— Ну, дым, — согласилась Чайка. — Горит что-то.

— Это не пожар. Это дым от костра или из трубы. Там люди.

— Нет там никого. Если бы там творилось хотя бы самое слабенькое колдовство, я бы заметила.

— Там люди, — повторил Влад и направил ступу к земле.

Игла патрульного катера лежала на берегу небольшого озера. Она лежала здесь уже давно, моло-денькие деревца, проросшие вскоре после падения, успели вырасти и сплести свои ветви над тонким корабельным носом. Кормовая часть вросла в землю, в дюзы нанесло земли, и там ярко зеленел мох. Входной люк был широко распахнут, а рядом стояла приземистая деревянная хижина. Между этими двумя жилищами горел костер, на нем, в котелке, изготовленном из шлемофона, кипело какое-то варево.

Влад, отключив маршевый двигатель, опускал корабль на одних гравигенераторах, что было абсолютно невозможно во время шторма, когда гравитационные возмущения грозили превратить его в пар вместе с половиной планеты. Восьмидесятиметровая громада замерла, едва коснувшись травы. На самом деле корабль продолжал висеть, хотя со стороны казалось, что он стоит прочно и незыблемо. Чайка, давно уже в истинном виде стоявшая за спиной Влада, довольно кивнула. Очевидно, она тоже оценила изящество посадки.

Из хижины вышел старик. Судя по всему, он не слышал прибытия космического корабля и просто шел к котелку помешать свой суп. Но не заметить объявившуюся на берегу башню он не мог. Старик приставил ладонь козырьком ко лбу, словно намереваясь получше разглядеть свалившегося гостя, потом, спотыкаясь, поспешил навстречу. Изношенная до дыр форма пилота космических сил мешком болталась на тощей фигуре, на голове красовалась плетеная шляпа, напоминающая перевернутую корзинку, в руке зажата деревянная ложка, которой старик энергично размахивал.

Входной люк оказался почти на тридцатиметровой высоте, да и амбразура, через которую они выбирались раньше, сейчас была вознесена метров на десять. Сигануть с такой высоты — не проблема, а вот обратно не вспрыгнешь. На базе все есть: и гравитационный лифт, и обычный трап, а тут?.. Лишнего оборудования на истребитель не нагрузишь.

— Эгей! — крикнул старик. — Кто такие?

— Лейтенант Кукаш, Седьмая опорная база, — отрекомендовался Влад, тихо надеясь, что старик не

станет слишком пристально разглядывать его форму, на которой начисто отсутствовали знаки различия.

— Лейтенант Якобсон, Первый истребительный флот! — стариk поднес два пальца к корзинке, заменившей шлем.

Охотник за торпедами! Тогда ясно, как его сюда занесло.

— Спускайтесь вниз! — крикнул стариk, призывно взмахнув ложкой. — У меня как раз готов обед!

— Легко сказать — спускайтесь, — пробормотал Влад. — А обратно как?

— Обратно — я подниму, — тихо подсказала Чайка.

— Эх!.. — Влад огорченно махнул рукой и прыгнул.

Земля встретила его на удивление мягко. Очевидно, и здесь Чайка подстраховала слабое и беззащитное существо.

Сама Чайка спланировала, даже не прикоснувшись к помелу.

Лейтенант Якобсон приблизился к ним. То, что сверху казалось спотыкающейся на каждом шагу походкой, вблизи обратилось в бодрую старческую припрыжку. На лице отшельника не отражалось ни удивления, ни восторга при виде спасителей, лишь живейшая радость, вызванная приступом гостеприимства. И только опытный взгляд мог заметить в глубине глаз сумасшедшую, объясняющую все.

— Мадмуазель! — восхликал престарелый лейтенант, вновь поднося два пальца к головному убору. — Вам уже говорили, что вы прекрасны?

— Нет, никогда, — серьезно ответила Чайка.

— Значит, я буду первым. А вам, лейтенант, должно быть стыдно. Почему я, пожилой человек, должен говорить комплименты вашей dame?

— Я постараюсь исправиться, — улыбнулся Влад.

— Я как знал, что сегодня будут гости, — бормотал бывший истребитель торпед, непрерывно совершая приглашающие пассы в сторону костерка. — Похлебка получилась просто праздничная! Представляете, вчера в силки попали разом два кролика! То есть это, конечно, не совсем кролики, но я их так называю. Представляете, разом два! И я обоих сварил, все равно ведь испортятся. А тут как раз вы. Представляете, как удачно? Вы обязательно должны отведать супа. Это вам не боевой рацион, это настоящее! Пам-тирам-пам!

— Мы непременно отведаем вашего супа, — согласилась Чайка.

— Простите, лейтенант, а вы давно тут один? — спросил Влад.

— Порядком, — старик засуетился, засучил рукав комбинезона, глянул на экранчик наручного компьютера. — Сейчас доложу точно, у меня во всем порядке... Так-так... Я здесь один ровно шестьдесят три года, девятнадцать дней и... пятнадцать с половиной минут.

— Все-таки помело лучше, — уверенно произнесла Чайка. — Вы могли бы улететь отсюда уже тринадцать лет назад.

— Улетать отсюда? — воскликнул Якобсон. — Зачем? Кем я был там? Лейтенантом! Одним из миллиона лейтенантов имперского флота. А здесь я все! Представляете? Все вокруг существует для меня! Этот закат... О! Сегодня он для нас троих, это прекрасно, это вносит разнообразие в жизнь, но вчера он был

только для меня. Для меня наступает весна, для меня гремят грозы и цветут цветы. Для меня кролики плодятся в кустах. Если бы не я, кто радовался бы красоте, кто одушевил бы все это, пам-тирам-пам?

— А ведь он прав, — сказала Чайка так, чтобы слышал только Влад.

Старик бросился в хижину, вынес оттуда три глиняных миски.

— К столу, к столу, — приговаривал он, хотя никакого стола не было и в помине. — Никаких разговоров, иначе кролики переварятся и будут уже не такие вкусные. Мадмуазель, я положу вам вот этот кусочек. Я понимаю: фигура, диета, но сегодня — никаких диет! Лейтенант, почему вы не кушаете? Ах, да — ложка! Вот она. Кстати, вы заметили, что у меня три миски? Представляете? Ровно три, хотя мне вполне достаточно одной. Видимо, я догадывался, что у меня будут гости, и сделал три миски. Я вижу в этом глубокий смысл, вы не находите, лейтенант?..

Кролик действительно показался вкусным, особенно после сублимированного боевого рациона. Закат отгорел для всех троих, на потемневшем небе высыпали огромные, с кулак, звезды. Некоторые мерцали неподвижно, другие заметно двигались. И тех, и других было очень много.

— Видишь, это планеты, — сказала Чайка.
— И до них не долететь?
— Никак. Я же рассказывала.
— Я вот что думаю... Может быть, здешнее небо — просто еще одна пелена, отгораживающая новую, неведомую покуда вселенную. Вселенную за голубой гранью. Инферно — за оранжевой, Новая Земля — за зеленой, а наш мир, — он ведь желтый, правда?

— Правда. Назад полетим — сам увидишь.

— Радуга миров!.. — нараспев произнес старик. — Был такой популярный ансамбль, года этак шестьдесят три тому назад. Отличную музичку играли ребята! Не слыхали? Пам-тирам-пам! Хотя, где вам слыхать, вы тогда еще небось не родились. А мне нравилось. Пилоту нельзя ничего постороннего на истребитель брать, но я обязательно протаскивал клипсу с записью. Не знаю, как сейчас, а в наше время на один кристалл хоть сто симфоний пиши — все влезет. Но я брал всего одну песню, заглавную: «Радугу миров». Вот она и крутилась, сто раз, двести, тысячу... Вот так: пам-тирам-пам! Хороший мотивчик, верно? Если его тысячу раз подряд, такая злость появляется, боевая. А мне тогда страсть капитана хотелось получить. У вас сейчас как, тоже капитана дают за пойманную торпеду?

— Или посмертно.

— А я так и не знаю, дали мне посмертно капитана или я в пропавших без вести числюсь. Теперь уже все равно, а тогда — ого! — я боевой был. Ну и вылез с манипулятором наперевес. А торпеда меня под самую боевую рубку и поцеловала. Дальше помню смутно. Только чувствую, я в кресле лежу, руки-ноги свинцовые, пальцем не шевельнуть, голова раскалывается, а в ушах «пам-тирам-пам!» без перерыва. И, представляете, вижу: торпеда — поганка — целехонькая, круги накручивает, все ближе и ближе. Злость меня взяла — представляете? — и я ее подловил-таки на повороте да со ста метров из главного калибра! Вы хоть представляете, как это в атмосфере из главного калибра лупить?

— Представляем, — сказал Влад. — Пришлось недавно.

— Потом в башке прояснило, гляжу — земля внизу. Батюшки-светы, в планету врезался и не заметил! Ведь в атмосфере уже... Ну, я двигатель на форсаж, и свечой вверх. И, представляете, я таким манером неделю шпарил, а улететь так и не смог. Продукты кончились, кислород на исходе, а земля как на ладони. И связи нет, эфир молчит, как убитый. Если приборам верить, я чуть не световой год отмотал, а как назад повернул — вот она, земля, родимая, рядышком. Представляете? С тех пор я знаю: все приборы врут, правду говорит только сердце. Ну да ты, лейтенант, и сам это знаешь, а если сомневаешься, то у спутницы спроси, она подскажет. Да не забывай ей почаше говорить, что она прекрасна. Старый волокита Якобсон понимает в этом толк.

Старик заклевал носом и задремал возле прогоревшего костра.

— Это что же получается, — сказала Чайка, — его тоже приняли за дикую ступу и пытались заарканить? И что это за торпеды? У нас не рассказывают ни о каких торпедах, никто из сестер не видел ничего подобного.

— Прежде всего, — произнес Влад и надолго замолчал, уставясь себе в колени, — прежде всего, никаких диких ступ нет. Ни одной. Они все сделаны. Руками, безо всякой магии и волшебства. Вот как эта хижина, на которую ты уже столько раз оглянулась. У вас что, и дома живые?

— Живые, — кивнула Чайка.

— А у нас — мертвые. Сложенные из разных кусков, из камней и прочего. И корабли, которые вы зовете ступами, тоже собраны из мертвых частей. Такой корабль никуда не полетит, если в нем нет пилота. Нужен человек, и он сидит внутри каждого

звездолета. И когда какая-нибудь из твоих подруг кидает аркан, то она не зверя ловит, а берет в плен одного из моих товарищей. Теперь о торпедах. Ты знаешь, я вижу не так, как ты. И когда ты берешься за свою метлу, я перестаю тебя различать, а вижу лишь светящуюся сигару. И другие люди видят точно так же. Вот эти сигары мы и назвали торпедами. Старый волокита Якобсон был в юности истребителем торпед. Конечно, он ни одной не поймал живьем, но по меньшей мере одну — сжег. Не надо говорить ему правду, она не принесет ничего, кроме не нужной боли. Когда триста лет назад ваши прабабки заарканили первые дикие ступы, мы решили, что на нас напал чудовищный и злой враг. Вас мы приняли за оружие, а самого врага назвали торпедниками. Мы уже триста лет воюем с вами.

— А мы этого не заметили, — донесся голос из темноты. — Мы думали — глупые звери огрызаются...

— Действительно, бездарная война. Триста лет галактическая империя, обладающая миллиардной армией, сражается с горсткой шальных девчонок, а те даже не заметили, что с ними воюют.

— Пам-тирам-пам! — пропел во сне истребитель Якобсон.

— Погоди, — сказала Чайка, — а как же подруги рассказывали, что на их глазах ступы проглатывали некоторых сестер. Просто брали и заглатывали живьем.

— А у нас есть тысячи записей, как торпеда касается корабля, а затем следует взрыв. Тоже не слишком объяснимо.

— Это как раз понятно. Заарканенную ступу утаскивают сюда, усмиряют, здесь это легче, потому что в океане ступа начинает бросаться из стороны в

сторону, а над Новой Землей все ступы идут вертикально вверх, и их проще объездить. Потом, когда вместо грубого аркана уже накинута узда, сестра влезает в пасть, удаляет ступе язык, огненные железы, ну... и прочее, что ей не нужно, и выбрасывает все это в океан через старый прокол. Его можно держать почти полчаса. Тоже удобно получается: ты здесь, а все опасные отходы — там. Ведь язык и после ампутации опасен. А через старый прокол отходы выбрасываются не только в старое место, но и в прежнее время, будто они оттуда и не исчезали. И, конечно, огненные железы взрываются и сжигают язык и все остальное. Чисто и никаких проблем.

— А мы видим взрыв артиллерийских батарей и считаем, что торпеда врезалась в звездолет и оба погибли, — закончил Влад. — Теперь все понятно. Так вот, когда ступа глотает наездницу, все еще проще. Ты сама видела, как я поймал твою подруженьку и втащил в амбразуру. Проглотил, можно сказать...

— Потому и амбразура, чтобы брать, а потом — ам! — и нету? — спросила Чайка.

— Не знаю. Вряд ли, это очень старое слово. Так вот, после того как затащишь торпеду внутрь, ее надо перепеленать, для этого возле створа камеры есть специальный маленький биоманипулятор, и поместить в створ. И тогда торпеда будет ускорять катер. Говорят, одной торпеды хватает на двадцать, а то и тридцать лет.

— Тридцать лет парализованной? — ужаснулась Чайка. — В этом коконе?

— Да. Не представляю, как девушка выживает там, без пищи, без воды, а порой и без воздуха.

— Помело кормит. Неужели ты не заметил, что ведьма и метла — единое целое, она без меня не может, я — без нее.

Влад представил, как Чайка в эту минуту нежно проводит пальцами по отполированной рукояти, и ощутил неожиданный укол ревности... к помелу.

— Что же делать? Получается, что люди и ведьмы сотни лет напрасно мучают и убивают друг друга. Мы могли бы летать вместе, а вместо этого ездим друг на друге, словно на диких зверях или мертвых торпедах.

— Найдем выход, — пообещал Влад. — В любом случае, правду должны знать и люди, и ведьмы. Сама же говорила, что придется тебе давать отчет старшим сестрам. Вот и расскажешь им все.

— Я боюсь, — прошептала Чайка, — что матерей ничуть не ужаснет мой рассказ. Они не были рядом с тобой это время, они не знают, какой ты, они не любят тебя и запросто могут сказать: «Что ж, на то мы и ведьмы».

— А я боюсь даже представить, как поступит генерал Мирзой. Он и своих предпочитает держать на поводке, что уж тут говорить о вас. Но все равно, правду должны знать все. Просто Мирзой-бек узнает ее последним. А дополнительный биоманипулятор я демонтирую в первую же свободную минуту. На корабле не должно быть лишнего оборудования.

— Пам-тирам-пам! — согласилась ночная тьма.

— Смотри, бирюзовица летит, — сказала Чайка.

Влад вскинул голову, но ничего не успел заметить.

— Ты говорила, они в нашем мире водятся.

— Они здешние, только здесь их не поймать никакими силами, а там — хоть голой рукой бери. Они

отсюда проваливаются в океан, но жить там не могут, слабеют быстро. Тут-то сестры их и ловят.

— Я вот думаю: кракен и все остальное, что лезет в наш мир из-за оранжевой завесы, ведь это, наверное, тоже какие-то природные явления или животные, которые попадают к нам совершенно случайно. Им плохо у нас, и они погибают в конце концов. Но никакой злой воли, которая бы насыщала их, нет. Сама подумай, как это может быть: Вселенная, наполненная одним только злом? Это еще глупее, чем чистая, незамутненная ненависть.

— Хорошо, если так, — согласилась Чайка. — А то ведь за оранжевой завесой должна быть еще и красная.

Яркая точка с длинным истаивающим хвостом двигалась по небосклону, обгоняя медленно ползущие диски планет.

— Это что? — спросил Влад.

— Летит кто-то.

— Ступа?

— Нет, обычное помело.

— Хорошо. А то ступе я бы, пожалуй, кинулся на перехват. А так — пускай летит. Нас оттуда не заметят?

— А хоть бы и заметили, не все ли равно? Мало ли кто и зачем остановился?

— А это не может оказаться твоя подруженька... с доносом?

— Запросто, — сказала Чайка, откинувшись на траву и глядя в небо. — Пусть ее... — И не дождавшись от ночи подтверждения, сама добавила: — Пам-тирам-пам.

ГЛАВА В

Улетали, как принято у людей, утром. Старик Якобсон суетился, провожая гостей, призывал их почаще заглядывать на огонек. На вопрос, не нужно ли ему чем-то помочь, тут же ответил, что у него все есть, а вот на имперских истребителях, насколько ему известно, ничего лишнего не бывает, представляете? Особенno если в экипаже такая привлекательная женщина, грабить которую было бы преступлением. Однако когда Влад выкинул из люка демонтированный малый манипулятор, отшельник сразу же прибрал его, пояснив, что намерен изготовить новые подметки взамен прохудившихся: разрезать вдоль, а потом липкой стороной наклеить на оголовок. Очень практично получается, представляете?

Влад представлял, Чайка — нет, но оба сказали, что вполне представляют. И лишь когда Чайка собралась поднимать слабое и беспомощное существо на высоту входного люка, Якобсон, смущаясь и запинаясь от смущения, попросил:

— Не могли бы вы, если вдруг соберетесь сюда снова, привезти для старого хрыча Якобсона совсем крошечный кристальчик с аудиозаписями? Не надо никаких симфоний, вполне достаточно песенки или двух, попроще, повеселее... Что-нибудь такое: пами-тирам-пам! Представляете? А то «Радуга миров» слегка поднадоела.

— Мы постараемся, — пообещал Влад.

Лейтенант Якобсон долго махал плетеной шляпой вслед поднимающемуся кораблю, а Влад вдруг запоздало сообразил, что и подпрыгивающая походка, и старческая дрожь головы и рук — все подчинено одному простенькому ритму, непрятязательному

мотивчику, что шестьдесят три года попискивает из клипсы, уместившейся на волосатом ухе.

Кораблик со свистом вспарывал воздух, приближаясь к той скорости, когда пространство не выдерживает и открывает путь к иным Вселенным.

— Сначала — к нашим! — крикнул Влад, немногоС побаивавшийся, что пелена, разделяющая два мира, на этот раз не явится. Но именно в ту секунду, когда Чайка сказала: «Смотри!» — она появилась: палевая, золотистая, соломенная — ажурная преграда, к которой спешишь, словно к осенней роще, зная, что преграда раскроется и примет тебя.

Картина раскрывшегося космоса показалась такой родной, что Влад непроизвольно сказал: «Вот мы и дома!» — и лишь потом сообразил, что для Чайки домом является бесконечный фронтir Новой Земли, а у него ни в одной из двух Вселенных нет ничего, что он мог бы назвать домом. Не казармы же смертников так величать.

Влад включил приемник, и в рубке немедленно послышался голос лорд-капитана Кутерлянда, здунувно повторяющий:

— База вызывает лейтенанта Кукаша. Лейтенант Кукаш, ответьте базе...

— Ты гляди, — шепнул Влад Чайке, — я уже снова лейтенант.

Затем он произнес в микрофон:

— Слушаю, капитан.

Уже за одно это фамильярное обращение Влада вновь должны были бы лишить только что обретенного лейтенантства, но, видимо, Кукаш был слишком нужен, чтобы обращать внимание на подобные нарушения.

— О, наконец-то! — обрадовался Кутерлянд. — Мы ищем вас уже вторые сутки. С вами хочет говорить генерал-барон Мирзой-бек.

Кутерлянд был единственный из кураторов, который во время сеансов связи ни разу не повысил голоса и никак не изругал Влада. Судя по всему, он был педант до мозга костей, и потому в неожиданно сложившейся ситуации, когда слишком много стало зависеть от доброй воли осужденного, именно Кутерлянда посадили ожидать связи. Вторые сутки не сниматься с дежурства и, наконец, получить ответ — тут есть чему обрадоваться.

В динамике щелкнуло, и рубку наполнил знакомый благожелательный голос генерал-барона:

— Добрый день, лейтенант! Прежде всего позвольте вас поздравить: вы полностью реабилитированы, вам возвращено прежнее звание и награды.

— Спасибо, — неуставно произнес Влад.

— Наши специалисты стоят на ушах, пытаясь понять, как вы это сделали, но пока сумели лишь дать название вашему методу: «Встречный удар». Они предполагают, что поводок остался целым, но Кальве попросту не может применить его...

В голосе генерал-барона явно прозвучали вопросительные интонации. Нехитрый приемчик: произнося утвердительную фразу, чуть-чуть протянуть последнюю гласную, чтобы получилось едва заметное вопросительное «и?...», которое спровоцирует на ответ упрямого собеседника.

Влад промолчал.

— Спасательная экспедиция уже вылетела, — продолжил генерал, выдержав паузу. — Два скоростных катера. Полагаю, что они на подлете.

Влад прикинул время, нужное, чтобы долететь до места его первой посадки. Два дракона — он уже называл катера с торпедными ускорителями драконами — должны были достигнуть цели несколько часов назад и теперь, вероятно, накручивают витки, стараясь обнаружить с орбиты затаившийся разведчик. Хотя... с чего он решил, что «спасатели» вылетели немедленно? Пока на базе сообразили, что произошло нечто экстраординарное, вполне могло пройти с десяток часов. До сих пор Мирзой-бек не врал по мелочам. Будем надеяться, что и впредь он не унизится до мелкого вранья.

— Это лишнее, — сказал Влад. — Мой корабль уже поднят и находится в пространстве довольно далеко от того места, куда летят ваши люди.

Последние слова Влад употребил специально, желая показать подкованному в психологии начальнику Особого отдела, что сам он к команде генерал-барона не относится. Однако генерал Мирзой не понял или сделал вид, что не понял.

— И где же вы? — невинным тоном поинтересовался он.

— Далеко, — успокоил генерала Влад. — Думаю, связисты уже запеленговали меня, и через пару минут вам на стол лягут точные координаты.

— Сейчас проверим, — генерал, отвернувшись от микрофона, произнес несколько фраз, затем вернулся к беседе. — И когда я смогу поговорить с вами очно?

— Боюсь, что не скоро. У меня много дел. А пока я хотел бы поговорить с командующим. У меня для него важное сообщение.

— Вам не кажется, лейтенант, что вы слишком много хотите? На базе сейчас ночь, командующий наверняка спит. И вообще...

— Придется ему проснуться, — перебил Влад.

Несколько секунд длилось молчание, так что Влад подумал, что генерал-барон онемел от такой наглости, затем Мирзой-бек присвистнул и произнес:

— А вас и впрямь занесло черт-те куда. Вы что, сумели поймать торпеду?

— Было такое, — честно ответил Влад, вспомнив Кайну, трепыхающуюся на конце биоманипулятора.

— Поздравляю, капитан! — произнес Мирзой-бек фразу не уставную, но, что не менее важно, традиционную. Именно так отвечает командир подразделения на сообщение истребителя, что торпеда не просто уничтожена, а захвачена в плен. — Я постараюсь провести приказ о присвоении звания как можно быстрее. Капитанские погоны будут ждать вас в посадочной шахте.

— Им придется подождать. У меня действительно много дел. И мне действительно срочно нужно поговорить с командующим.

— А с его величеством вы не желаете срочно поговорить? — ехидно спросил генерал-барон.

— Это было бы еще лучше, но боюсь, что даже вы не сумеете организовать мне немедленную аудиенцию.

— Правильно боитесь. И все-таки, Кукаш, что у вас произошло? В конце концов, ваш доклад командующему я услышу одновременно с ним. Или вы хотите, чтобы я организовал беседу по личному каналу императора? Увы, это невозможно, я не имею к нему доступа. Ну, признавайтесь, вы нашли планету торпедников?

— У них нет ни одной планеты, — сухо сказал Влад.

— Так... Это уже что-то. Дело, похоже, и впрямь важное. Я попробую разбудить командующего. Но смотрите, Кукаш, если вы меня обманываете...

— Вы не обманываете меня, я не обманываю вас, — сказал Влад как равному. — Правду, только правду, хотя и не всю правду.

— Хорошо. Ждите, — в голосе Мирзой-бека прорезались жесткие ноты. Видать, и впрямь отношения с командующим у начальника Особого отдела сложились не из лучших, и ничего хорошего от неурочного разговора генерал-барон не ожидал.

— Что он говорит? — безмолвно спросила Чайка, когда в рубке ненадолго наступила тишина.

— Упирается, — так же молча ответил Влад. — Но сейчас, кажется, согласился вызвать командующего.

— А зачем нужен именно командующий?

— Дело в том, что командующий — родственник императора, и, значит, моя информация пойдет на самый верх и никто не сможет использовать ее в корыстных интересах. Наместниками императора в провинциях назначаются представители знатнейших родов, а командующие — непременно из царствующего дома. В результате уменьшается вероятность сговора. Поняла?

— Не очень, но какой-то грязноватый смысл тут есть.

Щелкнул динамик, и голос Мирзой-бека произнес:

— Командующего сейчас разбудят, и, честно говоря, я не завидую ни себе, ни вам, Кукаш. Особен-но не завидую вам.

— До меня ему не достать, — с усмешкой произнес Влад.

— Рано или поздно вам все равно придется возвращаться. В конце концов, у вас элементарно кончится воздух и еда.

— Это не проблема. Я знаю одно местечко, где водятся чудесные кролики. То есть это не совсем кролики, но я их так называю. Воздух, кстати, там тоже есть. И вода.

— А компрессор, чтобы перезарядить баллоны, там есть? — поинтересовался Мирзой-бек. — Так-то, лейтенант...

— Вы говорили, что я уже капитан.

— Да хоть подполковник, но без нашей помощи вам все равно не обойтись.

— Вы знаете, господин генерал-барон, — сказал вдруг Влад, — а ведь мне действительно нужна помощь. Мне нужен кристалл с записями. Ничего серьезного, легкая танцевальная музычка, что-нибудь такое: пам-тирам-пам! Десяток-другой хитов прошлых лет, выбор на ваше усмотрение.

— А проигрыватель?.. — в растерянности спросил генерал.

— Вообще, у нас есть клипса, но на всякий случай пошлите еще одну. Пусть будет стереоэффект.

— Гх-м... — произнес генерал-барон, кажется оскорбившийся наконец развязной фамильярностью свежеиспеченного капитана. Однако, сдержав раздражение, он замолк, обдумывая что-то, и продолжил уже привычным тоном: — Как передать вам этот кристалл?

— Маленький контейнер с гравимигалкой киньте в северный сектор примерно в тридцати астрономических единицах от базы. Я подойду и заберу его.

Надеюсь, вы понимаете, что засады устраивать не нужно, я всегда успею обнаружить ее и уйти.

— Не считайте меня идиотом, Кукаш, — проворчал Мирзой-бек.

Затем, отодвинувшись от микрофона, он громко произнес: «Да, конечно!» — а в разговор вклинился новый голос, донельзя раздраженный:

— Какого черта, Мирзой, что вы себе позволяете? Почему меня будят среди ночи?

— Ваше сиятельство! — обратился Мирзой-бек. — Только что на связь вышел один из моих офицеров, выполняющий в пространстве особое задание. Он говорит, что у него чрезвычайно важное сообщение, которое он не может доверить никому, кроме вас.

— Чушь! — рявкнул командующий. — Вы просто распустили своих офицеров! Еще немножко, и меня начнут поднимать среди ночи, потому что так захотелось какому-то денщику! Разбирайтесь со своим донесением сами, а офицера — под трибунал, за нарушение субординации и воинского устава! Уж за этим я прослежу лично, а то разболтались сверх меры, рядовой состав шатается одетый не по форме, в офицерском собрании мордобой, а у вас какие-то особые задания. Запомните, Мирзой, вы в армии, а не на пикнике с девочками. Идет война, поэтому последний раз советую бросить ваши штучки и заниматься делом. В армии должна быть дисциплина, а не особые задания, которые разворачивают солдат! Чтоб больше никакой самодеятельности, никаких самостоятельных полетов, только плановые маневры — ясно? А теперь я пошел спать, и если вы еще раз позволите себе такое, то отправитесь под трибунал вместе со своим офицером!

Что-то громко хрустнуло, видимо, так командающий покинул эфир. Влад медленно выдохнул воздух, который набрал в грудь, готовясь к рапорту.

— Кукаш, почему-то я не слышал вашего доклада, — громко и совершенно спокойно произнес Мирзой-бек. — Вы все еще рветесь на прием к господину граф-маршалу?

— Завтра, — медленно произнес Влад, — граф-маршал сам захочет говорить со мной.

— Советую поторопиться. А то ведь мои сотрудники вовсю изучают странные перемены, произошедшие с гранд-майором Кальве. И если им удастся восстановить его здоровье или передать управление поводком в другие руки... Вы же понимаете, что есть разница — сами вы пришли или вас притащили на веревке. А материала для опытов у нас много — целая рота штрафников, и уж они-то, в отличие от вас, в полном распоряжении вивисекторов из Исследовательского отдела.

— Слушайте, барон, — прошипел Влад, — если хоть один из моих товарищ погибнет в лапах ваших живодеров, то раскаиваться будет не только командающий, но и вы!

— Я ношу звание генерал-барона, — поправил Мирзой-бек, — а настоящий титул у меня совсем другой. И заметьте, я вам ни разу не угрожал, я только ставил вас в известность, чтобы вы могли лучше взвешивать свои поступки. Впрочем, последнюю выходку я списываю на ваше возбужденное состояние. Советую хорошенько отдохнуть и подумать. До свидания.

Генерал прервал связь и громко спросил:

— Что скажете, Мелоу?

— Типичный случай космического психоза, — донеслось из-под потолка. — Неудивительно, если учесть, сколько ему пришлось летать в одиночку при повышенном пси-векторе. Парень вообразил себя всемогущим... ну, это вы сами слышали. Кстати, там была забавная оговорочка: Кукаш считает, что на корабле он не один, а с экипажем. Подозреваю раздвоение личности, причем кристалл с песнями хочет иметь альтер эго. Очень хорошо, что он попросил этот кристалл. Во-первых, он идет на контакт, во-вторых, было бы хуже, если бы он попросил холст и краски, ну а в-третьих... кристаллом я залечусь сам. Часа через два будет готово.

— Действуйте, Мелоу, и помните, что мне нужен этот парень. Нужен живым и здоровым. Речь уже не о поводке. Со времени последнего сеанса связи он действительно умотал на такое расстояние, что не снилось даже истребителю с торпедным ускорителем. Не знаю, всемогущ он или нет, но он явно нашел что-то принципиально новое, так что до поры приходится терпеть любые его взбрыки.

— Надеюсь, что недолго, господин генерал-барон.

— Кстати, что удалось выяснить насчет поводка?

— Толком — ничего. При попытке надеть второй поводок на одного из подопытных он немедленно погиб, а у гранд-майора случился приступ буйной депрессии.

— Чево?! — совершенно не аристократически произнес Мирзой-бек.

— Буйной депрессии, — упорно повторил невидимый Мелоу. — Вообще, с этим материалом скоро придется вводить понятие агрессивной меланхолии. Еще один из подопытных был подвергнут эфтаназии. Результат аналогичный.

— То есть вы до сих пор не сдвинулись с мертвой точки, — резюмировал генерал. — Ладно, Мелоу, работайте.

Мелоу поспешно исчез, а Мирзой-бек вновь спросил в пустоту:

— Твои комментарии, Хаким?

— Беседа проведена хорошо, — произнес старческий голос. — Единственное, что вызывает сомнение: стоило ли организовывать встречу командующего с Владом Кукашем. Штрафник и без того мнит о себе много, а ваши отношения с графом-маршалом Мунсом весьма натянуты. Да и незачем посвящать командующего в ваши дела.

— Ты сам слышал, как прошла аудиенция. Результат было нетрудно предсказать, зато теперь Кукаш знает, что полноценный контакт у него может быть только со мной. А что касается командующего, то за почтенного дядюшку давно пора браться всерьез. Он засиделся на своей должности, и мозги у него заплесневели. Самое время вывести его из себя и заставить наделать глупостей.

— В таком случае беседа была проведена очень хорошо. Особенно обращение к командующему «ваше сиятельство».

— Внезапный порыв. Озарение, если угодно. И ты заметил, Хаким, что немедленно после моей эскапады лейтенант обозвал меня бароном?

— Этого следовало ожидать, шах-зада. Между подданным и повелителем всегда существует незримая связь, а если подданный непокорен, то связь эта особенно прочна, что мы видим на множестве примеров...

Влад поморщился. Чайка щелкнула пальцами, и голоса стихли, незримая связь оборвалась.

— Вот видишь, — сказала Чайка, явно гордясь собой, — я же говорила, что все будет прекрасно слышно и без этой решетки. Мертвый посредник только мешает. И о чем они говорили, когда думали, что ты их не слышишь?

— Ай!.. — Влад не пытался скрыть злости. — Они стараются понять, что случилось с поводком, и убили уже двоих парней, на кого, как и на меня, был надет поводок. Но я предупреждал, пусть готовятся к неприятностям. К сожалению, у меня тоже начинаются проблемы. Мирзой прав, недели через три в баллонах кончится воздух, а перезарядить их негде.

— Не кончится. На мне одевка, воздух она тоже чистит.

— Прямо не одевка, а совершенство ходячее. И от радиации спасет, и от холода, и от жары, а теперь оказывается, что и воздух она чистит.

— Во-первых, не ходячее, а ползучее. А во-вторых, от жары она не спасает. Просто огонь выдергать — куда ни шло, а если камень плавится, то и одевка погибнет.

— Все равно, чудо с ушами.

— И ушей у нее нет. Глазки есть, вот они, на поясе, а ушей нет.

— А это что? — Влад коснулся пряжки.

— Это нос. Если по нему щелкнуть, то одевка сползет.

Преодолев мгновенное, как судорога, искушение, Влад убрал руку.

— Тебя она и не послушает, — сказала Чайка, от которой, кажется, не укрылось ничего. — Надо, чтобы я сама..

— Это правильно, — с грустью признал Влад.

— Вот что я подумала, — вдруг оживилась Чайка. — Что ты так держишься за свои мертвые тряпки? Давай поймаем еще одну одевку, и тоже будешь как человек ходить.

— Давай! — с непонятным облегчением согласился Влад. — Только сначала заберем кристалл для старика. Этот... как его?.. Мелоу — обещал приготовить записи через два часа. Пока мы туда долетим, пока суть да дело, так и больше двух часов пройдет.

— Давай! — подхватила Чайка. Она потерла лоб, ссадина на котором удивительно быстро зажила, превратившись в чуть заметный рубчик, и добавила: — Я никогда ничего не делала для других. У ведьм такое вообще не принято. А оказывается, это так здорово — делать, не ожидая ничего, кроме радости в глазах человека, которого и видел-то всего один раз.

Чайка порхнула в технологический отсек, Влад задраил за ней люк. Уже третий раз они собирались лететь вместе, но Владу все равно было страшновато. Оставлять девушку там, у самого генератора, где клоокочет плазменный ад... Да, конечно, одевка, помело и природная ведьма к тому же... но все равно на душе тревожно.

— Влад, как ты там?

— У меня — порядок, к старту готов.

— Ты знаешь, я так боюсь, что ты сольешься со своей машиной и уже не вернешься обратно. И вместо тебя навсегда останется обычная ступа.

— Чайка, ты прекрасна! Я только что думал о том же самом, но боялся за тебя.

— Боялся за меня?! — Чайка ажно привизгнула от восторга. — Здесь просто чудесно! Летим!

Путь до базы занял не два, а все четыре часа. Пара раз они совершали немыслимые виражи — Чайка

ловила встреченных бирюзовиц, один раз нырнули к Новой Земле, сократив дорогу разом на полсотни парсек, и поспели к месту как раз к тому моменту, когда гравимаяк наполнил пространство звонким «бип-бип».

— Там ступа, видишь? — азартно закричала Чайка, указывая Владу на одинокий сторожевик. При виде жирной добычи она была готова забыть все свои благородные порывы. — Одинокая ступа, не пойму, что она делает...

— Это сторожевой катер военно-космических сил, — поправил Влад. — Он ставит бакен для нас, чтобы мы могли найти кристалл.

— А выглядит совсем как ступа, — с огорчением произнесла Чайка.

Влад переключил приемник на рабочую волну истребителей, и из динамика плеснул голос пилота:

— Командир, вижу призрак, совсем рядом!..

— Не стрелять, — отозвался незнакомый Владу майор. — Медленно отходи и, только если призрак подойдет совсем близко, применяй манипулятор.

«Вот, значит, как я выгляжу со стороны», — подумал Влад, не раз видавший призраки во время разведывательных полетов еще в бытность свою не осужденным, а обычным лейтенантом, каких на Седьмой опорной базе многие тысячи. К отчаянному пилоту и его командиру, которому очень не хочется губить своих ребят, Влад испытывал почти отеческую нежность.

— Не беспокойся, приятель! — крикнул Влад в микрофон. — Дуэль на манипуляторах устроим в следующий раз. А сейчас я заберу твой подарок и уйду.

— Альфа и шестой, немедленно перейти на резервную частоту! — вклинился в разговор начальственный бас, и в эфире наступила тишина.

— Гнида ты штабная, — укоризненно сказал Влад. — С людьми поговорить не дал.

Он был уверен, что сотни ушей прослушивают молчащую частоту, и уже через несколько часов любой техник и медбратья будут знать об этой его фразе.

Влад погасил скорость и приблизился к крошечному буйку, висящему в пространстве. Контейнер можно было бы забрать целиком, но Влад не стал этого делать. Какой он ни будь крошечный, внутрь можно засунуть достаточно мощный заряд, способный серьезно повредить катер. Так что осторожность и еще раз осторожность. Влад распахнул амбразуру — несколько сот кубометров воздуха рассеялись в пространстве, права Чайка, срочно надо добывать одевку... Язык ступы протянулся к контейнеру, принялся открывать замок. Теперь даже если будет взрыв, он нанесет куда меньше вреда, чем если бы долбануло рядом с генераторами.

Взрыва не было. Внутри контейнера и впрямь лежала аудиоклипса, в которую уже был вставлен крошечный кристаллик с записями.

— Я его взял, — сообщил Влад Чайке. — Пошли отсюда.

Призрак мгновенно набрал скорость и исчез. Догонять его никто не пытался.

Новая Земля встретила их солнцем и ветром. Технологические помещения, где минуту назад царил вакуум, мгновенно наполнились воздухом, так что Влад похвалил себя, что не стал тратить невозобновимый запас, заключенный в баллонах. Хотя, с другой стороны, космический аппарат не должен быть таким про-

нищаемым. Весь опыт межзвездного разведчика восставал против подобного положения вещей.

Бесконечный лес тянулся внизу. Облака проплывали между кораблем и вершинами незнакомых деревьев. При взгляде сверху они напоминали сахарную вату, но одновременно взгляд видел, что это не просто облачко, а грозовой фронт, протянувшийся на тысячу километров и изливающий на землю каскады воды. Впору было сойти с ума от этого невозможного сочетания, и лишь застывшая стрелка индикатора психевектора сообщала, что для безумия причин нет.

— Как мы найдем нашего старика? — крикнул Влад.

— Найдем! — успокоила Чайка. — Мы ведь там уже были, значит, найдем. Только сначала отловим для тебя одевку. Видишь прогалины? Это болото, там одевки живут...

Звездолет, заложив крутой вираж и не сбавляя скорости, ринулся вниз.

«Дракон, — подумал Влад. — Если кто-нибудь смотрит снизу, он должен видеть дракона. Больше никто на свете не может так летать».

Болото оказалось серым, топким и тянулось из конца в конец ойкумены. Чайка по известным лишь ей признакам выбрала место, где можно покинуть корабль, не рискуя в тот же миг окунуться с головой. Хотя Влад, привычно прыгнувший с десятиметровой высоты, ушел в грязь по колено.

— Раздевайся, — скомандовала Чайка.

Влад стащил куртку и комбинезон, скатал в ком и забросил в люк, оставшись в одном белье. Белье это, импрегнированное, антирадиационное, поглощающее пот и запахи, ему приходилось застирывать после каждой экзекуции, которую устраивал Кальве.

Теперь гранд-майор сам влип в неприятности и, по словам специалистов, страдает от буйной депрессии.

— Все снимай, — напомнила Чайка. — Оно не живое, одевка примет тряпку за грязь и съест.

— Пусть ест, — сказал Влад. — И потом, мы же ее еще не поймали.

— Сейчас поймаем. Так... Немного подойди к краю трясины, вот, хорошо... и начинай подманивать.

— Я не умею.

— Что значит — не умею? Самое простое дело.

Стой да подманивай.

— Если простое, то взяла бы и подманила.

— Я могу, только тогда одевка и слушаться меня будет. Раз одевка тебе нужна, то ты должен и подманить, и приручить.

— Расскажи толком, как это делается, — взмолился Влад. — Я же ни разу одевок не ловил.

— Вот ты стоишь, — принялась объяснять Чайка. — Тебе холодно, плохо... Тебе ведь холодно?

— Не жарко, — сказал Влад, не любивший сырости.

— Холодно, — наставительно произнесла Чайка. — Мокро, пиявки кусают.

— Тут и пиявки есть?

— Не знаю, наверное, есть. Как же в болоте без пиявок... Ты не отвлекайся, ты слушай. Значит, тебе уже совсем плохо, и все твои мысли об одном, чтобы кто-нибудь тебя укрыл, согрел, защитил...

— Не одевка же болотная?

— Именно одевка. Она почувствует и придет. Ты, главное, страдай убедительнее.

— Я стараюсь.

— Плохо стараешься. Ладно, ты пока мерзни и комаров корми, а я пойду посмотрю, что твое начальство тебе подарило.

Чайка скрылась в люке, Влад остался внизу, по колено в стылой жиже. Ему и впрямь было холодно, да и остальные ощущения энтузиазма не вызывали. Влад широко раскрыл рот и несколько раз с силой выдохнул — старый проверенный способ определить температуру воздуха. Пара не было, значит, температура выше десяти градусов. Откуда же такой калотун? Чайка постаралась, чтобы он проникся? Как же, проникнешься мечтой о болотной тварюшке. Вот в детстве он умел мечтать о тепле. Учитель рисования зимой частенько вывозил школьников на пленэр в один из заповедников. А после эскизов их, проголодавшихся и закоченевших, приводили в егерский домик, где топилась печка и кипел чай. Там было настояще тепло и настоящий уют. Туда бы сейчас, к печке, в которой хрустят еловые полешки. Укрыться за прочной стеной и слушать, как снаружи завывает вьюга...

— Что ты делаешь? — голос Чайки прервал мечты. Ведьма спикировала на него, словно настоящая чайка, подхватила под мышки и не подняла, а зашвырнула в люк. — Скорее, поднимай корабль!

Трясина, на краю которой только что стоял Влад, вздыбилась гигантским бугром, и оттуда полезло на островок что-то черное и бесформенное. Повторять Владу не пришлось, корабль подскочил, как на пружине.

— Что это?

— Одевка! А говорил, что подманивать не умеешь. О чем ты размечтался, интересно знать, что такую тварь вызвал? Я и не знала, что они такие бывают.

Теперь и Влад видел, что внизу шевелится одевка. Черное полотнище размером с футбольное поле распласталось по островку, вздымая в воздух то ли щупальца, то ли просто края мантии.

— Виши, как она, — сказала Чайка с сочувствием. — Переживает.

— Что сожрать меня не вышло?

— Ей еды в болоте хватает с избытком. Она тебя хочет укрыть, обогреть, накормить. У нее внутри тепло, сухо, мягко, никакая беда не достанет, никакая хворь не приключится. Только и ты ей до носа не дотянешься, света не увидишь, а так и пролежишь весь век, словно младенец в пеленках.

— Хорошенькую жизнь ты мне пророчишь, — усмехнулся Влад. — И куда теперь эту одевку девать прикажешь?

— А никуда. Отлетим немного и попробуем подманить другую.

— А эта?

— Она ж еще не успела привыкнуть. Поволнуется пару дней и забудет.

Со второй попытки Владу удалось вызвать из трясины вполне приличного зверька размером с шаль. Хотя наученный горьким опытом Влад и от этой зверюшки готов был с места впрыгнуть в корабельный люк.

— Самое то, — успокоила Чайка, на этот раз контролировавшая всю процедуру из распахнутой амбразуры. — Теперь погладь ее.

Несколько секунд Влад колебался, а потом наклонился и погладил. У одевки было два круглых глаза и любопытное рыльце, а все остальное казалось единственным, причудливо вырезанным куском кожи. Почувствовав прикосновение руки, одевка по-

пытаясь обхватить ее, наползти на руку наподобие громоздкой резиновой перчатки. На ощупь она оказалась теплой и шелковистой, однако само заглатывающее движение заставило Влада отдернуть руку.

— Встань так, — командовала Чайка, — чтобы ее глаза смотрели туда же, куда смотришь ты. Они любопытные, одевки, а смотреть всегда в сторону, уставившись тебе под мышку, не molto интересно. А теперь, становись на нее ногами.

— Я же ее раздавлю.

— Ха! Ты ее и ступой не раздавишь. Становись.

Влад наступил грязными озябшими ногами на теплую кожу одевки, и та заструилась вверх по телу, плотно охватывая ноги, бока, плечи.

— Отлично! — Чайка уже была рядом и, словно опытный костюмер, принялась прихорашивать Влада. — На лицо ей не давай вползать, пусть знает: ее место — не выше шеи. Носик и глазки будут на поясе — так и тебе удобно, и ей. Ах ты лапушка, глазки у нас карие, а носик коричневый! Ноги пусть она откроет до самых щиколоток, ноги и руки всегда должны быть открытыми, иначе сила колдовская ослабевает. Хотя, тебе, наверное, все равно...

— Давай, как у тебя, — сказал Влад. — В форме должно быть единообразие.

— Теперь совсем хорошо — приодели тебя. Пойшли, в болоте искупаемся. — Чайка двинулась к курящейся на нежарком солнце трясине.

— А это надо? — с сомнением спросил Влад.

— Обязательно. Должны же вы друг к дружке привыкнуть.

Если бы Влад когда-нибудь имел дело с болотом, он бы не сумел так легко шагнуть в трясину, но сейчас он двинулся вслед за Чайкой, полагая, что не-

сколько шагов сможет сделать безопасно, и немедленно ухнул в грязь, погрузившись с головой.

— Молодец! — услышал он голос Чайки прежде, чем успел испугаться. — Меня, когда я свою одевку добывала, тетка в болото силком тащила, а я орала так, что на Старой Земле было слышно.

Влад успокоился и огляделся по сторонам. Именно огляделся, хотя глаза были плотно закрыты, да и вообще, грязь залепляла лицо так, что, даже раскрыв глаза, он не сумел бы ничего разглядеть. И все-таки — вокруг колыхались серые тени, глубоко внизу твердело дно, совсем рядом проплыла крошечная, с лоскуточек, одевка. Причем ни лицу, ни открытым рукам и ногам холодно не было, очевидно, одевка защищала их на расстоянии. Влад сделал усилие и открыл глаза. Ничто в его восприятии не изменилось, собственное зрение здесь пасовало.

— Я что, вижу ее глазами?

— Ага, — Чайка подплыла и остановилась рядом. — Одевка и в темноте видит, и в воде, и по-всякому. И нюх у нее лучше нашего. А вот слышать она не умеет. Зато она чувствует... это... если кто-то сбоку или сзади подкрадывается.

— Колебания, — подсказал Влад.

— Во-во, колебания. Так что, когда на тебе одевка, никто к тебе незаметно подобраться не сможет. Ну что, поплыли?

— Как в этой каше плыть?

— Ты, главное, плыви, а дальше одевка поможет.

Они поплыли сквозь гниющую густотень, и Влад наконец заметил, что не дышит и дышать как-то не очень хочется.

— А если я специально вдохну? — спросил он.

— Не советую. С непривычки тины нахлебаешься, а одевка откачивать примется, в глотку полезет — чистить. Очень приятно?

Они вволю наплавались в самых гибких местах, пока Влад не начал ощущать одевку, словно вторую кожу. Только после этого Чайка повернула к берегу. Как она находит дорогу в болотном сумраке, Влад не понял. Даже чудесное зрение одевки временами начинало пасовать, так что сам он тысячу раз сбился с пути и давно потерял всякое представление о направлениях. Однако Чайка уверенно повела его, и они вынырнули из топи, облепленные илом и тиной, похожие на подземных монстров из какого-нибудь фильма ужасов.

И подойдя к опрометчиво оставленному пустому кораблю, они увидали, что их ждут. Высокая старуха, седая, крючконосая и красноглазая, с расстреманным помелом в руках, стояла неподвижно на самом виду и молча ждала, когда вынырнувшая из болота пара соблагоизволит подойти к ней. Все в старухе изобличало ведьму, и всякий ребятенок со Старой Земли, пролиставший хотя бы одну книжку сказок, сразу бы сказал: «Ведьма!» — и разве что удивился, почему наряжена старуха не в отрепья, полагающиеся ей по рангу, а в темный блестящий комбинезон с двумя пуговицами на поясе.

Чайка сразу подобралась и сделала три шага на встречу гостью. Помела она не коснулась, но Влад видел, что девушка готова к любым неожиданностям.

— Здравствуй, мать Вайша, — произнесла Чайка, чуть заметно склонив голову.

Старуха не ответила на приветствие. Глядя поверх голов и не меняя выражения лица, она проговорила:

— Сестра Чайка! Совет Новой Земли вызывает тебя в суд. Ты обвиняешься в том, что не удалила язык у своей ступы и общашься с големом. Я уже видела, что обвинение справедливо. Ступай за мной. Наказание будет суровым.

— Эта ступа мне не принадлежит, — возразила Чайка.

— На ней стоит твое клеймо.

— Я могу поставить клеймо на Лысую гору. Стает ли от этого гора моей? Вот хозяин ступы, — Чайка указала на Влада.

Глаза старой ведьмы цветом напоминали серовато-зеленую трясину, расстилающуюся вокруг, но когда старуха впервые в упор глянула на Влада, тому показалось, что они способны прожечь его насквозь.

— Не знаю, что это за существо, — произнесла Вайша, — но за свое преступление оно ответит. Однако ты, Чайка, общалась с этой тварью и не убила ее, и не вырезала у ступы язык. Тебе будет очень трудно доказать, что у тебя не было такой возможности. Обвинение не снято.

— Погодите, мать Вайша, — торопливо произнесла Чайка. — Я не сказала еще самого главного. Дело в том, что ступы, за которыми мы охотимся, вовсе не звери...

Старуха выслушала длинный рассказ внимательно и не перебивая. Затем взгляд выцветших от времени горчичных глаз вновь остановился на Владе.

— Значит, это и есть моллюск, живущий внутри ступы, и ты сумела выманить его из скорлупы. Забавно... Ты раздобыла интересные и важные сведения. Мы на совете непременно обсудим их и примем верное решение. Но что касается тебя, то обвинение по-прежнему не снято. Более того, если рассказанное

тобой — правда, то ты имела все возможности для того, чтобы ампутировать язык, но все равно этого не сделала. Кроме того, ты поставила на ступу клеймо, но не взнудзала ее обитателя. Это не преступление, но означает, что ступа ничья. И значит, она будет моей...

Старуха взмахнула рукой, но мгновением раньше там, где только что стояла Чайка, взвихрился слепящий огонь. Чудовищная раскаленная птица, пылающий феникс рванулся, окутав белым пламенем фигуру старой колдуньи. Вспышка была такой яркой, что перед глазами поплыли черные пятна, а когда зрение вернулось, Влад увидел, что Чайка и старуха Вайша по-прежнему стоят друг напротив друга, но уже не как оправдывающийся преступник и грозный судия, а изголовившись к бою. Лицо старухи покрывали багровые волдыри, спутанные волосы сгорели чуть не на половину, одевка изменила цвет и казалась пепельно-серой, но корявые пальцы крепко сжимали древко метлы, прутья которой обуглились на концах и чадили.

— Дряны! — просипела Вайша. — Ты сама произнесла свой приговор! Развоплощение — вот, что тебя теперь ждет!

— Я поклялась, что убью каждого, кто попытается набросить на него узду, — твердо произнесла Чайка.

— Меня тебе не убить. Слаба еще, девонька. Что там у тебя в запасе — еще один птах или два? Ну, давай, что же ты стала?

Противницы закружили по вязкой земле, выбирая мгновение для удара. На Влада никто не обращал внимания, но он и сам понимал, что соваться между разъяренными ведьмами — значит попусту и

быстро лишиться головы. И Влад сделал единственное, что ему оставалось, — кинулся к кораблю. Раскрытая амбразура зияла на недостижимой высоте, ноги вязли в раскисшей почве, но все же Влад прыгнул, намереваясь достать край распахнутого люка, и одевка, почувствовав запредельное усилие обретенного хозяина, спружинила, помогая прыжку. Пальцы мертвой хваткой вцепились в металл, Влад подтянулся, перевалился через порог, стремглав пролетел к пульту и с ходу активировал биоманипулятор. Стремительный, вопреки строгому закону не амputированного языка взвился в воздух и вырвал помело из рук матери Вайши.

Старуха взвыла и ринулась за своим сокровищем, но метла уже покачивалась на высоте, абсолютно недоступной для ведьмы, враз разучившейся летать. Чайка опустила свое помело и расхохоталась в лицо врагине:

— Что, старая метелка, все еще хочешь волочить меня на суд? Хотя какая ты метелка? Ты же помело потеряла! О тебе теперь анекдоты будут рассказывать, покуда земля в тартарары не провалится. Ты теперь просто вздорная старушонка, тебя и убивать-то неинтересно!

Старуха бросилась вперед, собираясь вцепиться в глаза проклятой девчонке, но Чайка увернулась из-под самого Вайшиного носа, взлетела наверх, с нескрываемым злорадством наблюдая, как беснуется злая старуха.

Влад подошел к Чайке, встал рядом. Некоторое время они молча стояли, касаясь плечом плеча, и слушали проклятия и угрозы, несущиеся снизу. Затем Влад сказал:

— Запомни, мать Вайша, и как следует объясни всему вашему совету: времена изменились. Старые законы потеряли силу, и прежние правила теперь не годятся. А самое главное — отныне нельзя безнаказанно накидывать узду на живого человека. Многие этого еще не понимают, но это так, и вам придется считаться с новым законом. Запомни это и передай всем.

Влад наклонился к Чайке и тихо шепнул:

— Метлу ей отдать?

— Вот еще! — фыркнула Чайка. — Меня за то, что я тут с тобой, должны были метлы лишить. Слышал небось, как она талдычила: «Наказание будет суровым!.. Обвинение не снято!» — вот пусть сама теперь испробует, каково ведьме без метлы жить.

— А не сгинет она тут?

— Не-е, вытащат. Должна же она будет доложить старшим сестрам, как меня задержать пыталась и что из этого вышло. У нас все по справедливости: сначала выслушают и только потом прикончат. А ее и убивать не станут: выпрут из совета — и все дела. Кому она нужна — ведьма, потерявшая помело?

ГЛАВА 9

Когда эйфория, вызванная победой, немного поутасла, Влад спросил:

— Так, значит, ты теперь среди своих тоже считаешься преступницей?

— Ага, — вздохнула Чайка.

— И тоже приговорена к высшей мере?

— Ага. — Никакого раскаяния во вздохах слышно не было.

— Эх, связалась ты со мной, словно с фальшивой монетой! И что теперь делать будем?

— Сказавши «а», надо говорить «бе», даже если при этом начнешь походить на барана, — Чайка усмехнулась. — Покуда живы — будем вертеться. Полетели устраивать веселую жизнь твоему начальнику.

— Или сначала завезем кристалл?

— Погоди, в кристалле такое напутано, я еще не совсем разобралась. Все-таки непривычно с мертвой вещью.

— С чем?

— Ты вот бомбу в ящике искал, а настоящая бомба — вот она. — Чайка подбросила на ладони клипсу. — Там такая штука поставлена — не узда и не поводок, но немножко похоже. Вот если бы ты ее запустил и начал слушать, что она поет, то очень скоро у тебя ни воли не осталось бы, ни собственных желаний — ничего. Сидел бы и слюни пускал, как младенец. Мне эта штука не страшна, а тебя бы скрутило. А под конец там есть песня. «Домой! Домой!» — называется, то как до нее дело дойдет, то ты заплакал бы и пополз к своему хозяину на пузе, хвостиком виляя, как нашкодивший кутенок.

— У вас что, и собаки есть? — только и нашелся спросить Влад. Новость, сообщенная Чайкой, требовала времени для осмысления.

— Есть. И собаки, и кошки. Говорят, первые ведьмы со Старой Земли привезли. — Чайка уселась по-турецки и зажала клипсу между ладонями, погрузившись в глубокую задумчивость.

Катер на субсветовой скорости дрейфовал в пустом пространстве высоко над плоскостью Галактики. Они остановились здесь, чтобы приучить неопытную одевку к космическому вакууму. Звездолет был разгерметизирован, но ни Влад, ни Чайка не ощущали даже малейшего неудобства.

— Значит, на пузичке, домой-домой, хвостиком виляя? — мрачно переспросил Влад. — Я швырну эту клипсу Мирзою в морду.

— Зачем — в морду? — глаза у Чайки закрыты, лицо сосредоточено, так что сразу было видно — отвечает она автоматически, а все ее мысли о другом. — В морду не надо... то есть в морду надо, но не клипсой. Клипсой по морде — не больно. Вон у нас метла старая есть, ею по морде — в самый раз. А клипсу я сейчас почищу, и можно будет слушать...

Влад поднял метлу, отнятую у Вайши. Впервые он мог как следует разглядеть страшный ведьминский инструмент. Ничего особого он не обнаружил — гладкая палка, не выструганная, а просто ошкуренная и до блеска отполированная ладонями. Пучок растрепанных прутьев, перевязанных лыковой веревкой. Прочно сделано, но если придет охота — можно с легкостью рассыпать метлу по прутку. И нет в метле ничего живого, и не заметно никакого колдовства. Прутья обуглены на концах — память об ударе золотого птаха. Влад поежился, вспомнив схватку двух ведьм. Не слишком приятно сознавать, что любимая девушка умеет вытворять подобные вещи. Вот когда действительно чувствуешь себя кутенком. Эх, Чайка, девчонка неразумная... Говорит о любви, а что о ней знает, кроме сказок, слышанных от матери, которая тоже не знала любви? Это у Влада не осталось никого, кроме Чайки, а у Чайки есть метла, и, если вдуматься, метлу она любит сильнее...

— Готово! — сказала Чайка обычным звонким голосом. — Вычистила твою клипсу, можешь слушать.

— Спасибо, — проговорил Влад, стараясь распустить мочальную обвязку метлы. Узел, затянутый лет шестьдесят назад, затерся грязью и не уступал.

— Что ты возишься с этой пакостью? — удивилась Чайка. — Сжечь ее — и дело с концом.

— Зыркаю, — пояснил Влад. — Я думал, это тоже какое-то существо, а это веcъ вполне рукотворная.

— Скажешь тоже — существо. — Чайка подошла, присела на корточки, отломила от метлы один прут и принялась угольком чертить на полу каббалистические знаки.

— Ты говорила, у вас все живое, — напомнил Влад.

— Говорила, — согласилась Чайка. — Вот, смотри, моя нога. Видишь?

— Вижу, — ответил Влад, стараясь не смотреть.

— Она живая?

— Живая.

— А если ее отрезать?

— Ты это брось. Тоже выдумала — ноги резать.

— Ну а если все-таки отрезать — ведь умрет, да?

— Ну, умрет.

— Вот и метла так же. Пока она у ведьмы в руках, то она живая. А как связь порвется, если надолго ее из рук выпустить или далеко отойти, — то метла погибнет. Так что Вайшино помело уже дохлое, ничего чудесного в нем не осталось, зря зыркаешь.

«Как ей собственная метла не мешает? — подумал Влад. — Ведь который день подряд или в руках ее держит, или за спиной таскает».

— Метла у каждой ведьмы одна на всю жизнь, — медленно сказала Чайка. — Девочка еще лежит в колыбели, ножонками сучит, агугаает, а мама ей прути-

ки да веточки ташит — играться. Та уж их и перемнет, и ислюнявит, а иную возьмет да спрячет.

— Куда?

— А вот этого никто не знает. Как вырастет девка, то забудет, где прутья для метлы хранила. Я и сама помню только, что они всегда со мной были. А уж как ведьмушка ходить начинает, так и вовсе беда. Ракитник за поселками всегда изломан, березы ободраны, вербе спасу нет. Такие охапки прутьев набирают, самой удивительно. И каждая свое богатство сторожит, чтобы подружки не растили. Иной раз из-за прутка обшарпанного так передерутся — жуть! В волосы вцепятся, кулаками сопли месят, визг стеной стоит.

Чайка усмехнулась и пропела куплет из детской потешки:

— Наша Байка удала
Для метлы прутье драла:
Сто охапок еловых лапок,
Двести штучек других колючек.

И лыки так же подбирают... теребят, мочалят, а какая приглядывается, то спрячут. А вот палка на рукоять всегда с первого раза выбирается. У нас такой куст растет, называется палочник, ветки у него прямые. Вот с него обычно и берут. Кора у палочника сладкая и пахнет медом. По весне девчонки сок с палочника подточивают и пьют. — Чайка тряхнула головой и с непонятной гордостью добавила: — А у меня рукоять осиновая. Потому, наверное, и судьба такая горькая.

Влад промолчал. Он понимал, что сейчас ему рассказывают вещи, которые и себе самой вслух не говорят, и, значит, любое слово будет лишним. Он осторожно протянул руку и погладил Чайку по во-

лосам. Волосы были мягкие, но непокорные. Они чуть пружинили под ладонью, не желая подчиняться прикосновению. Было совершенно невозможно поверить, что каких-то три часа назад Чайка плавала в трясине и волосы ее грязными сосульками свисали по плечам.

Чайка вздохнула и боком прижалась к Владу. Так они и сидели рядом, на корточках, словно озябшие, нахохлившиеся птенцы.

— А ты не смеяся, — тихо сказала Чайка. — Думашь, сладко помирать в семнадцать лет? А ведь старухи меня теперь живой не оставят. Но все равно, когда я ту осинку увидала, сразу поняла — моя. А как ее взять? Руками не сломишь, неровно будет. Только и остается грызть. И кору зубами сдирать, и все остальное. Конечно, горько.

Влад вдруг вспомнил, как в старой сказке про Терешечку ведьма грызла дуб. Это ж с каких времен идет удивительный ведьминский обычай?

Свободной рукой Влад перевернул трофеиное помело, глянул на торец. Гладко. Если и были следы зубов, то давно затерты временем и ладонями.

— Брось ты эту тухлятину! — неожиданно зло крикнула Чайка, вырвала Вайшино помело, отшвырнула в сторону. — На, вот, смотри, если хочешь. — Чайка сунула в руки Владу свою метлу, на которую прежде даже пристально взглянуть не позволяла.

Врученную метлу Влад не уронил, он продолжал держать ее в отставленной руке, но сам повернулся к Чайке, поймал губами слезинку, не успевшую скатиться по щеке, и только потом поцеловал вздрагивающие губы.

Чайка коротко всхлипнула, спрятала лицо у Влада на груди и затихла. Влад ждал, проклиная метлу,

которую нельзя выпустить из рук, собственную дурацкую позу, разгерметизированную коробку корабля, где только одевка и спасает от смерти.

— Девчонки всегда говорили, что я уродина, — произнесла Чайка придущенным голосом, — а в сказках рассказывают, что если принц поцелует дурнушку, она станет красавицей.

— Я не принц, — сказал Влад, — а девчонки врали из зависти, потому что ты прекрасна.

— Это тебе сказал старый лейтенант Якобсон?

— Это я понял сам.

Чайка неожиданно вскочила, ловко и совсем не обидно забрала метлу из рук Влада, закружилась в танце, которому, ежели по совести, всего космоса не хватило бы, но сейчас Чайка кружила в тесном объеме технологических помещений, и места ей хватало с избытком.

— Какая я счастливая! — пропела она в низкий потолок. — Я так хочу сделать что-нибудь особенное! Слушай... — Чайка вдруг остановилась. — Тебя же твои враги ждут!

— Черт с ними, — отмахнулся Влад.

— Вот уж нет, — голос Чайки стал серьезным. — Мы тут радуемся, а они там от нечего делать убивают. Нехорошо заставлять врагов ждать напрасно.

ГЛАВА 10

Седьмая опорная база, стальной шар диаметром в пятьсот километров, медленно вращался вокруг обжитой еще столетия назад кислородной планеты, столицы провинции Великая Ньянма. Хотя если судить по значимости, то и планета, и центральное светило, и сотни других звезд и планет описывали

Эпициклы вокруг истинного центра — Седьмой опорной базы космических войск.

Весь объем железного глобуса был битком набит войсками, самой современной техникой и высшим командованием. Сюда ежесекундно прилетали корабли и поступали тысячи сообщений. Наместник, живущий внизу, на планете, мог выстроить себе хрустальный дворец, мог нарядить в причудливую форму и назвать личной гвардией сотню телохранителей, но он оставался не более чем красивой ширмой, наемным работником, управляющим подсобным хозяйством настоящей столицы, плывущей в небесах. Только оттуда могли поступать приказы воинским частям, разбросанным по всем планетам, входящим в провинцию, и только командующий мог в любую минуту обратиться непосредственно к императорскому величеству. Здесь располагался нерв, жизненный центр, опора государства.

Микроскопический кораблик Влада заметили, еще когда местное солнце казалось не слишком крупной звездой, а саму планету, не говоря уже о базе, нельзя было разглядеть в самый сильный оптический телескоп. Лишь локаторы, работающие на гравитационных частотах, позволяли видеть на такие расстояния.

— Чей истребитель? — раздался в ушах голос диспетчера. — Куда прешь, болван, здесь запретная зона, заход на посадку с северо-восточного сектора!

— Сейчас ты у меня зайдешь на посадку, — прорычал Влад и крикнул в микрофон: — Лейтенант Кукаш летит плюнуть в морду командующему!

— Кретин, — задумчиво отозвался диспетчер. В голосе его не слышалось никакого беспокойства. Ситуация была штатной: спятивший пилот, зарабо-

тавший во время рейса острую форму космического психоза, вздумал рассчитаться со своими командирами и всем миром заодно. Такое случалось порой, но что может сделать истребитель опорной базе галактических войск? Сейчас силовые поля затормозят безумца, затем его спровоцируют на стрельбу, а когда боезапас будет впustую растрочен, специальная команда возьмет катер на абордаж, после чего пилот отправится либо в дурдом, либо под трибунал.

Диспетчер нажал кнопку внутренней тревоги и откинулся на спинку кресла, чтобы всласть зевнуть.

Влад тоже знал, чем его собираются встречать, элементарные сведения об обороне крепости были известны любому курсанту, но он и не собирался так просто попадать в расставленную ловушку. Впрочем, время еще есть. Влад стащил с головы шлем, закрепил на микрофоне клипсу, и эфир наполнило могучее контральто, со слезой и надрывом исполняющее романтическое танго:

— Домой, домой, любимый мой!
Я без тебя в тоске живу.
Ты в той земле, где ветер злой
Взрывает мертвую траву!

«Взрывает — это как? — подумал Влад. — Рыхлит или бомбит? Судя по тому, что сейчас будет, — бомбит!»

Дальнейшее происходило в темпе, недоступном человеческому восприятию, так что диспетчер, начавший зевок на последних тактах первого куплета, продолжал его до момента, когда взрыв, вспоровший внутренности базы, разом положил конец и зевку, и самому диспетчеру. Чудом сохранившаяся запись показывала, что безумный кораблик исчез с экранов и тут же объявился в пределах системы, где

уже невозможно использовать силовые поля, способные вызвать возмущения в движении планет. До базы оставалось еще больше двух световых часов, почти минута даже для истребителя с торпедным ускорителем. Впрочем, на цель никто не выходит на сверхсветовой скорости, пролетишь мимо быстрее, чем успеешь нажать на гашетку. Однако безумец сбрасывать скорость не собирался.

Автоматические орудия, установленные специально на случай, ежели торпедники вздумают прорываться к базе, оказались оперативнее людей и разом открыли огонь. Попасть с такого расстояния по крошечной мишени, движущейся с непредставимой скоростью, дело невозможное, это подтвердит любой стрелок. Весь расчет был на плотность стрельбы, на то, что противник сам заденет вспухающее плазменное облако. Огненные цветы не встретили никого, кораблик с грацией слаломиста проскользнул между разрывами и в свою очередь тоже ударил. Попасть с летящего корабля по крошечной мишени — пятьсот километров величина пренебрежимо малая для космических расстояний — дело невозможное, это подтвердит любой стрелок, если, конечно, он не летал над просторами Новой Земли. Единственный выстрел плазменной пушечки достиг цели. А что может сделать сгусток плазмы, движущийся со скоростью, тысячекратно превышающей скорость света, с легкостью посчитает любой старшеклассник, осваивающий азы физики сверхсветовых скоростей.

Шесть секунд заняла вся схватка, и лишь одной секунды не хватило дежурному диспетчеру, чтобы завершить сладчайший зевок. На боку железного планетоида образовался стометровый кратер, в недрах базы что-то рушилось, взрывалось, гибло и

орало на разные голоса. Истребитель, полыхнув полным спектром тормозных фотонов, развернулся и начал второй заход.

Контральто рыдало:

— Прошла весна, но я одна.
Тобой дышу, любимый мой!
К тебе лечу я, как волна,
Тебе кричу: «Вернись домой!»

— Сейчас вернусь и домою! — прохрипел Влад. — Кровью у меня умоетесь!

— Стрелялки разбей! — подсказала Чайка. — А то еще уворачиваться от них...

— Не надо, там артиллеристы, техники, простые солдаты — их за что убивать? Мне нужен штаб!

Ему был нужен штаб: знатное офицерье, столетиями ведущее войну чужими руками, войну неясно с кем и за что, но под этим соусом зажавшее Вселенную в имперские тиски. Пусть они хоть раз узнают, что такое грохот настоящего взрыва и как пахнет не чужой, а собственный страх. Гранды, лорды, князья и дюки — иные в самом деле охвостье древних родов, другие — купившие аристократическую приставку к воинскому званию, все они равно недостойны жалости. Да, там была и obsłуга — море вышколенных холуев и затянутые в сержантскую форму очаровательные шлюшки, но даже штабные ассенизаторы имели особый допуск и кучу привилегий, за которые те из них, кто окажется сегодня на рабочем месте, должны будут заплатить. Мимолетные Владовы приятели по бараку называли штабную службу дворянами, произнося это слово так, что неясно, о дворянах идет речь или о дворниках.

Да разницы и нет никакой — те и другие говорят о войне и сидят за чужими спинами.

Мгновенно колынула мысль: «Девки-дурьи чем виноваты?» — но тут же исчезла, сметенная азартом боя. Истина жестокая и простая: хочешь быть дорогой шлюхой, привыкай к мысли, что, когда приедут убить богатого клиента, вторая пуля достанется тебе.

Второй заряд вырыл яму рядом с первой. Две воронки, два укола на гигантском теле планетоида. Два очень болезненных укола, не заметить которые невозможно. Теперь командующий уже не сможет безмятежно дрыхнуть, когда полевой офицер приносит важное сообщение. А Мирзой-бек, выслушав доклад о гибели подопытных, не скажет с благожелательной легкостью: «Ладно, Мелоу, работайте», — а призадумается, не оказаться бы ненароком в роли тех, кого убивают. Неважно, что большинство каторжников, за которых заступался Влад, — жалкие людишки, рекруты, пойманные на мелком воровстве у своих товарищей. Влад пришел не мстить, а учить. Всякий, распоряжающийся чужой жизнью, должен знать, что и его собственная стоит ничуть не больше.

Для начала хватит двух ударов, а там — посмотрим.

Небывалый корабль, чудо-истребитель, исчезал в просторах космоса, удаляясь быстрее, чем можно представить, и затихало пошловатое танго, звуки которого отныне будут наводить ужас на имперский генералитет:

Когда придешь, утихнет дождь,
Мир расцветет, любимый мой!
И ты поймешь, что ты живешь
И наконец пришел домой!

ГЛАВА 11

— Давай! Еще чуточку! — надтреснутым голосом кричал лейтенант Якобсон. — Смелее, тут еще целых полметра можно опускаться!

Влад, посадкой которого так энергично руководил старый космолетчик, откинулся на спинку кресла и закрыл глаза. До чего же приятно прилетать туда, где тебе рады...

Чайка самолично раздриала амбразуру — надо и ей управлять неживым! — и первая спрыгнула на землю.

Пританцовывающей походкой Якобсон приблизился к ней.

— Мадмуазель, вам уже говорили, что вы сказочно прекрасны?

— Конечно, — серьезно ответила девушка и лишь потом улыбнулась и поцеловала старика в щеку.

— Не заслужил, право, не заслужил, — растроганно бормотал Якобсон. — Ведь не комплимент, святую правду сказал.

Подошел Влад:

— Здравствуйте, лейтенант.

— О! Здравия желаю! Я вижу, лейтенант, у вас новая форма. Неужели в наших доблестных войсках начали происходить какие-то реформы, внедряться новшества?

— Успокойтесь, лейтенант, в армии все по-прежнему. Просто я дезертировал и теперь государственный преступник.

— Как же так? — огорчился Якобсон. — Ведь это значит, что я должен задержать вас и доставить в ближайшую комендатуру.

— Где та комендатура?.. — посетовал Влад.

— Увы, увы, — согласился стариик. — А если посмотреть, сколько времени я нахожусь в безвестной отлучке, то меня тоже следует приравнять к дезертиру. К тому же, признаюсь, как на духу, ради прекрасных глаз вашей спутницы я бы дезертировал даже с поста командующего. Так что я не осуждаю вас, лейтенант, не осуждаю.

— Боюсь, что командующий тоже скоро дезертирует со своего поста, — заметил Влад. — Теперь это не слишком уютная должность. Кстати, лейтенант, мы привезли вам подарки. Прежде всего, — Влад стащил с головы шлем, — вот вам новый котелок. Думаю, в хозяйстве пригодится.

— Спасибо... — стариик даже не пытался скрыть радости. — Но послушайте, лейтенант, как же вы будете без шлема? Ну хорошо, микрофон, я вижу, снят, но наушники? Принимать можно и на громкую связь, но это не всегда удобно. И потом, оптика, прицелы... Я понимаю, вы покинули ряды наших доблестных вооруженных сил, но вы уверены, что вам никогда больше не придется стрелять?

— Мертвый посредник только мешает, — повторил Влад слова Чайки. — Не далее чем вчера я положил плазменный заряд с пятнадцати астрономических единиц в центр пятисоткилометровой мишени. И заметьте, это на скорости в сто це.

— Потрясающе! — воскликнул Якобсон. — Я вижу, вы ведете интересную, насыщенную жизнь. Я и сам бы не прочь присоединиться к вам, жаль, мой истребитель давно лежит на боку. К тому же приборы врут, а сердце подсказывает, что я должен оставаться здесь. Это мой долг перед здешней землей. Ведь без меня здесь все одичает, представляете? — Стариик цар-

ственным жестом обвел берег озера и лес, не хранящие никаких следов цивилизаторской деятельности.

— А вот еще один совсем маленький подарок, — сказала Чайка и протянула клипсу. — Здесь ровно двадцать песен, все как вы просили.

— Пам-тирам-пам! — Якобсон всплеснул руками. — Откуда?

— Трофей, — важно сказал Влад. — Приз за меткую стрельбу.

— Хорошие песни, — сказала Чайка, — особенно последняя. Она подтвердит, что сердце вас не обманывает.

Якобсон благоговейно принял подарок, прижал к груди, потом поднес руку с клипсой к уху, тут же отдернул. Лицо его отображало всю гамму чувств — от восторга до ужаса.

— Нет, так просто нельзя, — смущенно пробормотал он. — Потом, в тишине, вдумчиво и с наслаждением... А сегодня я не могу, сегодня и без того великий день. Завтра, вечерком... — Зажав драгоценность в кулаке, старый меломан поспешил к хижине, прятать. Даже по походке его было видно, что он пытается вспомнить, что значит иной ритм, кроме намертво въевшегося в душу.

— А ведь он так никогда и не включит эти записи, — тихо сказал Влад, провожая взглядом вздрагивающую спину. — Каждый день будет собираться и всю жизнь откладывать.

— Знаю, — отозвалась Чайка. — Но он так счастлив, что у него есть эта штучка.

Якобсон вприпрыжку вернулся к кораблю:

— Я даже не знаю, чем мне вас отблагодарить. Разумеется, вы отбедаете со мной. Я не ставил с вечера силков, но зато в протоке у меня поставлена

верша. Я ведь родом с Верануса, вам не случалось там бывать?

— Нет, — в голос ответили Влад и Чайка.

— Очень милая планетка, но рыбы... рыбы там практически нет. Но мы все равно ставили верши в канале и даже что-то ловили. А здесь рыбы удивительно много, такие карасики, представляете? Они маленькие, но от этого особенно вкусные. Так вот, утром я вытащил ровно сорок шесть штук, представляете, и еще подумал: «Куда так много? Не иначе сегодня будут гости!» — и тут вы. Как удачно!

— Мы обещали, — сказал Влад.

— Да что же я стою? — вдруг вспокоился Якобсон. — Нужно варить уху!

— Покажите мне вашу рыбу, — попросила Чайка. — Может быть, придумаем что-нибудь другое.

Лейтенант-истребитель прошествовал к хижине и с гордостью продемонстрировал кучу мелкой рыбешки.

— О, так я эту рыбку знаю! — восхитилась Чайка. — Она вкусная. Только мы ее называли не карасиками, а выюнами. Девочки ловят ее голыми руками, а потом едят сырьем. Но для вас я пожарю. Жареная она лучше.

— Ну конечно, это выюны! — вскричал Якобсон. — Теперь я тоже так буду их называть. Одна беда: у меня нет ни сковородки, ни жаровни, а если запекать в костре, от рыбы ничего не останется, она слишком мелкая. Я хотел сделать жаровню, но не смог. Представляете, на межзвездном истребителе нет детали, из которой можно было бы сделать сковороду! Эти современные технологии — кошмар!

— Мне сковородка не нужна! — заявила Чайка решительно.

«Мертвое только мешает», — невольно закончил фразу Влад, старательно не позволяя оформиться представлению, как именно ортодоксально настроенные ведьмы проводят в жизнь этот принцип применительно к сковородкам.

Чайка глянула с озорной усмешкой и деликатно не сказала ничего. Она перебрала рыбу, довольно кивнула:

— А вот соль и кое-какие приправы потребуются. Я мигом слетаю.

Чайка вспрыгнула на помело, с легким свистом прочертила дугу над озером и исчезла. В благодатной атмосфере Новой Земли не было нужды обращаться в голубоватую торпеду, так что на мгновение перед мужчинами возникла картина из древней сказки: лес, озеро, грозовые тучи на востоке и юная ведьма, несущаяся вдаль верхом на помеле.

— В годы моей юности, — задумчиво сказал Якобсон, — женщины и подумать не могли, чтобы вытворять такое. Вообще, они больше всего напоминали куриц: квохчущих наседок, кокетливых хохлаток или молоденьких голенастых цыплушек. И я пользовался у них успехом, представляете, этакий бравый петушок в лейтенантских погонах. Как давно это было! А теперь я смотрю на вашу подругу и думаю, как, должно быть, красиво и сказочно интересно любить такую девушку!

— Трудно, — сказал Влад скорее самому себе.

— Что я слышу?! — возвысил голос отшельник. — Лейтенант, вы же мужчина! С каких пор пилоты имперских вооруженных сил начали бояться трудностей?

— Я больше не лейтенант, — сказал Влад. — Я беглый каторжник и государственный преступник.

— Что ж, я не понимаю?.. — голос старика сник. — Это изысканно и благородно: за все несправедливости, за прошлые обиды в гордом одиночестве объявить войну галактической империи. Что это случилось, было нетрудно догадаться, ведь никто не станет строить для тренировки истребителей пятисоткилометровые мишени. Это был боевой вылет, верно?

Влад кивнул.

— Надеюсь, лейтенант, вы попали в цель, достойную выстрела.

— Я тоже на это надеюсь, хотя я больше не лейтенант, — повторил Влад.

— Не возражайте! Вы навсегда останетесь лейтенантом, единственным лейтенантом вашей маленькой армии, ведущей безнадежную и, главное, совершенно бессмысленную войну.

Влад хотел сказать, что как раз войны-то он и не ведет, а всего лишь пытается прорваться к высшим сановникам империи и прокричать правду, которая может изменить мир. Но вместо этого спросил:

— Почему — бессмысленную?

— Потому что империи в войнах только укрепляются. Я родом с Верануса, мы совсем молодая колония, нашу собственную историю можно уместить на почтовой марке. Может быть, поэтому в юные годы я увлекался древней историей, историей Земли. За десять тысяч лет она перенесла много скротечных империй, и, поверьте, ни одна империя не рухнула просто под натиском врагов, каждая сначала прогнила изнутри. А нашей империи, в которой мы имеем неудовольствие жить, еще очень далеко до дряхлости. Значит, и драться с ней бесполезно.

— С чего вы взяли, будто у нашей империи здоровое нутро? — спросил Влад, припомнив беседу с

Мирзой-беком. — Бесчеловечный строй не может быть прочным.

— Может, еще как. И люди с радостью станут отдавать жизни за молоха, который их пожирает. Мы с вами, лейтенант, тому живые примеры. Просто обстоятельства сложились так, что у нас было время подумать о жизни. У меня — побольше, у вас — поменьше, разница невелика. Главное — мы поняли, что происходит. А другим этого времени вовсе не выпало, и они, не задумываясь, пойдут на смерть, защищая размалеванного идола. Вот когда империя действительно сгниет, то не поможет даже самоутверженность фанатиков. И знаете, как можно определить, что час настал? Я много думал над этим и нашел простой и верный способ. В стабильном государстве делают прочные вещи. Они могут быть громоздки и неудобны — новогодние игрушки, под тяжестью которых ломаются елки, бронированныеочные горшки, которые ребенку не под силу вытащить из-под кровати, книги, страницы которых в одиночку не перевернешь, — но все это сделаноочно, на века. На елочную игрушку можно наехать танком, горшок выдержит ядерный взрыв. Заметьте, ни один памятник архитектуры, построенный в эпоху загнивания империй, не сохранился. Их даже не надо было разрушать, они рассыпались сами. Государство, которое собирается существовать вечно, любую мелочь делает со старомодной основательностью. А как только промышленность начинает штамповывать вещи-однодневки, дни этой страны сочтены. У нее может быть могучая армия, наводящая ужас на соседей, но пройдет совсем немного времени, и она рухнет от случайного толчка.

Ее убют не враги, а книги в kleеных переплетах и одноразовые зажигалки.

Якобсон говорил быстро и горячо, ни разу не произнеся своего любимого «представляете». Так говорят только о том, что действительно наболело и тысячу раз продумано.

— А теперь взгляните сюда: мой истребитель лежит на земле уже шестьдесят три года, но вы думаете, в нем что-нибудь испортилось? Все в порядке, все исправно, ничто не проржавело и не разрядилось. Поднять его — и можно лететь, было бы куда. Кстати, лейтенант, все съемное и взаимозаменяемое оборудование наличествует в комплекте и вполне работоспособно, так что в случае нужды можете воспользоваться. И как, по-вашему, собирается ли погибать государство, которое делает такие вещи? Впрочем, оружие — последнее, что подвержено гнили. Но вот перед вами игрушка, пустячок! — старик коснулся пальцем клипсы. — Обороноспособность страны не зависит от качества этой вещицы, а между тем она работает без перерыва уже шестьдесят три года! И будет работать, пока я жив, и она может подзарядиться от моего тепла. А если окажется, что та клипса, что вы привезли, сломается через неделю, то я соглашусь, что ваша борьба не безнадежна.

Чайка на бреющем вынеслась из-за кромки леса, лихо тормознула и соскочила возле самых дверей хижины.

Якобсон восхищенно прицокнул языком и показал Владу большой палец:

— Так летать — нужен прирожденный талант. Чудо, а не женщина! Кстати, лейтенант, вы не представили мне свою подругу, и я до сих пор не знаю, как ее зовут.

— Чайка, — сказал Влад.

— Чайка... — нараспев протянул старик. — Конечно, я должен был догадаться, такая девушка не может носить другого имени.

Он уселся на землю и обхватил руками корзинку на голове:

— Все, я погиб. Я влюблен по гроб жизни. Не ревнуйте, лейтенант, мой гроб уже очень близок.

— Обождите, Якобсон, умереть вы всегда успеете, но сначала попробуем, что Чайка наколдовала с рыбой.

А Чайка и впрямь колдовала. Мгновенно рассортировала охапку привезенной травы, вывалила рыбу на огромный зеленый лист, перед которым стушевался бы любой лопух, посолила, если, конечно, серый порошок, лежащий на одном из листов, был солью. Сухой и с виду прочный корень покорно рассыпался белой пудрой, в которой рыбешка была немедленно обваляна. Между ладонями кухарки полыхнуло белое пламя, затем Чайка неуловимым движением перевернула всю рыбу разом — и вновь последовала вспышка огня. Пахло озоном и жареной рыбой. Чайка присыпала свою стряпню мелкой травкой, вылила сверху штук пять яиц. Яйца были большие, с толстой крапчатой скорлупой, — явно от какой-то дикой птицы.

«Как она все это приволокла, без кошелки, в одних руках?» — запоздало подумал Влад.

Еще несколько пассов, уже без видимого огня, но пар, дразнящий обоняние, подсказывал, что вкусное чародейство продолжает твориться.

— Готово, — сказала Чайка. — Можно есть.

Якобсон втянул ноздрями горячий пар и произнес, наставительно подняв корявый палец:

— Вот истинное волшебство. У меня никогда так не получалось.

Обед прошел в торжественном молчании, а когда от запеченной в омлете рыбы осталась лишь кучка голов и тоненьких хребтинок, а у едоков, наконец, нашлись силы и время хвалить и благодарить, Чайка рассмеялась и сказала:

— Оказывается, готовить для других куда вкуснее, чем для себя одной. А кроме того, я придумала, какую диверсию мы устроим сегодня ночью против одного из ведьминских поселков. — И, перехватив встревоженный взгляд Влада, пояснила: — Мы не станем стрелять, мы будем дарить подарки.

ГЛАВА 12

Поселок или, скорей, небольшой городок расположился на полосе берега между морем и невысокими увалистыми горами. Деревенские домики, в которых Влад при всем старании не мог заметить ничего живого, стояли далеко друг от друга, и тропинок между ними не было; у ведьм не принято ходить в гости. Тропинки сходились на центральной площади, где и решались все дела, мирные и немирные.

Морщинистые беззубые старухи дремали на завалинках возле своих домов или толклись на площади, что-то крикливо обсуждая. Дебелые матроны неторопливо шествовали по уличкам, а выйдя за город, мгновенно взлетали и уносились по делам. Летать по городу среди бела дня считалось неприличным. Причудливые одевки облекали дамские фигуры; не может женский ум смириться с единообразием в одежде, и селекция, веско подтвержденная колдовством, доказывала, что портновской фанта-

зии пределов нет. Совсем юные ведьмушки, еще не подманившие своей первой одевки, носились по берегу, мелькая загорелыми попками.

Мирная, идиллическая картина, и на нее, словно прозрачный трафарет, наложен совсем иной пейзаж — военно-индустриальный. То здесь, то там над домами вздымались восьмидесятиметровые минареты космических катеров, межзвездных истребителей, почтовых и исследовательских кораблей. Краса и гордость галактической империи, ее сила и мощь, взятая в плен отчаянными наездницами. Те ступы, что стоят вертикально, — живые, но тут же рядом, в куда большем количестве валяются оставы погибших кораблей. Словно валы, они отделяли один домик от другого, создавая неправдоподобную ячеистую структуру. Лишние звездолеты хозяйки оттаскивали на городскую свалку — в ближайшее ущелье, где они лежали во много слоев, — сотни, тысячи космических кораблей, и в каждом в наглухо заблокированной рубке перед ослепшими экранами и мертвой приборной доской — мумия замученного пилота.

— Как же вы должны нас ненавидеть! — прошептала Чайка, впервые взглянувшая новыми глазами на знакомую с детства картину.

— Сейчас нужно думать не о прошлом, а как прекратить этот кошмар, — сказал Влад.

— Я понимаю, — жалобно произнесла Чайка, — но что я могу сделать прямо сейчас? Сунусь туда — только голову потеряю. Ведь я даже не знаю, какое решение принял совет, кроме, разумеется, приговора мне.

— С чего ты так уверена, что совет вынесет тебе смертный приговор? Сама же говорила: посмеются старухи над Вайшей и из совета попрут.

— Конечно, посмеются и попрут, но меня все равно приговорят, чтобы другим неповадно было на старших руку поднимать. И не к смерти приговорят, у нас такого нет, а к развоплощению. Это хуже. Ты знаешь, когда они придут меня развоплощать, ты меня убей, чтобы им ничего не досталось.

— Когда они придут тебя развоплощать, — пообещал Влад, — я убью их и буду убивать до тех пор, пока охотники развоплощений не переведутся на той и на этой Земле.

— Ничего ты им не сделаешь, — безнадежно произнесла Чайка. — Что ты можешь сделать? Манипулятором махать? Так они близко и не подойдут. Они даже на выстрел подходить не станут — незачем. Просто сберутся шестеро старших ведьм, составят гексаграмму, так, чтобы они по углам, а я — в центре. И все, одна шкурка от меня останется. Ни сил, ни души, ни памяти. Только дышать смогу и глазами лупать. Таких, развоплощенок, свозят в этот город. Видишь, на окраине дом большой... больше всех остальных... видишь?.. Вот там они и лежат, развоплощенки. Кашу им в глотку вливают, а все остальное, что нужно, одевка делает. Чистит, обихаживает, пролежни лечит.

— Зачем же их там держат? — не выдержал Влад. — Оно и впрямь, лучше бы убили.

— Их используют как маток. Они детей рожают, каждые десять месяцев. Одну девочку родит, и ее тут же снова беременной делают. Сами-то ведьмы мало рожают. Я говорила, у некоторых по тринадцать дочерей, но такие семьи — редкость. Все больше по одной дочке. А эти — как заведенные, все время или беременные, или только что родившие. А ты думал, почему в этом городе столько детей? В других горо-

дах меньше. Я ведь и сама из этих... из развоплощенских. Домашние нас щенками дразнили. А ты ей ничего и сделать не моги, у нее мать, она за свою дочулю тебе башку свернет. Я в приюте жила, а Кайна, она меня старше, всю жизнь меня тюкала. Наверное, за то, что нас одна матка родила, а мы такие непохожие. Я даже специально ходила смотреть свою родительницу, чтобы узнать, кто из нас настоящая дочь, а кто наколдованная.

— И как?

— Не поняла. Лежит такая квашня, лицо опухшее, в глазах ни мыслиночки, брюхо горой. И воняет. Одевка вовсю старается, а от нее все равно вонью несет. Знаешь, как страшно? Потому и говорю: ты меня лучше убей, а им не отдавай.

— За что твою мать развоплотили? — спросил Влад, сам удивившись, как легко скользнуло с языка прежде неизвестное жутковатое слово.

— Ни за что. По злому навету.

— Это как? — Вот уж во что Влад не мог поверить, что у ведьм, способных читать чужие мысли и проницать взором неведомое, могут быть судебные ошибки.

— Кто-то жупельницу в один из домов подпустил, — начала рассказывать Чайка. — Есть такая пакость в океане, на одном из островов. И эта жупельница, прежде чем ее убили, две семьи выела. Ясное дело, за такое полагается развоплощение. А как узнать, кто это сделал? Тут без сестры-дознавательницы не обойтись. Сестра-дознавательница — это обычная ведьма, но у нее есть хитрая особенность: она всегда все про своих соседок знает. Вроде и в трубу не подглядывала, а спроси, что соседка на обед варила — мигом скажет. В той деревне одна та-

кая была, к ней и пошли. А она сразу на мою мать показала — она, мол, больше некому. Стали провевать: и впрямь летала она на тот остров, метла-то дорогу помнит. Та в слезы: мол, на горячие источники летала, угри выводить, а жупельницу не привозила. Да кто ж поверит? Приговорили... Привезли ее сюда, а она возьми да и потребуй у матерей эликсир правды.

Чайка вздохнула и потерла пальцем нос, словно проверяя, не объявились ли там угри. Влад слушал рассказ, как страшную сказку, каких в жизни не бывает. Корабль висел высоко над городом, так что снизу и не разглядеть; Влад и Чайка ждали вечера.

— А эликсир этот — штука страшная, — продолжила Чайка. — Его только самые суровые старухи варить могут. Что развоплощение, что эликсиру хлебнуть — результат один, но развоплощают быстро, раз — и нет тебя, а от эликсира мук примешь несказанно, он по частям душу разъедает. И укрыть нельзя ничегошеньки, ни одной тайны, ни единого секретика. Ежели кто эликсир пьет, так весь совет слетается послушать, у самой захудалой колдуньи всегда есть чем поживиться. Сидят вокруг страдалицы, словно стервятники кругом издыхающего зверя. Зато если окажется, что приговоренная хотя бы в малом была невиновата, старухи в лепешку расшибутся, а настоящую виновницу найдут и накажут. Без этого нельзя, иначе никто их эликсира поганого пить не станет. Его пьют, чтобы хоть с того света, но обидчице отомстить. Родительница моя и впрямь оказалась невиновной. На остров летала угри лечить и жупельницу не привозила.

— Преступницу-то нашли?

— Нашли. Сестра-дознавательница и оказалась. Она два года жупельнице в коробочке хранила, все ждала, когда кто-нибудь из соседок на тот остров слетает. На кого только могла порчу наводила, чтобы угри высыпали. Вот и дождалась. Она потом сама во всем призналась. Ее совет судил, и тоже разволотили. Так они и лежат рядом. Глянуть — так сестры родные, не отличить.

— А невинную-то зачем в этот инкубатор?

— Так ей уже без разницы, она все равно разволошенная. Зачем добру зря пропадать?

Влад промолчал. Страшная сказка закончилась еще более страшной в своем прагматизме моралью.

Внизу медленно вечерело. Опустел пляж, погрузился во тьму местный форум. Ни единого огня не освещало улицы: чародейкам не нужно, они и так видят. Лишь багровыми клубами отливал горячий воздух над верхушками печных труб. Влад прищурился и с расстояния во много сотен километров различил искры, вылетающие из очага через дымоход, и даже вроде бы ощущил запах подгоревшего мясного пирога и густого супа из капусты с любистком.

— Пора?

— Нет, что ты. Еще никто не спит. Ужинают, потом колдовать будут. Вечернее колдовство самое забористое. Только потом спать лягут, да и то не все. Но кто нам нужен, те лягут.

— Все-таки скажи, что ты задумала? А то болтаемся тут у всех на виду. Внизу небось звезды высыпали, так что и нас видно.

— Пускай. Ты, главное, следи, чтобы к нам никто потихоньку не подкрался. Особенно если шестериком, тогда сразу меня дергай. А что я задумала — сам скоро увидишь.

— Тогда хотя бы расскажи, что за жупельница такая, что сначала в коробочке сидит, а потом целыми семьями людей жрет?

— Жупельница и есть. Жучок такой махонький. Так просто он ничего человеку сделать не может, а вот если девочка совсем крохотулечная, то жупельница ей в носик или ухо залезет и там спрячется. А когда мама спать уляжется и дочку с собой возьмет, то жупельница уже на мать переползет и в мозг вгрызется. А та во сне и не почуяет ничего.

Влад кивнул понимающие. Сама Чайка все ночи проводила в обнимку с помелом, обратившись в сияющую торпеду. Приблизиться к ней в это время было равносильно самоубийству что для жупельницы, что для мужчины — разницы никакой.

— Вообще-то детям полагается перед сном ушки и нос проверять, грудное молоко закапывать, да кто ж это делает? Вот когда по деревне весть прошла, что жупельница двух женщин убила, то тут все кинулись девкам уши мыть, даже самым большим. Так через день жупельницу и словили.

— А дети как? Те, в которых жупельница забиралась.

— Что дети? Жупельница грудничков не ест. Она женского молока на дух не переносит. Девочки потом рядом с мертвой матерью от голода умерли, а быть может, их нашли и выходили. Не знаю, это ж когда было.

— Одного не пойму, зачем твоя дознавательница это устроила? Чем ей соседка досадила, чтобы так мстить?

— Я откуда знаю? Может, соседка у нее в детстве прутик любимый отняла. Для ненависти много причин не надо. На то и ведьмы...

Лозунг чародейного царства на этот раз прозвучал странно, и лишь через минуту Влад понял, что Чайка опустила слово «мы».

— Пожалуй, потихоньку начну, — сказала Чайка, окинув взором глубокую тьму, сгустившуюся внизу. — Следи за воздухом, чтобы никакая посторонняя ступа рядом не ошивалась:

Она зажмурилась, сосредотачиваясь, и послала вниз мягкое, почти незаметное сонное заклинание. Оно не несло в себе никакой угрозы и никак не было замаскировано, поэтому всякая колдунья могла с легкостью оттолкнуть его от себя, что многие и сделали. Но никто не заподозрил дурного, каждый подумал, что это усталая мамаша спешит утихомирить не в меру разыгравшуюся дочуру или сиделка в приюте старается обеспечить себе спокойную ночь.

В приюте толстая нянька из тех начисто лишенных честолюбия колдуний, что даже не пытались ни разу покинуть Новую Землю, протяжно зевнула, разом перекрыв достижение покойного диспетчера, и, с трудом проверив, что все воспитанницы спят каждая в своем закутке, вернулась в сестринскую и повалилась на постель, напрочь забыв, что в обязанности ее входит рассказывать девочкам сказку, навевая волшебные сны.

Вскоре добрая половина города спала: девчонки, охраняемые обычаем и строгим законом, взрослые чародейки — даже во сне продолжая сжимать метлу, вокруг которой распространялось легкое защитное сияние. Взрослые в безопасности, а дети... кто нападет на детей? Ни прибыли, ни удовольствия, ни славы...

Следующее заклинание тоже не было могучим, но изощренным на самом пределе возможного для молодой чародейки. То была ночная сказка, слад-

кий сон, который увидят все девочки города, если, конечно, материнская воля не защитит их. Но даже среди тех ведьмушек, чьи матери не спали в этот час, большинство увидели ночную сказку. Заклинание не несло никакого вреда, только ласку и заботу, так что самые добросовестные матери не заподозрили дурного. Очевидно, в приюте кто-то перестарался и рассказывает сказку не только воспитанницам, но и всему городу. Наиболее дотошные с легкостью распутали кружевную вязь сновидения:

Большой дом под красной черепичной крышей, над высокой трубой вьется дымок, ставни распахнуты. За домом зеленеет огород, полный произрастаний Старой и Новой Земли, плетень покосился под тяжестью огромной тыквы, какую без особого волшебства, пожалуй, и не вырастишь. И знакомый сказочный зачин: «Жил-был один почтенный и знатный человек...» — а где-то вдалеке уже слышится веселая танцевальная музыка: «Пам-тирам-пам!» — и легкий хрустальный перезвон. Ну, конечно, «Золушка» — слышано-пересыпано, видано-перевидано!

Разумеется, всякая колдунья, сплетая сновидение, рассказывает сказку немного по-своему. Вот и здесь: прекрасный принц одет странно и корона у него без зубцов, круглая и охватывает чуть не всю голову. А впрочем, это же принц, существо сказочное, каких в жизни не бывает. Кто может знать, во что одеты несуществующие принцы? Влад Кукаш, доведись ему посмотреть этот сон, немало бы посмеялся, обнаружив на принце летную форму лейтенанта военно-космических сил. Но откуда это знать ведьме, в жизни не видавшей ни принцев, ни лейтенантов? И успокоенная мать пропускает добрый сон к мирно посапывающей девочке, радуясь, что вечер

оказывается свободным и можно посвятить его злободневным делам. «Довлеет дневи злоба его» — и ведьмы в этой злобе понимают более всех остальных. Добрая половина города спит, а злая...

И никто не заметил одной маленькой, совсем несущественной странности: девочка, которая видит сказку неспешно, изнутри, сливааясь с одним из героев, на этот раз будет не Золушкой, а доброй феей. Казалось бы, какая разница? Фея — та же чародейка, она и на балу может побывать, вдоволь натанцеваться, и подглядеть из-за плетня, как применяют крестнице потерянную туфельку. Будущей ведьме даже проще войти в образ не беспомощной девчонки, а могучей волшебницы. И только потом, много дней спустя, маленькая странность ночной сказки может вылиться в странные поступки.

Чайка вздохнула и открыла глаза.

— Кажется, получилось, — сказала она. — Никто ничего не заметил. А тут что творится?

— Все спокойно, — ответил Влад. — Так расскажи, что у тебя получилось-то? Ты говорила, я сам все увижу, а я не видел ничего.

— Значит, не спал, — усмехнулась Чайка. — Уснул бы от моего первого заклинания, все как есть увидал бы.

Влад, которому и впрямь пришлось немало побороться с внезапно навалившейся сонливостью, возмущенно фыркнул: его поставили наблюдать, а спать на посту — не в его правилах.

— Я сновидение наводила, — объяснила Чайка, — рассказывала девочкам сказку о том, что дарить подарки много приятнее, чем получать их.

Влад вывел двигатели на форсаж, ступа, висящая над спящим городком, растаяла среди недоступных звезд Новой Земли.

— Жаль, что больше так не получится, — донесся голос Чайки, колдующей возле двигателя. — Всего одна сказка, всего в одном городе — мало.

— Почему не получится? — спросил Влад. — Сама же говорила: никто ничего не заметил. Так почему бы на следующую ночь не прилететь снова? Пусть не в этот город, в другой...

— Завтра наступит ночь Большой Луны, она раз в две недели бывает. Старухи на совете ведьм в эту ночь будут меня проклинать. А послезавтра меня развоплотят.

— Вот что, — сказал Влад и решительно тормознул истребитель, уже готовый скользнуть сквозь засеву в мир океана. — Боюсь, мы с тобой поменялись местами. Помнишь, я о пси-векторе выспрашивал, а всего-то надо было распутать поводок. Давай-ка, иди сюда и рассказывай, подробно и по порядку, что за проклятие, как оно проявляется и почему ты так уверена по поводу послезавтрашнего дня.

Чайка покорно вошла в рубку, присела в своем любимом углу.

— Проклятие Большой Луны само по себе не-опасно, просто пока Большая Луна на небе, она будет меня высвечивать. И стоит мне только появиться на Новой Земле, как старшие ведьмы в ту же минуту будут знать, где я и чем занимаюсь. А уж долететь туда в пять минут смогут, их метлы не чета моей, в такие места дорогу знают, что мне и не снились. Ясно, что поймают меня на раз, я-то их заклинаний не увижу, меня Луна слепить станет.

— Я правильно понял, что за пределами Новой Земли проклятие не действует?

— Правильно. Только над океаном старухи за мной ищейку пустят. Найдут место, где я колдowała, — и пустят. Сбить ее со следа можно, только пройдя через пелену. А там меня все старухи разом углядят и снова гнать начнут. Я одна, а их в совете шестьсот шестьдесят шесть. Ясное дело, что загонят.

— Не представляю, какое решение может принять совет, состоящий из шести сотен вздорных старух, — заметил Влад. — У них же там сплошная грызня будет.

— Ежели кого развоплотить — еще как может. Мигом решение примут. Единогласно.

— Ладно, об этом потом. Ты еще сказала: «...пока Луна на небе». Что это значит?

— Есть еще ночь Малой Луны. Тоже раз в две недели. И пока эта ночь длится — двенадцать часов, проклятие Большой Луны не действует, потому что эти две луны враждуют друг с другом.

— Это уже кое-что. А проклятие Малой Луны на тебя наложить не могут?

— Могут, только тогда первое проклятие снимется. Я же говорю: враждуют они.

— Видишь, не так все и страшно. Просто придется на Новой Земле появляться пореже. Давай теперь с ищейкой разбираться. Что это за зверь и с чем его едят.

— Это не зверь, это... ищейка. С виду — как будто помело летит. — «Торпеда», — перевел для себя Влад. — Но ведьмы там нет, одна видимость. Она чувствует след колдовства и идет по нему. А как догонит, то вцепится и будет тебя высвечивать и в том мире, и в этом, в любое время, независимо от луны.

И уничтожить ее нельзя, ищейку всем советом на-
колдовывают, что я против них?

— Так... неприятная штучка. Сотню их зараз сде-
лать не могут?

— Нет. Только одну.

— С одной управимся. Если, например, по пря-
мой уходить? Скорость у нас больше.

— След все равно останется. Не вечно же нам
убегать, где-то остановимся, тут она нас и возьмет.
А если целую неделю, не сворачивая, гнать, то ста-
рухи этот прием быстро раскусят, через Новую Зем-
лю вперед забегут и перейдут в лучшем виде. Сами в
гексаграмму влетим и не поймем как.

— След, говоришь, останется? Так вот, фигушки
им, а не след! Оторвемся от ищейки, выберем звезд-
ное скопление погуще, там ты свое помело пога-
сишь и будешь сидеть тихо, как мышка. А я потихо-
нечку, на обычных гравигенераторах со скоростью
двадцать световых отползу в сторонку. И искать нас
можно будет, пока вселенная от тепловой смерти не
скукожится.

— Один раз это, быть может, и сработает, но в
следующий старухи рядом с ищейкой пошлют на-
стоящее помело, а то и десяток, а уж ведьма твою
ступу на таком расстоянии с полувзгляда определит.

— Да что твои бабы, офанатели?! Дела им нет,
как тебя всем миром ловить?

— Это дело самое увлекательное — загонная охо-
та на живого человека. От желающих отбоя не будет,
ни одна своей очереди не упустит, на то они и ведь-
мы. Кроме того, лучше перестраховаться, чем ре-
шить, что обо мне забыли, и вlipнуть в силки.

— Вот это — правильно! — Влад подошел к Чай-
ке, обнял ее за плечи. — Мы станем очень осторож-

ными, так что никто нас не найдет, а если и найдут, то не поймают. Хорошо, что ты про гексаграмму сказала, я теперь от любого шестиугольника, как от зачумленного, шарахаться буду. Уж как-нибудь им прицел собью, не возьмут. А пока давай следы путать и выбирать островок поуютнее. Нам теперь подолгу на островах отсиживаться придется.

ГЛАВА 13

Планету они подобрали со всех точек зрения удачную, курортную, можно сказать, но отдохать на следующие сутки им не пришлось. Влад видел, что Чайка нервничает из-за творящегося в иной Вселенской проклятия, и решил занять ее делами, а заодно пополнить на корабле запас воды.

Вообще, расход воды в плазменных генераторах минимален, только во время резкого разгона корабля. На маршевой скорости с лихвой хватало межзвездного водорода и встречных частиц. И все же запас воды следовало пополнить. Натаскать в ладонях триста тонн воды — занятие для очень упорных и не слишком сообразительных людей; Влад придумал куда более быстрый способ. Катер поднялся на околовселенскую орбиту, где Влад открыл вентили пустых цистерн и сгасил воздух. Затем цистерны были задраены, после чего истребитель Влада и Чайка по отдельности опустились, но не на сушу, а в волны большого пресного озера. Под водой Чайка вновь отвернула вентили, и за какой-то час все емкости наполнились озерной водой.

— Здорово! — высказалась по этому поводу Чайка. — Я слышала, что ступу время от времени нужно мыть, но не знала — зачем. А сестры — те, у кого

ступы есть, — иногда по несколько дней ждут, пока ступа напьется и у нее из хоботков воздух перестанет выбулькивать.

— Значит, это хоботки? — весело спросил Влад.

— Ага!

— Так вот, это вентили, и теперь запас хода у нас хоть на тот конец Метагалактики. Впрочем, туда мы еще успеем, а пока полетели проведать Седьмую опорную базу.

На исходные позиции выдвигались пешим по конному, не ныряя к запретной отныне Новой Земле, так что дорога, даже при их скоростях, заняла почти двое суток. Чайка хандрила, Влад развлекал ее как мог. Наконец подошли достаточно близко, чтобы начать переговоры, а в случае чего — пригрозить атакой.

Влад включил громкую связь, и голос Кутерлянда наполнил рубку:

— База вызывает капитана Кукаша. Капитан Кукаш; ответьте базе...

Если бы не повышение в чине, можно было бы подумать, что с прошлого сеанса связи ничего не произошло. Влад некоторое время слушал молча, пытаясь определить, запись он слышит или лорд-капитан действительно сидит перед микрофоном и, подменяя рядового радиста, заунывно повторяет одну и ту же пару фраз. К самому лорд-капитану Влад не испытывал никаких чувств, воспринимая его как лишенный человеческой оболочки скрипучий голос, что скребется в динамике. Влад не обрадовался и не огорчился, узнав, что Кутерлянд уцелел во время налета, лорд-капитан был всего лишь принадлежностью Особого отдела, специальным оборудованием, а к оборудованию трудно испытывать нежные либо злые чувства. Вот сквайр-лейтенанта Ногатых

Влад охотно увидал бы на больничной койке. Не убитым, а искалеченным, чтобы сквайр-лейтенанту оторвало ногу по самое его любимое место.

Влад вдоволь наслушался причитаний лорд-капитана, но так и не смог ничего определить. Наконец это занятие надоело, Влад включил микрофон и четко произнес:

— Говорит Влад Кукаш. Мне необходимо поговорить с командующим базой.

— Айн момент! — немедленно откликнулся Кутерлянд, доказав тем самым, что никакой записи не было, а он сам сидел все эти дни, ожидая связи.

Влад ждал, предвкушая, что именно скажет ему командующий. Однако в динамике раздался хорошо знакомый голос:

— Здравствуйте, Кукаш, — произнес генерал-барон Мирзой-бек.

— Послушайте, генерал! — устало взмолился Влад. — С вами очень приятно поболтать, но вы же понимаете, что никакие сведения я не передам в ваше исключительное владение. Мне нужно говорить с командующим.

— Вынужден вас огорчить, — постным голосом произнес Мирзой-бек. — Демонстрация силы, которую вы нам устроили, оказалась слишком убедительной. Граф-marshal Мунс погиб на боевом посту и не может выйти с вами на связь. Кстати, я сейчас временно исполняющий обязанности командира Седьмой опорной базы. Так что главнее меня здесь никого нет. Можете говорить.

— В таком случае, — голос Влада был непреклонен, — вы сейчас свяжете меня с императором.

— Зачем? — доброжелательно спросил Мирзой-бек. — Если вы хотите сообщить его величеству

ужасную тайну торпедных ускорителей, то это давно уже не тайна, так же как и существование совета Новой Земли, с которым я в настоящий момент веду переговоры.

Влад молчал, не зная, что сказать. Молчание длилось долго, наконец генерал-барон вздохнул и наставительно произнес:

— Я вас предупреждал, что тайны — товар скоро-погибающий, их надо продавать вовремя. Хотя, лейтенант, не отчайвайтесь, вы еще можете вернуться и воспользоваться амнистией. Для вашей подруги я тоже постараюсь что-нибудь сделать, хотя законные власти Новой Земли решительно требуют, чтобы она была передана им. Впрочем, меня заверили, что смертной казни на Новой Земле нет. Полагаю, Кукаш, что вам следует сдаться.

ГЛАВА 14

Судьба не слишком благоволила к генерал-барону Мирзой-беку. Его родственные связи с царствующим домом были столь отдаленными, что не приходилось рассчитывать на сколько-нибудь серьезную должность. С другой стороны, будущий начальник Особого отдела находился в столь же отдаленном родстве с одним из древнейших родов империи, никогда правившим на планетах, заселенных выходцами с Востока. В результате он был равно подозрительен как для тех, так и для других. В то же время ни одна из партий не желала упустить выгоды, связанные с таким двойным родством. Жизнь общего родственника была разменной монетой в этой игре и всерьез интересовала одного только Мирзой-бека.

Мирзою не исполнилось еще двадцати, когда до ушай царственной родни дошли сведения, что юноша получает традиционное восточное воспитание и, значит, может оказаться сторонником азиатского дома. Мирзой-бека срочно забрали из университета, где он изучал историю и психологию, и определили в привилегированное военное училище, славившееся строгостью внутреннего распорядка. Единственное, что продолжало связывать кадета Мирзоя с прежней жизнью, — собственное, на восточный лад звучавшее имя и старый слуга Хаким, поселившийся неподалеку от казарм и навещавший воспитанника при каждом удобном случае.

И этого оказалось достаточно.

Потеряв связь с вождями и соплеменниками, оставшись один, мудрец Хаким сделал единственное, что ему оставалось: начал растить не пешку в чужой игре, а небывалую фигуру, совмещающую силу vizirя и значение шаха — именно таковы настоящие имена главнейших шахматных фигур. Почтительное обращение «шах-зада», — наследный принц — будоражило честолюбие, причудливые восточные притчи приучали к хитрости и осторожности, долгие вечерние беседы помогали трезво оценивать происходящее и выбирать верный путь. Маленький старичок, нелепый в своем потрепанном халате и стоптанных чувяках, ни у кого не вызывал подозрения. Просто старый слуга, свихнувшийся на восторженной любви к воспитаннику. Судьба любит рядиться в шутовские одежды.

Тем временем кадет Мирзой закончил училище, получив в виде исключения — все-таки родственник! — не сквайр-лейтенанта, а сразу лорд-капитана,

и был направлен на Седьмую опорную базу под явный и недвусмысленный надзор граф-маршала Мунса.

Граф-маршал носил титул императорского высочества и приходился троюродным братом царствующей особе. Разумеется, его не могло обрадовать прибытие «родственничка», тем более что самому Мунсу Мирзой-бек и вовсе доводился седьмой вождем на киселе. Граф-маршал заранее представлял, как юный хлыщ будет напиваться в офицерском собрании, устраивать дебоши и вообще всячески портить кровь служаке, помешанному на дисциплине и воинской выправке. Но того, что случилось, не могла представить самая разнужданная фантазия. Новопеченный лорд-капитан попросился на службу в Особый отдел.

Особый отдел совмещал в себе разведку, службу безопасности и военную полицию. Предполагалось, что он будет заниматься выявлением вражеских диверсантов и засылкой своих агентов в ряды противника. Однако в условиях странной войны, когда противника так и не удалось обнаружить, особисты занимались исключительно внутренней крамолой да порой выполняли отдельные поручения щекотливого толка. Короче, это было не место для человека с хорошим именем, тем более с именем, на которое падает от свет императорского величия. Конечно, офицеры Особого отдела тоже носили приставки перед званием, но то были почти исключительно купленные титулы. Настоящий аристократ в филеры не пойдет.

Мунс изматерил дурня и с тайным удовольствием исполнил его просьбу. Хочется молокососу вместо беспечальной службы при штабе заниматься мелким сыском — исполять ему, тем более что воз-

можности для карьеры в Особом отделе весьма ограничены. Должность начальника отдела — вот максимум, на который может рассчитывать особист. Дорожек в имперскую ставку отсюда нет.

Памятуя, что лучший способ досадить карьеристу — это позволить ему быстро достичь потолка, а потом глядеть, как тот набивает шишки, стараясь прыгнуть выше возможного, Мунс не препятствовал росту молодого офицера, и за двенадцать лет усердной службы Мирзой-бек стал генерал-бароном и начальником Особого отдела.

Сам Мунс за эти же годы ни на шаг не продвинулся по служебной лестнице. Пожилой граф-marshal не был карьеристом и предпочитал быть царьком, а не царедворцем. Он не ездил в ставку и не докучал своей особой царственному кузену, что, кажется, удовлетворяло обоих. Мунс предпочитал жуировать жизнью, а именно — устраивать смотры и парады, тиранить подчиненных, особенно — начальника Особого отдела, и держать в ежовых рукавицах наместника провинции Великая Ньянма — одной из самых захудальных и обширных провинций империи. Всего два десятка обжитых планет и бесчисленное количество ни к чему не пригодных космических булыжников с паршивой углекислотной атмосферой — плохое основание для придворной игры.

Став начальником отдела, Мирзой-бек не начал стучаться в высшие сферы, набивая себе шишки, но и не успокоился на достигнутом. Он понимал, что единственный его шанс — появление нового фактора, определяющего жизнь государства, и фактором этим могут быть только торпедники. Операция с Владом Кукашем была не первым его проектом, но

все остальные задумки результата не приносили. Мирзой-бек подмял Исследовательский отдел, фактически заставив начальника отдела князь-полковника Мелоу работать на себя, разведчики базы действительно совершали разведывательные полеты, забираясь все дальше в поисках гипотетической базы противника. Единственным осязаемым результатом было то, что на Седьмой опорной базе регулярно оказывались самые высокие потери техники и личного состава, за что Мирзой-бек столь же регулярно получал головомойки от граф-маршала. Самого Мунса за потери не щучили: пока гибнут простые лейтенанты и капитаны — графы и гранды могут спать спокойно.

Результата не было, но Мирзой-бек не сдавался. «Если очень долго забрасывать удочку в сухой песок, — любил повторять он, — то рано или поздно рыба начнет клевать».

И вот клев начался, и рыба, как это обычно бывает, пошла косяком.

Номинально генерал-барон Мирзой-бек считался четвертым человеком среди командования базы, штабные хлыщи считали его вовсе пустым местом, но на самом деле пустым местом были они. Поэтому, когда торпедники — а кто же еще?! — совершили варварский и неспровоцированный налет на базу, единственный, кто не потерял головы, оказался начальник Особого отдела. Граф-marshal Мунс погиб вместе со своим заместителем, не успев завершить последний роббер интереснейшей игры, начальник штаба оказался трусом и паникером, так что вся полнота власти собралась в руках Мирзой-бека, тем более что генерал-барон остался единст-

венным на базе человеком, претендующим на родство с императором. В ставке его утвердили временно исполняющим обязанности, но по поводу своей временностии Мирзой-бек не тревожился. Всякому ясно, что двоюродные внуки и внучатые племянники государя не горят желанием подставлять грудь под вражеские торпеды, так что замену временному командующему найти будет трудно. Значит, к ближайшему тезоименитству дадут ему граф-маршала и назначат на постоянную должность.

Куда большей проблемой был обезумевший лейтенант Кукаш. Уже то, что он сумел снять поводок, делало его чрезвычайно ценным в глазах Мирзой-бека, но затем бывший заключенный проявил чудеса прыtkости, с легкостью порхая из конца в конец галактики, и, наконец, продемонстрировал умение воевать. Один удачный выстрел можно было бы списать на невероятное, фантастическое везение, но два таких выстрела подряд... Генерал знал — чудес не бывает. Если человек видит чудо, значит, он плохо информирован о происходящем. А быть плохо информированным Мирзой-бек не любил.

Единственным объяснением происходящему было предположение, что Влад Кукаш умудрился вступить в контакт с торпедниками и они зачем-то оказываются ему помочь. Эта гипотеза подтверждалась тем, как уверенно Кукаш ответил на провокационный вопрос о планете торпедников: «У них нет ни единой планеты!» Отсюда следует, что беглый лейтенант знает, что у торпедников есть космические базы или же торпедники живут в недрах звезд, относясь с презрением ко всему, что не нагрето до миллиона градусов, а возможно, это просто эфирные существа,

обитающие в межзвездном вакууме. Тогда не исключено, что земные звездолеты они воспринимают как вредных и докучливых насекомых и вся наша героическая война с их стороны не более чем борьба с му-хами. Вот сколько выводов можно сделать из одной случайно оброненной фразы! А ведь есть еще показания пилота, ставившего бакен. Единственный челове-к, видевший звездолет Влада Кукаша на оптиче-ском экране, был абсолютно уверен, что клипсу за-брал корабль-призрак. Стометровая голубая сигара, которых так не любили разведчики, ничуть не была похожа на иглу патрульного катера. А локаторы ба-зы, регистрирующие излучение гравитационного двигателя, доказывали, что за контейнером прибыл корабль Влада Кукаша. Отсюда тоже можно было вывести немало любопытных следствий.

В любом случае, упускать Кукаша нельзя. К со-жалению, музыкальный кристалл, вышедший из ла-боратории князь-полковника Мелоу, оказался не-эффективен. Более того, совершая нападение под музыку, Кукаш недвусмысленно дал понять, что ло-вушку он обнаружил и нейтрализовал. Анализ запи-си боя, где ясно прослушивалось заключительное танго, показал, что в музыке начисто отсутствует встроенный туда гипнотический ритм. Чтобы так ка-чественно вычистить запись, нужны опытные спе-циалисты и очень хорошо оснащенная лаборатория. Где разжился лабораторией беглый лейтенант — ос-тавалось неясным. Зато теперь можно быть уверен-ным, что теория встречного удара неверна, Кукаш действитель-но снял поводок, вычистил свой мозг так же, как спустя несколько дней обезвредил подкину-тые мелодии. А это значит, что полузамученного

гранд-майора Кальве можно оставить в покое, перевести его из наземного исследовательского центра на орбитальную базу, в госпиталь для высшего командного состава, в благоустроенную палату для неизлечимо больных. Жаль, хороший был офицер, ежели где какую подлость сделать — всегда вызывался первым. Впрочем, незаменимых людей нет, отныне заключенных будет держать на поводке сквайр-лейтенант Ногатых, которому под новую должность обещано звание лорд-капитана. А заключенным с этого времени будут дозволены музыкальные клипсы. Кто знает, вдруг кто-то из каторжников сумеет с помощью клипсы снять поводок и навести таинственное безумие на ненавистного лорд-капитана.

Информация, всюду информация — путаная, противоречивая, недостоверная. Считая по каплям, недопустимо медленно, а между тем Мирзой-бек всем нутром чувствует, что в сухом песке вокруг заброшенной наживки ходит кругами большая рыба.

Первый же приказ, от данный Мирзой-беком в новой должности, касался неопознанных и чужих кораблей. О появлении любого из них следовало немедленно сообщать лично командующему. Мирзой-бек ни в коем случае не хотел пропустить следующее появление Влада Кукаша. Однако клюнул не тот карась, которого ожидал рыболов, а куда более крупная рыбина.

Чужой истребитель засекли, как и полагается, на дальних подходах. На запросы пилот сначала не отвечал, потом неуверенным голосом запросил разрешение на посадку.

Мудрые проектировщики космических кораблей понимали, что гравитационная связь, мгновенная и

охватывающая чуть не всю освоенную часть Вселенной, предоставляет огромные возможности для злоупотреблений. Поэтому каждый передатчик, собранный на предприятиях империи, обладал уникальными характеристиками, неповторимыми, словно папиллярный узор, так что связист, имеющий доступ к соответствующей базе данных, мог в полминуты определить, кто с ним говорит. А уже через минуту генерал-барон Мирзой-бек получил известие, что в зоне видимости появился истребитель Третьей опорной базы под управлением капитана Стаса. Мирзой-бек не успел удивиться, как занесло в его края истребитель Третьей базы (своим ходом он никак не мог бы долететь), а догадливые сотрудники Особого отдела уже добыли из компьютерных недр и положили перед бывшим шефом досье пилота, из которого явствовало, что лейтенант Стас (звание капитана присвоено посмертно) погиб два года назад в бою с торпедниками, причем гибель его наблюдала вся эскадрилья.

И тем не менее погибший корабль приближался и просил разрешения на посадку.

— Принять на выносной модуль, — скомандовал генерал-барон. Что делать дальше, он не знал, но на всякий случай добавил: — Меры безопасности чрезвычайные, но общую тревогу не объявлять.

Чего он добивается, принимая объявившийся «летучий голландец» на выносной модуль, Мирзой-бек сам не мог сказать. Возможно, сработало воспоминание, как Влад Кукаш биоманипулятором вскрывал контейнер, не осмеливаясь втащить его внутрь истребителя. Но в любом случае, подчиненные

должны видеть, что командующий держится уверенно и владеет ситуацией.

Истребитель медленно, словно его вел неопытный пилот, сблизился с модулем, сработали магнитные захваты, труба кессонной камеры намертво присоединилась к люку. У Мирзой-бека отлегло от сердца — теперь не уйдет! Командир смены полковник Амир вышел, чтобы принять рапорт. Мирзой-бек в своем кабинете приник к экрану, ожидая, что будет дальше.

Из корабля показался пилот. Был он высок, сутул и грязен. Два года не стриженные волосы патлами свисали на плечи, лицо заросло дикой бородой. Никакого рапорта покойный капитан отдавать, по-видимому, не собирался. Он выпрямился и, глядя поверх головы старшего офицера, произнес:

— Совет Новой Земли уполномочил меня вести переговоры с вашим командованием.

«Значит, все-таки парламентер!» — сердце Мирзой-бека радостно сжалось. Этой минуты он ждал все последние годы. Он был готов вести переговоры с чудовищными порождениями чуждого разума, а здесь все-таки человек — с людьми всегда проще. Как удачно все складывается!

— Проводить ко мне в малую приемную, — приказал генерал-барон.

Полковник Амир отрывисто дернул головой, первым приветствуя младшего по чину, и коротко произнес, указав дорогу:

— Прошу.

Пока странная пара, переходя из одного скоростного лифта в другой, двигалась к приемной Мирзой-бека, генерал-барон успел провести блиц-совещание.

— Истребитель дозаправить, — отдавал он приказания невидимым исполнителям, — но только в том случае, если будет получено разрешение от парламентера. Если удастся — провести техническое обслуживание и замену неисправных узлов. Все интересное — заснять... Вообще, все заснять, но самое интересное немедленно подавать мне на монитор.

— Диверсионные работы? — конечно, это спросил гранд-майор Риц.

— Никаких!

— Я имею в виду не порчу оборудования, а жучки и, может быть, такой сюрприз, который сработает только по нашей команде.

— Я сказал — никаких! Они пошли на переговоры с нами, значит, им что-то от нас надо. И незачем осложнять будущие отношения лишним недоверием, когда ваши сюрпризы будут обнаружены. Вспомните клипсу.

— Клипсу делал Мелоу.

— Отставить пререкания! Запомните: сейчас мы во что бы то ни стало должны заслужить доверие торпедников. Все предложения только исходя из этой посылки...

Диковинный парламентер, не то ведомый, не то конвоируемый полковником Амиром, достиг кабинета и, не остановившись, проследовал внутрь. Наконец, новый командующий смог прямо взглянуть на представителя торпедников. Первое впечатление не обмануло генерал-барона: в движениях парламентера отчетливо замечалась легкая заторможенность, деревянная угловатость. Словно марионетка, которую кукловод заставляет шагать, останавливаться, говорить...

— Совет Новой Земли уполномочил меня вести переговоры с вашим командованием, — слово в слово повторил гость.

Мельком Мирзой-бек подумал, что маршал Мунс чрезвычайно вовремя отправился к праотцам. Даже если предположить, что парламентер достиг бы его кабинета, а не был бы арестован в первую же минуту, сейчас старый идиот прицепился бы к небритой внешности одичавшего лейтенанта и отправил бы его на гауптвахту, сорвав переговоры.

— Командующий Седьмой опорной базой генерал-барон Мирзой-бек, — отрекомендовался временно исполняющий обязанности. — Садитесь, господин капитан.

И опять на заднем плане проскользнула мысль, что от Мунса пилот не дождался бы обращения «капитан». Знаки различия на форме — лейтенантские, звание капитана присвоено посмертно, и раз покойник оказался живым, значит, и остался лейтенантом.

Предложение сесть пилот проигнорировал. Некоторое время он стоял, глядя в никуда, и молчал.

«Хозяева выясняют, что за должность — командующий базой, и решают, имеет ли смысл вести со мной переговоры. Имеет, уважаемые, имеет. Весь этот сектор галактики — мой, а другие командующие с вами говорить не станут, арестуют парламентера, начнут его допрашивать и очень удивятся, когда он померт без видимых причин».

Мирзой-бек давно понял, что лейтенант, или, пусть, капитан, Стас не решает ничего, — бывший пилот Третьей базы находится на поводке, изощренном, невиданном, способном не только наказывать, но и управлять. «Душу выну из Мелоу, но заставлю

сделать такой же! Обленились, бездельники, мышей не ловят, а противник такими технологиями пользуется, что от зависти слюнки текут...»

— Нам стало известно, — медленно подбирая слова, начал парламентер, — что отловленные нами транспортные средства управляются вашими гражданами, а также, что захваченные вами граждане Новой Земли используются вами в качестве ускорителей для ваших транспортных средств, — бородатый лейтенант опять надолго замолк и едва ли не впал в транс.

«Значит, все-таки негуманоиды... Не торпедники, а торпеды. То, что мы считали вражеским оружием, оказалось самими врагами. Так это меняет дело! В обмен на пленных вы мне отадите все, что я пожелаю, и еще что-нибудь в придачу».

— Вы предлагаете обмен пленными? — спросил генерал.

— В некотором роде. Мы передадим вам пустые, отработанные транспортные средства, а вы вернете их нам отремонтированными и готовыми к полету, вместе с... существами, обученными пилотированию. Кроме того, мы передадим вам наших граждан для использования их в качестве ускорителей на ваших кораблях. Обмен будет осуществляться в соотношении: один гражданин Новой Земли на восемьдесят ваших граждан.

«Ничего себе предложеные!» — этого генерал-барон никак не ожидал и с трудом сумел сохранить невозмутимый вид, не показать противной стороне, насколько он удивлен. И самое главное: господа торпеды с Новой Земли просто не предусматривают возможность отказа, а всего лишь сообщают усло-

вия, которые непременно будут приняты. Впрочем, попытаемся торговаться...

— Обычно, — осторожно произнес Мирзой-бек, — обмен пленными производится баш на баш, то есть голова против головы, а не один против восьмидесяти.

— Вы отказываетесь от сотрудничества? — спросил Стас, глядя мимо собеседника.

— Я этого не говорил. Просто хотелось бы уточнить некоторые детали.

— Уточняйте.

— Из каких соображений выбрано соотношение: один к восьмидесяти?

— Таково соотношение реальных потерь, сложившееся в последние годы.

У генерала были другие данные о потерях, но он промолчал. Неведомо, что понимают торпедники под реальными потерями.

— Существуют ли альтернативы предложенному вами обмену?

— Мы можем самостоятельно отбирать ваших граждан в местах их обитания, затем отбраковывать негодных, а остальных обучать также без вашей помощи. Это будет менее удобно для нас, а ваши потери, в случае осуществления данного варианта, возрастут на порядок.

Лицо генерала осталось бесстрастным, но внутри все похолодело. Эти мерзавцы угрожают вторжением на планету!

— Боюсь, что этот путь более хлопотный, — произнес Мирзой-бек, ожидая ответной реплики, но ответа не последовало. — На какие объемы... э... обмена гражданами рассчитываете вы?

— На настоящий момент мы готовы предоставить вам четыреста наших граждан.

Мирзой-бек спешно нацарапал на планшетке: «Сколько обученных каторжников?» На дисплее немедленно высветился ответ: «Двести одиннадцать». Негусто, если учесть, что требуется тридцать две тысячи.

— Набор и обучение такого количества граждан потребует времени, — сообщил генерал, копируя стиль собеседника.

— Сколько?

— На настоящий момент я не готов ответить на этот вопрос. Думаю, ответ будет получен завтра в это же время.

— Мы свяжемся с вами.

— Вообще, хотелось бы иметь постоянный канал связи для урегулирования возникающих вопросов.

— Канал будет.

Лицо парламентера внезапно исказилось, по нему пробежала судорога боли. Стас покачнулся, отшагнув назад. В кабинет ворвались два ординарца с парализаторами в руках и полковник Амир.

— Помогите ему, — бросил генерал. — Воды дайте.

Сам он схватил планшетку и начертал жирный знак вопроса, но еще за секунду до этого на дисплее вспыхнул ответ: «Всплеск пси-вектора».

Как удачно! Счастливый случай любит того, кто готов почтительно ждать его. Всплеск пси-вектора, локальный и недолгий, две-три минуты... Лучше бы устойчивый рост, тогда в запасе были бы по меньшей мере сутки. Однако пользуемся тем, что есть.

— Ну?!

— Сейчас придет в себя.

Лейтенант Стас коротко всхлипнул, лязгая зубами о стакан, глотнул воды.

— З-за-за-стрелите... — выдавил он.

Мирзой-бек наклонился к парламентеру, которого успели усадить на диван.

— Стас, вы меня слышите? Вы понимаете, что я говорю?

— Застрелите... меня... — произнес Стас более внятно.

— Отвечайте, что с вами было? Кто ваши хозяева, какие они из себя? Что они делали с вами?

— Н-не помню...

— Рассказывайте все, что помните.

— Н-ничего... Голова болит.

— Говорите. Куда вас возили?

— Никуда... Я все время был в рубке, летел куда-то. Потом спал. Жрал тоже, с кресла не вставая, га-дость какую-то. И голова болит, если думать...

— Вы видели их? Базы, планеты... — что?

— Только космос и синее небо. Простор на миллион парсек.

— Где это небо? Где? Вы же смотрели на прибо-ры. Вспоминайте!

— Там... — Стас вяло махнул рукой, никуда осо-бо не указав.

— Пси-вектор падает, — подсказал ординарец.

— Она сейчас вернется, — совершенно отчетли-во произнес Стас. — Господин генерал-барон, убей-те меня, я не могу больше.

— Лейтенант Стас, — произнес командующий для себя самого, для все еще соображающего лейте-нанта, для его хозяев, которые покуда не слышат, но

будут допрашивать с пристрастием, — вы должны будете вернуться к вашему нынешнему месту службы...

— Н-нет... — прошептал Стас.

— Это ваш долг. Таким образом мы продемонстрируем лояльность к нашим новым союзникам. Кстати, хочу вас обрадовать: вам присвоено звание капитана, ваша семья получает капитанское жалование. Поздравляю, капитан!

— Убейте...

— Мужайтесь, капитан! Родина не забудет ваш подвиг!

— Кстати, по поводу союзников, — произнес капитан Стас, вставая и отряхивая воду с груди. — Скорей всего, значительная часть наших граждан не откажется от сложившейся практики нападения на ваши корабли. Совет Новой Земли не будет препятствовать им в этом. В свою очередь, вы вправе применять любые формы защиты. Граждане, попавшие в плен во время этих операций, во взаимозачет не идут.

«Вот они, издержки демократии, — подумал Мирзой-бек. — Развязать войну их совет может, прекратить — нет».

Вслух он сказал:

— Это разумно.

— И последнее, — произнес капитан Стас, а вернее, тот, кто дергал его за нитки, — речь идет о двух гражданах наших стран. Они сумели где-то встретиться и заключить сепаратный договор. Надеюсь, вы понимаете, какую опасность они представляют для всех заинтересованных сторон.

— Честно говоря — нет, — ответил Мирзой-бек, желая спровоцировать гостя на объяснения.

— Эта пара оказывается самодостаточной единицей. Они не заинтересованы в обществе себе подобных и с легкостью разрушают любые установления. Они уже нарушили целый ряд наших законов. Что касается вас, то, насколько нам известно, это ваше... селение...

— База, — подсказал генерал.

— ...ваша база недавно подверглась нападению преступной пары. Именно поэтому мы вышли на вас, а не на руководство других регионов.

Тысячу первый раз подтвердилось правило: счастливая случайность происходит там, где ее готовят!

— Нападение совершил наш бывший пилот Влад Кукаш, — сообщил Мирзой-бек. — Я не знал, что ему кто-то помогает.

— Теперь знаете. И в том случае, если преступники будут задержаны вами, наш гражданин должен быть немедленно передан совету Новой Земли для исполнения приговора.

— Согласен. Но в таком случае, если преступников задержите вы, Влад Кукаш должен быть передан нам.

— Это разумно.

— Еще один вопрос, — якобы спохватился генерал-барон. — Как мы опознаем преступника, которого следует передать совету?

— Смотрите, — парламентер отступил в сторону, и посреди генеральского кабинета, защищенного от всех мыслимых и немыслимых способов воздействия, возникла фигура босоногой девушки в темном комбинезоне. Рыжие волосы были встрепаны в художественном беспорядке, а улыбающееся лицо щедро спрыснуто веснушками.

— Теперь я понимаю, почему лейтенант Кукаш не спешит возвращаться на базу, — проговорил Мирзой-бек, разглядывая изображение.

«Все-таки — люди, — эту мысль генерал, разумеется, озвучивать не стал. — Или смешанное общество людей и торпед. Такой вариант мы не просчитывали... Час от часу не легче».

— Полагаю, на сегодня все вопросы исчерпанны, — ровным тоном произнес Стас. — Позвольте мне вернуться на корабль и улететь.

— Да, конечно, — согласился Мирзой-бек, стараясь не глядеть капитану в глаза. — Полковник проводит вас. Корабль заправлен?

— Так точно! — ответил полковник Амир.

— Тогда счастливого пути.

Лишь когда парламентера увели, генерал-барон позволил себе осознать, как издевательски звучит его пожелание. Потом, на досуге, он как следует размыслил над этим, а сейчас — некогда. Когда рыба клюет, надо подсекать и вываживать, а не рассуждать, больно рыбе или не очень.

Пока истребитель готовился ко взлету, Мирзой-бек рассматривал на экране внутренность чужого корабля.. Именно чужого, хотя он и построен на одной из земных верфей. Но два года на нем летало нечто, и корабль стал чужим. Многие узлы демонтированы, в частности, снято все вооружение... Странно, люди — а среди торпедников явно есть люди — не могут не понимать значения тяжелого оружия. Впрочем, не понимают — и ладно. Нам легче. В освободившихся помещениях оборудовано... ничего там не оборудовано! На полу и стенах не то циновки, не то губка какая-то. Если и было что еще, то

вынесено перед тем, как звездолет вылетел на переговоры. Проба губки отобрана будто невзначай, и уже известно, что эта дрянь не может быть инопланетным разумом. Так что здесь информации негусто. А вот показания приборов подтверждают, что за два года люк между боевой рубкой и технологическими помещениями не открывался ни разу. Значит, и впрямь капитан Стас не видел своих хозяев и не знает, как они выглядят. Ничего, мы узнаем. Один портрет у нас есть, если, конечно, это настоящая внешность гражданки Новой Земли.

Корабль торпедников стартовал и пошел прямиком через запретную зону, красуясь на всех локаторах, на прицелах плазменных орудий, дразня их и бросая вызов. Ничего, родимые, пройдет время, и будете вы летать по струнке, предварительно испросив разрешения у имперских властей. Ведь что-то заставило вас идти на переговоры... Вот когда мы это выясним, тут и придет конец вашему гонору.

Генерал взял со стола старинный бронзовый колокольчик и позвонил. Хаким с чашечкой шербета на подносе вошел и остановился в смиренной позе.

— Садись, Хаким, — произнес командующий, — и говори.

Хаким смахнул полой халата воду, разлитую по дивану, и присел на самый краешек.

— Сколько скоростных истребителей имеется сейчас в империи? — спросил он скучным голосом.

— Действующих — девяносто восемь, — сообщил командующий секретнейшие данные. — В том числе четыре — в моем распоряжении.

— И через месяц или два будет еще четыреста, — произнес Хаким и умолк, едва ли не уснул, так что

даже глаза перестали маслянисто поблескивать, словно их прикрыли невидимые веки.

— Ты желаешь спросить, не пришла ли пора проводить императорскую ставку? — поинтересовался Мирзой-бек. — Нет, не пора. Я не боюсь войны, и армия знает меня достаточно хорошо, но сейчас имперский престол далеко не самое главное. Незачем развязывать новую войну, пока не закончена старая.

— Мне казалось, что только что был заключен мир, — произнес Хаким, окончательно прикрыв глаза. — То, что торпедники оставили за собой право разбоя на дорогах, трудно назвать войной.

— Война не закончена, — повторил Мирзой-бек. — Просто теперь у противника другое имя. Его зовут Влад Кукаш.

— Какую угрозу империи может представлять один человек, даже если он умеет очень хорошо стрелять?

— То, что сегодня умеет один — завтра научится всякий. Мир не будет защищен от безумца. Я готов быть спасителем империи, но не хочу, чтобы обо мне говорили: «Это тот, во время правления которого мир рухнул». К тому же... — Мирзой-бек пристально глянул в глаза Хакиму, зная, что хотя веки опущены, но от взгляда старца ничто не укроется. — Влад Кукаш не один. Ты видел, как нам была показана его сообщница. Жаль, конечно, но ее придется отдать торпедникам.

«Как» вместо «что» — казалось бы, пустая оговорка, незначительная погрешность речи, но за ней прятался глубокий смысл. «Ты видел, КАК была показана сообщница», — и значит, точно так же новоявленный союзник может смотреть и слушать, хотя

Мелоу и гранд-майор Риц со своими командами дружно гарантируют, что никаких жучков нет и в помине и никто за командующим не следит.

— Я понял, господин, — промолвил Хаким.

— Поэтому никаких шагов против ставки предпринято не будет, пока Влад Кукаш гуляет на свободе.

Мирзой-бек аккуратно пригубил шербет. Сказал, переводя разговор на незначительное:

— Сегодня у тебя получился удивительно вкусный напиток.

— Рад стараться, господин командующий, — не вставая с дивана и совершенно не по-военному ответил Хаким.

Брови Мирзой-бека приподнялись, обозначив удивление.

— Прежде ты называл меня шах-зада.

— Шах-зады больше нет, — торжественно и печально произнес Хаким. — Мальчик вырос, и теперь есть повелитель, шах-ин-шах. Сегодня повелитель пожелал называться командующим Седьмой базой, и я буду называть его командующим. Завтра, возможно, все будет иначе, ибо повелитель умеет приказывать самой судьбе.

ГЛАВА 15

Где-то совсем близко, в иной Вселенной, под лазоревым небом Новой Земли высокая сухая женщина, удивительно похожая на старуху Вайшу, помоложевшую лет на тридцать и никогда не терявшую помела, щелкнула пальцами, и размеренный голос Хакима смолк.

— Полагаю, дальше будет неинтересно. Раз они сразу не заговорили о нас, то уже и не заговорят.

— Это и подозрительно, — ответила ее товарка.

— Подозрительно, — согласилась первая, — но тем не менее ясно, что они не заговорят.

— И все же, сестра Шайба, — упорствовала вторая ведьма, — я боюсь этих существ. Один раз они изгнали нас с нашей родины. Ты не боишься, что они найдут дорогу к Новой Земле и история начнет повторяться?

— Я боюсь, что одни мы не сможем поймать отступницу. Тому союзу нужно противопоставить этот.

— Не представляю, какой между нами может быть союз.

— Никакого. Но иначе люди пойдут на контакт с отступницей. А уж она выдаст все, что знает.

— Они и так могут пойти на контакт с ней. Мне ли тебя учить двойной игре?

— Не успеют. Пользуясь правом союзников, мы будем ждать Чайку возле самого гнездовья ступ. По меньшей мере шестеро сестер будут постоянно дежурить поблизости.

— И ступы позволят?

— Они уже позволили. Командующий просил постоянный канал связи. Скажем, что дежурство нужно, чтобы удерживать канал.

— Дикари...

— Кстати, — сестра Шайба улыбнулась, остро блеснув зубами, — командующий, с которым я говорила, не вполне командующий. Он хочет улучшить свое положение, и, думаю, не без нашей помощи. И он его улучшит. А мы будем иметь своего человека среди руководства Старой Земли.

— Зачем? Не проще ли оставить все как есть?

— А зачем вообще мы живем? Ответ — чтобы в мире не было скуки. Это очень увлекательная игра. Когда-то простые люди изгнали ведьм со Старой Земли. Давняя история, но она волнует многих, меня в том числе. Во мне нет ненависти к людям, но правила требуют, чтобы каждый долг был отплачен.

— Это твои игры, — махнула рукой спорщица. — Но ты лучше скажи, как мы будем делить выменянные ступы?

— Между членами совета, разумеется. А потом каждая из матерей будет распоряжаться ими как захочет. Например, дарить их, приобретая сторонниц и врагов.

— Это я понимаю. Но тридцать две тысячи ступ не разделить между членами совета. Тридцать две ступы останутся неподеленными!

— Вот это и есть самое интересное. До сих пор в кабалистике число тридцать два не значило ничего. Куча дурацких двоек. А оказывается, число, состоящее из одних двоек, при делении на число зверя дает в остатке самое себя, уменьшенное в тысячу раз. Проблема тридцати двух — это похлеще квадратуры круга! Кроме того, заранее представляю, какие склоки пойдут, когда сестры начнут делить лишние ступы! И уж я не упущу возможности плеснуть в этот костер масла!

Это было понятно обеим: сестра Шайба и ее собеседница дружно расхохотались. Затем сестра Шайба, не попрощавшись, вскочила на помело и полетела наперерез ступе капитана Стаса, которая как раз удалилась от космической крепости на безопасное расстояние.

Наблюдатели Седьмой опорной базы, во все локаторы следившие за уходом парламентера, обнаружили приближающуюся к истребителю торпеду. Две точки на экране слились, и цель исчезла. Никаких следов взрыва на этом месте обнаружить не удалось.

Сестра Шайба в это время была уже над Новой Землей. Проламывать завесу ей каждый раз приходилось силой, на грани возможного, машина ступы в эту минуту не помогала, а только мешала, так что ведьма с тревогой думала о том времени, когда полеты в океан придется прекратить, ибо они станут не по силам. А отступница Чайка твердила Вайше об удивительной легкости, с которой преодолевается эта преграда. Врет небось, цену себе набивает перед судом. Мир стоит на вранье, удивительно, что сказки о Старой Земле хотя бы в малой части оказались истиной. Впрочем, все остальное, что говорится в сказках о прежней жизни, тоже легко проверить.

Шайба подошла к створу, ведущему в запретные части ступы. Никогда прежде Шайбе в голову не приходило, что туда можно хотя бы попытаться проникнуть. Пока ступа жива, она слишком дорого стоит, а когда сдохнет — кому интересна мертвичина? И сейчас ей было нелегко ударить кулаком в переборку и потребовать у скрывшегося внутри слизня:

— Выходи! Я знаю, что ты можешь выползти сюда!

Несколько минут ничего не происходило. Сестра Шайба молча ждала. Она давно научилась чувствовать обитателя ступы и знала, что сейчас он медленно и неохотно, но все же выполняет ее волю, поэтому Шайба не спешила натягивать узду. Незачем зря мучить животных. Вот он все сделал, чтобы открыть створ, а теперь стоит, замерев, из последних сил сопротивляясь хозяйствской воле.

— Ну? — поторопила Шайба.

В переборке образовалась овальная дыра, и оттуда шагнул капитан Стас.

Шайба непроизвольно поежилась. Одно дело управлять зверем с помощью узды, оставаясь в это время в безопасности, совсем иное — стоять рядом, глядя ему в глаза. И запах... воняет грязным животным. А ведь Шайба всегда вовремя купала и проветривала ступу. Значит, такой запах присущ ей имманентно. Неудивительно, что прабабки бежали со Старой Земли... из такой вонищи. — Шайба усмехнулась, продолжая в упор разглядывать существо, которое возило ее на себе вот уже два года. — И все-таки похож на человека... Вот только волосы на лице; даже у самых древних колдуний они не бывают такими длинными и густыми.

Шайба ослабила узду, дав зверю столько воли, сколько позволяло благоразумие. Интересно, попытается ли он кинуться на нее и укусить?

Бородатый обитатель ступы продолжал стоять недвижно.

— Ты мужчина? — спросила Шайба, не особо надеясь на ответ.

— Был, — произнес бородатый, с силой выдохнув воздух.

Все именно так, как рассказывала Вайша.

— Ты со Старой Земли?

— Нет. Я с Petit-Пари. Мои предки улетели с Земли больше пятисот лет назад.

— У тебя есть имя? Назови его.

— Меня зовут Пьер Стас.

— Это твои предки убивали ведьм и изгнали их со Старой Земли?

— Ведьм не бывает.

— Вот, смотри, я — ведьма!
— Я это вижу.
«Полный идиот, — заключила Шайба. — Не может связать смысла двух простейших фраз, даже когда они стоят рядом».

— И что, — спросила Шайба, покривив губы, — у вас на Старой Земле действительно есть принцы?

— Есть.
— И они так прекрасны, как об этом рассказывают в сказках?

— Представления не имею. Никогда не видел живого принца. Судя по портретам, это обычные люди.

— Ясно. И здесь — вранье. А любовь?
Стас стоял молча, худое лицо ничего не выражало.
— Отвечай!
— Что отвечать?
— Любовь есть?
— Есть.
— Откуда ты это знаешь, если ни разу в жизни не видел живого принца?

В глазах капитана мелькнула мгновенная искра, которую Шайба не смогла однозначно истолковать. Он с шумом выдохнул воздух, но смысла в звуке было не больше, чем в фырканье морского дюгоня. Тот тоже, если не приглядываться, издали напоминает человека.

— Отвечай! — Шайба натянула узду, совсем чуть-чуть, едва заметно, только чтобы сломить строптивость животного.

Лицо Стаса скривилось, словно от сильной боли, хотя никакой боли и в помине не было, уж это Шай-

ба знала наверняка. Потом он произнес так, словно не ей отвечал, а рассказывал самому себе:

— Любовь — единственное, что не принадлежит правящему дому. Она приходит, когда захочет и к кому захочет. Встречаются двое и вдруг оказывается, что друг для друга они прекраснее самого прекрасного принца.

— Как это может быть? Человек либо красив, либо уродлив, хотя большинство просто никакие. Для себя всякий хорош, но как можно быть прекрасным для одного и уродливым для прочих?

— Это нельзя объяснить. Это можно понять, когда полюбишь сам.

— Ты любил?

Шайбе дважды пришлось натягивать узду, прежде чем заросший диким волосом урод ответил:

— Да.

— Теперь ты любишь меня.

Стас молчал с самым тупым видом.

— Ты понял? — с угрозой спросила ведьма.

— Да.

— Что ты понял?

— Ты мне сказала, что теперь я люблю тебя.

— Я прекрасна?

— Не знаю.

— Кретин! Скажи, что ты меня любишь.

— Я тебя люблю.

— А теперь подойди и поцелуй меня.

Стас наклонился и бесплотно поцеловал сухие губы ведьмы.

— Тыфу, мерзость! — Шайба сплюнула и вытерла рот запястьем. — Убирайся в свою нору и не вздумай выползать оттуда, пока я не позову.

Не задержавшись ни на мгновение, пилот канул в глубине рубки. Люк громко чмокнул, словно уродливый великан одарил подругу смачным поцелуем.

Мгновение Шайба стояла неподвижно, как бы позирия невидимому художнику, затем резко отшагнула в сторону. Там, где только что стояла ведьма, осталось ее изображение, точный слепок, до последнего волоса совпадающий с оригиналом. Шайба обошла себя саму по кругу, придирчиво разглядывая фантом. Лицо колдуны искажилось.

— Брехня! — проклекотала она и взмахом руки уничтожила привидение. — Враки! Все всегда все врут!

ГЛАВА 16

Чайка опомнилась первой. Влад еще осмысливал слова Мирзой-бека, не зная, что ответить в такой ситуации, а Чайка уже послала на двигатели мощный импульс, так что метнувшийся катер едва не ушел в солнечные недра. И только потом Влад перехватил управление. Ничего объяснять было не нужно, на экранах четким строем высвечивались шесть шестерок идущих на сближение ступ.

Засада возле самой опорной базы имперских войск, там, где в прежние времена торпедники носа показать не смели! Значит, и впрямь договорились былые враги, нашли общий язык и взаимную выгоду! Теперь остается только драться не ради абстрактного блага грядущих поколений, а всего лишь за спасение собственной жизни и любви. Цель, достойная битвы.

Первая шестерка лишь на пару секунд опоздала заключить преступный корабль в центр гексаграммы; отчаянный рывок Чайки сбил прицел, и смертельные заклятья пропали втуне. А затем летящие в ступах ведьмы увидели, как дракон развернулся и плонул огнем.

Те драконы, что встречались им прежде, не умели совершать таких выражений, и уж тем более одинокий дракон не стал бы плеваться пламенем на скорости. И дикие ступы, и дракон сначала затормаживали и, лишь сойдясь с врагом вплотную, начинали биться. Неправильный дракон, ведомый ведьмой-отступницей, плонул и попал. А что может сделать огненный шар, несущийся со скоростью взбесившегося помела, объяснять не надо, это представит любая сопливка, словившая свою первую бирюзовицу.

Ступа, неосторожно попавшая под удар, вспухла взрывом, который было некому видеть, поскольку глаз на таких расстояниях бессилен. Лишь через день люди профессора Мелоу, словно трупоеды, собираются на месте трагедии и доложат строгому начальнику, что действительно на этом месте взорвался звездолет, построенный на земных верфях, и хотя ни одного крупного фрагмента не сохранилось, но анализ газа и пыли, оставшихся на месте взрыва, позволяет утверждать, что никакой серьезной реконструкции корабль не подвергался.

Ах, как приятно быть экспертом, который работает не торопясь и в безопасности! Задним числом он восстановит ход событий и авторитетно объяснит, как именно следовало поступать во всякое мгновение боя, чтобы результат стал еще сокрушительней.

Влад в эти мгновения не думал ни о чем. Убегать, пользуясь преимуществом в скорости, было поздно, любой рывок за пределы крошечной каверны, образовавшейся после гибели первой ведьмы, пролегал через центр одной из гексаграмм. Словно загнанный зверь, Влад кротился на одном месте, огрызаясь от наседающих шавок. Умненькие шавки с первого раза усвоили, что дракон кусается не как иные, и теперь они заботились не столько о том, чтобы охватить его шестиугольником, но больше опасаясь превратиться в пар, подобно неудачливой подруженьке. Будь их по-прежнему тридцать шесть, вся битва превратилась бы в подобие математической головоломки, поскольку каждая ступа находилась в узле нескольких гексаграмм, а все вместе они составляли две независимые системы, прикрывающие друг друга. Ринуться к любой из ступ значило влететь в соседний шестиугольник, а если стрелять издалека, ведьма, сидящая в ступе, успеет увернуться. Теперь, когда они настороже, повторить удачный дальний выстрел не удастся. А тем временем, поднятые по тревоге с Новой Земли, спешат дополнительные шестерки доброволиц, мечтающих принять участие в загонной охоте.

Залп! Огненный шар унесся к одной из дальних ступ. Та отшатнулась, нарушив безукоризненный строй, дракон ринулся в образовавшуюся брешь и вторым залпом спалил неосторожную ведьму, что под прикрытием товарок полагала себя в безопасности.

— Что, взяли?!. — рычал Влад, не думая, слышат ли его. — Сейчас еще ограбете!

Мирзой-бек на своей станции с восторгом следил за происходящим. Земным катерам было приказано не высовывать носа в пространство. Сейчас весь космос седьмого сектора был отдан под смертельный балет торпедников, а хитроумные аборигены Старой Земли смотрели, учились и старались понять, как следует жечь неуязвимых и таких ненадежных союзников.

Новый курбет, головоломней первого, и еще одна точка исчезла с экранов локаторов, еще один катер вместе с захватившей его наездницей обратился в яркую вспышку, которую никто и никогда не заметит. Но из ниоткуда, проламывая метрику Риманова пространства, уже вывалилась первая шестерка спешащих к расправе ведьм.

И даже не шестерка, а семерка.

Центральная цель, не корабль-призрак, а, судя по следу, одинокая торпеда рвалась к Владову истребителю, совершенно не думая, что не только дракон, но всякая дикая ступа сшибет ее на этой траектории первым же выстрелом.

— Ищайка! — отчаянно выкрикнула Чайка, с ходу понявшая, что грозит им.

С нечленораздельным проклятием Влад нажал на гашетку, но плазменный заряд прошел, словно по пустому месту. Да там и было именно пустое место, неуязвимое и смертельно опасное.

Прибывшие ступы мгновенно залатали дыры, прорванные в сети атакой Влада, и началась методичная, отточенная игра, в которую лишь мечущийся дракон и ищайка, слепо копирующая его рывки, привносили элемент неожиданности, превращающий бездушную стереометрию в убийственное искусство.

Но всякое искусство тем и замечательно, что не может длиться вечно. Трезвый разум уже мог предугадать, когда именно бой закончится, дракон замрет в беспомощной неподвижности и можно будет накинуть на него жесткий аркан.

Понимали это не только охотницы, но и жертва.

— Пелену! — прорычал Влад, производя очередной выстрел, уже не прицельно, а просто потому, что не мог сдаться без боя.

Пелена явилась немедленно, хотя Чайка лучше всех знала, что ждет ее за гранью Вселенной. Сегодня безмятежное небо Новой Земли, словно соты, расчерчено сетью шестиугольников. Уже не десятки, а сотни и тысячи ведьм ждут там, желая позабавиться охотой и воздать отмщение преступнице, осмелившейся... Да плевать, на что она осмелилась! Главное ее можно безнаказанно убить, а потом впрыгнуть в ступу, которая умеет так удивительно летать. На Новой Земле нет ни единого шанса продержаться хотя бы полминуты. Но когда тот, кто ведет бой, требует, чтобы явилась пелена, пелена должна явиться, иначе такие бойцы нигде не продержатся и полминуты.

Привычная Вселенная сложилась в плоскость, ограниченную завесами, за любой из которых ждала неминуемая смерть. И затем на глазах у десятков ужаснувшихся ведьм истребитель Влада Кукаша прорвал рыжую границу и ушел туда, откуда никто не возвращался и откуда не являлось ничего, кроме гибели.

Разъяренный вопль множества бабьих глоток не был услышан имперскими радистами, и Мирзой-бек еще долго не знал, чем закончилось разыгравшееся на его глазах сражение.

ГЛАВА 17

— Вла-ад!.. — кричала Чайка.

Не было в этом крике ничего, кроме отчаяния смертельно перепуганной женщины. Чайка оглохла, ослепла и, если бы не страх, вполне могла бы считать, что ее уже нет.

Великого труда стоило закричать, но крик был услышан.

— Я здесь! — раздался знакомый голос, а затем Чайка увидела Влада.

Влад, изогнувшись, нависал над пультом и, судя по всему, гнал куда-то корабль, терзая форсажем двигатели. Почему-то Влад оказался очень близко, переборка и пятьдесят шагов внутрикорабельного пространства куда-то делись, и Чайка дотянулась и прижалась щекой к босой ноге, снизу вверх глянула на единственного родного человека в этом чужом мире.

Лицо Влада было страшно. Оно разливало окрест черное сияние, и кровавые тяжи, перегораживавшие путь, лопались, коснувшись этого мрачного облака. Чайка не знала, что за струны стягивают съежившееся пространство; но четко представляла, что случится, если хоть один из этих тяжей случайно хлестнет по ней. До сих пор она была жива только потому, что горящий черным пламенем Влад разрывал багровую паутину, прикрывая Чайку собой.

— Скорость! — крикнул Влад.

Чайка не могла понять, что видит он сейчас, от кого бежит, с кем ведет бой, но послушно оборотилась к двигателям, понукая мертвую машину мчаться все быстрей и быстрей.

И все же нечто невидимое упорно догоняло их. Лиловатое плесневое свечение обозначилось совсем

рядом, ноги ожгло болью, одевка вскинулась защищать и тут же была съедена, неведомое слизнуло неуязвимую одевку, кажется даже не заметив. Следом тяжкая ломотная боль охватила помело. Чайка прежде не представляла, что помело может так болеть...

— Вла-ад! Оно уже здесь!

Лиловая гниль кромсала черную ауру Влада, и чистая, незамутненная ненависть рвалаась на клочья, которые тут же испарялись, а Влад, кажется, не чувствовал, как гибнет единственная защита его разума, подаренная предусмотрительным Мирзой-беком. Зато он немедленно расслышал крик о помощи. Знакомая теплая волна поднялась навстречу Чайке, и той сразу стало тепло, а лиловая муть съежилась, словно на нее плеснули кипятком. Теперь голову Влада окутывало золотистое сияние, в котором бесследно затерялись ошметки незамутненной ненависти. И когда красные струны вновь преградили путь, а их было уже нечем прожигать и Влад вскрикнул болезненно, Чайка кинула ему на помощь все тепло души, что называла любовью и что не называла, потому что сама не знала, что такое чувство живет в ее сердце.

Теперь они оба скрывались в коконе, светящемся, словно завеса, отгораживающая родной мир, и как только Влад крикнул: «Скорость!» — завеса явились, а оранжевая Вселенная, которую они называли безжалостным словом «инферно», безропотно отпустила дерзкую пару.

Пространству вернулись прежние свойства, Чайка, поняв, что от Влада ее отделяет пятьдесят шагов и наглухо задраенный люк, вновь закричала от ужаса. Вскочив, она кинулась к люку, принялась ба-

банить в него кулаками. Она не чувствовала Влада и воображала самые жуткие картины. Наконец запоры поддались, люк распахнулся.

Влад сидел за пультом, уронив лицо в сложенные ладони. Экран перед ним пугал чернотой, лишь несколько бесконечно далеких точек оповещали, что корабль все-таки вырвался из недобродой оранжевой Вселенной.

Чайка сделала один шаг, второй... уронила метлу, обхватила Влада за плечи и наконец расплакалась, безо всякой истерики, легко и освобожденно.

— Ну что ты?.. — пробормотал Влад, не оборачиваясь. — Видишь же, вырвались. И приятельницы твои нас тут не отыщут, и кракена никакого не было.

— Был... — всхлипнула Чайка. — Ты его просто не разглядел, а он всех моих бирюзовиц сожрал, и птаха, и одевку. Как есть голой оставил. Он бы и меня сожрал, если бы не ты. Как ты его ударил!.. Прости, я говорила — ты слабый, а слабая, оказывается, я...

Чайка чувствовала, что сейчас, прямо сию минуту уходит что-то не просто важное, а драгоценнейшее, чего в ее жизни не бывало и, если сейчас не удержать, не будет уже никогда. Никогда не будет такого единения, как в ту минуту, когда они спасали друг друга, убегая от обитателей инферно. Словно Влад сам на себя накинул узду и теперь сидит, отвернувшись, и в голосе его нет восторга.

— Вот видишь, — сказал Влад, — как удачно я не выкинул китель. Он тебе будет как раз до колен. А там и ночь Малой Луны начнется — добудешь себе новую одевку.

— Влад, — тихо позвала Чайка. — Я тебе совсем не нужна? Ты даже взглянуть на меня не хочешь?

Влад поднялся, шагнул ей навстречу. Чайка ждала, брезвально опустив руки, помело валялось на шаг сзади. Тяжелые ладони легли ей на плечи, потянули к себе. Мир качнулся и опрокинулся, изголодавшийся зверь, которого Влад из последних сил удерживал жесткой уздой, оказался вдруг совсем рядом, и это было ничуть не страшно.

ГЛАВА 18

И все-таки истребитель военно-космических сил удивительно плохо приспособлен для любви! Теснота, холодная металлокерамика полов... Жестко, неуютно. Единственная уцелевшая тряпка — лейтенантский китель, хотя и лишен колючих нашивок и знаков различия, но не способен заменить супружескую постель. Костер в сырой пещере и охапка палой листвы вместо ложа кажутся верхом удобства. Как сказал робинзонствующий лейтенант Якобсон: «Эти современные технологии — кошмар!»

Но если вдуматься, все это ерунда. Есть руки, есть плечо, на котором так удобно прикорнуть, когда ни человеческих, ни ведьминских сил уже не осталось. А уж согреть друг друга двое всегда смогут.

— Вла-а-ад!.. — на этот раз Чайка тянула имя, словно мурлыкала, пробуя каждый звук на вкус, наслаждаясь им.

— Здесь я, здесь, — шептал Влад, ладонью прикрывая плечи Чайки от воображаемого холода.

— Ты знаешь, — зашептала Чайка, — что самое удивительное? Ты ведь со мной можешь все что угодно сделать: всю силу выпить, в себе растворить верней, чем кракен. Я же перед тобой совершенно

беззащитной остаюсь, а ты — себя отдаешь. Почему? Этого никто из ведьм просто бы не понял. Они бы испугались так.

— А ты понимаешь?
— Нет. Но не боюсь ни капельки. Я же тебя люблю.

— Вот и я тебя люблю.
— Как хорошо! А еще раз можешь это сказать?
— Конечно. Я тебя люблю и буду повторять это каждую минуту.

Чайка смеялась затаенно, словно кто-то мог подслушать и сглазить ее счастье, вновь тянулась к Владу с ласками и глупыми вопросами, в которых скрыт смысл жизни.

— Что-то я так разнежилась... вот возьму и усну прямо как есть.

— Спи. А я покараулю.
— Ой, а ты помнишь, как ты эти самые слова сказал в первый день, когда мы только познакомились? Как это давно было!

— Недели две назад.
— А по-моему, так целую жизнь.
— Конечно, целую жизнь. Ведь настоящая жизнь и началась с той минуты, как мы встретились.

— Я еще так удивилась, когда ты, почти безо всякого заклинания, уснул. Я сначала решила, что ты никакой силе сопротивляться не можешь, а потом увидела, что можешь, еще как! А ты, наверное, уже тогда меня любил и поэтому так доверял. Правда?

— Наверное... Просто я сам этого еще не понимал.

— А я и вовсе дурой была. Рыкала на тебя, ровно ведьма.

Чайка негромко засмеялась и тут же, безо всяко-го перехода, уснула, ткнувшись носом в плечо Владу. А тот, отчаянно борясь с сонливостью, вполне естественной в такую минуту, лежал, оберегая ее сон. Лучше всего было бы уснуть обнявшись, а по-том вместе проснуться, но Влад понимал, что его любимая не простая девушка. Могучие колдуны во сне совершенно беспомощны, всякая жупельница может пожрать их в эту минуту. А сейчас Чайка, впервые с того дня, как она затянула лыки на своей метле, спит, не закрывшись в защитный кокон, це-ликом и полностью полагаясь на неусыпную заботу Влада. Неусыпную, в самом прямом значении слова. И никак нельзя допустить, чтобы, проснувшись, она увидела, что он дрыхнет, оставив ее беззащит-ной перед всем миром. Она должна знать, что он не спит, хотя здесь, в непредставимой дали, им ничего не может угрожать. Сюда вовек не залетали ни им-перские разведчики, ни даже ведьмы, для которых над океаном не существует расстояний, поскольку всякие расстояния скрадываются, если нырнуть в мир Новой Земли. Вот только и ведьмам совершен-но нечего делать среди такой всеобъемлющей пусто-ты. Влад с Чайкой не просто вылетели за пределы галактики, а унеслись так далеко, что здесь явно не бывало никого из живущих. Хотя, черт его знает... на приборы все-таки следует поглядывать.

Влад, изогнувшись, бросил взгляд на пульт. Рос-сыпь зеленых огоньков успокоила его. Ни души... И в инферно, где, по словам Чайки, обитают неви-данные чудовища, тоже никого не было. Там в мед-лительном водовороте перемешивались некие суб-станции, для обозначения которых у Влада не нахо-

дилось слов, а корабельные приборы попросту пасовали, утверждая, что впереди ничего нет. Но все же Влад видел, как разноцветные слои, соприкасаясь, взаимно истаиваются, и тогда в водовороте появляется прослойка чистого пространства. Странного пространства, бедного, вырожденного, в котором за те минуты, что корабль мчал через инферно, не удалось обнаружить никаких частиц или известных полей. Только индикатор пси-вектора, зашкаливая, пылал зеленым огнем. В пространстве, не знающем гравитации, искаjались и расстояния, но все же там удавалось двигаться. К сожалению, то чуждое, что варилось в этом кotle, немедленно начинало уничтожать родившееся пространство, вновь обращая его в свою призрачную плоть. Так продолжалось до тех пор, пока вновь не происходило соприкосновения субстанций. Больше всего Владу не хотелось попасть туда, в зону аннигиляции, и он таки сумел проскользнуть между Сциллой и Харибдой и вывес-ти звездолет в родной мир. Пару раз он даже успел выстрелить в белый свет, как в копеечку, просто для того, чтобы узнать, как субстанции отреагируют на присутствие вещества. Плазменные шары, так удачно дробившие стальные бока Седьмой базы, бесследно рассеивались, едва коснувшись цели.

Что сделает субстанция с кораблем, Влад благоразумно не стал проверять. Себя он чувствовал в безопасности: лишь один раз, живо напомнив поводок майора Кальве, секанула по телу боль, но тут же бесследно исчезла. А вот Чайка кричала так, что не оставалось сомнений — 'ей здесь не выжить, и Влад стремился поскорей уйти из неприветливого инферно. Хотя набрать скорость удалось с трудом, встречных

частиц там не было по определению, и пришлось тратить воду. Хорошо все-таки, что они с Чайкой во-время напоили ступу. А то ведь не вырвались бы...

Впрочем, хорошо все, что хорошо кончается; они в родном мире, кругом, сколько видят локаторы, свободный космос, Чайка спит, впервые спит без помела, открыто и доверчиво, а зеленые огни на пульте успокаивающе твердят, что все в порядке.

Влад осторожно протянул руку, придинул поближе помело. Должно быть, со стороны это движение смотрится до ужаса нелепо, но со стороны смотреть некому, а Чайке так лучше. Влад знал, что сейчас он может лишить Чайку всякой силы, превратить в обычную женщину, с которой не будет никаких проблем, но даже в глубине души такого желания не проскользнуло. Раз уж привела судьба любить ведьму, люби и ее метлу.

Спать уже не хотелось, хотелось просто лежать, телом чувствовать тепло спящей Чайки, смотреть на ее лицо, такое детское, что просто стыдно становится. Слушать чуть заметное дыхание и понимать, что бережешь сон любимой.

Влад еще раз, изогнув шею, глянул на пульт, и его словно ожгло: он запоздало сообразил, что индикатор пси-вектора тоже горит зеленым, а ведь его устанавливали в расчете на то, что корабль будет летать лишь при повышенных значениях пси-вектора! А для Чайки это означает, что из растревоженного инферно лезут фантастические его обитатели. И неважно, что они представляют собой на самом деле, — главное, для волшебницы это смертельно опасно.

Влад крепче прижал спящую девушку, затравленно оглянулся, выискивая таинственную опасность. Чайка медленно открыла глаза.

— Как хорошо! — прошептала она. И лишь затем, почувствовав неладное, спросила: — Что-то случилось?

— Пси-вектор шкалит. Как бы твой кракен не выполз.

Чайка проснулась в золотистом коконе, в каком они с Владом прошли через инферно. Он напоминал защитное поле метлы, но был просторней и прямо-таки излучал ощущение покоя и безопасности. Впервые не хотелось немедленно оглянуться и проверить, все ли в порядке. Чайка сладко потянулась, потерлась лицом о Владово плечо, спросила что-то незначащее, и вслед за тем ее сознания коснулось страшное слово «кракен».

Даже сейчас Чайка на мгновение испугалась. Не за себя — за Влада. И еще — за помело, которого в эти мгновения она вовсе не чувствовала. Вскинувшись, Чайка магическим взором обвела окрестности. Страшная плесень, от которой они едва сумели уйти, заливала весь космос, сколько видел глаз. Здесь, где пространство было идеально чистым, плоть кракена не бурлила и не выбрасывала протуберанцы, напоминающие призрачные щупальца, и можно было видеть совершенно ясно, что никакого торжествующего или издыхающего чудища нет и в помине, а есть нечто неодушевленное, не поле и не вещества, но что-то из разряда этих же явлений. Просто это было явление чуждого мира, нездешнее и потому бессмысленно опасное. Лишь у самого корабля, грубого и вещественного, кракен чуть отступал, но и тут его было вполне достаточно, чтобы

ведьма не могла прожить и двух ударов сердца. И все же, разглядев врага, Чайка немедленно успокоилась. Влад был в порядке, руки его не дрожали, и душа, настежь открытая перед Чайкой, излучала тепло. Ненависть, рожденная прошлой жизнью, никуда не делась, но она скрылась в глубине и была в эту минуту совсем незаметна. Такому человеку адский пришелец ничего не мог сделать.

С помелом тоже было все в порядке, оно немедленно отклинулось, оказавшись совсем рядом, надежно защищенное мужской заботой. И бесформенная гибель, жалкое подобие той напасти, что караулила их в мире инферно, пасовала перед золотым бутоном, плотно сомкнувшим лепестки над обнявшейся парой. Фиолетовая плесень, касаясь золотого веретена, исчезала так быстро, что, казалось, слышно шипение.

— Что-нибудь видишь? — тревожно спросил Влад.
— Ага! Он уже здесь. Ждет. Только пока ты меня обнимаешь, он ничегошеньки сделать не может.
— Ну, тогда ему долго ждать придется!
— Ага! Долго...

ГЛАВА 19

Кракен окончательно истаял едва ли не через сутки, но Влад и Чайка ничуть не жалели об этом времени и не считали его потерянным. Собственно говоря, не будь здесь никакого кракена, они все равно не разомкнули бы объятий. Однако всему на свете рано или поздно приходит конец.

— Уф, жарко!.. — произнесла Чайка.
— Да, душновато, — согласился Влад.

Он поднялся, подошел к боковому пульту, куда было выведено управление системами жизнеобеспечения, присвистнул:

— Ого! А ведь у нас с тобой воздух кончается. Система регенерации сдохла. — И, перехватив удивленный взгляд Чайки, поспешил поправиться: — Нет, она и не была живой, просто выработала свой ресурс, и теперь у нас кончается воздух. В баллонах — сущие слезы. Помнится, Мирзой-бек предупреждал, что компрессора у нас нет...

Подобная напасть Чайке в голову не приходила. Одевка и помело всегда надежно защищали ее, так что юная ведьма попросту не задумывалась над тем простым фактом, что в космосе нечем дышать. Она потеряла нос, соображая, потом спросила:

— Что же делать?

— Это у тебя надо спрашивать. Мы летаем, пока кислород в баллонах есть, а твои прабабки улетели со Старой Земли безо всяких баллонов. И одевок у них в ту пору не было. Значит, дышали чем-то над океаном.

— Им достаточно было разогнаться и проломить дорогу на Новую Землю. Для этого одного часа за глаза хватит, даже если рядом с островом находишься. Один час можно и не подышать. А на Новой Земле есть и одевки, и все остальное. Так на Новую Землю мы хоть сейчас можем попасть. Только ведь там заклинание это паршивое действует.

— Это верно. Очень не хочется сообщать старухам, что мы живы. Да и тебе не стоит возле генераторов лишний раз ошиваться.

— Точно... Ты говорил, там какой-то высокий фон. О каких глупостях теперь приходится думать...

Чайка уже не лежала, ткнувшись в плечо Владу, а сидела на корточках в любимом углу, покачивала в руках метлу, словно прикидывала его тяжесть. Куда-то исчезла девушка, не способная говорить ни о чем, кроме любви, перед Владом вновь была ведьмой, готовая решать невыполнимые задачи и сокрушать преграды. И даже нагота никого не ввела бы в заблуждение: ведьма остается ведьмой вне зависимости от одежды.

— Сущие слезы — это сколько? — спросила Чайка.

— Если в рубку кислород стравливать, то дня на три. Если в масках сидеть, то побольше — в маске собственный патрон регенерации. Вот только маска у нас одна. Если в очередь будем в маске сидеть, то дней на пять растинем, может быть, на семь. А до ночи Малой Луны десять дней. Ни при каком раскладе не выдержим.

— Получается, что одному воздуха хватит на две недели, — задумчиво произнесла Чайка. — То есть один запросто досидит.

— Нас двое, — Влад даже не счел нужным возмутиться.

— Конечно, двое. Но ты обычный мужчина, а я — ведьма. Ты будешь в маске, а я попробую вообще не дышать. — Чайка улыбнулась беспомощно и добавила: — Трудно будет...

— Не дышать десять дней? — недоверчиво спросил Влад. — Думаешь, справишься?

— Не знаю. Я ни разу не пробовала. — Чайка улыбнулась еще раз, хотя на глазах стояли слезы. — Не дышать — ерунда. Если невмоготу станет, вынырну — и все дела. Вот только... ты меня не забудешь за это время? Ведь десять дней не увидимся...

Это было сказано так неожиданно и наивно, что Влад принялся доказывать, что не разлюбит Чайку за десять дней. И когда он это доказал, дышать в рубке было уже совсем тяжело. Теперь приходилось действовать, и Чайка, перехватив помело поудобнее, сосредоточилась и замерла, обратившись в голубую торпеду.

Влад повздыхал от тоски и недостатка кислорода, нацепил маску и занялся делом. На индикаторе пси-вектора был установлен зуммер, который Влад отключал всякий раз, как оказывался в пространстве один. Теперь зуммер надо было не просто подключить, а сделать так, чтобы он гудел в те мгновения, когда пси-вектор не падает, а растет. Говорят, в прежние времена такие вещи делались простой перекидкой контактов, но сейчас зуммер пришлось довольно хитрым способом перепрограммировать.

— О, эти современные технологии! — мурлыкал Влад сквозь маску. — Ужас, ужас, ужас! Пам-тиарам-пам!

Торпеда светилась в любимом Чайкином углу, и Влад не знал, видит ли его Чайка, слышит ли, понимает ли, чем он занят... На всякий случай он комментировал любое свое действие, рассказывал, что и зачем делает.

— Вот так мы его наладим, теперь он гудеть будет, ежели гости из инферно пожалуют... Никто к нам скрытно подобраться не сможет. А мы еще от локаторов сигнал подадим, так совсем славненько станет... Теперь, ежели что, он меня разбудит. А я спать лягу, так, говорят, меньше воздуха потребляется...

Десять суток тянулись до бесконечности медленно. Влад спал, сколько получалось (не очень-то спит-

ся, когда с любимой совсем рядом происходит неведомо что, быть может — опасное, и уж во всяком случае, не слишком приятное). Остальное время он или лежал, вслух разговаривая с неподвижно висящей торпедой, либо сидел за пультом, безуспешно пытаясь определить координаты корабля, узнать, куда их занесло из Вселенной, не знающей расстояний.

Обычно звездолет ориентировался по излучению квазаров, после чего в ход шли внутригалактические объекты. Но сейчас звездолет оказался так далеко от родной галактики, что даже если в зоне видимости и очутились какие-то известные квазары, то спектральные их характеристики оказались изменены настолько, что узнать их не представлялось никакой возможности. Оставалось надеяться на сверхчувственное восприятие помела, которое, по словам Чайки, может найти дорогу домой абсолютно откуда угодно.

Странно, вроде бы они сделали все, чтобы как можно дальше бежать и от имперских властей, и от совета ведьм, но едва добились своего, как захотелось быть поближе к людям. Робинзонить приятно, если в любую минуту можешь вернуться в родной Йорк. Всякая непреодолимая преграда бросает человека вызов и существует только для того, чтобы ее преодолеть.

Он точно рассчитал время, начиная с которого им обоим хватило бы воздуха, и сообщил об этом Чайке. Голубая сигара осталась безмолвной. Впервые Влад перепугался по-настоящему, что Чайка не сумеет вернуться, когда подойдет срок... В конце концов, хронометра у нее нет, и она может оставаться с своей нирване до тех пор, пока подобие смерти не обратится в смерть настоящую. Влад видел лишь

один способ проверить свои опасения: воспользоваться биоманипулятором в надежде, что шок от прикосновения ненавистной кремнийорганики заставит Чайку выйти из приступа. Способ вдвойне жестокий, поскольку сам Влад мог сколько угодно касаться квазиживой кремниевой плоти. Ему был недоступен этот ужас и неведома такая мука, но именно поэтому он не мог допустить, чтобы языки кадавра коснулся Чайки. Разве что в самом крайнем случае, когда ничего другого не останется...

Крайний случай не наступил. Десятые сутки были еще далеки до исхода, когда безо всякого предупреждения голубое свечение погасло и в рубке объявилась Чайка. По счастью, именно в эту минуту Влад смотрел в угол, так что метаморфоза произошла прямо на его глазах.

Вид у Чайки был неважнецкий, лицо осунулось и приобрело мертвенно-фиолетовый цвет, круги под глазами пугали грозовой чернотой, но сами глаза сияли радостью. Чайка судорожно открывала рот, стараясь вдохнуть спертый воздух рубки, отчего казалось, что она пытается сказать что-то вслух, хотя колдунье вовсе не обязательно издавать звуки, чтобы говорить.

— Получилось! Ведь получилось! — услышал Влад.

Влад кинулся к Чайке, на ходу сорвал кислородную маску:

— Дыши! На вот...

Чайка безропотно позволила прижать маску к лицу, не вдохнула, а словно бы куснула воздуха. Лицу медленно возвращался нормальный цвет.

— Как ты? — тревожно спрашивал Влад.

— Нормально. Первые три дня трудно было, а потом уже все равно.

Влад видел, что ничего нормального нет, Чайку водит, словно в сильном жару, когда с минуты на минуту может начаться бред. И ежели случится такое, то они вовсе никуда не улетят, а останутся дрейфовать в пустом пространстве, бесконечно далеко от любой из галактик.

Интересно, можно ли вылететь за пределы метагалактики, и если можно, то что встретит путешественника там?

Постепенно Чайка отыщалась, шалым глазам вернулось осмысленное выражение, она начала стаскивать маску и требовать, чтобы Влад тоже подышал немножко. Влад дохнул пару раз, затем принялся возвращать маску Чайке. Часа три прошли в нежных препирательствах, кто именно должен дышать свежим воздухом, затем пришло время действовать. План действий был обговорен заранее, так что Влад заставил Чайку напялить на голое тело китель — невелика защита, но все-таки антирадиационная пропитка имеется и у кителя, — затем Чайка последний раз хлебнула кислорода, и люк между помещениями был захлопнут.

— Летим?

— Летим!

Скорость они набрали во мгновение ока и пронзили пелену в ту самую минуту, когда Малая Луна воцарилась на небосводе Новой Земли. Ночь плеснула навстречу фантомами недоступных звезд и стеною холодного душистого воздуха. Даже не просто холодного, а ледяного, пронизывающего, хотя что

там пронизывать, когда на тебе не надето ничего, кроме собственной кожи.

Влад непроизвольно вздрогнул, стараясь сжаться в комок. На таком ветру замернешь до смерти в пять минут.

— Что-то не так? — донесся голос Чайки.

— Прохладно слегка, — отозвался Влад.

Внизу тянулась бескрайняя снежная равнина, лишь вдали приподнимались на жалкую десятикилометровую высоту такие же заснеженные и мертвые горы. Крошечная луна, размером не более полградуса, заливала пейзаж призрачным светом.

— Да, — согласилась Чайка. — Здесь мы одевок не отыщем. Все замерзло.

— А до дому отсюда далеко?

— До дому отовсюду близко. Часа через полтора будет точка, откуда можно выпрыгнуть в знакомые места. Наверное, так и придется делать. Там океан не пустой, есть острова. Найдем остров, где можно дышать, и пересидим две недели.

— За полтора часа я дуба дам! — взмолился Влад.

Он почувствовал, как Чайка проникает в него магическим взором, стараясь понять, что, собственно, не в порядке. Затем Чайка вскрикнула, словно это ее обожгло тридцатиградусным морозом.

— Скорость! Влад, миленький, продержись полминуты!

— Нормально... — просипел Влад, направляя иглу катера, куда указывала Чайка.

— Пошел!

Корабль проколол пелену, ветер мгновенно стих, из кондиционера ощутимо пахнуло теплом. Но Влад понимал, что теперь в их распоряжении лишь те ку-

бометры воздуха, что они успели зачерпнуть, пока неслись над тундрой, в которую их так неудачно за-кинуло. Понимала это и Чайка.

— Сейчас опять к Земле нырнем! — крикнула она. — Надеюсь, там будет теплее, хотя заранее ничего знать нельзя.

— Ты не оправдывайся, а дорогу показывай!

На этот раз они попали в края, где царило лето, хотя ночной ветер показался окоченевшему телу пронзительным и неприятным. Впрочем, через минуту Влад притерпелся и послушно выполнил все маневры, которые требовала Чайка. Он ничего не говорил, не комментировал ее действия, лишь по-минутно поглядывал на часы. Время убегало стремительно, от недолгой ночи Малой Луны минуло больше часа.

— Болото! — крикнула Чайка. — Рискнем?

— Чем рискуем-то?

— Может, здесь одевок нет. Они ведь не во всяком болоте водятся.

— А времени у нас сколько в запасе?

— Полчаса, думаю, можно потратить. Если опять в зиму не влетим, все будет нормально.

Корабль опустился на краю трясины. Влад и Чайка выскочили наружу. Влад слишком хорошо помнил, как во время прошлой охоты на одевок их перехватила Вайша, и теперь он чувствовал себя крайне неуютно. К тому же одно дело сидеть голышом в рубке, совсем иное — разгуливать в костюме Адама под открытым небом. А Чайка вела себя совершенно естественно. Сказывались годы детства: первой одевкой молоденькие ведьмочки разживаются лет в десять-двенадцать.

Однако и Чайка нервничала, понимая, что время поджимает, и если не успеешь приманить одевку, то вторую неделю в маске уже не просидишь. А нервничать и торопиться, когда подманиваешь одевку, не следует, болотная жительница никуда не торопится и не понимает торопливых. Полчаса были на исходе, а из трясины так никто и не показался, хотя Чайка сказала, что одевки тут есть, она их чувствует.

«Ну хоть не мне, — молил Влад, — Чайке! Она же там, в горячей зоне... Ей нельзя без одевки, ведь облучится, а радиофагов у меня кот наплакал...»

— Время, — с огорчением сказала Чайка, караулившая добычу на другом конце островка. — Пора уматывать. Ничего, как-нибудь доберемся в океане туда, где можно дышать, там две недели пересидим и снова попробуем. Торопиться нам теперь некуда.

— Хорошо, — согласился Влад.

И в это мгновение он увидел одевку. Пестрый лоскуток размером едва в две ладони выполз на сухое. Зверек явно не знал, куда двигаться, он пришел на отчаянный призыв, но так и не понял, кого он должен спасать: ведь тот, кто звал, больше беспокоился не о себе, а о другом. Куда прикажете ползти в такой ситуации?

— Влад! — позвала Чайка. Она уже бросила охоту и торопилась поднять Влада в люк.

Время и впрямь поджимало, и Влад поступил, как не следует поступать с одевками: грубо схватил ее и, недолго думая, зашвырнул в открытый люк. Чайка, находившаяся по ту сторону корабля, не успела ничего заметить. Зато одевка, мигом раскаявшаяся в своем добросердечии, успела основательно вцепиться нахалу в руку. Ладонь словно огнем ожгло, так что

вздумай Влад насилино удерживать одевку в руках, его решимости не хватило бы и на минуту.

А следом Чайка столь же бесцеремонно отправила в люк Влада. Все торопились, всем было некогда.

Не обменявшись ни единственным словом, двое разбежались по местам, корабль взмыл в зенит. Разгонялись, щедро тратя набранную недавно воду. А ведь без нормальной одевки недостаток воды тоже может стать серьезной проблемой...

Космос кольнул глаза огнями далеких галактик, затем они снова на несколько минут скользнули к Новой Земле, где, обещая ветреный день, на полнеба пламенел восход. Набрякшая усталостью Малая Луна падала к горизонту, безопасного времени оставалось меньше четверти часа. Последний раз дракон-отщепенец прочертил запретное для него небо и на истекающих минутах ночи канул в океан.

— Ого! — восхищенно воскликнул Влад.

Они вывалились в самую середину густого звездного скопления. После мертвого пространства, где они дрейфовали совсем недавно, вид бесчисленных звездных огней поражал воображение.

— Нравится? — спросила Чайка.

— Замечательно!

— Только это не твой архипелаг... Ну, как ты его называл... не та галактика, где мы встретились. Туда еще лететь и лететь, даже если к Новой Земле подныривать, все равно за ночь не уложишься.

— Плевать. Давай выбирать планету. Подумать только, целая галактика для нас двоих!

— Ага. Я ее тебе дарю.

— Ну вот... Это я должен тебе звезды дарить, а не ты мне.

— Хорошо, — покладисто согласилась Чайка. — Это ты даришь мне эту галактику. А я тебе в следующий раз подарю. Ну что, куда летим? Тут несколько подходящих островов есть, до которых мы добраться успеваем.

— Погоди минуту, — виновато сказал Влад. — У меня тут проблема, которую без тебя не решить.

Неизвестно, что вообразила Чайка, но в рубку она ворвалась через три секунды.

— Вот, — сказал Влад, указав на крошечную одевку. — Я ее приволок, не успев приручить, а теперь она мечется. Мне ее уже дважды пришлось с пульта сгонять.

Одевка сердито посверкивала глазками и, казалось, готова была зашипеть, если бы только одевки умели издавать звуки.

— Ой, — произнесла Чайка, — какая лапонька! Куда ж такую крохотулю?

— Другой не было. Мне и с этой возиться было некогда, я ее за шкирятник схватил и сюда закинул.

— Бедняжка... — Чайка протянула руку к одевке.

— Она кусается! — поспешил предупредить Влад, но Чайка не успела или не пожелала отдернуть руку. Одевка дернулась, на концах пальцев повисли капли крови.

— Больно... — обиженно произнесла Чайка.

Влад рванулся было на помошь, но остался на месте, сообразив, что Чайка, захоти она это, сто раз могла бы уклониться от атаки, просто сейчас она исправляет последствия поспешной Владовой неуклюжести.

— Бо-ольно...

Одевка была в растерянности. Она съежилась, сжалвшись в комок, словно старалась вовсе исчезнуть с глаз долой. Потом, видя, что раненая рука по-прежнему протянута к ней, подползла и осторожно сплюснула кровь.

— Вот и помирились.

Одевка осторожно всползла на руку, обратившись в подобие черной перчатки. Чайка, сидя на корточках, не то баюкала больную руку, не то осторожно ласкала успокоившегося зверька.

— Куда ж мы ее денем, такую маленькую? Ей бы еще расти лет пять. Хотя лучше такая одевочка, чем вовсе никакой. Ну-ка, давай, малышка, поехали!

Одевка, непредставимым образом растягиваясь, охватила шею Чайке, обратившись в подобие живой горжетки.

— Вот видишь, теперь нам с ней воздуха почти не нужно. Все-таки нужно, но совсем капельку.

— Ты бы лучше ее вот сюда, — Влад коснулся живота. — А то облучишься возле генераторов, потом с детьми будут трудности.

Чайка поникла, плечи ее опустились. Целую минуту она молчала, глядя в пол, потом тихо сказала:

— Зачем ты это сказал? Ты же знаешь, что у меня дочки никогда не будет.

— С чего ты это взяла?!

— А как же? Чтобы ребенок родился, нужно к старухам идти, а я к развоплощению приговорена.

— Вот уж в этом деле мы как-нибудь без старух обойдемся! — весело закричал Влад и сгреб Чайку в охапку.

Бдительная одевка немедленно окрысилась и вцепилась нахалу в предплечье. Пришлось успокаивать

одевку, потом лечить свежую рану и все это время Влад объяснял Чайке, откуда у людей берутся дети. Когда Чайка поняла, что родившийся столь волшебным образом малыш будет не только ее, но и Влада, она пришла в такой восторг, что Владу пришлось уговаривать любимую сначала добраться к ближайшей кислородной планете и лишь потом заводить детей.

Одевка уже ничего не понимала, хотя и кусаться больше не пыталась, а только таращила изумленные глаза. В конце концов Чайка старательно соорудила из одевки тончайшее подобие мини-бикини и отправилась к реактору.

Через несколько часов ступа опустилась на берегу ленивой реки, и первые люди этой земли ступили под безгрешное небо.

ГЛАВА 20

Пробная партия торпедных ускорителей поступила на Седьмую опорную базу через три месяца после заключения договора. Торпеды объявлялись у самой базы, где прежде их не видывали. Шесть торпед правильным многоугольником окружали седьмую. Эту седьмую и забирал высланный навстречу истребитель. Конвой из шести торпед немедленно исчезал, торпедники тоже побаивались новоявленных партнеров.

Расплачиваться приходилось отремонтированными кораблями. Пустые звездолеты присыпались торпедниками исправно, в количествах больших, нежели нужно. На всякий случай люди Мирзой-бека браковали каждый десятый звездолет, говоря, что его уже невозможно вернуть в строй. Торпедники не

возражали, тут же присыпая новые корабли. Корабли почти новые и совсем старые, погибшие триста лет назад, во время первых, самых безнадежных боев. Вскрывали полученные истребители бригады особистов, но все равно по базе поползли слухи самого зловещего свойства. Даже у видавших виды служак не выдерживали нервы, когда одну за другой приходилось вскрывать летучие гробницы. Разлагающиеся трупы недавно погибших пилотов и засохшие останки, пролежавшие в рубках полтора и два столетия... Оказывается, почти никто из погибших в бесконечной войне не погиб сразу, а еще многие годы пилоты пребывали в самом страшном рабстве.

Специалисты, выдрессированные Мирзой-беком, запускали слухи один нелепей и чудовищней другого, жутковатая правда терялась среди них, но все же всякому было ясно, что на базе происходит нечто из ряда вон выходящее. И долго скрывать это от ставки; конечно, не удастся. Мирзой-бек был не настолько самонадеян, чтобы полагать, будто его сотрудники выявили всю независимую агентуру ставки. Управление государством слишком щекотливое дело, чтобы доверять только той информации, что поступает от наместников и командующих базами. Донесения их непременно должны перепроверяться, и для этого у столичных коллег начальника Особого отдела имеются достаточно эффективные методы. И бурная деятельность, которую развернул новый командующий, конечно, не останется незамеченной. Уже дважды радисты Особого отдела ловили всплеск гравитационных возмущений, настолько похожий на естественный, что не оставалось сомнений — работает тщательно замаскированный пере-

датчик, характеристики которого отсутствуют даже в самых секретных перечнях. Вряд ли осведомитель очень хорошо знает, что происходит в недрах Особого отдела; прежние годы не прошли зря, в отделе работали лишь преданные люди да пара давно вычисленных осведомителей, которым поставлялась тщательно отфильтрованная деза. Один из этих осведомителей был назначен руководителем группы по изучению старинных кораблей, якобы извлеченных из обнаруженного узла локальных гравитационных возмущений. Работа эта была «жутко» засекречена, так что второй шпион сообщал лишь слухи, подтверждавшие, что в Особом отделе занимаются чем-то особым.

В официальных отчетах нейтрально сообщалось, что на базе ведутся работы по исследованию локальных гравитационных возмущений. Ничего конкретного в отчетах не было, но обнаруженные возмущения назывались ловушками, откуда столичные аналитики могли сделать немало полезных выводов. Ясно, что новый командующий кое-что приберегает для себя, но рассматривать эту недоговоренность как государственную измену ни у кого язык не повернется. Хотя, конечно, следовало ожидать проверки.

Проверка и впрямь была отправлена, но до места не долетела. Официально это была как бы и не проверка, а вовсе наоборот. Посланец императора летел, дабы вручить Мирзой-беку титул императорского высочества и утвердить его в должности командующего на вполне законной основе. Личная яхта императора, на борт которой венценосный владыка, впрочем, никогда не ступал, была атакована в опасной близости от Земли, так что картину недол-

гого боя можно было наблюдать крупным планом, и в ставке не было никаких сомнений, что это дело рук торпедников.

Ведьмам, разумеется, был не нужен дракон-перосток, для управления которым требовалось не меньше дюжины сестер. Ведьма по сути своей одиночка и в команде летать не станет. Императорская яхта была доставлена на Седьмую опорную базу и передана Мирзой-беку. Сначала совет Новой Земли хотел слупить за яхту какую-то особую цену, но в конце концов торговцы живым товаром сговорились на цене обычной, и за императорских эмиссаров было отдано сорок поспешно обученных каторжников. Как и предвидел Мирзой-бек, высокие гости должны были не только возвести его в императорское достоинство, но и учинить тщательную проверку обстоятельств гибели предыдущего командующего, а заодно и таинственных исследований, которые развернул Мирзой-бек.

По требованию Мирзой-бека законодательство провинции Великая Ньянма спешно ужесточили, на планетах проводилась кампания по борьбе с преступностью, и в то же время смертная казнь была отменена, так что каторжники поступали в обучающие центры широким потоком. Если прежде пилотированию обучали только солдат, совершивших какое-либо преступление, то теперь туда загребали всех кряду, и даже женский отряд был сформирован, но уже после того, как Мирзой-бек выяснил кое-что о своих союзниках.

Мирзой-бек понимал, что сейчас он уязвим как никогда. Долго скрывать подобную деятельность от ставки не удастся, а в случае вооруженного кон-

фликта даже десятикратное преимущество в скоростных истребителях его не спасет. Мятеж просто-напросто задавят тупой силой, как то бывало триста лет назад. А еще больше беспокоили торпедники, о которых, по здравому размышлению, так ничего и не было известно. Ах, если бы удалось заполучить лейтенанта Кукаша и его зеленоглазую подругу!..

Впрочем, самое главное Мирзой-бек знал: в его руках не оружие противника, а пленные. А значит, есть возможность вербовки.

Секретная лаборатория была создана на одной из безжизненных планет, отличавшейся густой и ядовитой атмосферой. Центральный зал изнутри был выстелен квазиживой кремнийорганикой, а через каждые полтора метра вмонтирован биоманипулятор. Предполагалось, что это достаточная защита от освобожденной торпеды. В центре зала был установлен металлический постамент. Большой манипулятор вынес на него пленную торпеду и разжался.

Лет двести назад такие опыты уже ставились и ничем хорошим не кончились. Тогда торпеда разнесла вдребезги лабораторию и с большим трудом вновь была спелената уцелевшими манипуляторами. Научный результат тех опытов равнялся нулю. Опыты были признаны слишком опасными и прекращены на полтора столетия. Разумеется, Мирзой-бек так просто не отступил бы, но в ту пору он еще не родился, а за полтора столетия пыл исследователей поугас, тем более что пойманная торпеда была слишком дорогой вещью, чтобы пытаться взломать ее методом научного тыка, не гарантируя начальству никаких результатов.

В какой-то запрещенной книге Мирзой-бек читал, что имперский строй не заинтересован ни в чем, кроме самосохранения, а значит, его неизбежно ждет застой и гибель. Запрет на исследования пойманных торпед как нельзя лучше подтверждал эту зловредную теорию.

Теперь, когда в распоряжении Мирзой-бека появились первые пойманные торпеды, исследования были возобновлены. В отличие от той давней попытки в изолированном зале не было ничего, никаких приборов, приспособлений и прочего, что вырвавшийся торпедник мог бы использовать в качестве оружия. Имелось лишь несколько телекамер, передававших изображение наблюдателям, которые в свою очередь были изолированы и могли только смотреть и комментировать происходящее. Очень быстро выяснилось, что предосторожность эта была нeliшней. Наблюдатели дружно взревели и кинулись было освобождать пленницу. Когда у них ничего не получилось, они один за другим попадали мертвыми. Впоследствии выяснилось, что оружие, убившее их, было сродни поводкам, на которых тюремщики держали осужденных. Невредимыми остались лишь те экспериментаторы, которые находились на достаточном удалении не только от лаборатории, но и от планеты.

Поскольку пара камер уцелела, было решено продолжить вивисекцию пленной торпеды. Биоманипуляторы на стенах остались неподвижны, выжившие люди профессора Мелоу разглядывали мечущуюся торпеду. Опускаться на оставленный для нее настест она явно не собиралась.

— Пусть подустанет, — распорядился Мелоу со своего очень удаленного наблюдательного пункта.

Подустала пленница через двое суток. Сияние погасло, на помосте объявилась женская фигура.

— Это люди! — полетел зашифрованный сигнал по личному каналу командующего.

Девица лет двадцати пяти взывающе ярком комбинезоне и с каким-то непонятным предметом в руках. Мирзой-бек даже в детстве не читал европейских сказок и, если бы не справка, услужливо легшая ему на стол, ни за что не догадался бы, что за штуку держит вскрытая, наконец, торпеда.

Никогда еще аналитическому отделу не приходилось перерабатывать такой массив оккультной литературы, и никогда прежде работа не приносила столь ничтожных результатов. Зато экспериментаторы преуспели весьма. Через специальный кессон в зал поместили переговорщика. Каторжник, которого в виде исключения держал на поводке не лорд-капитан Ногатых, а сотрудник куда более доверенный. Использовать механизмы, радиопередатчики и динамики князь-полковник Мелоу посчитал излишним. Незачем предоставлять в распоряжение пленницы технику, которую она неведомо как станет использовать. Во время опыта полуторастолетней давности камера была напичкана всевозможной техникой, однако это совершенно не помогло сотрудникам той лаборатории. Торпедники общались с людьми через пленного пилота, точно так же собирались действовать и Мелоу.

Результат вновь оказался не вполне таким, каким ожидали, но все же вполне приемлемым. Поводок, на котором держали смертника, был немедленно со-

рван и столь же мгновенно накинут на доверенного сквайр-лейтенанта, хотя последний находился далеко за пределами системы, где происходили опыты. Несчастный сквайр забился в падучей, требуя, чтобы торпеда была срочно отпущена на волю.

— Свободу необходимо заслужить, — продиктовал Мирзой-бек.

Слова эти были переданы как рвущемуся из рук охраны сквайр-лейтенанту, так и каторжнику, ожидающему гибели от рук девицы, вновь обратившейся в торпеду. Каторжник, еще не знающий, что поводок с него снят, послушно прокричал слова командующего, а затем изумленно сообщил:

— Она спрашивает: «Чем заслужить?»

— Прежде всего, прекратить бессмысленные мечтания и убийства, а начать разговаривать, — поставил первое условие Мирзой-бек.

Свечение погасло, девица вновь обнаружилась на металлическом помосте. Выражение ее лица не обещало ничего хорошего, но освобожденный каторжник все еще был жив и даже передал слова не издавшей ни единого звука пленницы:

— Она спрашивает: «Что дальше?»

Процесс пошел. Мирзой-бек наконец смог говорить, и его слушали, хотя не верили ни единому слову и не соглашались ни с одним предложением. Покуда не соглашались... Как известно, если женщина говорит «нет», это значит, что она хочет покапризничать, прежде чем сказать «да». Мирзой-бек не мог похвастаться слишком большой популярностью у женщин, но эту несложную истину он знал.

ГЛАВА 21

К гранд-майору Кальве явился посетитель. Вообще, во времена полноценной жизни, Кальве был мужиком компанейским, даром что гранд, но любил выпить под проникновенную беседу и в картишки мог перекинуться, исключительно в коммерческие игры, аристократией презираемые. Впрочем, игра и проникновенные беседы всегда бывали аккуратны, ибо сам Кальве и его собеседники минуты бы не задержались донести на собутыльника, сболтни он хоть что-то достойное доноса. Так что приятели у Кальве были, а друзей не было, и некому оказалось навещать болящего в его комфортабельной палате. И на этот раз его навестил не друг, а прямой и непосредственный начальник. Князь-полковник Канн, формально возглавивший Особый отдел, но оставшийся бессловесным исполнителем воли Мирзой-бека. Бывают такие люди, которые остаются исполнителями, как бы высоко они ни поднялись по служебной лестнице. Они грамотны, компетентны, толковы, но совершенно безынициативны. В науке такой деятель, даже защитивши докторскую диссертацию, фактически остается лаборантом при бывшем научном руководителе, в политике — референтом, а двинувшись по части военно-административной, становится вечным замом. Стать начальником Особого отдела полковник Канн смог только потому, что Мирзой-бек желал по-прежнему контролировать работу спецслужб.

И вот этот самый вечный зам явился в больничную палату проводать бывшего подчиненного.

Палата для высшего командного состава — это не солдатский лазарет, где койки громоздятся едва ли не

в два этажа. Тут не приходится сидеть на табуреточке возле изголовья и прятать принесенный грейпфрут в тумбочку. Князь-полковник Канн удобно развалился в кресле, кинул благожелательный взор на Кальве, который, скорчившись, сидел на диване.

— Скорбим? — произнес Канн.

Кальве ничего не ответил. За последний месяц от него не сумели добиться ни единого слова, никакой реакции на окружающее. Впрочем, жестких методов к гранд-майору и не применяли. Кальве целыми днями сидел на диване и изредка постанывал. Членораздельных звуков добиться от него не удавалось.

— У царя Мидаса — ослиные уши, — продолжил беседу князь-полковник.

Это была кодовая фраза, которой, впрочем, гранд-майор никогда не слышал, хотя и был особо доверенным лицом Канна. Просто время от времени, примерно раз в полгода, князь-полковник Канн требовал к себе в кабинет одного из тех каторжников, что курировал гранд-майор, а затем Кальве по сигналу врубал поводок на полную мощность и через пять минут забирал труп. Что именно делал Канн с приговоренными, Кальве предпочитал не интересоваться; в таких делах чем меньше знаешь, тем слаще спишь. Может быть, князь-полковник проводит какие-то личные исследования, мечтая получить менделевскую премию, а верней, что просто тешит садистические комплексы. Маленькая, простительная слабость, в глазах Кальве даже и не слабость вовсе. Если бы тут появилась возможность, скажем, для шантажа, гранд-майор, конечно, не упустил бы ее, но как можно шантажировать подобными мелочами заместителя начальника Особого

отдела? Это все равно, как если бы секретарша вздумала шантажировать своего шефа тщательно скрываемым фактом, что вместо престижного кофе он предпочитает пить в своем кабинете горячее толокно. Странно, немножко смешно, но большой начальник имеет право на забавные странности.

На самом деле никаких опытов Канн не ставил. И странность у князь-полковника была не забавная, а, прямо скажем, несовместимая с его должностью. Нынешний начальник Особого отдела не умел хранить секреты. Сотни и тысячи тайн, к которым он имел доступ, жгли язык. А за разглашение большинства из этих секретов полагались репрессии, от которых не спасет ни титул, ни звание, ни высокая должность. Публичная казнь, долгая, стыдная и мучительная. Пару раз князь-полковник лицезрел такую экзекуцию, и зрелище это не шло у него из головы. И все же болтливость оказывалась сильней чувства самосохранения. Канн знал, что рано или поздно он сорвется. И тогда он изобрел легкий и приятный способ избавляться от комплексов. Оставшись тет-а-тет с приговоренным каторжником, князь-полковник выкладывал ему все тайны и секреты, к каким только имел доступ. А потом наблюдал, как издыхает преступник, осмелившийся коснуться государственных тайн. Таким образом достигались сразу две цели: Канн имел возможность выговориться, а потом получал наглядный урок, что бывает с нарушителями режима секретности.

Но теперь все изменилось — приговоренные каторжники стали слишком большой ценностью, а секреты пошли столь жгучие, что трепещущий язык, ка-

жется, сам готов раззвонить их по всему свету. Тяжела доля брадобрея, допущенного к тайне царя Мидаса.

Вот тогда-то князь-полковник Канн и вспомнил про гранд-майора, который имел достаточно высокую степень допуска, а, учитывая его нынешнее положение, никому ничего не мог разболтать.

В течение получаса начальник Особого отдела делился с подчиненным своими бедами. Контакт с торпедниками, их истинная природа, жутковатый договор по обмену гражданами, истинная причина хвори гранд-майора... И еще много фактов, фактиков и фактишек, не предназначенных для посторонних ушей. Князь увлекся, говорил торопливо, брызгая от возбуждения слюной и не замечая, что прежде безучастный гранд-майор не просто сидит, уставясь в колени, а слушает. И лишь когда Кальве поднял голову, начальника его обожгло предчувствие, что где-то он серьезно лопухнулся.

— Так что ты давай, выздоравливай скорее, — натужно произнес он. — Дел невпроворот, а доверенных офицеров — раз-два и обчелся.

На эти слова Кальве никак не отреагировал, и князь-полковник, торопливо попрощавшись, покинул палату. По дороге он обдумывал спешно родившийся план... Следует поручить кому-то из доверенных лиц незаметно ликвидировать хворого гранд-майора. Сослаться, например, на бред, в котором бывший особист может выдать известные ему тайны. И вообще, Ногатых с готовностью исполнит подобное поручение, ни о чем не спросив. Ведь он до сих пор не утвержден на должности, которую прежде занимал Кальве. А после ликвидации гранд-майора... — дальше Канн ничего формулировать не

стал, лишь засопел удовлетворенно и ускорил шаг. Но даже побеги он, что есть мочи, приказ все равно безнадежно запоздал бы, потому что Кальве в эту минуту уже был на ногах и отточенными движениями оправлял форму, в которую его неукоснительно обряжали по утрам. У гранд-майора появилась цель, которая заставила его действовать.

Ровным шагом, небрежно отвечая на приветствия младших офицеров и не замечая вытянувшийся в струнку рядовой состав, гранд-майор Кальве прошёл в зону, где проводились секретные работы. Вышколенный часовой, знавший гранд-майора в лицо и очень знакомый с его скверным характером, взял под козырек, но с места не двинулся. Устав караульной службы строг — не выполнишь всех формальностей, и господин гранд-майор первый потребует, чтобы растяпу отправили под трибунал.

Кальве и не ожидал иного приема. Не обращая внимания на часового, он заперся в секретной кабинке, вставил в приемник личный жетон со степенью допуска, а затем ввел пароль, который несколько минут назад с идиотским смешком сообщил ему князь-полковник Канн. Громоздкое десятизначное число: 6227020800 — запоминалось чрезвычайно легко, так что, когда Кальве покинул кабинку, часовой не просто стоял навытяжку, но готовился открыть разблокированную автоматикой дверь.

Нечасто штабным офицерам приходится надевать герметизирующий летный комбинезон, однако и с этой задачей Кальве справился с легкостью. Он разгерметизировал помещение, распахнув кессонную камеру, и лишь затем повернулся к четырем голубым сигарам, крепко оплетенным белесыми жгу-

тами биоманипуляторов. Это было последнее поступление, обменянное на триста двадцатьспешно натасканных каторжников. Мирзой-бек не спешил устанавливать на истребители добытые таким образом торпеды. Как и в былые годы, их сначала исследовали, снимая тонкие характеристики, так что каждая торпеда имела собственное имя. По давней традиции это были женские имена, и Мирзой-бек не уставал удивляться прозорливости предков, сумевших разглядеть женскую сущность в страшном оружии инопланетников.

Кальве подошел к первой торпеде и попытался отключить манипулятор. У него ничего не получилось, управление манипулятором было заблокировано. Кальве пожал плечами и достал перочинный нож. Крошечный ножик с вибромолекулярным лезвием мог строгать сталь, хотя Кальве никогда так им не пользовался. Во дни своего всевластья он всего лишь строгал ножом палочку, а каторжники с ужасом следили, как истончается деревяшка в руках гранд-майора. Когда ножик перерезал непрочное дерево, следовала экзекуция всем присутствующим. Впоследствии нож был возвращен больному, ибо врачи ставили свой эксперимент и желали знать, попытается ли травмированный гранд-майор покончить с собой и как именно он предпочтет это делать. Резать вены Кальве не стал, жесткая узда, затянутая Чайкой, не позволяла так просто ускользнуть от наказания, а вот кромсать что-нибудь постороннее ничто не мешало.

Упругая псевдоплоть без малейшего сопротивления уступила ножу, но манипулятор еще обивал сигару. Зато пульт управления замигал тревожными

огнями. Содрогаясь от отвращения, Кальве распорол многочисленные витки липкого жгута, и торпеда, не задержавшись ни на мгновение, исчезла в распахнутом створе, способном пропустить сторожевой катер.

Одну за другой Кальве освободил всех четырех пленниц.

— Валите отсюда! — прикрикивал он, хотя совсем не был уверен, что его слышат и понимают. — Дуйте, пока я добрый!

Последняя торпеда мелькнула в звездном проеме. Кальве задраил люк, наполнил камеру воздухом и стащил скафандр, который было очень неудобно носить поверх парадной формы. С тяжелым вздохом Кальве присел на приступку, где прежде светилась торпеда. Душевная боль не отпускала его, муки ничуть не уменьшились. Ведьма, покаравшая гранд-майора, вовсе не жаждала исправления, она всего лишь хотела наказать, так что никакое доброе действие не могло освободить стянутую узлом душу. И все-таки впереди забрезжила надежда...

...Мигают огни на пультах, где-то воет сирена, слышен топот бегущих ног и крики команд. Весь сектор поднят по тревоге, и лишь гранд-майор Кальве сидит и смеется, как ребенок. Он все-таки ускользнет от наказания: сейчас его арестуют, отдадут под суд и через неделю повесят. Какое счастье!

ГЛАВА 22

Теперь спешить было некуда. Иллюзии и надежды на мировое переустройство угасли сами по себе, а жизнь робинзонов изначально нетороплива. Пер-

ые недели Влад и Чайка посвятили исключительно себе, что, впрочем, было ничуть не удивительно. Во все времена молодожены стремились во время медового месяца оказаться подальше от родных и близких, но еще никому не удавалось совершить такое далекое свадебное путешествие. Даже Чайка с ее метлой не могла разглядеть в небесах родную галактику, указывая лишь примерное направление, где та должна быть.

Лишь когда наступала ночь Малой Луны, кораблик прокрадывался на Новую Землю, так что через пару недель Влад и Чайка уже щеголяли в настоящих одевках, а лоскуток, подманенный Владом, грустил в специальной ванночке, потому что носить одновременно две одевки не удавалось еще никому; одевка – существо ревнивое, и костюм, состоящий из двух одевок, окажется не просто дисгармоничен, но станет непрерывно враждовать сам с собой.

Планета, которую они выбрали для житья, оказалась уютной и приветливой. Теплые дни, ночи прохладные настолько, чтобы было приятно спать, прижавшись друг к другу. Умеренная сила тяжести и изрядный процент кислорода в чистом воздухе. И, как всегда, никаких признаков разума. Хищники, которых здесь было немало, предпочитали гоняться за знакомой добычей, обходя стороной таинственных двуногих, а травоядные подпускали охотника достаточно близко, чтобы тот мог проявить свои умения и сноровку. Вот только умения и сноровки у Влада не было, а из оружия имелась лишь плазменная пушка, способная спалить степь до самого горизонта, но абсолютно бесполезная в качестве охотничьего ружья.

Так что добытчицей, к вящему огорчению Влада, стала Чайка. Углядев пасущихся зверей, напоминающих не то антилоп со свиными хвостиками и пятаками, не то удивительно грациозных свиней, она восторженно шепнула:

— Сейчас у нас будет мясо! Сто лет не ела хорошего мяса!

— Чем их взять? — спросил Влад, демонстрируя пустые руки.

— Так руками и взять. — Чайка вспрыгнула на метлу и, дико завизжав, ринулась к стаду.

Свинолани завизжали не менее дико и кинулись прочь. Впрочем, уйти от летящего помела у них не было ни единого шанса. Чайка описала круг над бегущими и, выбрав жертву, спикировала на спину одного из животных. Взмахнула кулаком, и трехпудовая зверюшка, оборвав визг, задергалась в траве. Зависнув на мгновение, Чайка ухватила тушу за заднюю ногу и поволокла к оторопевшему Владу.

А Влад и впрямь оторопел. Одно дело — признавать, что подруга может кого угодно скрутить при помощи колдовства, совсем иное — обнаружить, что и кулачок у нее крепенький. Причем настолько, что с небрежной легкостью переламывает хребтину изрядной зверюшке. К тому же и свежевать добычу пришлось Чайке — у бывшего каторжника не было с собой даже перочинного ножичка наподобие того, каким орудовал гранд-майор Кальве. И костер разжигала Чайка с помощью своего помела.

Костер потребовал Влад, сказав, что готовить на колдовском пламени, конечно, хорошо, но настоящий шашлык можно зажарить только над углями. Шашлыки и впрямь получились съедобными, но

это слабо утешило Влада. Выходило, что единственная область, где он может проявить себя, — приготовление пищи, то есть дело женское. Вот тебе и сильный пол...

Чайка безошибочно поняла его настроение, она не стала спрашивать, что случилось, а просто присела рядом, приласкалась, а потом чуть заискивающе попросила:

— Влад, а ты не мог бы слетать со мной бирюзовиц половить? А то помело сейчас сытое, а завтра — случись что — пропаду. У меня же никаких запасов не осталось, все в инферно погибло.

Влад с готовностью вскочил и чуть ли не побежал к кораблю.

Бирюзовиц успели нахватать совсем немного, когда Влад почувствовал, как замерла Чайка, задрожав в охотничьем азарте. Он уже давно научился чувствовать Чайку в минуты полета, и ни переборка, ни защитное поле метлы не могли помешать ему.

— Смотри, — зашептала Чайка. — Смотри же!

Влад не видел ничего, но по тону догадался, что Чайкаглядела особо желанную добычу.

— Золотой птах? — спросил он почти уверенно.

— Бери выше. Это заряна.

— Ловим?

Влад ни секунды не сомневался, что услышит согласное: «Ловим!», но Чайка с оттенком восхищения, разочарования и обиды ответила:

— Ты с ума сошел! Смотри, как бы она нас не словила. С заряной даже здесь шуток шутить не стоит. Тетки только рассказывают, будто бы кто-то когда-то заряну словил. Врут небось. Это же силища — побольше твоей пушки, только живая, а значит —

умная. В одиночку ее не взять, а толпой ведьмы только своих травить умеют. Сам посуди, поймают они ее толпой, а дальше что? Та колдунья, которой заряна достанется, власть заберет громаднейшую, а остальным фигу покажет. Потому ведьмы вместе только в малых делах выступают. И еще, конечно, если совет прикажет. Только в охотничьих делах совет не указчик. Так и получается, что порой встречают бабы заряну над океаном, а взять не могут — велика добыча. Знаешь, как говорят: «Сколько рот ни разевай, а тыкву целиком не проглотишь...»

Весь этот монолог Влад выслушивал, выписывая немыслимые фигуры вокруг пустого места. Отчасти весь этот пилотаж напоминал сражение с ведьминскими шестерками или полет сквозь инферно, но тогда Влад видел и понимал, что нужно делать, а Чайка покорно выполняла его указания. Сейчас роли поменялись, кораблем управляла Чайка, а Влад, не рассуждая, кидал машину из одного выражения в другой.

— Ты что делаешь? — спросил он наконец.
— Силки ставлю.
— Все-таки решила ловить?
— А что делать прикажешь? — плачущим голосом пожаловалась Чайка. — Я, может быть, заряну больше в жизни не встречу. Это же штука редкая, что ж ее — упускать? Ты только осторожней, пожалуйста, лучик не задень. А то она не только нас, ступу спалит — пепла не останется.

«Ничего себе игры!..» — Влад изрядно разозлился. Он готов был рисковать, но только если видит опасность. А сейчас... чистейший космос впереди: ни пыли, ни газа; контроль пси-вектора молчит, гравитационных возмущений — следа нет, а ежели

заденешь какой-то неведомый лучик, то останется от тебя одинокая вспышка, зарево на ровном месте. Говорят, бывало, что исчезали разведывательные корабли, не подав о себе никакой вести и не оставив следа. Списывали их на торпедников, а возможно, что виновна была приплывшая с Новой Земли заряна. Черт! Если бы не война и не дурацкое имперское правление, давно бы уже люди обратили внимание на странное явление и, глядишь, докопались бы до его сути, а значит, нашли бы тропку в удивительный мир Новой Земли. А теперь... пропадай бедовая головушка на ловле неведомо чего!

И в то же время Влад знал, что не отступит ни в коем случае. Сейчас ему дана редкая возможность проявить себя мужчиной, и если он отступит, то воспоминание о собственной трусости отправит всю последующую жизнь. Чайка же не трусит, надеется на что-то...

Чайка слышала и понимала каждое, даже невысказанное, слово, малейшее душевное движение Влада. Обычно она позволяла себе слышать только то, что Влад хотел сказать ей, но в моменты опасности, как и минуты любви, все преграды рушились и двое сливались в одно существо, настолько единое, что Чайка серьезно побаивалась, что потом они так и останутся одним человеком в двух телах. И почему-то с каждой минутой близости страх этот убывал. Срастемся навеки — вот и замечательно, все равно друг без дружки нам уже не жить...

И сейчас Чайка знала, что Влад не заденет жгучих лучей; ведь она эти лучи видит, и, значит, Влад, сам не понимая как, сумеет уклониться от опасности.

У себя дома заряна — небольшое стремительное существо, которое порой освещает зарницами небо над Новой Землей. Дома заряна безопасна просто потому, что никто не поспеет схватить ее и попытаться задержать. А здесь, над океаном, куда порой вышвыривает духов Новой Земли, заряна теряет стремительность, чужое пространство раздувает ее неимоверно, но вся сила заряны остается при ней, в чем очень быстро убеждается неосторожный охотник.

— Ах ты!..

— Что случилось? — немедленно отозвался Влад.

— Силки рвет!

Заряна и впрямь начала недовольно ворочаться. В этом неуютном мире все вызывало неудовольствие, но не заметить новую неприятность она не могла. На мгновение Чайка подумала, что, быть может, Влад прав и бирюзовицы, птах и заряна вовсе не живые, ведь мертвое тоже способно рождаться, расти, сопротивляться внешнему воздействию и умирать, когда придет срок, но потом отбросила эти мысли, как несущественные. Всегда легче думать, что имеешь дело с живым, особенно в ту минуту, когда оно вдруг начинает биться, стремясь разорвать старательно сплетенную сеть.

Кораблик непредставимо быстро сновал округ заряны, набрасывая все новые нити заклинаний, словно паучок, в ловчую сеть которого попал грузовой вертолет. И паучишка ни за что на свете не хотел упустить добычу, которой не мог похвастаться никто из его собратьев.

— Не уйдешь! — шипела Чайка, спешно творя новый аркан.

Вновь он был наброшен удачно, на самое, казалось бы, уязвимое место, и вновь разорван с небрежной легкостью, а ступе пришлось совершать головоломный финт, чтобы уйти от опасности.

Неизвестно, сколько так могло продолжаться, но Чайка вдруг почувствовала, что в битве паучка с вертолетом что-то изменилось. И лишь потом разобрала, что Влад, в унисон с ее собственным шипением, злобно твердит:

— Не уйдешь!

Теперь и Влад видел если не саму заряну, то ее контур, очерченный многими десятками кругов, которые успел совершить катер. Сотни тонн воды, выброшенной двигателями, — ничтожно мало для огромного пространства, на котором они рассеялись, но все же этого достало, чтобы приборы заметили свечение разреженного газа. А быть может, просто подсознание запомнило повторяющийся рисунок в нелепых виражах, так что Владу стала мерещиться огромная шевелящаяся клякса с бледно светящейся оторочкой. И значит, появилась возможность осмысленно биться. Биться уже не ради сохранения собственного достоинства и мужского гонора, а просто для того, чтобы Чайка не оставалась беззащитной перед всякой старухой с метлой.

Внутренним зрением Чайка увидела, как поднимается в сознании Влада темная волна. Это была далеко не та ненависть, что культивировал в подопытных Мирзой-бек, здесь Владу было некого ненавидеть, эта тьма была порождена упрямством, охотничим азартом и злостью. В самой Чайке тоже с достатком было и злости, и азарта, но вся эта сила превращалась в заклинания, с которыми зарянаправля-

лась с ловкостью удивительной, а простые безыскусные чувства Влада оказались ей не по зубам. Точно так же порождения инферно, пожиравшие колдовскую суть, пасовали перед простой любовью и обычной ненавистью.

Заряна забилась, затем стала сжиматься все сильнее, стремясь обратиться в точку.

— Ага! — ликовала Чайка. — Не нравится?! Осторожней, Влад, не придуши ее, тихохонько держи! Да смотри, чтобы она коленца какого не выкинула... Ах ты, тварь!..

— Что там? — выкрикнул Влад, не понимающий, как проходит битва, в которой он, оказывается, играет решающую роль.

— Рыпается! Крепче держи!

Теперь все стало на свои места. Держать надо крепче, но тихохонько. Хороший ловец отлично умеет совмещать эти два понятия. До сих пор Владу не приходилось ловить зверье, ни простое — из плоти и крови, ни — тем паче — ментальное, но, видимо, пилот оказался изначально талантлив или проснулся в нем голос предков-охотников, во всяком случае, больше заряне не грозила смерть от удушья, но и никакой возможности для маневра Влад ей не оставлял. Теперь нити заклинаний ложились, оставаясь неповрежденными, и в конце концов паучок осилил чудовищную машину, которая сдалась вместе со всей своей тупой механической мощью.

— Готово, — произнесла Чайка, буднично, словно ловить зарян давно вошло у нее в привычку. — Летим домой. — И только потом призналась: — А то у меня руки трясутся.

— Заряна не вырвется? — спросил Влад, направляя катер к далекой точке, в которую превратилась их звезда.

— Никуда она не денется, пока я не разрешу. Эх, жаль, у меня такой штуки не было, когда я с Вайшей схлестнулась! Сожгла бы стерву — и дело с концом. Да и в прошлом бою — тоже, могла бы разом половину ступ спалить...

— Оставь, — сказал Влад. — Пусть живут. Мир большой, всем места хватит.

ГЛАВА 23

Через несколько недель Влад и Чайка покинули гостеприимную планету и начали откочевывать поближе к обжитым местам. Вкусные свинолани вздохнули с облегчением и вскоре забыли визжащую ведьму и страшный запах шашлыка. Теперь в планах молодой пары стояла необходимость достать компрессор или хотя бы новый комплект заряженных кислородных баллонов, а также обустроить дом, в котором мог бы появиться на свет будущий ребенок. В том, что малыш родится уже в этом году, не сомневались ни Влад, ни Чайка.

Вырастить на островах живой домик, в каких жили обитательницы Новой Земли, до сих пор не удавалось никому, и Чайка тоже потерпела фиаско в этом вопросе, согласившись в конце концов, что лучшим вариантом будет придуманный стариком Якобсоном способ поочередно жить в хижине и рубке звездолета. Однако для постройки хижины тоже нужны инструменты, которых нет на современном истребителе. Хорошо быть Робинзоном, которому

море услужливо выкидывает сундуки со всем необходимым, куда как сложнее повторять робинзонаду Якобсона. Современные технологии — ужас, ужас, ужас! Пам-тирам-пам! В этих условиях Влад с радостью согласился кочевать, лишь бы не строить дом голыми руками. Тем более что на полу в рубке появились шкуры пушного зверя, небрежно выделанные, но зато вполне натуральные.

Очередная ночь Малой Луны мерцала над плоской Вселенной. Влад и Чайка торопились подойти как можно ближе к обжитым местам. Игла звездолета сновала из одной Вселенной в другую, словно настоящая иголка, кладущая ровные стежки, выныривая то с лицевой, то с изнаночной стороны ткани. Недаром слово «материя» имеет два столь разных смысла. Вот только у ткани бытия изнаночной стороны нет, всякая сторона лицевая. И шить приходится сразу набело, без примерок, не имея возможности распороть неудачный шов и перешить наново.

Огни на пульте вспыхнули красным, занудел зуммер тревоги, и одновременно предупреждающее закричала Чайка. Ветер — непременный признак полета над Новой Землей — ударил с ураганной силой, но на этот раз почему-то сбоку. Влад почувствовал, что корабль сшибло с курса и повело в сторону, словно это не звездолет, а наземный роллер с неопытным водителем, неспособным вывести машину из виража.

Пейзаж, открывшийся внизу, казался порождением мрачной фантазии. Тонкие, напоминающие сталагмиты горы, наклоненные под острым углом к земле, тянули обсосанные пики к центру невероятного катализма, который накренил их и оставил

стоять, насмехаясь над равновесием и чувством порядка. Больше не было ничего, только горы и беспросветные провалы меж ними. И ветер, который дул в сторону, снося космический корабль в центр воронки, окруженнной покосившимися скалами.

Еще не поняв, с чем им довелось столкнуться, Влад прибавил скорость, стремясь удалиться от этого неприятного места. Ветер ударили в лицо с такой силой, что Влад очень скоро понял, что долго так не выдержит.

— Что это? — крикнул он, захлебываясь ветром.

— Уходить надо! — вместо ответа закричала Чайка. — Скорость!

Какая скорость, если каменно-тврдый воздух забивает горло, разрывает грудь и, кажется, сейчас выдавит глаза...

Решение пришло мгновенно и словно само собой. Вспомнилось давнее присловье, пришедшее от дедов и прадедов, живших на Старой Земле, с которой еще не ушли ведьмы: «Никогда не дерись с бревном: ты его сломаешь — ничего хорошего не будет, оно тебя сломает — тоже ничего хорошего не будет». Давно уже никто ничего не строит из спиленных деревьев, а присловье живет, напоминая, что разум дан не для того, чтобы тупо бороться против слепой силы. Влад позволил ветру беспрепятственно сносить ступу к той пасти, что обсосала вершины, и все силы кинул на то, чтобы, двигаясь по-перек ветра, набрать нужную скорость прежде, чем пасть сомкнется за ними. Что прячется в пасти, думать не хотелось и совершенно не хотелось попадать туда не по своей воле.

Пелена... прорыв... и перед ними раскинулся космос — дикий и непривычный. Звезд поблизости не было, а далекие галактики казались не точками, а размытыми росчерками, словно во всем мире не осталось ничего, кроме плотного роя комет, стремящихся к общему центру.

Скорость! Мысль эта родилась разом у Влада и Чайки, никто ее не озвучивал, просто летуны удвоили усилия, благо здесь не было чудовищного ветра, способного переломать кости всякому, кто вздумает драться с бревном.

Бежать в мир инферно Влад не пытался, понимая: «это» настигнет их и там, поскольку пронзает все Вселенные, словно стальной штырь кипу бумажных листков. И Влад не горел желанием посмотреть, какой вид примет «оно» в инферно. Значит, уходить надо тут или, сдавшись, проваливаться в глубь черной дыры.

Теоретики много рассуждали на тему, может ли сверхсветовой корабль оторваться и уйти от черной дыры. В теории получалось все, что угодно, а практически люди с такой бедой покуда не встречались. Эманирует ли черная дыра, создавая пространство взамен поглощенного вещества, как изменяется структура времени возле сферы Шварцшильда, и вообще, станут ли гравигенераторы работать там, где понятие гравитации навряд ли имеет смысл?.. Уравнения с таким количеством неизвестных не допускают однозначного решения.

Никакие приборы не могли помочь в эту минуту, поскольку все параметры мироздания были здесь искажены. Чайка потом тоже призналась, что впервые в жизни она не могла сориентироваться и не

знала, куда они движутся и движутся ли вообще. Единственный ориентир, оставшийся у пленной пары, — огоньки исчезающих галактик, вернее, длина штрихов, в которые обратились эти точки. И Влад рванулся навстречу кажущимся кометам, стараясь добиться, чтобы полоски стрел вновь обратились в мирные точки. Плотность встречного вещества, которое засасывала черная дыра, была более чем достаточна для форсированного полета, но все же Влад тратил и воду, надеясь, что катер, потеряв лишнюю массу, легче сможет уйти из ловушки. И одновременно он почувствовал, что катер вышвыривает вперед невидимая сила, и понял, что Чайка, стараясь помочь ему, одну за другой сжигает наловленных бирюзовиц, подхлестывая и без того бешено несущийся корабль.

«Заряну побереги!» — хотел крикнуть он, но предупреждение не потребовалось: размазанные хлысты галактик съежились и приняли привычный вид, а, казалось бы, пустое пространство вокруг радужно засветилось, на всех диапазонах вешая, что совсем рядом притаилась невидимая ловушка черной дыры. Саму черную дыру увидеть невозможно, но каждая попавшая в плен частица излучает тормозные фотоны, словно предупреждая всякого, умеющего видеть, что рядом притаилась смерть.

«Интересно, — отвлеченно подумал Влад, — когда мы выдирались из черной дыры, как это выглядело со стороны?»

— Заряну я сберегла, — сообщила Чайка, — а со стороны это не выглядело никак. Просто из ниоткуда явилось темное пятно, и оказалось, что это наша ступа. Кстати, ты заметил, сколько времени про-

шло? Ночь давно кончилась, так что к Новой Земле не поднырнешь. Придется неделю в ступе куковать.

— Ничего. С воздухом проблем не будет, а что еды не так много, как хотелось бы, то на неделю хватит. В крайнем случае я и попоститься могу.

— Вот еще! Это я могу полгода ничего не есть, а тебе нужно каждый день.

— Нет уж, — возмутился Влад. — Ты сейчас должна есть за двоих, а мне разгрузочный день полезно устроить, а то я скоро в одевку не влезу.

Чайка рассмеялась, представив человека, которому одевка может прийтись не в пору. Влад поймал этот образ карикатурный, но не злой, и тоже расхохотался.

— Отойдем от коллапсара на безопасное расстояние, — сказал он, отсмеявшись, — и ляжем в дрейф. А то ты там у генераторов пригрелась, а я тут скучаю.

— Ага, — согласилась Чайка. — Отойдем на безопасное расстояние и ляжем. В дрейф.

ГЛАВА 24

Так, медленно и с остановками, они подбирались к обжитым местам. Только тот, кто посмеет высунуть нос за пределы ойкумены, знает, как ничтожно мал человек со своими амбициями и претензиями на мировое господство. Песчаная блошка, обустроившая норку в зыбком речном песке, имеет ничуть не меньше прав полагать себя венцом мицдания и повелителем Вселенной, чем гордое человечество, использовавшее малый кусочек одной из милли-

ардов галактик и кинувшее любопытный взгляд в одну из миллиардов соседних Вселенных.

Когда наконец на экранах высветилась родная галактика и обратилась уже не в абстрактную точку, а рассыпалась окрест роями звезд, прошло очень много времени. Фигурка Чайки округлилась, в глазах появилась мечтательная задумчивость, движения обрели осторожную плавность, так что юная ведьма хотела уже не драться и не переустраивать мир, а сидеть, глядя внутренним взором в себя саму и ждать, предчувствуя небывалое. И когда подошла очередная ночь Малой Луны, а лететь было уже некуда, ибо они прилетели, и встал вопрос, на что потратить часы вседозволенности, Чайка объявила, что ведьминские города подождут, а они полетят в гости к лейтенанту Якобсону. Конечно, старика придется будить, но, думается, он не станет обижаться, особенно когда поймет, почему гости явились за полночь.

На том и порешили. Вылетели заранее и в первую же дозволенную минуту нырнули к Новой Земле. Через час они приблизились к знакомому озеру и уже на подлете увидали неладное.

Не было вросшего в дерн истребителя, давно ставшего неотъемлемой частью пейзажа. Оставался лишь глубокий шрам в земле.

«Улетел? Кинул все и бросился искать пропавших знакомцев? Или, что хуже, привлек недоброе внимание обитательниц Новой Земли? Но зачем ведьмам дряхлый старик, которого уже ни к какому делу не приспособишь? Ведьмы безжалостны, но не злы, очень немногие из них способны на бескорыстную пакость», — Влад не знал, на каком предположении остановиться, и кружил по пустой площадке перед хижиной, ища хоть какого-то подтверждения

догадкам. Крошечная луна давала слишком мало света, единственное, что Влад сумел рассмотреть, что почва, там, где из нее был выдран космолет, успела прорости мелкой травкой, а это значит, что Якобсон покинул эти места довольно давно.

Чайке обманный свет не мешал, поэтому именно она обнаружила раздавленную чужим башмаком плетеную шляпу и втоптанную в землю аудиоклипсу с выдранным из зажимов кристаллом.

Сам Якобсон на такое не посягнул бы никогда в жизни. Значит — чужаки.

— Где же его искать? — недоуменно спросила Чайка, убедившись, что больше никаких следов найти не удастся. Последний месяц часто шли дожди, и площадка между покинутой хижиной и исчезнувшим звездолетом была надежно выглажена водяными струями.

— Там, — Влад махнул рукой в зенит. — Перехватим какую-нибудь ступу и допросим девку с пристрастием. Не может быть, чтобы никто ничего не знал. А потом уже будем решать, что делать дальше.

Не дожидаясь конца ночи, мятежный дракон канул в звездном небе.

ГЛАВА 25

Торпеда, с которой вел переговоры Мирзой-бек, носила красивое, многоговорящее имя Рейжа. Сначала переговоры напоминали скорее пререкания: Рейжа требовала, угрожала и то и дело пытала кого-нибудь изничтожить. Люди Мирзой-бека давили на то, что деваться Рейже некуда и выбирать она может только между рабством и сотрудничеством. Неожиданную помощь оказали переговорщикам обезу-

мевший гранд-майор Кальве. Неведомо по какой причине он выпустил на волю четыре торпеды, которые еще не были установлены на скоростные катера. А вот характеристики пленниц уже были сняты, так что не составило большого труда узнать, что все четыре беглянки были возвращены уже в следующей партии торпед, предназначенных для обмена.

Это была большая ошибка совета Новой Земли! Рейже популярно объяснили, что с ней случится, если ее выпустят на свободу, и в доказательство позволили пообщаться с одной из беглянок. В результате сразу две ведьмы согласились сотрудничать с людьми и предоставили всю информацию, какую только желал получить Мирзой-бек.

Наступил звездный час его императорского вы-
сочества граф-маршала Мирзоя: командование Седь-
мой опорной базы начало готовить экспедицию в
параллельную Вселенную.

Возглавил экспедицию князь-полковник Мелоу, получивший в свое распоряжение императорскую яхту. Девять человек и две ведьмы, не считая той, что изначально была прикована к генераторам. Плюс самое современное исследовательское оборудование и самое убийственное оружие, способное испепелить десяток земель. Вот только Новая Земля, куда инсургентки с натугой протащили тяжелый корабль, оказалась вовсе не планеткой земного типа, а Новой Землей — бесконечной и... плоской, с небесами, которых невозможно достичь, и недрами, о которых и вовсе никто ничего не знал.

Яхта сделала круг над беспредельными равнина-
ми и вынырнула в родной космос очень далеко от

опорной базы, так что возвращаться домой пришлось чуть не две недели.

Теперь Мирзой-бек знал, каким образом Кукаш совершал свои немыслимые броски. Вот если бы научиться совершать их без помощи ненадежных союзниц... Или, по крайней мере, сделать их чуть более надежными. Рейжу и Сайту удерживал страх, чувство это, в отличие от любви, хорошо алгоритмизируется, но слишком полагаться на него не стоит. Чайку, как догадывался Мирзой-бек, удерживала любовь, вещь куда более надежная, но которую нельзя планировать заранее. Она приходит, когда ей вздумается, и непременно ломает все планы. Подумать только, какие мелочи порой определяют судьбы империи!

Во время второй экспедиции на Новую Землю императорская яхта была замечена ведьмами. Всескаи она была слишком велика, и никто не спутал бы ее со ступой, летящей по своим делам. Немедленно вокруг незваного гостя зароились ведьмы на помехах и ступах, они спешно выстраивались шестиугольниками, что очень не понравилось князь-полковнику. Картина боя между лейтенантом Кукашем и карательным отрядом жительниц Новой Земли давно была проанализирована, так что Мелоу знал, что правильными шестерками ведьмы идут в бой. И если предположить, что Кукаш действовал во время битвы как надо, то оказываться в центре такого шестиугольника остро не рекомендовалось.

Яхта, сопровождаемая сонмом летящих колдуний, спешно пошла на снижение.

Торжественно ступить на поверхность нового мира и хотя бы в мечтах объявить его собственно-

стью короны, князь-полковнику не удалось. Мать Шайба, уже не в виде изображения, а собственной персоной ожидала Мелоу у самого трапа, и вид ее не предвещал доброго. В такой ситуации лучше не объявлять чужую землю своей, а побыстрее вступить в переговоры.

В свою очередь Шайба была неприятно поражена тем фактом, что головы слизняков оказались защищены проволочными сетками, мертвыми, но мешающими проникать в сознание непрошенных гостей. Конечно, для хорошего аркана сеточка, излучающая зудящий писк, не преграда, но с ходу накидывать аркан на формального союзника Шайба не решилась и вынуждена была беседовать с ним на равных, не зная мыслей и побуждений собеседника.

— Вы вторглись на территорию Новой Земли... — гневно начала мать Шайба.

— Помилуйте, — перебил Мелоу, — но мы не знали, что попадем сюда. Вы ничего не сообщили нам о местоположении Новой Земли, а мы всего лишь проводим плановые эксперименты по внепространственным переходам.

За писком сетки разобрать мысли хитроумного староземельца мать Шайба не могла, так что ей приходилось слушать сотрясения воздуха и самой говорить, впустую сотрясая воздух. Способ этот тяжел и неточен, он порождает огромное количество недоразумений, о которых не подозревают говорящие. В частности, Шайба поняла, что преступник низайше молит о пощаде, и гнев ее не то чтобы смягчился, но уступил место иным, более pragматичным чувствам.

— Миловать или казнить будет совет, — высокомерно ответила Шайба, — а пока извольте объяснить, что вы здесь искали?

— Мы попали сюда случайно, — повторил Мелоу, — а ищем здесь, как и всюду, сбежавших преступников. В конце концов, вы не дали объяснений, чем закончилась стычка Влада Кукаша с вашими бойцами, и мы не считаем себя вправе прекратить поиски.

— Мы сами не знаем, чем закончилась стычка, — хмуро призналась Шайба, — но здесь преступников быть не может.

— Я бы не утверждал этого так категорично. Новая Земля, насколько мы видим, достаточно велика, чтобы беглецы могли надежно укрыться.

— Их здесь быть не может, — упрямо повторила ведьма. — Я увижу беглую девку, едва она попытается пересечь границу.

— Вам виднее, — согласился Мелоу, породив двумя невинными словами целый каскад превратных толкований, — но сможете ли вы так же надежно определить местоположение Влада Кукаша? Я имею в виду, если он появится здесь в одиночку.

— Как он это сделает?

— Не знаю. Но ведь мы здесь появились...

Подобная логика была за пределами понимания колдуньи, и она сдалась:

— Ладно, ищите вашего беглеца. Только я требую, чтобы это происходило под нашим наблюдением.

«Вы в нашем космосе разгуливаете без конвоя», — строптиво подумал Мелоу, но вслух с готовностью согласился:

— Разумеется! Раз уж так удачно вышло, что мы с вами встретились здесь, то я и сам хотел бы просить вашей помощи. Понимаете, мы покуда не слишком ориентируемся в этих краях, а при вашем содействии дело несомненно двинется семимильными шагами...

Шайба затрясла головой, стараясь освободить мозги от ядовитых паров профессорского словоблудия. Здравомыслия еще хватило на то, чтобы окинуть магическим взором внутренности гигантской ступы, однако ведьм-предательниц мать Шайба обнаружить не смогла. Обе инсургентки, едва на горизонте появились светлые росчерки приближающихся подруг, были спеленаты биоманипуляторами, и теперь возле генераторов светилась не одна, а три сигары торпедных ускорителей. Оно и понятно, корабль очень большой, в одиночку тут, пожалуй, и не справишься. Глупо так транжирить незаменимый ресурс, но учить людей разуму Шайба не собиралась.

Наконец Мелоу закончил приветственную речь, от каковых ведьмы отвыкли напрочь, в то время как князь-полковник был непревзойденным мастером подобных спичей. Монолог заканчивался широким, исполненным гостеприимства жестом в сторону корабельного трапа:

— Прошу!

Подобные приглашения понимаются без перевода; мать Шайба, отдав безмолвный приказ свите, поднялась по ступеням к люку, украшенному бесполезной геральдической символикой. Собственная ступа Шайбы осталась ожидать хозяйку, лейтенант Стас дремал за пультом управления, и в его истер-

заном мозгу разума оставалось не больше, чем у улитки.

Яхта и ее окружение — не то конвой, не то почетный караул — плавно поднялись в воздух.

— В свое время мы подкинули преступнику некий предмет, — лекторским тоном вешал профессор Мелоу. — Если начать им пользоваться, он посыпает сигнал, который можно уловить с помощью специальной аппаратуры. Там были еще кое-какие функциональные особенности, но они себя не оправдали. А гравитационный сигнал улавливался нашими приборами во время нападения на базу, но внезапно исчез, когда Кукаш обратился в бегство. Как я догадываюсь, это произошло из-за того, что преступная пара бежала в ваш мир.

— Их здесь нет, — в третий раз повторила мать Шайба.

— Они здесь есть! — торжественно возразил князь-полковник. — Вы появились в ту самую минуту, когда мы засекли сигнал. К сожалению, по одной точке взять пеленг затруднительно, но мы делаем все, что можем.

— Что за сигнал?

— Вот, можете убедиться, — Мелоу подвел гостью к экрану, на котором пульсировала голубая точка. — Только учтите, запись идет уже довольно давно, в любую секунду сигнал может исчезнуть.

Ведьма недовольно поморщилась, приложила ладонь к уху, прислушалась и, презрительно оттопырив губу, процедила:

— И это все? Что ж, полетели. Минут через пять увидим, что там у вас пишит.

ГЛАВА 26

В силки попали разом два кролика, но сколько ни ждал лейтенант Якобсон, как ни томил рагу на маленьком огоньке, гости не прилетели.

— Конечно, им не до меня, — полуогорченно бормотал старик, через силу доедая вторую порцию. — Молодость забывчива. Ничего, лишь бы только у них было все в порядке, пам-тирам-пам...

Вечер, как всегда в это время года, был чудесен, но отшельника одолевали смутные мысли. После ужина он не стал мыть котелок, а уселся на пороге хижины, созерцая предзакатное небо. «Радуга миров» попискивала в ухो, второй, подаренный, кристалл был вытащен и лежал на ладони.

— Как-то они там? — в тысячу первый раз риторически спросил лейтенант-истребитель. — Конечно, я бы на месте командования простил им и побег, и этот глупый налет. На такую девушку невозможно сердиться, ей можно только с радостью прощать все, что бы она ни вздумала сделать. Но кто станет слушать выжившего из ума лейтенанта? Лейтенант Якобсон дает указания дисциплинарной комиссии — представляете, картинка?

Взгляд старческих глаз опустился, остановившись на поблескивающем кристалле.

— А ведь она сказала, чтобы я обязательно пролушал новые песни. Вот прилетят они завтра, и что я отвечу? Поленился, пренебрег... Она велела, а я пренебрег. Решено, я сделаю это прямо сейчас. Офицеру имперского флота не пристало отступать и откладывать решительные действия. Натиск и напор! Пусть враг трепещет!

Беспрестанно повторяя старые лозунги и призы-
вы, лейтенант Якобсон перезарядил клипу и запус-
тил самую последнюю песню, ту, под которую Влад
Кукаш бомбил Седьмую опорную базу.

Да, это была не психodelическая «Радуга миров»!
Слащавое и слегка вульгарное танго заставило оди-
нокого старика плакать.

— Какая музыка! — бормотал он, не замечая те-
кущих слез. — Какая песня! «Домой, домой, люби-
мый мой!» — это про меня. И я жил, не зная, что та-
кие слова уже спеты! Какое высокое искусство, пам-
тирам-пам!

Второй, десятый, сотый раз певица уверяла, что
она тоскует без лейтенанта Якобсона, и отшельник
верил этим словам, горюя и радуясь в такт страст-
ным аккордам.

Вечер был совершенно безветренным, и все же
легкий шелест прошел по вершинам деревьев. Якоб-
сон вскинул голову и, не в силах поверить происходя-
щему, принялся протирать глаза, размазывая ку-
лаками слезы.

С вечернего неба опускались корабли. Не один,
не два и не эскадрилья, а по меньшей мере эскадра
имперского флота. Они двигались медленно и торже-
ственно, четко сохраняя строй — в центре импера-
торская яхта, а кругом эскорт звездолетов-истребите-
лей, выстроенный правильными шестиугольниками.

Якобсон ахнул, вскочил с насиженного места,
сорвал с головы свою нелепую плетеную шляпу и,
перемазавшись в соусе, напялил остатки шлемофо-
на, в котором так недавно варил обед.

На яхте распахнулся люк, мерцающая кабина
гравитационного лифта опустилась к самой земле,

из распахнутых дверей вышел невысокий полный человек в парадной форме князь-полковника имперских войск. Лейтенант Якобсон вытянулся по стойке смирился и застыл, с ужасом представляя, как высокий начальник отреагирует на бороду, не бритую уже много десятилетий.

Из истребителей посыпались пилоты. Все как один — женщины в комбинезонах без знаков различия. Каждая сжимала в руках уже знакомый Якобсону предмет — расшарканную метлу. Вот, значит, где служила красавица Чайка до своего побега! Эх, страна родная, надо же дойти до такого непотребства, чтобы девчонок призывать в элитные боевые части! Шестьдесят три года назад такого никто и вообразить не мог. Девушки, если захотят, могут служить в армии, но только в мирное время. Война и женщина — антагонисты, они не могут быть заодно.

Князь-полковник решительным шагом направился к хижине. Якобсон лихо козырнул и приготовился к рапорту. Но штабист не был расположен выслушивать даже самые четкие рапорты.

— Где они? — с ходу прохрипел он.

— Лейтенант Якобсон, Первый истребительный флот! — все же успел доложиться бывший служака.

— Что это за пугало огородное? — осведомилась женщина постарше, безо всяких церемоний приблизившись к князь-полковнику.

— Я бы сам хотел это знать, — ворчливо откликнулся высший офицер. Рапорта он не слышал или не обратил на него внимания.

Из императорской яхты появился молодой человек, судя по внешности, техник или лаборант, то

есть лицо, которому в машине такого класса делать явно нечего.

— Ну? — нетерпеливо спросил князь-полковник.

— Это он, — доложил техник, указав на Якобсона.

Князь полковник шагнул вперед и выдернул работающую клипсу из уха отшельника. Контральто умолкло, не допев последний куплет:

«И ты поймешь, что ты живе-е...»

— Откуда это у тебя?

— Господин князь-полковник! Это подарок.

Я сейчас не на дежурстве и имею право...

— Откуда это у тебя? Отвечать немедленно! Они были здесь? Где они прячутся?

— Они улетели.

— Куда?

— Они улетели на крыльях любви! — торжественно продекламировал старик.

— Оставьте, Мелоу, — поморщившись произнесла старшая из женщин. — Вы же видите, что он ничего не знает. Я говорила, что преступницы здесь быть не может, а теперь видим, что вашего дезертира здесь тоже нет.

— Но они были здесь, и если это произошло после того, как их видели в последний раз, значит, они живы. Думается, это чучело знает больше, чем хочет сказать.

— Если угодно, я могу его допросить.

— Простите, госпожа Шайба, но этот человек является гражданином Старой Земли и, согласно существующим договоренностям, должен быть немедленно передан законным властям. Мы допросим его сами.

— Ваше право, — голос старухи излучал презрение. — Лейма! — обратилась она к одной из молодых девиц. — Возьми это существо, только осторожно, не повреди, видишь, из него уже песок сыплется. Доставишь его в сектор обмена и передашь, кому там скажут. Когда будешь передавать, узду не забудь снять. Если все сделаешь как надо, там же получишь новую ступу.

— Господин князь-полковник, — подал голос Якобсон. — Люди, которых вы ищете, заслуживают снисхождения. Ошибки молодости и любовь — за это нельзя карать!

Его никто не слушал и никто, кроме юной Леймы, уже не обращал на него внимания. Лейма, улыбнувшись широко и радостно, поудобнее перехватила метлу и плавно взмахнула рукой. Плотная удушающая повязка заставила Якобсона умолкнуть, лишила возможности видеть, слышать, понимать. Отныне можно было только слушаться.

Мелоу вытащил из клипсы кристалл, сунул его в карман, носком лакового штиблета шелохнул вляющуюся на земле шляпу, похожую на дурно сплетенную корзинку. Покачал головой, усмехнулся своим мыслям и пошел к трапу яхты. Теперь кристалл-ловушка полностью отработан, больше здесь нечего искать.

Девчонки с метлами с легкостью выдрали из земли вросший истребитель, Лейма загнала внутрь сумасшедшего робинзона; эскадра готовилась к вылету. Мелоу продолжал кивать, улыбаться и источать доброжелательство. Потом, когда можно будет стать самим собой, то, что он увидел здесь, будет тысячу раз проанализировано и послужит делу империи.

А пока он не то почетный представитель земного командования, не то скучающий турист. Не бойтесь меня, дорогие колдуны, умение плести интриги давным-давно забыто на матушке-Земле и со времен ведовских процессов не получило никакого развития. И даже в мыслях у князь-полковника Мелоу не мелькнет, что когда-нибудь могучие ведьмы могут раскаяться в излишней доверчивости.

Мать Шайба — не то представительница новоземельной демократии, не то просто скучающая ста-руха — тоже поднялась в императорскую яхту. Даже не слыша мыслей, она прекрасно понимала все, о чем не смел думать начальник Исследовательского отдела, и заранее просчитывала варианты противодействия планам империи. Получалось настолько стандартно, что даже не интересно. Ведь умение плести интриги не угасло среди ведьм, когда они покинули Старую Землю, а превратилось в изощреннейшее из искусств. Обидно, что для него тут нет области применения.

Одного не учитывала всезнающая Шайба — огромности неповоротливой государственной машины. Людей в миллион раз больше, нежели ведьм, они могут задавить жительниц Новой Земли одним своим присутствием. А раз проникнув на Новую Землю, люди уже не остановятся. Свободными или пленниками, рабами или господами, но они придут и задавят. Впрочем, в той и этой Вселенных всегда есть куда бежать.

Армада, оставив внизу разоренное жилище, поднялась в небо. По-прежнему они двигались боевыми шестиугольниками, только чуть в стороне летела игла истребителя, на котором когда-то воевал лейтенант Якобсон. Старый боевой корабль, сошедший

со стапелей без малого век назад. Но, как верно заметил его пилот: «Вы думаете, в нем что-нибудь испортилось? Все в порядке, все исправно, ничто не проржавело и не разрядилось». И даже прежний пилот сидит на своем месте. Вот только жесткая узда лишила его сил, воли и всякой возможности шевельнуть хотя бы мизинцем без приказа наездницы.

Что-то мучило лейтенанта Якобсона. В простом и понятном мире нечто сдвинулось, сгинуло, пропало... И лишь потом старик понял, что в ушах его больше не звучит навязчивый мотивчик «Радуги миров». Кристалл, с которым он успел сродниться, лежит в нагрудном кармане, но клипса валяется внизу, брошенная небрежным князь-полковником.

— Пам... — произнес Якобсон, — тирам... пам...

Слова не складывались в привычный узор, мотив намертво выпал из памяти.

Уверенным движением старик повел звездолет на посадку. И немедленно в мозг, в самую душу вонзился приказ: «Вверх! Как можно быстрей вверх!»

Этого ощущения немыслимой тяжести, головной боли, безразличия и неспособности соображать лейтенант Якобсон забыть не мог. Именно его шестьдесят лет кряду он старался заглушить неумолчным наигрышем «Радуги миров». Но сейчас спасительная музычка покинула его. Руки сами выполнили чужую команду, истребитель снова рвал вертикально к недостижимым небесам, а совсем рядом на экране была уже не одинокая торпеда, а десятки кораблей-призраков. Теперь, сквозь призмы боевой оптики, Якобсон ясно видел, что перед ним не земные истребители, а враги. Они окружили личную яхту его императорского величества и вели ее куда-то в свое мерзкое логово.

Истребителя торпед учат прежде стрелять и лишь потом заботиться о собственной жизни. Немногие воспринимают эту злую науку, но ему ничего другого не оставалось. Они схватили императора! Они хотят схватить лейтенанта Влада и Чайку!! Они отняли его клипсу!!! За такое нужно мстить.

Выстрел плазменной пушки за пределами атмосферы почти не заметен, но в плотном воздухе он напоминает извержение вулкана. Пылающий смерч снес разом несколько призраков, разрушив безупречный строй и вызвав панику среди уцелевших. Лейма, примостившаяся возле генераторов, завизжала нечеловечески и рванула узду, но старого лейтенанта уже не могла остановить никакая узда. Красиво, как на стрельбах, он выпустил второй заряд по самому густому скоплению призраков. За тонкой обшивкой корабля бушевал огненный ад, стреляющий в плотной среде бьет и по самому себе, но это интересовало Якобсона меньше всего. Безжалостно натянутая узда раздирала старческий мозг, парализовала дыхание, остановила биения сердца, но пальцы еще работали, подчиняясь навеки заученному ритму...

Третьего выстрела обшивка не выдержала. Взрыв испарил непокорный корабль, обратив лейтенанта Якобсона в облачко пара и мельчайшей пыли, которая вечно будет опускаться на такую близкую, ждущую землю.

«Домой, домой, любимый мой! Пам-тирам-пам...»

ГЛАВА 27

Кто ищет, тот всегда что-нибудь найдет, хотя порой и не то, что искал. Гравигенераторы во время работы воют столь отчаянно, что всякая ведьма мо-

жет с легкостью обнаружить летящую ступу на расстоянии светового года. Решив отловить языка, Влад и Чайка отправились в густонаселенную часть галактики, где можно было не выискивать потенциального информатора, а выбирать его среди летящих одиночек. И как-то само собой получилось, что охота началась в Седьмом секторе, более известном на Старой Земле как провинция Великая Ньянма, ведь именно туда было проще всего вынырнуть, покинув разоренное жилище лейтенанта Якобсона.

Одиночко летящую ступу они углядели уже через несколько часов. Судя по скорости, ступа и ее хозяйка торопились куда-то по своим делам. Опасаясь, что встреченная ведьма нырнет к Новой Земле и станет недостижимой, охотники ринулись наперевес. Однако жертва не собиралась скрываться ни от глаз Чайки, ни с экранов Влада. И лишь подойдя достаточно близко, они поняли, что преследуют не ведьму, а скоростной истребитель империи.

— Что делать будем? — спросил Влад, не отрываясь от приборов.

— Берем!

Ответ ничуть не удивил Влада. Было бы странно, если бы Чайка отказалась от преследования, позволив дракону лететь по своим делам.

Запоздало вздохнув об отсутствующем шлемофоне, Влад включил передатчик.

— Эй, на борту, далеко собрался?

— Привет! — донесся из динамика голос пилота. — Кто таков?

— Лейтенант Кукаш, — честно представился Влад.

— Что?.. — очевидно, пилот дракона слыхал эту фамилию. — Кукаш? Тебя же повесили по приговору трибунала!

— В наше время пилотов не вешают, — возразил Влад. — Приговаривают к смерти, а потом посылают на задания, с которых не возвращаются. А я вот выжил.

— Поздравляю, Кукаш, — отозвался пилот, а потом, спохватившись, представился: — Капитан Родригес, Седьмая опорная.

На Седьмой базе было всего четыре скоростных истребителя, пилоты, летавшие на этих кораблях, менялись, но Влад был совершенно уверен, что капитана Родригеса среди них нет. Среди истребителей и разведчиков было несколько лейтенантов Родригесов, фамилия это самая обычная, не то что Кукаш. Одного Родригеса Влад даже знал лично. Возможно, кто-то из этих лейтенантов отличился за последнее время.

— Давно в капитанах? — спросил Влад.

— Две недели, — в голосе Родригеса звучала гордость. — Еще ни разу на задание не вылетал, обкатку провожу. Не машина, а мечта, слаще, чем девушку обнять.

— Понятно... — многозначительно протянул Влад. — В этом ты прав, ты даже не представляешь, насколько ты прав.

Два идущих на сверхсветовой скорости корабля неуклонно сближались. По космическим меркам они уже давно встретились, и сторонний наблюдатель, ориентирующийся на гравитационные возмущения, обнаружил бы на своих экранах не две, а всего одну точку. Но корабельная оптика, бесконечно слабая по сравнению с орбитальными телескопами, еще не могла различить летящий параллельным курсом корабль.

— Здесь ты что делаешь? — поинтересовался Родригес. — А то курсы у нас опасно близкие, смотри, смертник, начальство обоим голову снесет. Тебе-то что, а мне свою жалко...

— Рандеву у меня тут назначено, — отчетливо произнес Кукаш. — С тобой.

— Не понял... — всполошился капитан. — Я такого задания не получал!

В следующую секунду он поперхнулся, увидав наконец на оптическом экране своего собеседника.

«Давай!» — скомандовал Влад Чайке.

— Порка мадонна! — успел чертыхнуться капитан Родригес. — Призрак!..

Затем кинутый Чайкой аркан заставил его захрипеть и умолкнуть.

Вообще-то аркан — штука грубая. В пространстве, где ведьме ничто не мешает, его можно накинуть с расстояния в несколько километров, но и тогда трудно предсказать, как поведет себя жертва. Погдавляющее большинство заарканенных продолжает сражаться, и порой довольно успешно, несмотря на то что аркан крайне ограничивает возможности пилота. Кто-то пытается бежать (эти сразу обречены), другие отчаянно маневрируют (их стараются утащить к Новой Земле), третья палят в белый свет, как в копеечку, четвертые размахивают манипулятором, не позволяя ведьме приблизиться. А вот делать все разом травмированный пилот уже не может.

Родригес отрыл огонь.

Человеческий глаз не замечает сгустков плазмы в вакууме, а вот ведьмы видят их превосходно. Боезапас у истребителя ограничен исключительно мощностью реактора, так что ожидать, пока стрельба

утихнет, может лишь опорная база, смиряющая свихнувшегося пилота.

Маневрируя и ускользая от выстрелов, корабль Влада приблизился к противнику вплотную, так что оказался в мертвой зоне. И здесь Чайка совершила поступок, который ее бывшие подруги не могли бы представить и в страшном сне. Вместо того чтобы изо всех сил удерживать аркан, стараясь вымучить подловленную ступу, она попросту выпустила его из рук. Заклинание, лишившись подпитки, истаяло в несколько секунд, и Родригес обрел свободу. Немедленно на борту истребителя распахнулся люк, и выстреленный биоманипулятор облапил борт Владова корабля.

Никакого вреда корабельной обшивке язык причинить не мог, а Чайка предусмотрительно оставалась внутри до той самой секунды, когда Влад, влетев в амбразуру чужого истребителя, вручную отключил управление биоманипулятором. Еще одно заклинание вновь повергло Родригеса в шок (с такого расстояния уже возможно было наложить узду), так что Влад мог спокойно хозяйничать в техническом отсеке. Он задраил амбразуру, заполнил отсек воздухом (чужих баллонов не жаль!), а затем Влад и Чайка объявились в рубке. Чайка, уловив желание Влада, сдернула с пленника узду, так что к капитану Родригесу вернулась способность соображать и действовать.

— Привет! — не давая Родригесу опомниться, заговорил Влад. — Я же предупредил, что у меня с тобой встреча. Ты чего палить начал?

Капитан затряс головой, потом выдавил, словно оправдываясь:

— Призрак...

— Какой призрак? Ты на экраны-то глянь, где там хоть один призрак?

Вообще-то устав не предписывал так разговаривать со старшим по званию, но в горячке боя лейтенантам и не такое сходило с рук. Когда говоришь со штабным, об уставе следует помнить ежесекундно, а со своим братом, боевым офицером, — куда проще. К тому же капитану Родригесу было не до субординации и не до привидевшихся призраков: в рубке появилась Чайка.

— Порка мадонна! — ошеломленно пробормотал Родригес. — Лейтенант, что надо сделать, чтобы тебе позволили летать с таким экипажем? Начистить харю гранд-майору? Так это я мигом!

Влад понимающе улыбнулся. Этот Родригес не был его приятелем, он и вовсе входил в другое подразделение, но даже среди миллионного населения опорной базы некоторые физиономии могут примелькаться, и у капитана была как раз такая внешность. На его лице было прямо-таки написано: «Без женщин жить нельзя на свете, нет!» И не то чтобы капитан был записным сердцеедом, но едва на расстоянии ста парсек объявлялась пара стройных ножек и широко распахнутых девичьих глаз, как Родригес терял сон и покой. И сейчас, увидев Чайку, он разом забыл и о призраке, и о сражении неясно с кем, и о непонятной миссии Кукаша.

— Мадмуазель, — выдохнул капитан, поклонившись неожиданной гостью. — Меня зовут Мануэль Родригес. Я счастлив видеть вас, я сражен...

— ...и охромякнут, — закончил Влад. — Капитан, мы к вам по делу.

— Слушаю, — откликнулся Родригес, по-прежнему не сводя глаз с Чайки.

— Дело в том, что все мы оказались жертвами самого гнусного обмана... — начал было Влад, но тут же осознал, до какой степени неубедительно прозвучат все слова. Действительно обман, действительно гнусный, но Родригес не поверит и расслышил лишь напыщенный пафос. Насколько легче разговаривать молча, когда непроизнесенное слово подтверждается зрымым движением души! И Влад решил: — Я не буду ничего рассказывать, — произнес он. — Я просто покажу.

«Ты сможешь удержать ее, когда я сниму манипулятор? — молча спросил он Чайку. — А то я боюсь, что пленница для начала поотрывает нам головы и разнесет вдребезги корабль».

«Пальцем она не шевельнет», — также беззвучно ответила Чайка.

Все трое прошли в технический отсек. Капитан Родригес ожидал увидеть пришвартованный к своему истребителю корабль Влада, но люк амбразуры оказался задраен, так что было совершенно неясно, как облаченные в легкие комбинезончики гости оказались внутри звездолета. Влад подошел к генераторам, сорвал пломбы с блока малого манипулятора и только теперь обнаружил, что никаких систем управления здесь нет. Возможность освободить торпеду по-просту не предусматривалась конструкторами.

— Капитан, у вас есть ножик? — спросил он Родригеса. — А то эту штуку нельзя отключить, только перерезать.

— Вы с ума сошли! — в голосе Родригеса звучало неподдельное возмущение. — Это же торпеда! Взорвемся к свиньям собачьим!

— Это не торпеда, это женщина. И вы ее мучаете, заставляя таскать на себе всю эту машину.

Родригес замер было в нерешительности, но Чайка, мило улыбнувшись, протянула руку. Ей даже не пришлось применять магию, разве что самую капельку, — щеголеватый капитан поспешил достать складной нож и вложил его в протянутую ладошку.

Ах, как не хватало такой безделушки Владу во время дикой жизни на разных планетах! Что делать, каторжнику офицерский нож иметь не полагается. Как жаль, что потом ножик придется отдать... Надо было просить у Мирзой-бека вместе с клипсой еще и перочинный нож.

Упругая псевдоплоть с легкостью поддалась лезвию, Влад одним рывком сорвал с мерцающей сигары обессилевший манипулятор и поспешил отшагнуть в сторону. Хотя никаких эксцессов не произошло: либо пленница была до предела измучена, а верней, что Чайка оставалась настороже и не позволила освобожденной ведьме ничего предпринять.

Там, где только что грозно светилось страшное оружие торпедников, объявилась исхудавшая девицья фигурка.

— Так... — недобро улыбнувшись, произнесла Чайка. — Начинаются дни золотые. Ты что же, подруженька, так и будешь за мной по всем мирам гоняться?

Кайна, а это оказалась именно она, сумела, опираясь на метлу, встать на ноги. Лицо ее было бледным, руки дрожали. Возможно, она и сейчас попы-

талаась бы нападать, но Чайка предостерегающе подняла руку, и Кайна попятилась. Она не издала ни единого звука, хотя Влад отчетливо различил испуганный вопль:

«Не надо!..»

«Тогда веди себя смирно, — предупредила Чайка. — Рыпнешься — в порошок сотру».

Что такое ведьминские порошки и как истирают в порошок собранных червей и гадов, Чайка рассказывала, так что Влад ничуть не удивился, что с этой минуты Кайна рыпаться не пыталась. Кто его знает, какие порошки может изготовить злая ведьма из бывшей подруги? А что Чайка это может, в том Кайна не сомневалась: кто способен скрутить заряну, для того в мире невозможного нет.

— Заряну продемонстрировала? — на всякий случай уточнил Влад.

— Ага.

Ведьмы, когда нужно, могут говорить непредставимо быстро. Уроки риторики уместны лишь в беседах с членами совета, так что через полминуты Чайка уже знала всю печальную историю Кайны. Влад на первое время удовлетворился обещанием, что потом ему все расскажут. А Родригес стоял дурак дураком и, глядя на чудо превращения, свершившееся на его глазах, гулко сглатывал слюну и слабым голосом поминал свинскую богоматерь. Наконец, когда Кайна выкрикнула что-то неразборчивое и громко, в голос, разревелась, капитан не выдержал.

— Не плачьте! — закричал он, кинувшись вперед. — Ваши беды кончились, клянусь честью!

Даже впав в истерику, Кайна не забывала о чудо-вишной силе соперницы и о ее жутковатом преду-

преждении. Иначе душевный порыв Родригеса стал бы последним в его жизни. А так ведьма лишь слегка оттолкнула непрошено го защитника, и хотя Родригес всем телом врезался в стену, но жив остался.

— Тихо!.. — зловеще пропела Чайка, и стало тихо. Кайна замерла от страха, Родригес приводил в порядок ушибленные чувства, а Влад просто понимал, что сейчас лучше не вмешиваться.

— Все стоят на месте, — командовала Чайка, — никто не двигается. Когда будете говорить, помните золотое правило: «Где больше двух — говорят вслух». Это к тебе относится, Кайна. Прошу учесть, что эти люди могут понять только мысль, направленную непосредственно на них. Кстати, подруженька, эти странные существа — мужчины. Те самые, сказочные. Если сказка со счастливым концом, именно они становятся прекрасными принцами.

Кайна метнула мгновенный взгляд в сторону Влада и Родригеса, но поскольку до счастливого конца было еще очень далеко, то ничего прекрасного она не обнаружила.

— Влад, — приказала Чайка, — объясни своему товарищу, что происходит. А то он единственный не понимает совсем ничего.

— Вот что, — проговорил Влад, подойдя к Родригесу и помогая ему подняться. — Слушай внимательно и запоминай, а то потом неприятностей не оберешься. Хотя их и без того подвалило тебе выше крыши. Прежде всего запомни: никаких торпедников нет и никогда не было. Все эти триста лет мы воюем вот с этими девочками, которые когда-то, давным-давно, улетели с Земли. Не сами эти девчонки, конечно, а их прабабки. Они приняли наши

звездолеты за каких-то космических зверей и устроили на нас развеселую охоту. Им это было нетрудно, потому что это не просто девушки, а ведьмы. Знаешь, кто такие ведьмы?'

Родригес икнул, не то соглашаясь, не то просто приходя в сознание.

— Но это еще не все, — продолжил Влад. — С тех пор, как мы научились ловить торпеды, мы начали использовать этих девочек в качестве ускорителей на наших кораблях. Это страшная пытка, так что не жди, что вот она, — Влад кивнул на Кайну, — воспывает добрыми чувствами по отношению к тебе. Сколько, ты сказал, летаешь на скоростном истребителе? Две недели? Так вот, целых две недели ты мучил девятнадцатилетнюю девчонку, заставляя ее таскать на себе всю массу космического корабля. К тому же любое прикосновение биоманипулятора для ведьмы то же самое, что для тебя хороший удар током. Никакой садист не смог бы додуматься до такого.

— Я не знал... — пробормотал Родригес.

— Раньше этого никто не знал. Но теперь это известно и нашему командованию, и старым ведьмам на Новой Земле. Только они дружно сочли такое положение нормальным. Ведь колдуны тоже ездят верхом на людях. Ведьма парализует пойманного пилота, словно оса добытую гусеницу, и десятки лет попавший в рабство астронавт катает свою хозяйку. Мы двое, — Влад кивнул на Чайку, — нарушили этот порядок. — Мы летаем вместе, а не друг на друге. И поэтому власти двух вселенных назвали нас преступниками. Мы оба приговорены к смерти: она — советом ведьм, а я — трибуналом. Кстати, вас обоих это тоже касается.

— Что?

— Вы оба приговорены к смерти.

— Кайна не приговорена, — поправила Чайка. — Ее поймают и вновь продадут в рабство людям. Один раз она уже сбежала из вашей базы, и, тем не менее, она снова здесь.

— Ничего не понял... — проговорил Родригес. — Кто «мы», и почему к смерти?

— Да, вы же еще не знакомы! — Влад Кукаш сделал широкий жест. — Мадмуазель Кайна, позвольте представить вам капитана Родригеса. Это один из обитателей ступы, какую вы мечтали захомутать, чтобы с удобствами летать над океаном. Вынужден вас огорчить: это не слизняк и не брюхоногий моллюск, а такой же человек, как и вы. Он не владеет магией, но у него есть другие возможности, недоступные вам. Капитан Родригес, позвольте представить мадмуазель Кайну, потомственную ведьму, чьи предки улетели с Земли тысячу лет назад. Именно эту девушку вы называли торпедным ускорителем и эксплуатировали последние две недели. Прошу любить и жаловать.

Вид Кайны не обещал в будущем ни любви, ни жалованья, а на Родригеса было просто жалко смотреть.

— Так вот, — неумолимо продолжал Влад, — тебя, капитан, если ты окажешься на базе, отдадут под трибунал за порчу и разбазаривание ценнейшего имущества. Речь идет о торпедном ускорителе. Впрочем, прощение можно заслужить, если ты вновь спленаешь ее биоманипулятором и сдашь на базу под расписку...

Глаза Кайны полыхнули, побелевшими пальцами она вцепилась в древко метлы.

— Нет! — отчеканил Родригес, не замечая приговора, написанного во взоре своей недавней пленницы. — Ни за что! Я разнесу эту чертову базу к свиньям собачьим. Мадмуазель, больше никто и никогда не посягнет на вашу свободу! Я обещаю вам это!

— Значит, домой тебе, капитан, возврата нет. Тебя там ждет трибунал, ее — рабство.

— Псу под хвост такой дом и такую службу! Получается, что я был палачом, издевался над девушкой... И они это знали?

— Знали. С Мирзой-беком я разговаривал лично.

— Я его повешу! — прорычал Родригес, хватаясь почему-то за перочинный нож.

— Не ты первый, капитан. Вешать Мирзой-бека — большая очередь. Теперь, Кайна, что касается твоей судьбы... Впрочем, думаю, это лучше разъяснит Чайка, а то я не знаю в подробностях, что там у вас произошло. Чайка, расскажи, а мы трое послушаем.

— Значит так, — Чайка демонстративно обращалась к одному Владу. — На Новой Земле приняли новый закон. Неудачниц — тех ведьм, что разрядили метлу, но не смогли ничего добыть над океаном, — теперь скармливают ступам. А если ведьма до двадцати лет так и не вылетела с Новой Земли — есть и такие домоседки, — то она должна в течение десяти лет родить не меньше шести детей. — Чайка улыбнулась и пояснила: — Я так понимаю, что совет собирается выиграть у вас демографическую войну. Что значит «скормить ступам» — это понятно. Старшие ведьмы отдают неудачницу в рабство людям. Кайна уже отведала этого торта и больше не хочет. Не знаю только, чем люди расплачиваются за такой товар.

— Ступами, — первый раз выдавила слово Кайна. — Сотни, тысячи ступ... У любой дуры теперь есть своя ступа, одна я... — И Кайна снова разрыдалась.

— Не надо плакать!.. — взмолился из своего угла не смеющий приблизиться капитан Родригес.

— Вот теперь все понятно, — резюмировала Чайка. — Бывшие враги договорились и напропалую торгуют собственными народами. Когда-то ради свободы наши прабабки бежали со Старой Земли. Куда бежать теперь?

— Не знаю, — проговорил Влад. — Но на Старую Землю возвращаться нельзя.

— Я обращаюсь к императору! — хрипло сказал Родригес.

— Попытайтесь, — Влад пожал плечами. — Меня отказались выслушать даже после того, как я разбомбил базу и отправил на тот свет граф-маршала Мунса.

— Так это был ты?

— Это были мы, — Влад кивнул на Чайку. — Именно после того, как мы рассказали правду Мирзой-беку и совету ведьм, те договорились о торговле живыми людьми. Я не верю, что мы найдем помочь хоть у императора, хоть где бы то ни было. И пытаться что-либо изменить в этом миропорядке — бесполезно. Власть потому и называется властью, что хочет не помогать людям, а владеть ими. Так что вам остается одно — последовать нашему примеру.

— Пойти в рабство к вам? — проскрипела Кайна. — Вот уж дудки! Лучше сразу спускай свою заряну с цепи.

— Ой, подруженька, — не осталась в долгу Чайка. — Да я ни за какие коврижки не соглашусь с то-

бой дело иметь. Проваливайте вы оба на все четыре стороны...

— Погоди, — остановил перебранку Влад. — Я еще не кончил говорить. Так вот, вам остается только последовать нашему примеру: жить вдвоем, скрываясь и от людей, и от ведьм.

— Жить вот с этим? — Кайна повела мизинцем в сторону замершего Родригеса. — Терпеть его рядом после того, что он делал со мной?

— Да. Есть такая наука — умение прощать. Кто не освоит этой науки, тот не сможет ни жить, ни умереть по-человечески.

— Мне это и не надо. Я не человек, я — ведьма!

— Это нужно всем. Все мы: пилоты, ведьмы, мужчины и женщины — в первую очередь люди. Конечно, когда мы уйдем отсюда, ты сможешь отомстить своему обидчику. Сможешь накинуть на него узду, мучить его и даже убить. Хотя убивать его ты не станешь, ведь тогда у тебя не будет ступы. Но потом ты жестоко раскаешься в своих делах. Ты останешься одна, всегда, везде, во всякую минуту. И твоя злость сожжет тебя саму. Нужно быть философом и очень добрым человеком, чтобы выдержать шестьдесят три года одиночества. Кроме того, вместе люди могут куда больше, чем по раздельности. Вы двое смотрите, а мы с Чайкой сейчас покажем вам, как надо летать.

ГЛАВА 28

Почти сутки Влад и Чайка натаскивали насилино сведенную пару, показывали, что и как следует делать, а чего нельзя ни в коем разе. И наконец, прощавшись, улетели.

Родригес и Кайна остались вдвоем.

В корабле воцарилось молчание. Сначала след Владова корабля исчез с экранов, потом его перестала различать и Кайна. Тишина стотонным пресском давила на психику, казалось, еще немного, и дело кончится взрывом, бессмысленной вспышкой разрушения, но Родригес нашел в себе силы нарушить молчание:

— Что я могу сделать для тебя?

— Ничего. Убраться в эту — как ее? — рубку, в нору свою, и не высовываться оттуда никогда! Видеть тебя не могу!

Мануэль Родригес покорно перешел в рубку и заdraил люк. Сел в кресло, скорчившись, подперев тяжелую голову кулаком. В такой позе сидит древняя скульптура, которую люди называют Мыслителем. Но мало кто знает, что Мыслитель — лишь часть огромной композиции «Врата ада». О чем можно думать, на что надеяться, сидя на пороге ада? Надежда умирает последней, но умирает она именно здесь.

— Кайна! — позвал Родригес. — Если я буду нужен — скажи.

Кайна не ответила. Сжавшись в комок, подперев голову кулаком, она молча, безнадежно плакала.

ГЛАВА 29

На этот раз никаких ревизоров на Седьмую базу послано не было. Граф-маршала Мирзоя (частица «бек» в официальных документах отсутствовала) по-просту вызывали в ставку для отчета его императорскому величеству. Обычно командующие сами направлялись на прием, мечтая получить дополнитель-

ные средства, титулы и льготы. Разве что покойный маршал Мунс, который действительно доводился кузеном государю, позволял себе демонстративно не появляться в столице.

Что касается Мирзой-бека, то он уже был готов к любым неожиданностям и отправился на аудиенцию во всеоружии. Мать Шайба сдержала обещание, предоставив союзнику всю и всяческую помощь. К сожалению, это было так просто и неинтересно, что ведьма даже жаловалась подругам по совету, что напрасно ввязалась в историю, не обещающую ничего, кроме скуки.

Хитрость заключалась в том, что на Землю (на Старую Землю, как сказала бы ведьма) новый советник мог прибыть сам-друг с кем-нибудь из своих советников. Официально у Мирзой-бека было четыре скоростных истребителя, каждый из которых, кроме пилота, мог взять еще одного пассажира. Но два корабля обязаны были постоянно находиться на дежурстве. Итого, считая пилотов, прилететь могли четыре человека. Прямо скажем, не слишком пышная свита. Другие наместники ради такого случая содержали в столице богатые особняки, полные слуг, доверенных сотрудников, а заодно и доносчиков, снабжавших ставку всей необходимой информацией. Живя в столице, трудно всерьез работать на региональные власти. Мирзой-бек, выучившийся на медные деньги и за богатством не гнавшийся, собственного дома и слуг на Земле не имел и, словно простой путешественник, остановился в гостинице. Впрочем, отель он выбрал самый фешенебельный, а номер — самый роскошный. Апартаменты эти были напичканы аппаратурой слежения, по поводу чего бывший на-

чальник Особого отдела не преминул издевательски пройтись. Выковырнув ногтем первый попавшийся жучок, Мирзой-бек укоризненно произнес:

— Коллега, вы должны знать, что я профессио-нал. К чему такая грубая работа? — а затем вернул электронного соглядатая на место.

Подобный поступок никак не входил в планы столичных осошибистов. По их мнению, Мирзой-бек должен был обнаружить всю тупо припрятанную и на сто лет устаревшую аппаратуру, а затем, чувствуя себя в безопасности, спокойно обсуждать с советни-ками свои планы. Тем более что советники у Мир-зой-бека были удивительные.

Некогда курсант Мирзой получил неплохую пи-лотную подготовку, и теперь один из скоростных истребителей он привел собственноручно, а в каче-стве пассажира привез своего старого слугу Хакима. Этот человек давно был на заметке у компетентных органов, и за ним до такой степени ничего не чис-лилось, что это не могло не внушать подозрений. Встречающим Хаким не был представлен. Этого следовало ожидать (ну кто станет на глазах у теле-хроники и журналистов представлять своего камер-динера камергерам его величества?), но подозрения встречающих от того лишь усилились. Второй ис-требитель, как и следовало ожидать, пилотировал начальник собственной службы безопасности, а вот его пассажир, вернее — пассажирка, вызвала толки и пересуды не только среди компетентных лиц, но и по всей столице. Худая пожилая дама, обряженная в нелепый комбинезон канареечного цвета, вышаги-вала босиком, а за спиной у нее, словно ископаемая

берданка, торчал продолговатый предмет, скрытый от посторонних глаз бумазейным чехлом.

Госпожа Шайба была представлена как начальник аналитического отдела базы. Никакого аналитического отдела в штатном расписании не числилось (каждый отдел имел свою аналитическую группу), и уж тем более никто из столичных кураторов провинции Великая Ньянма слыхом не слыхал ни о новом отделе, ни о подобном начальнике. Ситуация складывалась анекдотическая, но сведущие люди знают, что самые серьезные последствия проистекают из самых дурных анекдотов.

На следующий день по прибытии Мирзой-бек был приглашен на аудиенцию, и в это же самое время служба безопасности послала своих сотрудников арестовать Хакима и Шайбу. Расчет был на то, что командующий начнет дергаться и наделает ошибок, выдав себя с головой. Кроме того, допрос близких к Мирзой-беку людей мог прояснить, наконец, невразумительную ситуацию. На последнее надежд было немного, столичные особисты понимали, что Мирзой-бек не лыком шит и, скорей всего, зная, что на допросе никакой тайны скрыть невозможно, не станет брать с собой людей, допущенных к настоящим тайнам.

Увы, неудачи преследовали службу безопасности с самых первых шагов. Хакима арестовали, привезли к дознавателю, без долгих слов вкатили ему препараты правды, после чего дряхлый старик мирно уснул, и добудиться его смогли лишь на следующий день. Единственное, что успел выяснить следователь, что с восточным домом Хаким, а судя по все-

му, и сам Мирзой-бек не имеют никаких связей уже лет тридцать.

С Шайбой конфуз вышел еще более полный. Группа захвата вернулась, доложила о выполнении задания, но никого не привезла. Когда агенты появились в номере и вознамерились взять босоногую старуху под мицкки, она с легкостью увернулась от сноровистых рук и гневно вопросила:

— Что это значит?

— Нам поручено арестовать вас, — покорно отрапортовал старший.

— Кем? — начала допрос «начальник аналитического отдела».

Особист, обученный сопротивляться любым формам психического давления, послушно ответил, кем именно дано распоряжение об аресте.

— Ступай и доложи своему начальнику, что задание выполнено, — приказала Шайба, нежно поглаживая чехол, в котором прятался неведомый агрегат.

С тем группа и отбыла восвояси, а Шайба таинственным и непостижимым образом оказалась вместе с Мирзой-беком на аудиенции у императора.

Там все и вовсе пошло наперекосяк. Нет нужды описывать торжественный прием у его императорского величества, поскольку всякий нормальный подданный видел эту церемонию в кадрах кинохроники. Но на этот раз извечный распорядок был грубо нарушен. Его величество, выйдя к собравшимся, прочел рескрипты, утверждавший Мирзой-бека в должности, благосклонно улыбнувшись, назвал дальнего родственника кузеном и уже собирался уйти, когда Мирзой-бек негромко произнес:

— Ваше величество, мне нужно поговорить с вами наедине.

Император приподнял бровь, но, к удивлению знатных его, не повернулся молча, чтобы уйти, а кивнул, дозволяя наглецу пройти во внутренние покои. И почему-то следом за Мирзой-беком в распахнутые двери прошла и босоногая старуха, а стража, буффонадно наряженная, но более чем эффективная, никак не отреагировала на подобное самоуправство. И если бы только стража!.. В эту минуту под контролем скучающей старухи находились едва ли не все правительственные структуры. Конечно, мать Шайба, несмотря на всю свою силу, в одиночку никогда не сумела бы совершить такое, но сейчас через ее метлу, раскаленную от напряжения, текла сила нескольких тысяч ведьм, решивших поучаствовать в увлекательнейшем занятии: государственном перевороте на Старой Земле.

Император и Мирзой-бек уселись в мягкие кресла друг напротив друга, Шайба осталась стоять. Некоторое время они молчали, и стороннему наблюдателю могло показаться, что ничего не происходит. Затем император негромко, обыденным тоном произнес:

— Я так понимаю, что я свергнут. Меня казнят?

— Что вы, — в тон повелителю ответил Мирзой-бек. — Вы же не казнили меня когда-то. Вы даже дали мне образование. Кем бы я был, не обрати вы на меня внимание? Историком, заштатным профессором в заштатном университете, человеком, который изучает свершения давно умерших великих людей, но сам ни на что не способен. А вы не оставили мне иного пути, кроме занятия политикой. По здравом

размышлении, я должен быть благодарен вам. Так за что же вас казнить? Более того, вы даже не свергнуты. Мне будет некогда участвовать в утомительных церемониях, носить корону, принимать восторг и обожание подданных. Все это я поручаю вам. А мне достаточно числиться одним из ваших советников. Я достаточно понятно высказался?

— Да, ваше величество, — покорно ответил император.

ГЛАВА 30

Вроде бы все было нормально, и в очередную ночь Малой Луны Влад с Чайкой предполагали слетать к одному из ведьминских поселков, где они еще не бывали, порадовать молоденьких ведьмушек доброй сказкой, но в последнюю минуту Чайка сказала, что они, пожалуй, не полетят, потому что малыш просится на волю и может родиться уже сегодня.

Этого Влад почему-то не ожидал. Он привык с нежностью смотреть на огруженевшую фигуру своей подруги, привык ночью, положив ладонь на ее тугой живот, ощущать, как ворочается и толкается ребенок... «Дерется, — мечтательно говорила Чайка, — ой, непоседа будет!» — но почему-то Влад полагал, что это будет когда-нибудь потом, в далеком и неопределенном будущем. И вдруг далекое будущее пошло вплотную и решительно стало настоящим.

Как поступать в такой ситуации, Влад не представлял. Для подобных случаев существуют врачи, которые помогут родить быстро, безболезненно и в комфортабельных условиях. Вот только на расстоянии двухсот парсек от их планеты не было ни вра-

чей, ни комфортабельных условий. Так что будущему папаше оставалось беспомощно метаться и не знать, что делать. В летном училище по традиции читался курс выживания, куда входила и первая помощь при ранениях, но не было ни малейших сведений по акушерству.

А Чайка была совершенно спокойна, словно рожать в наспех слепленной хижине, лежа на шкурах инопланетных зверей, было для нее самым обыденным делом.

— Очень больно? — спрашивал Влад, где-то слышавший, что во время родов следует кричать и тогда ребенок легче рождается. — Ты кричи, я же понимаю...

— Не очень, — сдавленно отвечала Чайка, кричать никак не желавшая. — Я его задавить боюсь, он же такой маленький...

В это минуту ребенок вовсе не казался Владу маленьким, скорее наоборот. Живот у Чайки стал огромный, вдвое больше, чем день назад, а быть может, это только казалось Владу со страха. Чайка лежала, прижав ладони к животу, и не кричала. И было совершенно неясно, как «оно» (сказать в эту минуту слово «ребенок» казалось совершенно невозможным) появится на свет. Разве что разорвет все на своем пути и выйдет, убив мать.

— Все будет хорошо, — шептал Влад трясящимися губами и сам не знал, кому твердит эти жалкие слова: успокаивает он себя, Чайку или заклинает судьбу.

А потом Чайка вдруг захрипела натужно, между широко расставленных ног непостижимым образом прорезалась облепленная мокрыми волосенками головка, выплеснулись воды, и следом, а верней, вме-

сте с ними выплеснулся ребенок, так что не происходи роды на полу, он мог бы упасть и разбиться. В первое мгновение Владу почудилось, что ребенок родился мертвым: он был неживого густо-синего цвета, лежал скрючившись, как на картинке в учебнике анатомии, и толстая, с палец, жила пуповины тянулась от него к лону матери. Но уже в следующую секунду он распахнул беззубый рот и завопил требовательно, громко, на весь мир, на обе обитаемые Вселенные.

— Ну вот, — произнесла Чайка.

— Мальчик, — сказал Влад, не смея дотронуться до ребенка. Теперь это уже был точно ребенок, грозовая синева с первым же глотком воздуха исчезла, лицо порозовело и стремительно стало наливаться сердитым бордовым цветом.

— Дай его, — потребовала Чайка.

— Погоди. Пуповина...

Пуповину Влад перетянул заранее приготовленной жилкой и перерезал острым краем ракушки (о, эти современные технологии, когда-нибудь они загонят нас в каменный век!).

Чайка получила наконец малыша, голого, скользкого (не догадались, дурни, воды нагреть!), прижала его к себе. Лицо мальчика изменилось уже второй раз за пять минут. Если сразу после первого крика оно было вполне человеческим, то теперь младенец напоминал уродливую ошипанную обезьянку. Но Чайку это ничуть не смущило. Она осторожно приложила малыша к груди, где еще и молока-то не было, разве что первые капли мутноватого молозива. Но когда человечек вцепился в сосок беззубым ртом, по лицу Чайки разлилось такое блаженство,

что Влад испытал острый приступ ревности. Чувствовать себя отцом он еще не научился... Дело это непростое, а для некоторых и вовсе недоступное.

Послед отошел через полчаса, его Чайка прибрала, сказав, что будет готовить снадобья. Заметив, как переменилось лицо Влада, она улыбнулась, провела ладонью ему по волосам.

— Ну чего ты дергаешься? Это для малыша лекарства будут. Он же на этой штуке девять месяцев лежал, сроднился с ней. Очень хорошее зелье получится. Некоторые ведьмы нарочно рожать улетают куда подальше, чтобы бабка-повитуха послед не сперла. А у нас видишь, как все хорошо?

Жизнь и впрямь начинала выравниваться. Ребенок, насосавшись молозива, спал на куче свежей травы, которую приволок Влад. Чайка заранее показала ему эту траву, на которую можно уложить новорожденного. Непостижимым образом она умела, бросив лишь один взгляд, определить, на какое дело годится та или иная травка, хотя бы даже и не земная, увиденная впервые.

Крошечная одевочка, выпущенная из раковины, где ей приходилось прозябать, забыла о своих бедах и несчастьях и сутилась вокруг малыша, осторожно вылизывая его. Теперь кроха наконец поняла, зачем и к кому ее звали, и жизнь обрела для нее смысл.

— А как мы его назовем? — спросила Чайка, не кивнув, а улыбнувшись в сторону младенца.

— Не знаю... — Заранее подумать о такой простой вещи Влад не удосужился, а сейчас был просто неспособен на подобную мыслительную деятельность.

— Если бы девочка родилась, я бы ее Тайкой назвала, а так — тоже не знаю. Ну, какие у вас имена мальчикам дают?

— Не знаю... Разные...

— Я бы его в честь старого Якобсона назвала, но длинно получается: «Якобсон».

— Якобсон это не имя, а фамилия. А имя — Якоб.

— Вот и хорошо. Тогда пусть будет Якоб.

Маленький Якоб проснулся и захныкал. Чайка, отогнав недовольную одевочку, потянулась к нему.

— А ты знаешь, — сказала она, — а ведь я тоже голодная. Придется тебе некоторое время за хозяйку быть.

Влад схватил Чайкину метлу и принялся разводить огонь. Удивительным образом это у него получалось. Любая жительница Новой Земли умом бы тронулась при виде такой картины.

ГЛАВА 31

Бывший лейтенант Влад Кукаш уже не очень интересовал Мирзой-бека. Почти все, что он мог сообщить, имперские власти сумели узнать самостоятельно, и ценность беглого каторжника упала почти до нуля. Однако несколько дерзких налетов на опорные базы космических войск напомнили, что взаимные обязательства ведьм и людей остались невыполнеными в самом незначительном и оттого особо щекотливом пункте. Преступников следовало изловить и поступить с ними законным образом. Это было особенно нужно, поскольку, нападая на базы, террористы на всех частотах, доступных корабельному пере-

датчику, трезвонили о том, что торпедные ускорители — это не машины, а пленные девушки.

Судя по всему, нападения совершались и на путешествующих ведьм, во всяком случае, один раз следы подобной схватки были обнаружены. Кроме того, именно ведьмы напомнили Мирзой-беку о том, что данное слово нужно держать. Если много-миллиардное человечество, воспитанное в принципах колLECTИВИЗМА, могло позволить немногим анахоретам жить, как им заблагорассудится, то ведьмы запросто могли разлететься кто куда, и потому, несмотря на всю свою свободу, они были повязаны друг с другом весьма жестко. Как бы далеко и одноко ни обитала ведьма, она была обязана подчиняться законам. Особо это касалось наказаний, законом предусмотренных. «Пусть рухнет мир, но свершится правосудие» — сказано уже после бегства колдуний со Старой Земли, но слова эти как нельзя лучше подходят к их образу жизни.

Слухи об истинной природе торпед пока удавалось купировать в зародыше. Услужливые психологи рассуждали о сексуальной неудовлетворенности пилотов, находящихся в одиночных многодневных полетах, в казармах рассказывали специально сочиненные скабрезные анекдоты о совокуплении пилота с торпедой («Зато какой взрыв чувств!»), но посвященные в тайну понимали, что, если нападения и злокозненные передачи не прекратятся, ситуация может выйти из-под контроля. Особенно неприятно, что нападения происходили не только в Седьмом секторе, но и по всей галактике, так что круг посвященных приходилось неоправданно расширять. И когда Шайба в очередной раз запросила, как

протекают поиски Кукаша и преступной девки (ее имя так и не было произнесено), Мирзой-бек перешел в наступление.

— Милостивая государыня! — решительно начал он (Шайба кивнула, удовлетворенно отметив, что Мирзой-бек правильно называет ее государыней, то есть владычицей Старой Земли). — Вы постоянно утверждаете, что преступников не может быть на вашей территории. У меня нет оснований подозревать вас в укрывательстве Влада Кукаша, но я абсолютно уверен, что он свободно перемещается через Новую Землю. В течение одной недели он совершил три нападения на наши базы в разных частях галактики. Преодолевать такие концы, не пользуясь переходом через Новую Землю, — невозможно. Во всяком случае, мы такого способа не знаем.

— Где и когда произошли нападения? — потребовала мать Шайба.

— Мы, конечно, предоставим вам эту информацию, но...

— Давайте координаты, а дальше мы разберемся сами!

К подобной манере разговаривать Мирзой-бек не привык, поэтому, передав требуемые сведения, он не сообщил хамоватой старухе некоторые важные подробности. Дело в том, что передатчик, с которого велась разрушительная пропаганда, принадлежал не Владу Кукашу, а одному из пропавших истребителей. И голос, оравший в микрофон, был голосом капитана Родригеса.

Ни с чем разобраться ведьмы не сумели. Получив от сотрудников Мирзой-бека координаты и время нападения на имперские объекты, старухи созда-

ли несколько ищеек, которые кидались было по следу нападавшей ведьмы, но через некоторое время след теряли. Это могло значить только одно: преступница прорвала завесу и ушла. Куда?.. На Новой Земле Чайка не появлялась, а о регулярном уходе в инферно Шайба и думать не хотела. С таким противником лучше не сталкиваться.

Шайба находилась в полном раздражении чувств, когда почуяла, что Мирзой-бек зовет ее. Как обычно, Шайба не стала являться в ставку во плоти, а отправила фантом. Для Мирзой-бека такое поведение не было неожиданностью: раз на пленке ничто не фиксируется, значит, и ведьмы рядом нет. Зато с фантомом проще иметь дело, он видит и слышит немногим лучше обычного человека и, следовательно, узнает только то, что ему захотят сообщить. Во всяком дурацком положении есть положительные стороны, и, как говорил древний мудрец Отто Бисмарк: «Из любого свинства можно извлечь кусочек ветчины».

— Вам удалось что-нибудь обнаружить? — невинно поинтересовался Мирзой-бек.

— Пока нет.

— И неудивительно. Как я могу догадаться, след неожиданно обрывался там, где беглецы уходили на Новую Землю. Мне нужны координаты этих мест.

— Зачем они вам?

— Давайте координаты, а дальше мы разберемся сами! — мстительно отрезал императорский советник.

Шайбе очень не нравилась излишняя самостоятельность Мирзой-бека, но держать его под полным контролем Шайба не могла. Один раз она уже использовала общую магию совета ведьм, и второй раз

ей такое могущество никто не предоставит. А в одиночку можно контролировать либо человека, на которого накинута узда, либо слабовольную тряпку, давно и безнадежно распростившуюся с собственной индивидуальностью. Насколько проще было бы иметь дело со старым императором! Сначала он был марионеткой в руках прежних советников, теперь им вертит Мирзой-бек. А Шайба, решив, что будет вертеть Мирзой-беком, в результате вынуждена ежедневно сражаться со строптивцем. Хотя, случись иначе, жить стало бы невыносимо скучно.

Выслушав свои собственные слова, мать Шайба покривилась, но выдала координаты тех точек, где исчезали террористы. Интересно, как эти сведения могут помочь в поисках?

У ведьм не было компьютеров и немыслимой механической моци человечества, позволявшей перебирать миллиарды вариантов. Там, где ведьме помогает инстинкт, оператор электронной машинки заставляет ее считать и тоже находит оптимальное решение. Десяток проколов во вселенную Новой Земли дал сотни миллионов способов вывалиться обратно в римановский космос. И среди этих бесчисленных вариантов нашлось несколько (всего-то пяток тысяч), которые встречались во всех десяти случаях. Именно туда и были направлены разведчики. Они ставили контрольный буй и немедленно исчезали. Ведьмам-инсургенткам, которых у Мирзой-бека было уже три штуки, пришлось попотеть, чтобы выполнить эту работу за месяц. И уже на следующий день после установки один из бакенов сообщил: в ближайшей системе зафиксирован факт работы гравитационного двигателя, причем, судя по

всему, этот двигатель был установлен на истребителе Седьмой опорной базы и управлял им капитан Мануэль Родригес.

Туда, к ничем не примечательной звездочке, и начали выдвигаться карательные силы империи: медлительные, сверхтяжелые крейсера, способные разнести вдребезги звездную систему, тучи истребителей и полдюжины приданых для связи скоростных машин. Мирзой-бек выполнял свои обязательства перед босоногой старухой.

ГЛАВА 32

— Влад, смотри, он улыбается!

— Ух ты! Ну-ка, Яшка, улыбнись папе еще раз!

Яшка лежал в вольерчике, на пушистой шкуре местного хищника, которого забила для него мама, довольно лыбился на солнце и родительские физиономии, пускал слюни и гукал. Кругом валялись россыпи прутьев: местных, привезенных с других планет и наанных во время ночных набегов на Новую Землю; Чайка, будучи не в силах побороть ведьминские привычки, где только могла добывала сыну материал для помела. Хотя сама же посмеивалась над собой: ну где это видано, чтобы мужчина ходил с метелкой? Не было такого и не будет ни в одной из вселенных.

— А улыбка у него твоя, — заметила Чайка. Любую Яшкину приметинку она немедленно находила у отца — и наоборот.

— Скажешь тоже... Нешто я так рот разеваю, когда улыбаюсь?

— Еще и шире.

— И вообще, я вон какой зубастый, а у него ни одного зуба, — кокетничал довольный папа.

— Вырастут. Дело наживное. Яшка, Яшенька, агу! Зубки у тебя скоро вырастут?

— Завтра ночь Малой Луны, — напомнил Влад. — Полетим?

— Конечно. Чего тут киснуть-то? И без того много пропустили.

— Да знаю я... Просто тревожно мне с Яшкой к старухам в пасть соваться.

— Уйдем!.. — беспечно отмахнулась Чайка. — А если догонять станут, мы опять в инферно нырнем. Баллоны у нас теперь полны под завязочку, так что не пропадем.

— Страшно с малышом в инферно. — Влад содрогнулся, ощущив на мгновение подобие мысли, что с Якобом может приключиться дурное.

— Неужели твоей любви не хватит, чтобы прикрыть нас двоих? — удивилась Чайка.

— Хватит, конечно, — ответил Влад, вновь содрогнувшись при мысли: «А вдруг не хватит? Кто ее измерял, силу любви?»

— Если не хочешь, то останемся дома, — предложила Чайка. — Или полетим на какую-нибудь свалку...

— Вот уж туда меня совершенно не тянет, — отказался Влад.

Свалками они называли кладбища старых ступ, громоздящиеся неподалеку от любой из деревень. Несколько кораблей Влад вскрыл и ограбил. Теперь у него был двойной комплект полных кислородных баллонов и почти нетраченная система регенерации воздуха, пара шлемофонов (брал только те, что ва-

лялись отдельно от останков пилота), куча ножей и личного огнестрельного оружия, несколько вечных зажигалок и чертова прорва бесполезных талисманов и прочей ерунды, протащенной на корабль скучающими пилотами. Теперь и Влад ходил на охоту во всеоружии, а в случае нужды мог постоять за себя. Вот только избавиться от мрачных впечатлений было очень непросто, так что Влад при первой же возможности прекратил мародерские набеги.

— Летим сказочничать, — решил Влад. — Это всего интереснее.

— А-а-а!.. — пропел Якоб, который во время маинных диверсий мирно спал и смотрел разрушительную сказку вместе со всем малолетним населением городка.

ГЛАВА 33

В жизни капитана Родригеса было две неудержимых страсти: женщины и космос. За женщиной нужно ухаживать, добиваясь если не взаимности, то хотя бы улыбки, а в космосе надо летать, причем так, чтобы ощущалась скорость. К сожалению, выражи и лихие развороты возле базы категорически запрещены, а дальний полет более всего напоминает отсидку в барокамере. Одни только приборы сообщают, что ты движешься куда-то, оставляя позади неторопливый свет. А уж женского общества в дальнем полете, хоть тресни, не сыщешь.

И вот теперь, казалось бы, разом сошлось все, о чем мечталось: он не в одиночном полете, а с напарницей, прекрасней которой и вообразить нельзя. И сам полет... Родригес еще не привык к скоростно-

му истребителю, а настоящий полет со свободной ведьмой — еще раз в десять быстрее. Галактика становится мала, мир начинает поворачиваться вокруг тебя, и звезды исчезают за кормой, словно в рисованном мультике.

По счастью, Кайна тоже оказалась страстной любительницей быстрых полетов, а то бы, несмотря ни на какие предупреждения Чайки, был бы Родригес взнуждан, лишен воли и навсегда заперт в рубке собственного звездолета, разделив скорбную судьбу капитана Стаса и многих тысяч других пилотов. Но и без того при виде Родригеса лицо Кайны застыпало гневной маской, и при первой возможности ведьма отсылала непрошеного напарника в рубку.

Родригес понимал, как страшно он виновен в глазах Кайны, и терпеливо сносил опалу. Кайне принадлежала вся власть в этом поневоле сложившемся дуэте, именно ведьма решала, куда они полетят и что будут делать. В основном они воевали: нападали на базы, на отдельные корабли, на ведьминские ступы и на сестер, которые покуда обходились одним помелом. Никого щадить Кайна не собиралась, хотя и не препятствовала Родригесу орать в микрофон его дурацкую правду. По счастью, приходилось не только воевать, но и устраивать нормальную жизнь. О судьбе Кайны в совете ведьм никто ничего не знал, никаких заклятий на нее наложено не было, так что разбойная пара могла свободно находиться в любом месте Новой Земли, где нет ведьминских поселков. Тем не менее лагерь был обустроен на одном из островов. Кайна считала себя отрезанным ломтем и на Новой Земле жить не желала. И все же появляться там приходилось, равно как

приходилось и общаться с напарником. Пришлось добывать капитану одевку, а это значит — учить его обращаться с болотной зверюшкой. Можно было бы оставить его в прежних тряпках, но тогда ступу придется слишком часто проветривать. Опять же, напоить ступу вдвоем — довольно просто, а в одиночку это занятие на несколько дней. Ради будущего своего спокойствия Кайна согласилась общаться с мерзким слизняком.

С Чайкой Кайна за эти месяцы не виделась, но однажды отправила ей весточку, особым, у ведьм принятым способом. Ведьмы любят обмениваться сплетнями, так что в один из прилетов на Новую Землю Кайна сумела поболтать с какой-то из товарок, которая не знала, что Кайна признана советом неудачницей и ее должно скормить диким ступам. Во время беседы Кайна и услышала сенсационную историю, как древняя ступа, упавшая некогда из океана и полсотни лет провалявшаяся на земле, взбесилась и пожгла множество сестер, слетевшихся поглазеть на это диво. Кайна сразу поняла, что скрывается за невразумительной новостью, и с немалой долей злорадства сообщила Чайке:

— Помер твой отшельник. Сестры его нашли, вздумали захомутать, а он их пожег и сам сгорел на фиг.

В таком виде и дошла печальная весть до единственные людей, кому небезразлична была судьба старого летчика.

Кроме мстительных набегов, Кайна занималась еще и охотой. Она жадно хватала бирюзовиц, в ее арсенале было уже три золотых птаха. Но больше всего Кайна мечтала отловить заряну. Раз у Чайки

заряна есть, она должна быть и у нее. Вот тогда можно будет посчитаться с обидчицей. По счастью, заряна Кайне не встретилась, иначе ведьмачка очень быстро убедилась бы, что такая добыча ей не по зубам. Безответной влюбленности Родригеса не хватило бы ни на пролет сквозь инферно, ни на схватку с заряной. Для подобных подвигов нужно не только летать на пару, но и быть вместе.

Во время отдыха на островах Кайне приходилось спускать Родригеса из люка, а потом поднимать его обратно, приходилось разжигать для капитана костер, без которого сама ведьма прекрасно могла бы обойтись. Еду для себя Кайна и Родригес готовили по отдельности. У капитана имелся перочинный нож и шоковый пистолет, не было только зажигалки. Шоковый пистолет бьет от силы на полтора десятка метров, но в стране непуганого зверя дичь подпускает охотника едва ли не вплотную, поэтому всякой водоплавающей мелочью Родригес снабжал себя в изобилии. Кайна, забивавшая на ужин какого-нибудь крупного зверя, остатки неизменно сжигала, чтобы не привлекать к кораблю трупоедов.

Наконец, однажды потрафило и Родригесу. Он сумел подобраться достаточно близко к стаду жвачных зверей и парализовать неосторожного сеголетка. Выбрасывать остатки туши не хотелось, и Родригес принялся коптить мясо.

Откуда потомок испанцев взял способ коптить дичину, вымочив предварительно в горько-соленой морской воде? На этот вопрос могут ответить лишь предки, веками воевавшие с басками и перенявшие у них секрет байонской ветчины. Запах, плывущий над берегом, оказался столь силен, что Кайна подо-

шла к костерку, где жарились над углами толстые ломти, и спросила, глядя поверх головы:

— Что это?

У Мануэля достало разума не отвечать сразу, а сначала отсечь вибромолекулярным лезвием лучший кусок и молча протянуть Кайне.

— Жареная ветчина, — сказал он, когда Кайна кончила жевать и отерла тыльной стороной руки жирные губы.

Видать, не только к мужскому сердцу натоптана дорога через желудок. Трудно считать грязным животным того, кто делил с тобой кусок ветчины.

— Расскажи про Старую Землю, — сказала Кайна, опускаясь на траву.

И Родригес принялся рассказывать. Он говорил про хрустальные купола Торено, про суровые горы Невии, где находилась летная школа и где он служил курсантом, про виноградники Ибертиды, откуда он родом и где до сих пор живут его родители и братья. Испокон веку они были виноделами, и погреба, устроенные в выработанных медных шахтах, хранят столетние вина: знаменитую «Гневную дочь» — вино, которое не каждому удается попробовать. Родригес рассказывал, забыв, что, строго говоря, это не Земля, а планеты, освоенные его предками и, несмотря на унифицирующее действие имперской идеологии, сохраняющие древний язык и нравы. Там живут потомки еретиков и инквизиторов, самый воздух там пропах католичеством, и даже повара, готовя острые закуски, не просто соединяют рыбу с огурцом, а расплющивают соленый анчоус на крестовине из маринованных корнишончиков и безыскусно называют свое творение «распятием».

— Я бы такое съела с радостью, — усмехнулась ведьма, принимая новый, истекающий соком ломть мяса, засоленного, подкопченного и, наконец, зажаренного на углях.

Никто лучше Родригеса не умел управляться с мясом во время офицерских междусобойчиков. Сослуживцы называли его произведения «барбекю». Что они могут понимать? Сравнивать байонскую ветчину на вертеле и пошлое барбекю все равно что ставить в один ряд шедевр Гойи и порнографический снимок. Сюда бы еще бутылочку «Гневной дочери», и вечер мог бы закончиться так, как обязаны заканчиваться такие вечера... Однако от прохладных, запятнанных селитрой и разводами малахита подвалов Ибертиды их отделяло немалое число парсек, а имперский флот уже подходил вплотную к планете, где на берегу моря горел одинокий костер. Десятки тысяч людей приникли к экранам, замерли возле пультов, привели в готовность самое страшное оружие, и все для того, чтобы так удачно начавшийся вечер не кончился вообще никак.

Кайна вскинула голову и неожиданно обострившись взглядом обвела небосклон.

— Идут!.. — произнесла она, кажется даже с удовлетворением. — Ишь ты, сколько!

— Кто? — Родригес вскочил, шоковый пистолетик был у него в руках, готовый открыть пальбу по всякому, кто посмеет кинуть хотя бы один косой взгляд на его подругу.

В следующее мгновение Кайна довольно невежливо зашвырнула его в люк истребителя, и там, едва лишь кинув взгляд на приборы, Родригес понял все. Хамские налеты на космические крепости и маро-

дерство на оживленных трассах возымели-таки действие. Империя судорожно разворачивалась, чтобы садануть по источнику раздражения всей своей чудовищной силой.

Гравитационный экран пестрел бесчисленными россыпями следов. Работающие генераторы истребителей выглядели, словно точки звезд: алых, рыжих и умирающие багровых; а между ними размытыми пятнами светились следы космических крепостей. Девять линкоров, каждый из которых по огневой мощи лишь немногим уступал опорной базе космических войск, — этой силы хватило бы для завоевания половины галактики, но бросили ее против двух возмутителей спокойствия.

Родригес надвинул на лицо щиток шлемофона и вывел двигатели на форсаж. Кайне тоже не нужно было разогреваться и приходить в боевую ярость, сражаться ведьма была готова в любую минуту.

В эфире, заполняя все доступные корабельной станции диапазоны, гудел проникновенный баритон:

— Кукаш, Родригес, сдавайтесь. Сейчас вы имеете дело не с новоземельскими метелками, а с империей. У вас нет ни одного шанса. Если вы сдадитесь без боя, вам будет гарантирована жизнь.

Один только голос, и ни команд, ни отрывистых рапортов, армада надвигалась в молчании, способном свести с ума нестойкого противника. Несколько месяцев, пока флот выдвигался к планете, на которой обосновались Кайна с Родригесом, личный состав лихорадочно перенастраивал рации. Делалось это вовсе не для сомнительного эффекта тишины, просто командованию очень не хотелось, чтобы пилоты знали, что немыслимый по размерам флот

брошен вовсе не против найденных наконец планет торпедников, а послан, чтобы уничтожить два собственных взбунтовавшихся кораблика. А для этого ни один из лейтенантов и капитанов, чьи корабли искрились сейчас на экране Родригеса, не должны услышать его слов, выкриков и богохульной ругани. Мирзой-бек знал: потери будут — и очень не хотел, чтобы после боя победители задумались: по какой причине пара дезертиров может хотя бы четверть часа противостоять флоту и почему флот вынужден насмерть сражаться с этими дезертирами.

Одно беда: пилоты, удивленные небывалым приказом, столь же поспешно собирали микроскопические приемники, способные ловить единственную волну: ту, на которой обычно велись разговоры. Во время повальных обысков было изъято несколько сот таких самоделок, но наверняка некоторое количество приемников осталось на руках, и сейчас их владельцы слышали не только запись голоса Мирзой-бека, но и ответ потенциального противника:

— Ты, пресвятая сучка, капитан Родригес сдаваться не умеет! И запомни, недоносок, настоящий мужчина может забраться на женщину, только когда она скажет «да»! При этом ему не понадобятся ни реакторы, ни твои вонючие манипуляторы! Санта порко, ты у меня ответишь за свои издевательства над девушками и за то, что заставил меня в них участвовать! И можешь быть уверен, смерть тебе гарантирована позорная — лучше поспеши и утопись в сортире сам! Слышишь, я иду!

Однокая точка корабля, которого перенастроенные приборы безошибочно выделяли как чужака, ринулась в самый центр армады, успевшей охватить

звездную систему практически со всех сторон. На самом деле звезда была полностью окружена, единственный сектор, кажущийся свободным, скрывал настороженные ловушки, незаметные даже для изощренного взгляда ведьмы. Но Родригес миновал эти ловушки, бросившись навстречу противнику. Как уже бывало в неоднократных налетах, истребитель мгновенно набрал скорость, недостижимую ни для ведьм, ни для земных космолетов, а затем последовал выстрел в сторону флагмана.

К сверхъестественной скорости бунтовщика и точности его стрельбы имперский флот был готов. С какой бы скоростью ни двигался плазменный заряд, все равно это всего лишь пригоршня ионов, заряженные частицы, которые чрезвычайно легко тормозятся электромагнитным полем. На мгновение пустота перед головным линкором воссияла разноцветными сполохами, и убийственный заряд бесследно рассеялся. Сам линкор и соседние корабли тоже вели огонь, но больше для порядка, командиры знали, что Родригес увернется от вспыхивающих газовых облаков.

Родригес увернулся и даже сшиб один истребитель, опрометчиво выскочивший из-под прикрытия, которое осуществлял неповоротливый линкор. Тем временем люди Мирзой-бека срочно подтягивали силовые установки, сконцентрированные в свободном секторе, куда, как надеялись в штабе, кинется спасаться бунтовщик. Теперь и этот путь был демонстративно перекрыт, так что оставалось всего лишь затянуть удавку.

Современная война — стрельба по невидимой цели, танец точек на экранах, расчеты компьюте-

ров, подкрепленные интуицией ведьм... И сюрпризы, заранее подготовленные как той, так и другой стороной.

Корабль Родригеса вновь набрал скорость, намереваясь атаковать один из линкоров. Но на этот раз вместе с плазменным выстрелом в ход пошел золотой птах, один из трех, пойманных Кайной во время безудержной охоты. А птах — это такая птичка, в составе которой вовсе нет никаких частиц, так что электромагнитного поля он попросту не замечает. И хотя масса покоя у любого магического существа равна нулю, но импульс у него весьма ощутимый и, соответственно, возрастает с увеличением скорости, особенно за пределами ста це. Сияния рассеянного плазменного заряда никто не видел, ибо глаза и приборы были ослеплены магниевой вспышкой, вздувшейся там, где только что плыл броненосец империи. Вспышка, подобная взрыву сверхновой, вот только погасла она быстро, не оставив по себе ничего, кроме облачка вырожденного газа.

— Й-я-а-а!.. — визжала Кайна.

— Уходим? — успел спросить Родригес.

— Вот уж нет! Еще хотя бы одну такую черепаху спалим, а потом уйдем...

Так была упущена единственная возможность спастись.

Генераторы силовых полей никогда не включаются возле тяготеющих масс, поскольку подобные игры всегда чреваты неожиданностями. А уж космическая катастрофа, заканчивающаяся гибелью планет, даже неожиданностью не считается; она в порядке вещей.

Во время полета Родригес полностью сливался со своим кораблем, ощущая быстроту каждой порой тела, и неладное он почуял прежде, чем замигали тревожные лампы. Пространство вокруг загустело, истребитель — стремительное насекомое космоса — словно вмазался в патоку и мог только беспомощно шевелить лапками. Ни о какой скорости говорить уже не приходилось, не сотни и тысячи це были подвластны им, а от силы сотни километров в секунду.

Отчаянный вопль донесся к Родригесу. Кричала Кайна. Должно быть, она вопила и на самом деле, сотрясая воздух, но этих звуков было не слышно сквозь задраенный люк. Но дикую смесь боли, недоумения и ужаса не услышать было невозможно. Услышали его и ведьмы-инсургентки на штабном корабле, что предусмотрительно держался в стороне от битвы, и довольно кивнули: коготок увяз, пришла пора пичужке пропадать...

Единственное, что мог сделать Родригес, — выключить двигатели. И он вырубил их мгновенно, не потому, что раскаленные генераторы грозили взрывом, а потому, что там была Кайна и горячий металл жег ее, заставляя кричать.

Желтая спокойная звезда, на планетах которой они нашли пристанище, бушевала клубами взбесившегося огня, планеты сошли со своих орбит и в грехоте разрушения направились всякая в свою сторону. Даже если восемь уцелевших линкоров немедленно выключат тормозные поля, вряд ли в этой системе останется хоть что-то живое. Ломать — не строить, а планет, пригодных для жизни, во Вселенной много, и можно пожертвовать парочкой ради того, чтобы не упустить преступников, бросивших

вызов империи. Жаль, что там нет Влада Кукаша с его девкой, их придется ловить отдельно и жечь еще какие-то планеты, но закон должен восторжествовать. *Regeat mundus et fiat justitia!* Сегодня миры гибли в самом прямом смысле слова.

Кайна буквально влетела в распахнутый люк. Одевка на ней посерела и слепо таращила выжженные глаза, метла в руках дымилась.

— Что это!?

— Тормозные поля! — Родригесу не было времени объяснять, но Кайна уловила недосказанную мысль и поняла, что враг оказался сильнее, чем можно было предполагать. Нет скорости — значит, не уйти в лазорь Новой Земли, не сбежать, не скрыться и даже не ударить толком. Мухе, влипшей в патоку, остается сучить ножками и ждать, когда сверху опустится ложка и выудит ее, чтобы раздавить в сторонке.

— Капитан Родригес, сдавайтесь! — скрипел голос в динамике. — Вы обречены, мы все равно возьмем вас.

— Хочешь — сдавайся, — предложила Кайна.

— Сначала возьмите! — капитан Родригес не знал истории и невольно исказил слова царя Леонида, о котором, впрочем, не слыхивал. Однако царь-камикадзе был бы доволен таким ответом.

Несколько истребителей, случайно попавшие в область торможения, получили приказ подойти, нейтрализовать бунтовщиков и взять на буксир пленный корабль. Словно в замедленном ночном кошмаре, когда само пространство не дает бежать, начали они маневр. Потом сверкнула вспышка белого пламени, зафиксированная уцелевшими корабликами, и двух истребителей не стало.

— Магическое оружие, — не вдаваясь в подробности, пояснила Рейжа и, помолчав, продолжила: — Трудно сказать, сколько она сможет так отплевываться. — Рейжа догадывалась, что у Кайны не может быть слишком много золотых птахов, но у самой инсургентки их не было ни одного, и обычная зависть заставила ее добавить: — Лучше добивать издали и поскорей.

Мирзой-бек не любил терять время и подвергать свою жизнь ненужной опасности. Он оставался на Земле, доверив управление боем одному из адмиралов. Сам он принимал только принципиальные решения. И сейчас, выслушав доклад, он кивнул согласно:

— Добивайте.

Безумное занятие — лупить из плазменных орудий в тормозном поле да еще на большой дистанции. Но у восьми бронированных линкоров хватит огневой мощности и не на такое. Гудели генераторы, мертвенно светились волноводы, один за другим убийственные импульсы уходили в сторону невидимой цели. Флот работал, офицеры и рядовой состав выслуживали медали «За личную храбрость». Уже несколько зарядов рассеялись в опасной близости от неподвижного дракона, один за другим гасли экраны внешнего обзора, корабль потерял управление и беспомощно кувыркался. Потом вмазало прямым попаданием. Родригес чертыхнулся и полностью заглушил реактор.

Оставалось только ждать.

Родригес открыл аптечку, достал мазь.

— На вот, помажь ожоги. Больно ведь.

— Черт с ними, — на последних порывах злости ответила Кайна и уже совсем беспомощно спросила: — Ну почему все так глупо кончилось?

Родригес не ответил, да и не мог он ничего ответить.

— Обними меня, — попросила Кайна.

Линкоры вели огонь.

ГЛАВА 34

Почему-то последнее время Мирзой-бека все больше тяготили невыполненные обязательства перед советом ведьм. Сами-то ведьмы, как ни посмотри, сделали все, что обещали. Мелоу, чудом оставшийся живым после экспедиции на Новую Землю, рассказал, что найденного сумасшедшего старика Шайба без звука отдала ему. И на особо важных трас-сах, которые заранее оговорил Генеральный штаб, разбой прекратился. А это, насколько можно судить, было непросто, рядовые ведьмы не любят, если им указывают, где можно охотиться на земные корабли, а где разрешено лишь проводить жадным взором улетающую добычу.

А империя покуда исполняет исключительно торговую часть договора. В логове, обнаруженному аналитиками, оказался не лейтенант Кукаш с беглой ведьмой Чайкой, а капитан Родригес с... неведомо кем. Вряд ли с ним была Чайка, разве что Кукаш нелепо погиб, а юная ведьма успела утешиться с пылким испанцем. Скорее всего, судя по репликам, которые выкрикивал словоохотливый капитан, летал он с той торпедой, что была установлена на его истребителе. Во всяком случае, он не мог простить командованию того факта, что его, Мануэля Родригеса, заставили мучить девушку. Что же, теперь появится еще один пункт, по которому будут отбирать

пилотов для скоростных истребителей. Они не должны слишком по-рыцарски относиться к женщинам. А у Мирзой-бека отныне есть все основания полагать, что беглый лейтенант не погиб, а продолжает скрываться в просторах космоса. Вот только на базы Влад Кукаш больше не нападает... Жаль, лучше бы он оставался простым террористом, а то не знаешь, чего и ожидать от этого человека. Пока противник стреляет, с ним легко и просто, а если он задумался и прекратил стрельбу, то появляются основания для самого серьезного беспокойства.

Неожиданно просто выяснилось, что Шайба во-все не представитель Новой Земли в имперской ставке, а просто один из членов совета, вздумавший заниматься этой проблемой. Это было обидно... Не за себя, а за империю. Империю следует принимать всерьез, а подавляющее большинство совета воспринимало ее лишь как даровой источник ступ. Покуда они получали свою долю кораблей, они могли поддерживать развлечения желчной старухи, но едва поток обученных каторжников уменьшится — у империи могут возникнуть серьезные неприятности. Поэтому вдвойне важно изловить или, лучше, просто уничтожить Влада Кукаша с его напарницей.

Размышляя на эту тему, Мирзой-бек порой замечал в мыслях странный сбой. То, что Влада Кукаша следует уничтожить, вроде бы ниоткуда не следовало... Почему же это вдруг оказывается вдвойне важно? Ведь, сгинув, он перестал представлять угрозу империи. Да, нежелательные слухи ходят уже не только среди пилотов, но ведь они не исчезнут, даже если поймать Влада Кукаша и повесить перед императорским дворцом. Скорее, напротив... — мысли

Мирзой-бека совершили плавный круг, в воображении представилась картина повешения дезертира напротив дворца. — ...Хотя нет, от этого слухи, на-против, усилиятся, — Мирзой-бек начинал чувствовать себя матерью Шайбой, лишившейся возможно-стей считывать чужие мысли. Во всяком вопросе он с ходу схватывал суть, а в этом скользил по поверхно-сти, спотыкаясь на игре слов.

В конце концов Мирзой-бек не вынес раздвоен-ности и поделился сомнениями с Хакимом. Старый слуга, как и в прежние годы, безотлучно находился при воспитаннике. Он не вмешивался в политику, не решал никаких вопросов и, вообще, казалось, впал в старческую дрему, довольствуясь лицезрени-ем чужого триумфа. Однако по самым тревожащим вопросам Мирзой-бек советовался именно с Хаки-мом. А вездесущая служба безопасности, собиравшая сведения обо всех без исключения, в самом сек-ретном досье хранила разговор дряхлого слуги с до-веренным эмиссаром восточного дома. Эмиссар желал знать, какие меры Хаким собирается пред-принять для усиления восточного влияния.

— Никаких, — ответил старик. — Если восточ-ный дом будет вести себя тихо, мер не будет приня-то никаких. — Он помолчал, а потом ответил на не-заданный вопрос: — Я выполнил поручение, данное мне когда-то. Империя принадлежит восточному дому. И это значит, что политика государства сме-нилась... — Старый слуга щелкнул пальцами, и еще один слуга, тень тени, ухаживающий уже за самим Хакимом, внес густой черный кофе, финики и хал-ву. В такой обстановке разговор терял официальный вид и легко мог скатиться к притчам. И хотя притчи

не прозвучали, но суть беседы неуловимо изменилась. Это была уже не беседа: один говорил, рассуждая о своем, второй слушал, выискивая в отвлеченных словах приговор пославшим его.

— Вы никогда не замечали, — отстраненно вещал Хаким, — что в языках Запада нет слова «власть»? У них имеется правительство. Оно управляет, направляет, исправляет, но ничем не владеет. Именно поэтому, сколько бы европейцы ни играли в империю, от их империи вечно будет приванивать демократией. За спиной монарха непременно будут маячить истинные хозяева, причем их всегда несколько и интересы их различны. Грубо сказано, но именно из этой грызни и проистекла демократия. В языках восточных слова «правительство» нет, там есть власть. Она не направляет свободных людей, она владеет рабами. И какую бы республику ни навязали нам извне, во главе всегда будет стоять владыка. Грубый западный варвар не сможет понять, как это произошло, ибо в слове он понимает лишь сиюминутное значение. Ему кажется, что «власть» и «правительство» — синонимы, хотя синонимов в нормальном языке не бывает. Правительству нужны граждане, власти — подданные. Так устроен мир: Запад есть Запад, Восток — Восток. И вы хотите, чтобы они сошлись вместе? Такое может быть лишь на стыке культур, у тех народов, в языке которых равно существуют понятие власти и правительства. Но кому нужен такой народ? И зачем восточному дому непрочная западная империя? Один раз мы уже ступили на этот путь и, возжелав управлять, лишились власти. Я не буду повторять давней ошибки. Я вырастил владыку, он стал владыкой и владеет всем... вами в

том числе. Постарайтесь быть ему полезными. Нужных подданных хороший владыка бережет.

На том и кончился этот разговор, и служба безопасности, которой известно все, не знала, как его следует понимать. Лучше бы Хаким изъяснялся притчами: этого добра и на Западе хватает, и ее всегда можно истолковать удобным способом.

Выслушав Мирзой-бека, Хаким поднялся, вышел и вернулся с резным ларцом. Открыл, показал Мирзой-беку. Ларец был пуст.

— Высокочтимая госпожа Шайба умеет читать чужие мысли. А тот, кто умеет читать в чужих головах, должен владеть и письмом. Положите чужую мысль в ларец, и пусть она хранится отдельно от ваших собственных мыслей. А я на досуге подумаю, почему госпожа Шайба размышляла именно таким образом.

— А что делать с Кукашем?

— Ловить. Ловить упорно, так, чтобы старая джинния и заподозрить не могла, что ее шутки разгаданы. К тому же Влад Кукаш так и так должен быть пойман. Борьба с Новой Землей идет по правилам. Правила эти тупы и придуманы не нами, но они есть, и с ними следует считаться. А Влад Кукаш правил не знает. Такую фигуру следует снимать с доски. Госпожа Шайба понимает это лучше других, хотя, конечно, она имеет в виду не Кукаша, а его женщину. Женщине и положено думать о женском.

— Получается, что охота за влюбленной парой объединяет силы двух Вселенных, — негромко произнес Мирзой-бек. — Какая страшная судьба! Где вы, Лейли и Меджнун?

— О Владе Кукаше и Чайке когда-нибудь потом непременно напишут поэму, — согласился Хаким. — И это будет самая печальная повесть на свете.

Исполненный аллюзий лирический разговор вызвал практические последствия. Мирзой-бек связался с Шайбой и, когда призрак ведьмы явился в его кабинете, впрямую потребовал:

— Мне нужно знать, как именно вы отслеживаете преступников и почему так уверены, что их нет на Новой Земле. В конце концов, мы не можем работать вслепую, жмурки и кошки-мышки — увлекательные игры, но мы с вами люди взрослые.

— Наши методы у вас не сработают, — проскрипела старуха.

— И все же...

Мирзой-бек знал уже о существовании заклятия Большой Луны, но, не желая выдавать свою агентуру, притворялся незнающим, подталкивая мать Шайбу, чтобы она сама произнесла нужные слова.

И слова были произнесены.

Затем, в какие-то пять минут, Мирзой-бек раскрутил старуху на рассказ о свойствах всевидения.

— И зачем вам все это? — презрительно усмехаясь, закончила рассказ Шайба. — Все равно накладывать заклятия вы не сможете, к тому же над океаном Большой Луны нет.

— Нам это и не нужно, — благодушно улыбаясь, согласился советник. — Это нужно вам, если вы, конечно, желаете изловить преступницу. Она жива, в этом я уверен, и поймать ее — дело двух или четырех недель. Прежде всего, вы снимете с нее заклятье Большой Луны и наложите заклятье Луны Малой. Полтора года вы не могли найти след беглой ведьмы, а ведь ей нужно хотя бы изредка появляться в родных краях. Значит, она делает это во время ночи Малой Луны. И когда Чайка, полагая себя в безо-

пасности, появится на Новой Земле, вы не станете гоняться за ней, как свора щенков за кошкой, а проследите, куда она полетит. Затем вы перебросите в тот район наш флот: большие и малые корабли. Это будет трудно, даже не представляю, сколько ваших подруг понадобится, чтобы протащить через границу хотя бы один линкор, но флот должен пройти через Новую Землю и появиться в нужном районе внезапно, иначе Кукаш и Чайка заметят его и успеют бежать.

Больше всего в это мгновение Мирзой-бек боялся, что Шайба услышит искусственную мысль: оставить линкоры на Новой Земле и диктовать летающим хамкам свою волю, угрожая в противном случае разнести в прах все их города. Прежняя империя, конечно, так бы и поступила, но Мирзой-беку развалины не нужны. Что проку владеть развалинами? Вот когда сами колдуны не смогут представить себя живущими по-старому, когда они окажутся зависимыми от тех, кого считали побежденными, вот это и будет его победа. И даже если сам Мирзой-бек не доживет до этой минуты... Торопиться ему некуда. Чем медленнее мелют жернова истории, тем тоньше будет помол.

— Откуда вы знаете имя преступницы? — потребовала Шайба.

— Я же говорю, у нас есть основания полагать, что она жива. Мы нашли и обезвредили еще одну пару, вздумавшую пойти по пути Кукаша и Чайки. От них мы и узнали это имя.

— Преступницу необходимо срочно уничтожить! — всполошилась Шайба.

— Полностью согласен. Именно поэтому вы должны определить, где она прячется, а потом перебро-

сить туда наш флот. Разумеется, свободные ведьмы также смогут принять участие в ликвидации. Но не раньше, чем мы обездвижим Влада Кукаша. Мне бы очень не хотелось, чтобы он снова ушел через это... как его?.. инферно.

ГЛАВА 35

— Наша Байка удаля
Небеса метлой мела,
Так что звезды запылились,
Так что луны повалились... —

пела Чайка.

Исцарапанный Яшка сидел среди кучи прутья и сосредоточенно мусолил комелек понравившейся ветки.

— По-моему, к этому прутику он относится особенно, — Чайка никак не могла смириться, что сын не проявляет никакой страсти к наломанным ветвям.

— А по-моему, у него зубы режутся, — трезво взоразил Влад.

Чайка была согласна и с этим; первый зуб — не меньшее чудо, чем колдовская метла в руках пацана.

— Ты знаешь, — сказала она, — над детдомом аура стала заметно чище. Девочки теперь меньше дерутся и больше играют вместе. Это даже стало тревожить воспитателей, тех, кто не дрыхнет во время дежурства, а дело делает.

— Что тревожит-то? Это же хорошо, что меньше дерутся.

— Так-то оно так, да не совсем. Что меньше дерутся, это хорошо, вернее, спокойнее, хотя девчонки и должны драться, это же не мальчики. — Чайка

кинула в сторону Яшки, который бросил «особенный» прутик и теперь пытался встать на ноги. Ноги еще не держали, тем более что земля вокруг была залена хворостинами, мешавшими ходить. Влад, услыхав, что мальчики, в отличие от девчонок, не дерутся, потаенно хихикнул, что было немедленно услышано Чайкой. Однако Чайка оставила глупый смешок на совести мужа и продолжила как ни в чем не бывало: — А вот то, что они вместе играют, это воспитательниц пугает. По отдельности-то они ничего серьезного натворить не могут, а вместе того и гляди приют разнесут.

— Коллектив — большая сила, — сообщил Влад древнюю мудрость, что уже много столетий была одним из атрибутов имперской идеи.

— Надо бы нам сказки чуток откорректировать, — посоветовалась Чайка, — а то вырастим поколение слюнтяек, тут-то твой Мирзой-бек их и съест, без хлеба и огурца.

Сегодня Влада тянуло на цитаты, и он, соглашаясь, произнес:

— Гуманизм пригоден для одного: делать из сильных людей гумус.

Влад помолчал и добавил уже от себя:

— Надо бы и с людьми что-то предпринять. Вклютить в их тупые общественные головы хоть немного собственных мыслей.

— А у тебя такие мысли откуда?

— Так ведь я в свое время чуть было не стал художником. А художники и поэты — известные уроды.

— Гуманизм, искусство — сплошная невещественность, — задумчиво произнесла Чайка. — Мои заклинания и то грубее. Спрашивается, как с таким

арсеналом изменить мир, когда у Мирзой-бека против твоего гуманизма — истребители, против искусства — опорные базы, а против тебя самого — крейсера и линкоры имперского флота? — Чайка резко вскинула голову и, словно заканчивая фразу, добавила: — А вот и они.

Ничего объяснить Владу не пришлось, глазами Чайки он увидел картину внезапно изменившегося космоса. Такого не наблюдали даже капитан Родригес и Кайна: Мирзой-бек, желая проверить, насколько важна новоземлянкам эта операция, заставил их волочить через иную Вселенную едва ли не половину боевого флота империи.

Меньше двух минут потребовалось беглецам, чтобы подготовить корабль к бою. Могли бы и скончаться, если бы не Яшка... Хотя нет, куда там скорей и какой к черту бой, когда на борту гулит годовалый младенец. И к тому мгновению, когда боеспособная единица уже ударила бы по передовому линкору, Влад Кукаш еще находился на земле, а двигатели были выключены. Отсидеться незамеченными Влад и Чайка не надеялись: раз сюда прибыла целая армада, значит, имперцы знают, что ищут. И все же, пока двигатели не включены, они не светят на экранах, и у беглецов есть немножко времени.

Времени не оказалось. Густой гул наполнил окрестности, земля под ногами судорожно задергалась, словно человек, дрожащий в ознобе. Ветра не было, но уже всякий нутром чуял, что сейчас сорвется ураган, океан, взморщенный рябью, кинется на берег, и начнется светопреставление... Линкоры, не вступая ни в какие объяснения и даже не видя противника, врубили тормозные поля, и планеты

сходили с орбит, стремясь в огненные объятия родного солнца. Империя успела ударить прежде, чем Влад Кукаш осознал, что происходит.

Далее пилот, а верней — пилоты, действовали инстинктивно. Ведь ясно, что противник пожертвовал красивой, пригодной для жизни планетой. Планета с ее неповторимой флорой и безвредной фауной уже погибла, и ничто не мешает взорвать ее вместе с двумя незаконными обитателями. Или все-таки с тремя?.. Якоб Кукаш родился здесь и по любым, человеческим и ведьминским, законам считается местным жителем. Значит, земной флот только что уничтожил обитаемую планету. Якоб Кукаш, пол мужской, возраст одиннадцать месяцев, не совершил никаких противоправных действий, разве что не донес властям предержащим на преступных своих родителей. Но возраст, господа судьи, возраст! Даже за недоносительство должны отвечать Влад и Чайка. И все же Якоб Кукаш виноват, поскольку родился не там, не тогда и не от тех. Он не спросил разрешения у властей, и теперь карающий меч правосудия обрушился на него. Империя тоже может управлять, но она управляет народами, отдельный человек — не ее уровень. Там, где сталкиваются имперские и человеческие интересы, всегда права империя — и горе побежденным!

Оставаться в атмосфере под прицелом плазменных пушек нельзя было ни в коем случае, беглый дракон вылетел из своего укрытия, разом обнаружив себя. У него не было скорости, он влип в густое пространство еще прежде начала боя и, значит, проиграл, хотя бой еще не начался. Он проиграл уже давно, в ту минуту, когда не пополз к хозяину на пузи-

ке, виляя от унижения хвостом. А ведь была дана команда: «Домой, домой!» — не послушал, теперь сам виноват. У хозяина в руке арапник, и говорить он станет на языке боли.

— Влад Кукаш, сдавайтесь! — проник в уши голос Мирзой-бека.

Надо же, владыка полумира не забыл бывшего подопытного и лично руководил операцией, не отсюда, разумеется, а с Земли, но ведь бренное тело не значит ничего, важен дух. Понимающий понимает.

Влад Кукаш не знал о великолепной карьере, сделанной Мирзой-беком, и обратился к нему, словно тот по-прежнему был командующим опорной базой:

— Слушайте, генерал! Мы уже полгода не имеем никаких контактов с Землей и в будущем не собираемся их иметь. Отключите тормозные поля, и мы уйдем. В противном случае... Вы же знаете, как мы умеем воевать.

— Кстати, Кукаш, — прежним благожелательным тоном произнес Мирзой-бек, — может быть, вам это будет интересно... Несколько месяцев назад наши войска нейтрализовали капитана Родригеса и его сожительницу. Сдаться они не пожелали и даже сумели взорвать один из наших линкоров. После этого их пришлось уничтожить. Спешу предупредить, что у вас не получится взорвать даже один линкор. Мы обучаемы, Кукаш, комбинированный удар плазменного заряда и золотого птаха теперь не пройдет. После нападения на опорную базу я не могу гарантировать вам ничего, но вам просто не из чего выбирать. Вы или сдаетесь сразу и безо всяких условий, или умираете прямо сейчас. Вы же знаете,

я никогда не обманывал вас. Не стану врать и в последнюю минуту. Я слишком уважаю себя.

— Генерал, я тоже никогда не врал вам, так что поверьте, мы можем прямо сейчас уничтожить половину вашего флота. Скорей всего, мы погибнем при этом сами, но мы не хотим идти на такое не потому, что боимся. Мы просто больше не хотим убивать.

— Вы это говорите от своего имени или также от имени вашей подруги?

— Я сказал: «мы»!

— Замечательно. Теперь позвольте спросить, как вы собираетесь сжечь разом десяток линкоров. Если это, конечно, не военная тайна.

В эту секунду разговор (ибо переговорами это называть было бы трудно) оказался грубо прерван. Изображение космоса на экранах расцвело сотнями новых огней: свободные ведьмы явились сводить счеты с бывшей подругой, которая слишком по-своему понимала свободу. Теперь, когда дракон был связан малопонятным человеческим колдовством, с ним можно было поступать по справедливости, и ведьмы торопились выстроиться шестиугольниками, чтобы привести в исполнение приговор отступнице.

— Назад! — крик Чайки был услышен не только рвущимися в бой ведьмами, но и всеми земными кораблями, сгрудившимися вокруг обреченной системы.

Мирзой-бек еще не знал, что увидали его союзницы, но то, как дружно кинулись они врассыпную, убедило его, что и впрямь у противника есть нечто, чего стоит остерегаться. Ведьмы-инсургентки забились в истерику, также пытаясь очутиться как можно дальше от места сражения.

— Там!.. там!.. — кричала Рейжа, но что именно увидела она «там» — объяснить не могла.

Плюс ко всему, Мирзой-бек с неудовольствием обнаружил, что передовой отряд ведьм, движущихся не в ступах, а просто в виде торпед, довольно успешно перемещался в тормозном поле.

Чайка кинула бесполезные генераторы и объявила в рубке. Метла ее мертвенно светилась, готовая выпустить на волю чудовищную вспышку заряны.

— Подождите, Кукаш, — зазвучал голос Мирзой-бека. — Я не сомневаюсь, что вы действительно можете крепко ударить в ответ. Но вы же видите: новоземельские командос отходят. Давайте поговорим, как нормальные люди.

— Снимите тормозные поля! — потребовал Влад.

— И вы в то же мгновение исчезните... Нет, Кукаш, до сих пор мне удавалось говорить с вами, только пока вы были на поводке. Так что прежде побеседуем, а уже потом будем драться или обсуждать условия капитуляции.

— Только не вздумайте двинуться с места, — предупредил Влад.

— За свои войска я отвечаю, — Мирзой-бек был предельно корректен, — пока мы разговариваем, они с места не двинутся, а вот за союзников отвечать не могу. Впрочем, насколько я понимаю, ведьмы бегут.

— Правильно делают. Глупая отвага не считается среди ведьм за доблесть.

— Кстати, Кукаш, что вы скажете, если я все же гарантирую вам жизнь? Скажем, так, — голос опустился до интимного мурлыканья, — ваша подруга вместе с ее супероружием («Оружие у нее в руках, не так ли?» — понял подтекст Влад) покинет корабль и

будет разбираться со своим советом отдельно, а вы сдадитесь и останетесь живы. У Чайки, кстати, тоже окажется немало шансов на выживание, ведь, как вы очень вовремя заметили, глупая отвага не считается среди ведьм за доблесть, а сквозь тормозное поле она, как мы видим, пройдет.

Последовал мгновенный, только ведьмам и любящим супругам доступный разговор. Краткие образы, лишенные неточных слов: Чайка в одиночку прорывается сквозь тучи бывших своих товарок, а потом выдирает из лап Мирзой-бека пленных мужа и сына... И печальное резюме: нет, на одной угрозе выпустить заряну с людьми не совладаешь, а другой серьезной силы у них в руках нет. К тому же отдать Мирзой-беку Яшку хотя бы на минуту — сама такая мысль немыслима. Все равно что оставить дитя в горящем доме, а через денежки, устроившись на новом месте, прийти за ним к остывшему пожарищу. Можно ли предлагать такое матери, и сумеет ли она подобное представить? А ведь если они сдадутся, Яшку у Влада наверняка заберут.

— Я не понимаю одного, — произнес Влад, — зачем вам вообще нужна эта операция? Подумайте сами: погибнут десятки тысяч людей — ради чего?

— Прежде всего, у нас есть обязательства перед союзниками...

— Ерунда это! — резко вмешалась в разговор Чайка. — Как только ваш договор покажется совету невыгодным, его разорвут в ту же секунду.

— Здравствуйте, госпожа Чайка! — немедленно откликнулся Мирзой-бек. — Мне чрезвычайно приятно слышать ваш голос. У меня есть ваше изобра-

жение, и я счастлив, что ваш голос полностью соответствует вашей прелестной внешности.

— Оставьте комплименты Шайбе, — злорадно оборвала юная чародейка, — и слушайте внимательно. Вы что же, до сих пор не поняли, что происходит? Вы уже давно на поводке, Мирзой-бек, мать Шайба вертит вами и вашей империей, как пожелает. Это не вам, а ей нужно уничтожить меня. Ваши титулы просто мишура, вы даже не заметили, что попали в рабство!

— О-о!.. — потянул Мирзой-бек. — Мне жаль, что мы с вами враги, вас я с удовольствием взял бы на службу. Хотя учиться вам пришлось бы долго и старательно. Вы правы, меня не трудно взять на поводок, а вот государство... Власть в империи не раз захватывали всевозможные варвары, но всякий раз она выходила из этих испытаний более сильной. Мир уже никогда не будет таким, как прежде, но империя останется, потому что властью, в отличие от людей, нельзя вертеть. Власть первична, а все мы: люди и ведьмы, чернь и князья — существуем до тех пор, пока наша жизнь сообразна с требованиями власти. Неужто вы никогда не задумывались над этим? Это же основной вопрос политологии. А что касается лично меня, — усмешка Мирзой-бека пронеслась через полгалактики, — то у меня есть дивный ларчик из кости нарвала. Я храню там чужие мысли, те, что следует внимательно обдумывать, но не путать с собственными.. Я достаточно ясно выразился?

— Нет. Но мои слова советую обдумать, не откладывая в долгий ларчик.

— Я это непременно сделаю. А вы, в свою очередь, подумайте о другом. Вы первая ведьма, загово-

рившая о гуманизме, должно быть, поэтому ваши соотечественницы так ополчились на вас. Вы не связали Влада Кукаша, хотя могли это сделать. Я даже соглашусь, что вы действительно его любите, хотя я не очень верю в любовь. И все-таки ваш гуманизм наигранный, в глубине души вы остались прежней ведьмой, для которой бесцельная борьба превыше всего. У Кайны, вашей подруги, было мгновение, чтобы уйти живыми, но Кайна предпочла погибнуть, лишь бы скечь еще один земной корабль.

— Дура.

— Нет, не дура. Она свободная ведьма, и этим все сказано. И вы, Чайка, тоже свободная ведьма. Вечный бой слишком важен для вас. Будь иначе, вы бы приняли мой план: попытаться уйти самой и сохранить жизнь любимому человеку. Заодно были бы сохранены жизни тысяч солдат. Это был бы истинный гуманизм.

— Почему же вы сами не хотите сохранить жизни ваших солдат?

— Я хочу этого. Вы же видите, я стараюсь. Но я не гуманист, я всего лишь винтик великого механизма империи. Довольно важный, но винтик. Жаль, что вы не разбираетесь в технике, иначе бы вы поняли мою метафору. Государство — это такая машина... Она состоит из живых и разумных людей, хотя само государство мертвое и совершенно бесчеловечно. Казалось бы, оно враждебно людям, но все-таки жизнь человеческая имеет смысл лишь в государстве, потому что один человек — ничто.

— Неправда. Есть семья, любовь.

— Да, я слышал о таких вещах. И все-таки человек — животное общественное. Даже семья не может прожить без общества.

— У нас получается.

— Тем вы опаснее. Хотя я почему-то уверен, что ваша самостоятельность лишь кажется вам. Пройдет немного времени, и вам станет нестерпимо одиночко, особенно если у вас не будет детей.

— У нас уже есть сын.

Мирзой-бек вздрогнул и едва не отпустил кнопку, которую изо всех сил вжимал в панель. Яркие огни на панели извещали, что флот и подразделения ведьм перестроили боевые порядки и удар может быть нанесен в любую секунду. Собственно, приказ атаковать был уже отдан, и сейчас лишь вдавленная пальцем кнопка заставляла десятки тысяч вооруженных людей ждать, пока не закончится никчемная беседа о любви и гуманизме.

— Это многое объясняет, — медленно произнес Мирзой-бек, — но не меняет совершенно ничего. Я понимаю, отдать сына... тяжело, почти невозможно. Но обречь его на смерть еще невозможнее. Вы никогда не выпустите ту силу, что так напугала неустрашимых ведьм, поэтому вашим мужчинам остается только сдаваться. А вы, если останетесь живы, будете знать, что ваш сын тоже жив. Я не людоед, милочка, и не мшу детям. Ваш сын вырастет, получит образование в лучшей школе; я сам когда-то кончал это училище...

— И станет важным винтиком вашей машины...

— Это будет зависеть только от него. Но я уверен, что ваш сын, Чайка, не может быть бездарностью.

— Я не согласна на такое будущее для моего сына.

— Очень жаль. Значит, у него не будет никакого будущего. Мои родители когда-то дали согласие, чтобы меня забрали у них, хотя они не нападали на имперские корабли и не взрывали опорные базы. Они всего лишь осмелились полюбить друг друга вопреки интересам империи. Именно в память о них я так долго разговариваю с вами и не спускаю со сворки своих солдат. Последний раз спрашиваю: вы согласны сдаться?

— Нет. Мы прорвемся все трое.

— Жаль, — рука поднялась, отпустив вжатую кнопку.

Все время беседы Влад и Чайка тоже не стояли, опустив руки, а вырабатывали план действий. Чайка должна покинуть корабль, рвануться к самому густому скоплению кораблей и швырнуть им навстречу заряну. По меньшей мере два линкора выйдут из строя, а значит, тормозное поле хотя бы на несколько минут будет нарушено. За эти минуты Влад должен успеть принять Чайку на борт, набрать скорость и уйти в инферно. Что будет дальше, они не загадывали. Ясно, что больше воспользоваться льготным временем Малой Луны не удастся, так что очень многое будет зависеть от того, куда их зашвырнет слепой случай. Но лучше полагаться на случай, чем на доброту Мирзой-бека.

Поспешно придуманному плану не суждено было осуществиться. Планы вообще осуществляются редко, а поспешно придуманные особенно. Первыми преподнесли сюрприз добровольцы с Новой Земли. Происходящее не было в глазах совета развлечением матери Шайбы. Покарать отступницу —

нет дела более важного, и едва ли не весь высокий совет работал сейчас над этой задачей. Стороннему наблюдателю лишь казалось, что шестерки торпед бессистемно кружатся на дальних подступах к рушащимся островам. На самом деле там выстроилась сложнейшая фигура из ста одиннадцати правильных шестиугольников. Число, священное для всякого чернокнижника и смертельно опасное для того, кто вздумает не покориться лихорадкой воле. Число зверской боли и нечеловеческого страдания.

На расстоянии в несколько световых недель даже шестьсот шестьдесят шесть ведьм не могли на нести удар достаточно точно, поэтому они били по объемам, захватывая заклинанием не только всю солнечную систему, но и ее ближайшие окрестности. Главное — зацепить, а там преступница уже не сможет сражаться, разве что бесцельно спалит саму себя невесть как пойманной заряной.

Чайка, уже шагнувшая было к технологическому отсеку, закричала и, изогнувшись, упала на пол. Неудержимые корчи выламывали ее тело, в душе не оставалось ничего, кроме боли. Так же точно, потеряв человеческий облик, кричал Влад, когда гранд-майор Кальве сладострастно убивал его своим бичом.

Влад врубил двигатели, стремясь уйти из-под неведомого и страшного удара, и катер дернулся было, потому что именно в эту секунду тормозные поля были выключены, и вся армада, вымучивая двигатели форсажем, рванулась вперед. Линкорам не нужно было приближаться к цели, им достаточно набрать скорость и выстрелить, чтобы заряд за пару минут достиг того места, где мерцает точка мишени. Каноны тоже не стремились к точности и били по пло-

щадям. Один залп, затем врубается тормозное поле и реверс двигателей. И немедленно вся операция повторяется второй и третий раз. Никогда еще человечество не тратило энергию так обильно и бесцельно, никогда столько механиков не исходили на ругань, с ужасом представляя ремонтные работы, что предстоят им после кретинической битвы. Линкоры никогда прежде не осуществляли маневренный бой, они шли, проламывая все на своем пути, а тут их ни с того ни с сего заставили состязаться в юркости с крошечным истребителем. Рывок, залп и реверс в тормозном поле...

Чайка кричала на одном выдохе, закостенев в колдовском столбняке. Влад, поняв, что корабль увести не удастся, кинулся к ней, стараясь хотя бы боль снять, чтобы Чайка могла осознанно выпустить в сторону врага застоявшуюся заряну. А там... черт его знает, вдруг что-то удастся сделать... И тут их первый раз ударило подоспевшим залпом. Басовитый гул, треск, словно пластины земли сдвигаются в сейсмическом катаклизме, затем звуки словно взвигнули, и наступила тишина — корабль потерял герметичность и продолжал гибнуть молча. Не умолкал лишь крик Чайки, который Влад воспринимал не ушами, а сердцем.

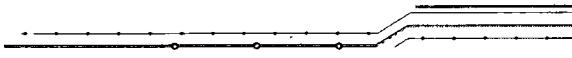
Второй залп нарушил работу гравитационных генераторов, катер тряхнуло, Влад пролетел через рубку, врезавшись неприкрытым головой в один из экранов. Чайка кричала, но ее вопль заглушался другим криком, обиженным и требовательным. Плакал Яшка. Кроватка его перевернулась, и лишь героическая одевка спасла младенца от ушибов. И все же Якоб орал так, что плач его был слышен радиостанции

всех диапазонах. Якоб не понимал, что творится вокруг, ему просто было плохо и неуютно, он хотел поскорей очутиться где-нибудь в таком месте, где отец встанет с пола, засмеется и скажет: «Ах ты, Яшка-рубашка!» — а мама не будет кричать так страшно, а споет про удалую Байку и притащит новую охапку совершенно ненужных прутьев.

Якоб встал на ноги, впервые в жизни сделал шаг, покачнулся, ухватившись ручонками за пульт управления, и полуразрушенный корабль, презрев тормозные поля, мгновенно набрал скорость и исчез с прицелов орудий. Призрачной молнией мелькнул он в ночном небе Новой Земли, и, прежде чем ведьмы, сторожившие этот путь, успели хоть что-то понять, беглец затерялся среди недоступных звезд. Одну за другой пронзал он сотни Вселенных, и ничто не могло задержать его бег. Разбитый, но непобежденный корабль уходил все дальше и дальше. Уходил, чтобы когда-нибудь вернуться.

ВОКРУГ ГЕКУБЫ

Создание художественного произведения сродни ловле рыбы: чем крупнее ожидается добыча, тем глубже следует забрасывать крючок. Но многое должен иметь в виду самонадеянный рыболов, дабы не вытащить из заповедных глубин свой же собственный стоптанный башмак.

*Николя Пфальц —
придворный историограф.*

ГЛАВА 1

АБОРДАЖ

Приказ, полученный по спецсвязи, следует немедленно выполнять, в какой бы странной форме он ни был отдан. Поэтому Дин Крыжовский сначала включил торможение и только потом, обернувшись к экипажу, изумленно протянул:

— Это надо же так придумать! Такое и на лукойере не вдруг запрограммируешь. Стойко, мальчик, скажи, мне не померещилось? Нас действительно собираются атаковать?

Стойко Бруч вместо ответа включил только что сделанную запись, и в кабине вновь зазвучал красивый, богатый глубокими контратальтовыми переливами женский голос:

— Эй, на звездоходе! Приказываю немедленно остановиться, иначе будете уничтожены!

— Может быть, впереди опасность? — предположил Стойко.

— Тогда зачем нас атаковать?

— Должно быть, мы вошли в запретную зону, — голосом известного диктора сказал Ангам Жиахп. — Например, впереди энергетические установки

орбитальных детских садов. В случае катастрофы дети могут остаться без света и воздуха, поэтому целесообразней уничтожить только нас.

— Да не может этого быть! Какие детские сады в этой части Галактики? — математик Лира Офирель взвилась из кресла, но тут же, беспомощно расслабившись, опустилась назад. — И неужели вы думаете, что я могла направить звездоход на детей?

— Вы знаете, Лира, — красиво продолжал Ангам Жиа-хп, — счетные муравьи корабельного Мозга избаловались свыше меры. Точность расчетов снизилась. В Мозг необходимо подсаживать новую матку.

— Все равно, не может быть, — прошептала Лира Офирель. — Я проверяла расчет, — она запнулась и, покраснев, прибавила совсем тихо: — На арифмометре...

Никто не отреагировал на ее признание. В рубке наступила тишина, только пятнышко времяуказателя с легким шелестом прыгало по сегментам кольцевых часов. Галактический звездоход «Конан Дойл» шел в режиме аварийного торможения. Потом тишину нарушил громкий квакающий звук — радиостанция звездохода принимала еще одну передачу.

— Молодцы, ребятки! — раздался из передатчика знакомый голос. — Трусоваты слегка, но на вашем языке это называется благородумием. Лучше быть благородным, чем мертвым, не так ли? Открывайте люки, будем брать вас на абордаж.

— Ничего не понимаю, — признался Дин Крыжовский.

— Абордаж — атака судна с воды, осуществляемая с помощью крючьев и пиратов, — пояснил Ангам Жиа-хп.

— Сам знаю! — огрызнулся Крыжовский. — Не забывайте, что именно я приучил вас всех к стаинным романам. Но кто мне ответит, как взять на абордаж современный звездоход и кому это нужно?

— Это нужно мне... — ласково пропела невидимая дама.

— Да кто ты, черт побери? — рявкнул Крыжовский, с досады переходя на архаический лексикон своих любимых приключенческих романов.

Досада, впрочем, не помешала ему включить пеленгатор, и тот шустро задвигался, широко расставив усики антенн и тускло мерцая фасеточными глазами.

— Я — Ида Клэр, космическая воительница! — сообщил динамик.

— Вот это да!.. — Стойко даже не пытался замаскировать восхищение.

Пеленгатор бешено вертелся, не понимая, откуда идет передача. Усики антенн метались из стороны в сторону, наконец один из них попал в жвалы, пеленгатор мгновенно откусил его, громко застремкотал и, разрывая нейронные связи, прыгнул через рубку. Вскоре он уже висел под потолком, запутавшись в сетке эмоционального детектора. Детектор, предчувствя внеочередную кормежку, весело бежал к нему из своего угла.

Неудача обескуражила экипаж «Конан Дойла», так что трое землян и один дуэнец ничего более не предпринимали, пока звездоход не погасил скорость. Тогда капитан включил экран кругового обзора.

То, что увидели потрясенные звездоходчики, требует для описания изрядное количество бумаги и авторучки куда более изощренной в хитростях сло-

воплетеия, нежели наша. Но так как читатель имеет право знать, что увидели потрясенные звездоходчики, то описание, хотя бы краткое, все же придется дать.

Бок о бок с «Конан Дойлом» стояла пиратская шхуна.

Косые паруса бессильно никли в почти идеальном вакууме свежевытранленного пространства, флаг со стилизованным черепом болтался мятым тряпкой, зато водоросли, налипшие на сухое днище, развевались, как прически медузы. Позеленевшие пушки разевали в сторону звездохода круглые рты, и свет далеких звезд безропотно гас в ржавчине, будучи не в силах найти на судне хотя бы одну надраенную деталь, чтобы отразиться от нее веселой искрой.

Команда кошмарного судна была здесь же. Невероятного вида головорезы разгуливали по палубе, прямо в безвоздушном пространстве, грязные, оборванные, одетые в трепанные кафтаны, камзолы и тельняшки, твердо ступая на заплеванные доски подкованными подошвами башмаков и ботфорта. Их засаленные волосы, скрученные в неопрятные косицы, торчали в самых неожиданных направлениях, и лишь это указывало, что вокруг царствует невесомость.

Бандиты были сверх меры вооружены всеми видами колючих и режущих предметов. Встречались и огнестрельные орудия.

— Пищали, аркебузы, мушкеты... — забормотал Стойко Бруч, бывший большим знатоком военной археологии.

Да, все было на месте, даже пресловутые крючья, с помощью которых осуществляется ответственная

операция абордажа. Четверо самых звероподобных пиратов стояли, вцепившись этими крючьями в обшивку «Конан Дойла». По обшивке волнами пробегала перистальтическая дрожь, время от времени она выталкивала отвратительное железное острье, и тогда оборванец широко размахивался и вновь всаживал крюк в пунцовую от негодования поверхность.

Разумеется, звездоходчики не ожидали ничего подобного и теперь бездействовали, не зная, что будет дальше.

Между тем на палубе поднялся переполох, бандиты подхватили свою амуницию и, подняв над нечесанными головами лес иззубренной стали, сгрудились на одном борту. Похоже, действительно готовился абордаж.

Однако до начала атаки произошло событие, может быть, даже более важное, чем открытие военных действий.

Распахнулась дверь какой-то палубной надстройки, и оттуда вышла женщина. Какой контраст представляла она с неумытым сбродом, толпящимся вдоль борта! Белокурые волосы пенящейся волной ложились на плечи. Лиф платья из розового атласа призывно рассекали узкие прорези «адских оконшек», сквозь которые волничающее белели ослепительные кружева белья. Само платье опускалось почти до земли, позволяя видеть лишь кончики парчовых башмачков. Кружевная мантилья была... нет, не на голове, а накинута на плечи наподобие шали. Она не закрывала ничего, лишь оттеняла словно черный экран прелесть фигуры: пышность бюста, тонкую гибкость талии и тревожно изогнутую линию бедра.

Белоснежная болонка, путаясь в шелковистой шерстке, следовала за хозяйкой и, охраняя ее, скалила крошечные, но острые зубки.

Дин Крыжовский, резко нагнувшись, включил увеличение. Лицо красавицы приблизилось.

— Ах! — воскликнула Лири Офирель и опрокинулась в обморок.

Вероятно, только закоснелый в устаревших классических традициях грек мог бы сказать слово неодобрения по поводу внешности пиратской дамы. Слегка выющиеся волосы обтекали ее лицо, оставляя открытым чистый лоб и идеальные дуги бровей, лишь у самых висков чуть вскинутые вверх наподобие крошечных дерзких крыльышек. Глаза под пушистыми ресницами сияли мягкой зеленью майской травы. Носу было далеко до академической римской холодности. То был очаровательнейший вздернутый носик. Пухлые губы сами собой складывались в капризный бантик, и едва заметный, нисколько не портящий красоты шрам виднелся справа над губой.

Звездоплаватели, не сговариваясь, повернулись в сторону Лиры Офирель. Девушка безжизненно лежала в кресле, белокурые волосы рассыпались по подлокотнику, пухлые губы страдальчески сжались, а тонкая полоска шрама, успевшая за долгие недели полета запомниться всем и даже полюбиться некоторым членам экипажа, была особенно заметна на побелевшем лице.

«Вот те раз!» — невольно мелькнула мысль у каждого.

Дама в старинном костюме не спеша приблизилась к борту. Сзади к ней подбежал оруженосец, не-

ся на вытянутых руках маленькую, почти игрушечную алебарду. Наконец-то звезды смогли отразиться в хищно отточенном лезвии. Дама протянула изящную руку и взяла оружие. О позолоченную рукоятку звякнуло кольцо с редкостным вишневым рубином.

Космонавты вздрогнули, осознав, что они явственно слышат все, что происходит за стенами звездохода, даже скользящие шаги оруженосца, уносящего в каюту жалобно повизгивающую болонку.

Прелестная пиратесса легонько стукнула обушком алебарды по обшивке и проговорила дивным контральто:

— Отворите!

— Боже, что это? — испуганно вскрикнула очнувшаяся Офирель, и ее серебристый голосок зазвенел так жалобно-трогательно, что у команды звездохода не осталось никаких сомнений, кто из двух красавиц их настоящая Лира.

— Я сказала — откройте! — повторила Ида Клэр, капризно топнув ножкой.

— Не откроем! — храбро ответил Дин Крыжовский.

Пираты забарабанили по переборке мечами, откуда-то принесли несколько топоров. Поверхность «Конан Дойла» побагровела от боли и обиды и включила защитное поле. Теперь оружие бандитов отскакивало, не причиняя кораблю никакого вреда. Очевидно, это стало ясно и нападающим; предводительница сделала рукой небрежный знак, пираты отступили.

— Может быть, все-таки откроете? — спросила Ида Клэр неожиданно мягко, с умоляющими даже

интонациями. — У нас есть средство вскрыть вас, но поверьте, так не хочется прибегать к нему.

Крыжовский бросил мгновенный взгляд на бледную испуганную Лиру и после секундного колебания ответил:

— В таком случае, у нас есть чем встретить вас!

Он вышел и вскоре вернулся, неся в руках ящики, по гладкой стенке которого змеилась предостерегающая надпись: «Ремонтники-цементаторы. Запасные комплекты. Обращаться с осторожностью!» Крыжовский поднял крышку и начал раздавать сразу посурковевшим членам экипажа серые шары из рыхлой бумаги. Из шаров доносилось грозное расстревоженное гудение.

Пираты, посовещавшись, выкатили наверх большую медную пушку.

— Пушка! — вскрикнула Лира Офирель.

— Кулеврина, — поправил Стойко Бруч. — Ничего эта штука нам сделать не сможет, это, по сути дела, тот же топор. Пальнут пару раз и убедятся, что бесполезно.

— Какой ты храбрый, Стойко, — нежно прошептала Лира. — А я так боюсь, просто ужасно. Откуда они взялись такие?

— Откуда взялись, туда и уберутся! — твердо заявил Бруч.

При виде зеленых глаз, с признательностью глядящих на него, он преисполнился отваги. Хотелось даже, чтобы пираты ворвались на звездоход, и тогда он, Стойко Бруч, могучими пинками вышвырнул бы их обратно в пространство, чтобы прекраснейшая математик Вселенной наконец поняла, кто действительно достоин звания капитана на этом корабле.

Бруч расправил плечи, взгляд его метал молнии, пальцы гневно сжимали шарик запасного комплекта. В конце концов, хрупкая бумага не выдержала и порвалась. Ремонтники один за другим выбрались через прореху и, громко жужжа, полетели искать повреждения и микропробоины.

— Стойко, мальчик, не надо нервничать, — мягко сказал капитан.

Большего унижения невозможно было представить!

Пираты прочистили орудие, вытряхнув из жерла сор и пустые бутылки. Потом двое, что поздоровей, сгибаясь от непосильной тяжести, приволокли огромное свинцово сереющее ядро. Ядро вкатили в дуло просевшей пушки и стали ждать пушкаря.

Вскоре и он вышел из-за мачты с небрежным видом провинциального артиста, все первое действие просидевшего за кулисами и теперь вышедшего на сцену играть неожиданно приехавшего издалека ля-дюшку.

Как ни мало были искушены космонавты в тонкостях старинного гардероба, но все же сразу признали в артиллеристе человека иной эпохи, нежели его окружение. Грязно-зеленый френч с густыми золотыми эполетами ладно сидел на широких плечах, фуражка с блестящим лаковым козырьком и высокой тульею, украшенной сияющей кокардой, безуспешно тщилась примять круто выющиеся волосы. Хромовые сапоги, начищенные до немыслимого блеска, до колен прикрывали голые волосатые ноги. И даже кюлоты, выдержаные в духе окружающих мод, совершенно такие же, как у оруженосца Иды Клэр: с буфами, прорезями, гульфиком на двух перламутровых пуго-

вицах и выпускком «гусиное брюхо», скорее казались шортами, еще бывшими на памяти у наших бабушек. В пальцах офицера небрежно дымилась длинная сигара с узким серебряным ободком.

Все в облике канонира изобличало человека бы-валого, а также опытного ловеласа, и никто не удивился, когда юный паж поспешно вынырнул из палубного люка и, ревниво расправив узкие плечи, встал между госпожой и офицером.

Но все же самым примечательным в артиллери-сте оказалась не внешность; не френч и не кокарда заставили Лиру Офирель удивленно ахнуть, а невоз-мутимого дуэнца заскрипеть нечто непереводимое. На золотом генеральском погоне, крепко вцепив-шись когтистыми лапами в витое шитье, сидел лингвист, почти такой же, как у Ангама Жиа-хп, но не жизнерадостно-зеленый, а нехорошего кровавого цвета.

— Это инопланетянин? — с тревогой спросил Ангам Жиа-хп.

Волнение его было так велико, что голос извест-ного диктора изменился, в нем проскользнула рез-кая кричащая нота.

— Я вообще не знаю, кто они все, — задумчиво проговорил Дин Крыжовский. — И если бы не же-лание выяснить это, я бы уже давно включил двига-тели и оставил их плыть куда им заблагорассудится.

— Смотрите, стреляют! — прервал их Стойко.

Бомбардир поднес дымящую сигару к запально-му отверстию. Выстрела не было. Стрелок удивленно передернул плечами и вдавил сигару плотнее. Сига-ра погасла, выстрела не было. Напустив на лицо вы-ражение брезгливой скуки, неудачник вытащил из

нагрудного кармашка стекло монокля и, собрав свет далекой Бетельгейзе на кончике своей сигары, начал раскуривать ее.

— Модест, вы скоро? — негромко спросила Ида Клэр.

— Сию минуту, мадам, — ответил обладатель монокля и, нагнувшись, принялся изучать нестреляющую пушку. Лингвист, балансируя на плече, искаса смотрел желтым глазом. Потом он резко ударил по орудию кривым клювом. Раздался долгий колокольный звук.

— Халтурщики!.. — процедил Модест сквозь зубы. — Порох забыли!

— Сам дурак! — крикнул лингвист голосом известного диктора.

Пушку перевернули, ядро тяжело ухнуло на крякнувшие доски. Принесли порох. Вместо пыжа оскорбленный пушкарь сорвал берет с пером с головы ближайшего разбойника. Тот отошел, недовольно ворча.

Наконец сигара вновь коснулась запального отверстия, и выстрел грянул! От страшного толчка орудие сорвалось с лафета и, пробив противоположный фальшборт, унеслось в космическое пространство наподобие допотопной пороховой ракеты, каковой оно, по сути дела, и являлось. Ядро, выскользнув из удравшего ствола, вновь шлепнулось на прогнившую палубу и лениво покатилось.

Стойко Бруч весело захохотал. Но смех быстро иссяк. Встревоженные космопроходцы в молчании наблюдали, как неудержимо катилось к цели ядро. Стало видно, что оно не свинцовое. Оно пухло и вздувалось комками бесформенной серости. Вот оно

коснулось борта «Конан Дойла», раздался долгий треск и вслед за тем пронзительный визг вырывающегося наружу воздуха. В стене рубки зияла здоровенная дыра.

Толпа пиратов с гиканьем бросилась к пробоине.

В следующую секунду дружным залпом хлопнули полсотни бумажных шаров. Понизившееся давление разорвало их, и ремонтники-цементаторы, мгновенно активизировавшиеся при виде столь явной опасности, черно-желтой воющей тучей рванулись к пробоине, залепляя ее комками глины, замешенными на слюнном ферменте, да и просто собственными телами. Когда корабль находился в опасности, им было не до незваных гостей.

И они спасли звездоход, погибнув все до единого, так что астронаторы оказались безоружными перед вооруженными до зубов негодяями, ибо Ида Клэр, сопровождаемая юным оруженосцем, золотопогонник Модест, а также пятеро пиратов успели ворваться внутрь корабля. Шестого мерзавца ремонтники зацементировали в стене, и теперь он орал, размахивая руками внутри рубки, а ногами в свободном космосе.

Впрочем, головорезы не торопились пускать в ход оружие. Они сгрудились вокруг Иды Клэр, ожидая команды, а сама завоевательница озиралась с крайне растерянным видом. В самом деле, после учиненного разгрома рубка «Конан Дойла» не представляла зрелища, ласкающего глаз. Многочисленные микродатчики и приборы, сорванные со своих мест воздушным потоком, шурша и стрекоча, кружили вокруг голов или ползали по стенам и потолкам. Экран кругового обзора не выдержал межзвездного ва-

куума, пахнувшего через дыру, и взорвался. Вся вода из него вытекла, превратив стерилизующий мох ковра в грязное болото.

Густой туман ходил волнами, фильтрующая жлеза под потолком захлебывалась от напряжения, но не могла удалить из помещения избыточную влагу. Конденсаторы-разрядники, оставшиеся без воды, шлепали по дну экрана блестящими хвостами, беззвучно разевали рты и сыпали вокруг искрами. Время от времени кто-нибудь из них, резко ударив хвостом, подпрыгивал, вылетал через разбитый экран и шлепался в мох, разбрызгивая во все стороны мутную воду.

Космоходчики сгрудились в углу. Ангам Жиа-хп возвышался над ними, как всегда спокойный и самоуглубленный, только его лингвист, сидящий на жердочке возле псевдолица, позабыв все правила приличия, хлопал крыльями и испускал воинственные крики.

Первыми пришли в себя механизмы звездохода. Два десятка уборщиков, волоча за собой длинные голые хвосты, выбежали на середину рубки. Ида Клэр мгновенно отреагировала на их появление потрясающей силы звуком, напоминающим визг гравитационной дюзы при резком торможении. Подобрав юбки, бандитесса одним прыжком взлетела в кресло. Испуганные уборщики серыми молниями метнулись к норам. Кресло завозилось, стараясь приспособиться к странно усевшемуся клиенту. Клэр взвизгнула еще менее музикально и спрыгнула вниз, наступив на лапу спешащему к разбитому экрану оптику. После этого она уже не переставала

визжать, составив вместе с воющим в стене бедолагой замечательно спевшийся дуэт.

Оптик, не обращая внимания на отдавленную лапу, разлегся поперек рубки, отгородив друг от друга враждующие стороны. Из его широкой пасти стекала прозрачная слюна, оптик подхватывал ее красным раздвоенным языком и размазывал по основе, где она застыла. Острый гребень на спине мастера подрагивал от наслаждения. Экран рождался на глазах. Вскоре в нем уже плескалась вода, и резвые мальки-конденсаторы начали чертить замысловатые узоры. Оптик попытился к выходу.

Ида Клэр, испугавшись сорвать голос, прекратила визг и сердито сказала своему все еще воющему напарнику:

— Педро, замолчи!

Педро немедленно умолк и лишь временами жалостно моргал, глядя перед собой.

Экран сиренево засветился, стала видна шхуна с толпящимися у правого борта абордажниками и ласковые огоньки звезд, а на переднем плане — торчащие ноги Педро. Собратья по ремеслу успели содрать с них башмаки, и теперь Педро, пытаясь согреться, постукивал голыми пятками друг о друга.

Когда оптик окончательно исчез в проходе, осмелевшая воительница шагнула вперед.

— Что вам здесь надо? — спросил Крыжовский, тоже шагнув ей навстречу. — Чего вы хотите?

— Связать и ограбить вас, — улыбнулась Ида Клэр и вытащила из-за корсажа пару наручников.

Но все же сражение начали не люди. Лингвист, ярко пламеневший на золотом плече Модеста, неожиданно заорал:

— Цукаты! Цукаты! — и, бросившись в чашу Ангама Жиа-хп, вырвал из хвоста блока-переводчика длинное зеленое, словно глаза Лиры, перо.

Обида мгновенно возбудила успокоившегося было переводчика. Он сразу вспомнил, что не вечно служит у древоподобного джентльмена, что некогда звали его Калиостро, жил он тогда в родных джунглях, и мало находилось наглецов, осмеливавшихся залететь в его охотничьи владения.

Он ринулся на обидчика, так что онемевший Ангам Жиа-хп мог только размахивать рукой, пытаясь поймать дерущихся попугаев. Модест с проклятиями подпрыгивал, но достать мечущийся под потолком клубок перьев не мог.

— Взять их! — крикнула Ида Клэр.

Неизвестно, кого она имела в виду, но бандиты поняли ее по-своему. Один из них, пожилой человек в долгополом бархатном кафтане с кружевным жабо и в желтых носках, достав из-под полы моток веревки, двинулся к Стойко Бручу.

— Берегись! — крикнул Дин Крыжовский.

Он сорвал стенку гузулаторного бокса и, подняв ее двумя руками, бросился вперед. Взметнулись кривые абордажные сабли, воздух рассек дружный визг Клэр и Офирель.

В этот напряженный момент, когда решалась судьба звездоплавателей-конандойловцев, обнаружилось новое лицо, никак не участвующее в суете баталии, но своим неучастием произведшее на пленяемый экипаж особо сильное впечатление. Левый борт шхуны, освободившийся от снуящих уголовников, теперь украшала неподвижно-единственная фигура, нелепый рострум, водруженный здесь чьей-

то большой фантазией. По всем признакам это был рыболов, терпеливо ожидающий свою рыбу с удочкой в руках. На нем длинный непромокаемый макинтош и фуражка не то путейца, не то лесничего. В неверном свете звезд трудно различить детали, размытые к тому же временем и непогодой. В руках фигуры росло предлинное бамбуковое удлище, леска уходила вдоль борта вниз, в бесконечность. Лица рыболова не разглядеть в мертвой тени козырька, надвинутого почти до носа. Удильщик казался погруженным в глубокий транс, и мелкая рябь событий не тревожила глубин его сознания.

Первым увидел загадочного рыбака Стойко Бруч, с голыми руками метавшийся между двух фронтов.

— Капитан, гляньте, у того субъекта по левому борту сегодня, кажется, рыбный день! Интересно, на что здесь клюет?

— На окрошку из таких ротозеев, как ты, мой мальчик! — Дин Крыжовский умудрился отразить одновременно два удара от себя и от Стойко. Ловко орудяя массивной стенкой бокса, он заставил отступить двух флибустьеров, один из которых, тот, что в желтых носках, тут же споткнулся и сел в отсек гузулатория с недоразвитой и потому особо вредной пеной.

Стойко подхватил выпавшую у неудачника саблю и, взревев: «Ура!» — ринулся вперед. Крыжовский последовал было за ним, но неожиданно почувствовал, что не может сделать ни шагу. Увлекшись сражением, он неосторожно приблизился к бывшей пробоине, и вокруг его талии цепко сомкнулись жилистые руки Педро. Капитан рвался в бой, но ничего не мог сделать. Скорее удалось бы

выбить из стены заплату, чем разжать намертво сцепившиеся пальцы Педро.

Стойко, оставшегося в одиночестве, сбили с ног, обезоружили и связали. Сопротивление было подавлено, лишь Крыжовский временами рычал и обрушивал стенку бокса на голову всякому неосторожно приблизившемуся. После пары безуспешных попыток обезоружить капитана пираты отступили.

— Должен же он когда-нибудь уgomониться, — сказал один из них, обращаясь к Педро. — Ты только держи его крепче.

Наконец в рубку снизошли тишина и спокойствие, и можно стало оглядеться.

Несомненно, центральной и живописнейшей группой композиции являлась пара Модест — Ангам Жиа-хп. Они успели не только разнять попугаев, но и подраться друг с другом. Лицо и руки Модеста густо покрывали царапины от шипов, так что он мог без труда изображать красиво татуированного дикаря. Дуэнцу тоже изрядно досталось. Лохмотья коры на его боках поредели, а прямо на груди крест-накрест виднелись две зарубки, словно некий хулиган собрался, но не успел вырезать краткое похабное слово.

Четверо воинов Иды, тяжело дыша, сидели во мху возле спеленатого Стойко. Пятый окончательно провалился в гузгуляторий, откуда доносилось сочное чваканье, время от времени среди бурлящей пены мелькали желтые носки.

Посиневший от натуги Педро держал Дина Крыжовского. Черная повязка, закрывавшая глаз, сблизилась и съехала на ухо.

А в самом далеком и темном углу стоял на коленях юный паж, умоляюще протягивая руки к хищно изогнувшимся фигурам Иды Клэр и Лиры Офирель.

— Не надо драться! — взывал несовершеннолетний захватчик-пацифист. — Зачем ссориться? Давайте любить друг друга. Вот новые стихи, они навеяны видом здешних неизведанных краев, — оруженосец указал рукой в глубь рубки и принялся декламировать излившиеся экспромтом строки:

На востоке вдалеке
Огоньки давно погасли,
Как растопленное масло
Солнце плавает в реке...

Рубка была вовсе не столь велика, но светящиеся блики контрольных зон на противоположной стене создавали впечатление чуть зыбающейся водной глади, украшенной золотой закатной дорожкой.

Утро.
Утки.
Штуцер — трах!
Птица впрах.
И брусничины как будто
Выступят по перламутру
Перебитого крыла.
Ил болотца всколыхнется
От поверхности до дна,
Крик утиный захлебнется,
И вернется тишина.

Мальчишеский голос сорвался на самой патетической ноте. Но эта отчаянная попытка восстановить мир, конечно же, не могла иметь успеха. Только один из налетчиков громко сглотнул голодную слону, да великолепный Модест мечтательно прогромотал:

— А охота здесь, должно быть, знатная!.. — и погладил большим пальцем потертую кобуру, приминавшую пышные буфы панталон.

Что касается Иды, то она, вероятно, даже не слышала творения своего слуги, поскольку всецело была занята ловлей Лиры Офирель. На правой руке Лиры был защелкнут один браслет наручников, второй Ида держала в руках, медленно водя им в воздухе и выжидая момент, чтобы поймать левую руку математика.

— Тебе не жмет, детка, мой браслет? Умоляю, примерь и второй, — гипнотизирующим шепотом уговаривала она. — В этом сезоне самый модный цвет — ржавое железо. Ха-ха-ха! Лира в кандалах! Свободу Лире Офирель!

Сбившись со взятого тона, амазонка неловким движением накинула браслет на свое запястье, приняв на миг собственную руку за руку соперницы. Изъеденные ржой железные наручники соединили короткой, но толстой цепью конечности обеих дам. Обнаружив ошибку, предводительница пиратов пришла в замешательство.

— Это вы виноваты, — обратилась она с упреком к Офирель, дергавшей ее за руку.

Вынув из-за пояса связку ключей, королева абордажа отщипнула безупречными зубами один из них и, пытаясь подхватить его свободной рукой, уронила на пол.

— Ах! — воскликнули обе дамы.

Но ключик уже утонул в желто-зеленых косах сфагнумного ковра. Женщины опустились на колени и, не сговариваясь, принялись его искать.

— Что это? — спросила вдруг Ида, указывая на бледно-розовый шарик, от которого в мох уходила тонкая бескровная нитка.

— Клюква, — ответила Офирель, зондируя тонкими пальцами мох. — Тут ее много. Вот приходите через месяц... Теперь еще кислятина, а как созреет — пальчики оближете.

— Лизать пальцы? — удивилась Ида Клэр. — Зачем?

— Ах, оставьте! — отмахнулась Офирель. — Придет время, попробуете и сами поймете. Главное, в меру добавить сахарной пудры.

— И вкусно?

— Прелест! А вот и он! — с этими словами Лира вытащила из-под ковра ключ. — Дайте-ка руку, не пойму, как снимается эта железяка.

Некоторое время Лира возилась с замком, потом Ида Клэр сказала недовольно:

— Пустите, я сама. Вы не умеете.

Теперь уже Ида склонилась над браслетом Лиры, пытаясь расстегнуть его. В конце концов ключ, не выдержав, переломился, а наручники закрылись еще на один щелчок.

— Ах! — дружно сказали пленницы.

— Это вы виноваты! — заявила Офирель, спеша отвести подозрение, что ключ треснул еще у нее в руках.

— Не будем выяснять степень виновности, — сказала пиратесса, выдавая своей лексикой богатый опыт по части судопроизводства. — Лучше подумаем, что нам делать? Мы с вами, голубушка, связаны одной цепочкой, и ссориться нам не следует. Милочка, давай дружить?

— Давай! — подхватила Лира, и новоявленные подруги направились к выходу.

— С тобой мне будет спокойнее, — говорила Ида, — да и тебе тоже. Этот Модест, он ужасный человек... Кстати, — добавила она громко, — Модест, зайдите пленными и добычей.

Чмокнул входной клапан, гофрированная глотка коридора поглотила женщин.

— Позвольте представиться, — выступил золотопогонник, — Модест фон Брюгель! — он покосился на генеральский эполет и честно добавил: — Подпоручик.

— Что вам от нас надо? — устало спросил Крыжовский.

— Не изображайте наивных детишек! — оскорбился фон Брюгель. — Что может понадобиться пиратам? Добыча — корабль и пленники. И все, что есть на корабле. Например, из этой колючей дубины, — он указал рукой на Ангама Жиа-хп, — должны получиться неплохие комод и вешалка для шляп. Я поставлю ее в своей каюте.

— Протестую! — сказал Ангам Жиа-хп. Дикторский голос зазвенел гневными нотками.

— Так ты не полено?! — вскипел барон. — Значит, ты меня нарочно изодрал? Ладно же! Быть тебе комодом! А пока ты у меня посидишь в клетке!

Однако никаких шагов к осуществлению угрозы подпоручик не успел предпринять, и все из-за того, что женщины никогда не закрывают дверей производственных помещений. Настоящий момент не был исключением, пленка входного клапана оказалась откинутой, и в приоткрытую дверь влетело около десятка ремонтников-цементаторов, неловко вы-

пущенных Стойко Бручем и потому уцелевших во время катастрофы.

— Осы! — взвизгнул Модест. — Только не это, у меня аллергия!

— Осы! — испуганным эхом откликнулся Педро, и в этот момент один из ремонтников всадил жало-зонд ему в губу.

— Ой! — вскрикнул замурованный негодяй, и сразу же ремонтники-цементаторы бросились на него, облепив нос и щеки.

— О-о-у-у!.. — выл несчастный.

В конце концов он не выдержал и замахал руками, отгоняя от своей физиономии крошек, добротивенно исследующих странную заплату. Неожиданно освобожденный Крыжовский перелетел через рубку и с разгону врезался в многострадальный экран кругового обзора. Зазвенело стекло, шумно хлынула вода. Вдалеке послышался топот бегущего оптика.

— О-о-о!.. — стонал Педро, прикрывая руками изувеченную распухшую рожу.

— Закрой рот, воздух выходит! — сердито приказал мокрый Крыжовский.

Педро умолк, и ремонтники, убедившись, что заплата, несмотря на свою необычность, герметична, улетели. Крыжовский, боевой дух которого угас, залитый холодным душем, нерешительно взялся за стенку бокса.

— Хватит драться, — сказал вдруг Модест. Он тоже был мокр, с козырька фуражки свисали водоросли. — В конце концов, это не дело, просыхать не успеваем. Так и простудиться недолго, инфлюэнцу схватить. К тому же ваше положение безнадежно.

вы тут один, а нас пять с половиной. Предлагаю почетный плен.

Крыжовский в знак согласия подошел к гузгулаторию и поставил на место стенку, скрыв от нескромных глаз полошущиеся желтые носки.

— И чего вы добились? — спросил он. — Кораблем управлять вы не умеете...

— Сумеем, — пообещал многоопытный подпоручик конно-артиллерийского полка.

Экран засветился, но тускло, поскольку разрядников не хватало. Запасы тины, икры и улиток тоже подходили к концу. Но изображение все же прояснилось, и Крыжовский увидел, что на шхуне готовят сеть. Пираты всегда были неплохими рыбаками, к тому же присутствие молчаливого конкурента с удочкой подбадривало их. Бесконечные мили пеньковых канатов мелькали в мозолистых руках, на палубе чинили ячей, навешивали ряды поплавков из пустых кокосовых орехов. Но вот сеть готова, и несколько молодцов, перекрестившись и закатав штанины выше колен, спустились с корабля и принялись обводить бреднем «Конан Дойла». Переплетения веревок, рассекшие созвездия, казались прутьями решетки.

На шхуне подняли якорь, межзвездный пассат надул паруса, и корабли, пленивший и пленившийся в путь. Скорость превысила восемьсот квадрильонов узлов, созвездия поворачивались, меняя очертания, и исчезали за кормой. А впереди мрачно и безобразно вырастало опасное, непроницаемо серое пятно.

— Стойте! — закричал Крыжовский. — Мы там погибнем! Это же Гекуба!

— Мы не погибнем, — ответил Модест фон Брюгель, указав рукой вперед, где на корме летящей на всех парусах шхуны бронзовело название: «Заря Гекубы».

Дин Крыжовский обреченно опустился в кресло. Пираты, сидя кружком на полу, жевали незрелую клюкву.

ГЛАВА 2

НАУЧНО-ПОЗНАВАТЕЛЬНАЯ

Гигантское скопление астеровируса было обнаружено прошлыми экспедициями в области повышенной активности биоплазмы с эмоциональным фоном 400 килоэм. Это наконец объясняло непонятные выбросы живого вещества в самый густонаселенный сектор Галактики. Когорта Пауля Врггильса, буравившая квазислоистую платформу квазара У-003, была спешно снята и брошена навстречу опасности. Старенькие звездоходы тридцать седьмого поколения, выстроенные из допотопных жидких биогелей, едва выдерживали крутые виражи пространства с радиусом 50—60 физиологических ступеней, то есть в половину возможного для этой части Вселенной.

Положение складывалось критическое, и потому можно понять чувство облегчения, которое испытал суперкапитан Недовасси, когда узнал, что в его распоряжение поступают два новейших тральщика, а в скором времени, возможно, появится и третий.

Звездоходы подкрепления «Конан Дойл» и «Агата Кристи» вышли на скопление из самой неудобной позиции — под прямым углом к плоскости эн-

липтики, но это не помешало им тут же выбросить тралы и приступить к работе.

Тралщики продвигались вперед, огибая сенсорные выбросы, а за ними оставалось чистое, свободно дышащее пространство. Грузовые трюмы постепенно заполнялись прессованным астеровирусом. Рост скопления был остановлен, и уже можно было предвидеть, когда последний зараженный участок исчезнет с лица Галактики.

Тем неожиданней казалась радиограмма, приказывающая кораблям немедленно вёрнуться на базу.

* * *

Суперкапитан Недовасси вел себя по меньшей мере странно. Он бегал по кабинету, то и дело вытирая пушистым лопухом пот, выступавший на загорелой лысине, нечленораздельно бормотал под нос, быстро писал какие-то записки, тут же рвал их, некоторые, впрочем, отправлял с почтовыми голубями, небрежно выбрасывая их в окно. Короче, суперкапитан занимался чем угодно, но не обращал внимания на экипажи звездоходов, выстроившиеся вдоль стены.

Те дисциплинированно ждали.

— Что же делать? — выкрикнул Недовасси. Он остановился и впервые осознанно взглянул на шестерых астронавтов. — Вы уже здесь? — спросил он.

— Так точно! — ответил за всех Демьян Стриббс, оказавшийся ближайшим.

— Печальные вести, — проговорил Недовасси. — Очень печальные. «Жорж Сименон» погиб!

— Ах! — вскрикнула Лира Офирель.

«Жорж Сименон» был третьим тральщиком, идущим сюда из межгалактических просторов.

— И самое скверное, — продолжал Недовасси, — что мы не знаем причин его гибели, хотя он погиб буквально на глазах. Звездоход благополучно вошел в регион, сообщил о прибытии и погиб, хотя на пол-Галактики вокруг нет ни одного астеровируса. Еще никто никогда не летал в таком чистом пространстве — и вдруг катастрофа!

— Астеровирус здесь ни при чем, — в один голос сказали Стиббсы. — У тральщика достаточно мощная антибиотическая защита. Он может на полном ходу врезаться в самое густое скопление, в худшем случае отделавшись легким насморком.

— Есть ли данные о последних часах звездохода? — спросил Дин Крыжовский.

— Имеется пленка, на которой заснята его гибель. Запись сделана на тригонометрическом буе. К слову сказать, буй тоже погиб через несколько минут.

— Из-за чего?

— Из-за Гекубы. Так мы условно назвали обнаруженный объект.

— Это уже интересно. Можно посмотреть?

— За этим я вас и позвал. Извольте взглянуть. — Недовасси упал в глубокое кресло-демонстратор. На бархатной поверхности стены возникла желтая петля экрана. В воздухе пряно запахло телергонами. С полминуты ничего не происходило. — Недовасси распечатывал синюю коробку, перегрызая в нетерпении бечевку, обвивавшую ее. Затем он распахнул коробку и вытряхнул содержимое в воздух.

Сотни разноцветных мотыльков закружились радиальным облаком, переливаясь, как мыльный пузырь. По команде Недовасси, крикнувшего: «Садись!» — облако вытянулось в мерцающий конус и равномерно покрыло собой экран.

— Извольте видеть, — повторил Недовасси, и хаотический гобелен крыльев преобразился в черную космическую ночь, испещренную сотнями звезд. Картина пульсировала и переливалась глубокими обертонами, иллюзия космического пространства была свыше ста процентов, даже сам Недовасси залюбовался ею. Повинуясь неощутимому для людей телергоновому сигналу кресла-демонстратора, мотыльки безупречно точно поднимали и опускали крыльшки, производя перед глазами сидящих картину космоса.

Но вот изображение резко изменилось, по звездному небу пробежала рябь, многочисленные пятна покрыли его.

— Гекуба! — торжественно выдохнул Стойко Бруч.

— Погодите минутку! — прервал Недовасси и включил свет. Стало видно, что экран страшно поредел, а те мотыльки, что остались на месте, неспокойно хлопают крыльшками.

— Так и есть! — проворчал Недовасси. — Кто-то неподалеку смотрит кино. Никак не можем договориться о разных кодах, чтобы не переманивать друг у друга мотыльков.

Не переставая брюзжать, суперкапитан побрызгал в углах дезодорантом и достал новую коробку с мотыльками.

Гекуба появилась на экране в виде бесформенного серого пятна, закрывавшего звезды. Серость не была однородной, она клубилась, на поверхности

временами появлялись тяжи, потом они исчезали, и Гекуба, казалось, распухала еще больше.

— Она растет? — пискнула Офирель.

— Да, она растет, — подтвердил Недовасси.

Грязные волны Гекубы медленно приближались к кинокамере.

— Это не астеровирус, — уверенно констатировали Стриббс, потеряв всякий интерес к происходящему.

* * *

Стриббс Петухов был по преимуществу тральщик-вирусолог. Это означало не только то, что он был в курсе всех новейших открытий в области космического траления и вирусологии, но также, что он был не в курсе всего остального, что составляет жизнь обычного человека. Случай почти патологический.

Стриббс превосходно работал с тралом, но никакая сила не могла заставить его чистить простое пылевое скопление. Он считался великолепным пилотом и мог бы на соревнованиях забирать все медали подряд, но проявлял свое искусство только в деле увеличения зоны тралового захвата. С ним можно было очень содержательно побеседовать о вирусологии вообще и об астеровирусологии в частности.

Однажды Стойко Бруч, тогда еще практикант, предложил ему редчайший штамм астеровируса Х-17, если он скажет комплимент Лире Офирель. Стриббс подошел к Лире и отчеканил:

— У вас прелестный цвет лица. Совершенно такой же оттенок бывает при внедрении в клетчатку ворсовника бородавчатого вируса типа...

Далее юная математик слушать не стала и в скромном времени перевелась с «Агаты Кристи» на «Ко-

нан Дойл», что, собственно, и было тайной целью Стойко Бруча.

И, к сожалению, переводы с «Агаты Кристи» были не редкостью. Никто не мог ужиться со Стриббсом Петуховым. Стриббс очень расстраивался из-за этого, ведь один он не мог управиться с большим звездоходом. Он так сильно расстраивался, что в результате решил растроиться. Техника растроивания отработана давно, а в данном случае задача облегчалась тем, что Стриббс хотел, чтобы все растройняшки были абсолютно идентичны. Обычно стараются сделать наоборот, так что нормальные растройняшки, набираясь индивидуального опыта, с течением времени становятся почти такими же разными, как однояйцевые близнецы.

Стриббсы же, явившись на свет, остались друг другом совершенно довольны и с этой минуты уже не расставались. Чтобы различать трех Стриббсов, их называли: Иван, Степан и Демьян. Иван был тот, что справа, Степан — посередине, а Демьян — слева. Впрочем, злые языки поговаривали, что Стриббсы, опасаясь стать чересчур разными, постоянно меняются местами.

Эти-то три индивидуума и составляли дружную команду «Агаты Кристи». Так что нетрудно понять скуку, овладевшую ими, как только стало ясно, что таинственная Гекуба не имеет никакого отношения к вирусам.

* * *

— Да, это не астеровирус, — подтвердил Недовасси. — Мы думаем, что это метастабильное перерождение пространства, нечто наподобие раковой опухоли. Наблюдаются даже метастазы. Подробнее

vas ознакомят потом. А сейчас, смотрите. Появляется «Жорж Сименон»!

Изображение метнулось, приборы буя обнаружили приближающийся звездоход, и камера поворачивалась, чтобы заснять его прохождение.

Очевидно, сименоновцы слишком поздно встревожились по поводу Гекубы. Ближний обжитый космос, что может угрожать тут межгалактическому страннику? Сверхскоростной астромобиль, прошедший сквозь передряги септических пункций, казалось, мог, не заметив, пронизать ничтожную туманность. К тому же скорее всего облако создано искусственно, и если бы проходить рядом не разрешалось, то предупреждение об этом пришло бы еще полчаса назад.

«Жорж Сименон» должен был пройти по крайней мере в сотне астрономических единиц от Гекубы, но в этот момент тяжи, опутавшие ее тело, растворились, и она всклубила свои волны перед самым носом корабля. Тормозить уже не имело смысла.

Звездоход не взорвался, он просто исчез, только три отсека: жилой и два грузовых — с белком и ДНК вируса на долю терции пережили все остальное.

— А ведь у двигателя защита мощнее, — заметил Крыжовский.

— Да, но она другого типа. Возможно, именно здесь находится ключ к пониманию природы явления.

Гекуба на экране тяжело вздохнула и выбросила в пространство крошечный клубок серости, диаметром от силы в сотню километров.

— Метастаза, — назвал Недовасси. — Мы прошли за ней. Она вышла за пределы Галактики и

постепенно рассосалась. Вторая такая же штука врезалась в наше скопление и тоже исчезла. Но вы понимаете, что рано или поздно они сумеют где-то внедриться и мы получим вторую Гекубу. Поэтому я решил до подхода специальной экспедиции послать туда один из кораблей. Вы должны собрать первичную информацию и проследить за развитием Гекубы.

— Правильно! — в унисон заявили Стриббсы. — Они, — три головы мотнулись в сторону конандойловцев, — полетят к Гекубе, а чтобы дело тем временем не страдало, вы разрешите нам использовать новый трал с десятикратным захватом.

— Не возражаю, — сказал Крыжовский.

— Вот и хорошо, — подвел итог Недовасси. — Вы отправитесь сразу, как только вам установят информационный гузгуляторий, — глаза Стриббса блеснули завистью, — а вы, — продолжал суперкапитан, — работаете по-старому, а свой трал испытаете как положено, в присутствии компетентной комиссии. И, пожалуйста, никакой самодеятельности.

Стриббсы понурили головы и, дружно волоча ноги, вышли из кабинета.

— А теперь последнее, — сказал Недовасси. — Я считаю, что информационного гузгулятория недостаточно для исследования Гекубы, поэтому мы усилим ваш экипаж физиком, специалистом по сверхпространственным изменениям.

Недовасси хлопнул в ладоши, дверь распахнулась, и две наряженные в ливреи гориллы внесли в кабинет кадку с величественно растущим Ангамом Жиа-хп.

Пришло время дать краткое описание этого существа, сыгравшего, как и все остальные главные герои, не последнюю роль в той драме, которую благосклонный читатель, как мы теперь видим, готов наблюдать до финала. Ангамы с погибающей, а ныне уже окончательно погибшей планеты Дуэнья, собственно, и не являются существами, ибо, строго говоря, не существуют. Их бытие проходит по малоизученному каналу метасуществования, что не мешает им, так же как, скажем, гарумбам, прозванным небесными бантиками, иметь псевдоконтакты с кем угодно и где попало. Ангам, кроме того, не индивид, но целое сообщество, иногда класс, племя, раса. Ангам Жиа, как тридцать три клона Ангамов из рода Хп, был типичным продуктом цивилизации Люб, возникшей на пересечении древних торговых путей в те времена, когда вселенская очередь за Великим плодом Ананаба пересекала чертоги миллиардов галактик, двигаясь сразу во все стороны и увеличиваясь до бесконечности.

Ананабов, к слову сказать, всем не хватило, и распавшиеся элементы гигантской очереди долго еще беспорядочно дрейфовали там и сям, наблюдаясь у нас как огромные скопления вещества и мощнейшие источники рентгеновского излучения. Пришлось отбуксировать в этот район несколько сотен черных дыр крупного калибра, которые, жадно чмокая, поглотили неудачников и тучи ананабовой кожуры.

Ангамы же, потеряв во время всеобщей сумятицы свою планету, а заодно и цивилизацию, потеряли также вкус к практическим преобразованиям окружающей среды, возлюбили предметы абстрактные и

с тех пор исправно снабжают мыслящую Вселенную физиками-теоретиками и поэтами-символистами.

Командированный на «Конан Дойл» Ангам Жиахп был молод и красив собой. Кора густыми мочальными прядями свисала с его боков, мясистая древесина брюха и псевдолица лоснилась, красиво обнажая текстуру. Единственная рука (Ангамы, как известно, не терпят принципа симметрии), до поры вложенная в серединное дупло, выставляла наружу мускулистый локоть, казавшийся огромным наростом чаги. Блоклингвист сидел на жердочке, выкlevывая из шевелюры хозяина перезревшие ягоды. Его зеленое оперение изящно гармонировало с бежевой листвой.

То, что лингвист поедал плоды разумного существа, не должно вызывать удивления. Ангамы всегда были замкнутой экологической системой, а размножаются они черенками.

— Приветствую вас! — прозвучал Ангам Жиахп, а вернее, лингвист, заранее настроенный на голос известного диктора.

— Вечное утро, магистр Жиа, — приветствовала его по-хрионски Лира Офирель.

И по-хрионски же ответил ей учтивый дуэнц:

— Вы и я!

Прочие земляне, не столь искушенные в поэтичнейшем из инопланетных языков, скромно молчали. Лира же, окрыленная первым успехом, стремительно развивала знакомство.

— Магистр Жиа, вы, должно быть, не подозреваете, но мы знакомы задолго до этой волнительной минуты. Да-да. Ваш портрет украшал у нас в лицее сразу три кабинета: физики пространства, изящной словесности и...

— Истории сгинувших цивилизаций, — печально отозвался потомок сынов Люб.

— ...э... ботаники! — Лира не умела говорить не-правду, и яркие румяна стыда расцветили ее лицо.

Наступила неловкая тишина. Все взгляды скрестились на бедной девушки, так некстати оказавшейся поклонницей многогранной личности поэта-сверхпространственника, несуществующего по строгим, но, быть может, устаревшим канонам экзистенциологии. Надо было спасать положение:

— Но вы знаете, я начисто забыла ботанику, а стихи ваши мы переписывали в альбомчики из натуральной бумаги. Я многое и сейчас помню:

Не надо мудро улыбаться,
Непроницаемо молчать,
Весьма таинственным казаться,
Носить на профиле печать...

Правда, нас очень журили за это. А Юленьку Квик даже лишили поездки в кратер «Хозезм-II», когда у нее нашли ваши стихи знаменитые: «Я не люблю страдания...» А вы не прочтете нам?

Ангам Жиа-хп внимал всей неподвижной листвой. Потом раздалось:

— Пожалуйста. Там так:

Я разлюбил страдания
И бросил навсегда
Стенания, рыдания
И поиски вреда.
Не нравятся мне более
Тоска и меланхолия,
Любые формы боли
И происки любови.
Покончено решительно
С зависимостью от

Успехов незначительных,
Падений огорчительных,
Видений горячительных
И категорией забот.
Забыты все борения,
Труды до изнурения
И сладкие мгновения
На стадии забвения.
Не стану дольше корчиться
На крестовине творчества,
И вот мое последнее
Культурное наследие.
Вы спросите, товарищи,
А чем душа жива еще,
И в чем альтернативная
Платформа позитивная?
Я улыбнусь беспомощно,
Я улыбнусь безжалостно:
Товарищи, опомнитесь,
Очухайтесь, пожалуйста!
Я пусть еще в тумане
Свой путь ищу к нирване,
На ваш навет отчаянный
Один ответ — молчание.

Молчание тут же и наступило. Растроганная Ли-ра Офирель силилась и не могла сказать: «Ах!», Дин Крыжовский с сомнением жевал губами, разглядывая нового члена экипажа. Недовасси и Стойко, не понимавшие поэзии, не знали, как реагировать в подобной ситуации. Мнение Стойко было скорее отрицательным, ибо он уже предвидел, что на звездоходе у него появится соперник. Недовасси же, бюрократ-администратор старой формации, еще не привык, что демократия распространилась столь широко, что лирические стихи по желанию присут-

ствующих могут читаться даже на самых важных совещаниях.

Ангам Жиа-хп тряхнул вершиной, выходя из поэтического транса.

— Помню, мне тоже досталось за эти стихи. Сами понимаете, какие тогда были времена. К тому же оранжерея, где я воспитывался, оказалась с физическим уклоном. Чуть не выпололи меня... Но потом применили кварцевое облучение, усилили подкормку, и я все-таки стал физиком.

При этих словах Дин Крыжовский облегченно вздохнул, а Недовасси, поднявшись, скомандовал:

— Все свободны. Вам осталось только получить гузгуляторий. Старт завтра в семь ноль-ноль. Счастливого пути.

В окно донесся жалобный вой терзаемых форсажем дюз. Огорченные Стриббсы улетали к своему скоплению.

ГЛАВА 3

ГЕКУБА

Так оно и вышло, что астромобиль правнучатого поколения, гордость и флагман тралфлота, радужный девятигигаметровый красавец самых чистых кровей с блистательной родословной был взят на абордаж, спеленат потрепанным неводом и увлечен забавной, маленькой, несуществующей шхуной по черным коридорам космоса в серые чертоги Гекубы.

Гекуба сомкнулась вокруг экстравагантной пары, звезды погасли словно огни родного города, закрытые внезапно недоброй стеной черного леса от глаз пассажира, которого далеко и надолго увозит

ночной экспресс. Дремлющая враждебная субстанция окружала их, сыто дыша и лениво примериваясь, с какого момента начать свою разрушительную работу.

Приборы на «Конан Дойле» отказали, едва завидев туманность, а серая мгла вокруг обманывала чувства. Можно было только предполагать, что остановилась шхуна в самом ядре Гекубы, в ее потайных недрах.

Ржаво заскрипел брашпиль, якорь рухнул вниз. Путешествие закончилось. Победители на паруснике выкатили на бак бочонок с перебродившим и плохо перегнанным соком сахарного тростника, принялись пить его из крупнокалиберной посуды и петь простуженными голосами:

Нам не страшен в трубах затхлых
Потайной крысиный ход,
Нам не страшен трупный запах
И красивый эшафот.

Победители на звездоходе собрались вокруг обвившего Педро и держали совет. За стеной пели:

Не боимся узнавать мы
О несчастьях без конца,
Нам не страшно под кроватью
Обнаружить мертвеца!

— Потише вы там! — потребовал Модест фон Брюгель.

Пьяницы притихли. Барон вполголоса отдал приказание подручному, которого звали Песя Вагончик, громила встал и скрылся в лиловой тьме бытовки. Слышно было, как он возится там, сбрасывая на пол истошно верещащее оборудование.

— Нашел! — с этим возгласом гангстер появился в дверях, таща охапку спальных гамаков.

Гамаки повесили под потолком и в первый из них зашили беспомощного Стойко Бруча. Только после этого Песя перерезал кинжалом веревку, стягивающую запястья незадачливого тралириста. Стойко, почувствовав себя свободным, хотел спрыгнуть на пол, но, вовремя поняв предостерегающий кашель капитана, остался недвижим. Крыжовский безропотно позволил запаковать себя в желтый Лирин гамак. Правонарушители едва успели завершить этот акт произвола, как в рубку явились сияющие и свободные дамы. Паж с наручниками спешил сзади.

— Видишь ли, дорогая, — тараторила Лира, — наука великая сила. Задача о том, как, не раскрывая, снять наручники, является одной из самых простых в топологии. Связность такой системы равна нулю...

— Вот именно! — подхватила Ида. — И поскольку нас больше ничто не связывает, то... ты уж не обижайся, голубушка, но я прикажу тебя связать.

— Как? — не поняла Лира.

— Веревкой. Не беспокойся, больно не будет, — успокоила ее вероломная Клэр. — Ляг вот в эту постельку.

— В чужую кровать? — ужаснулась Лира. — Ни за что!

— Упакуйте ее! — приказала атаманша.

В пять минут все было кончено, и исцарапанные в кровь рецидивисты отошли от сетки, в которой извивалась Офирель. Она была так шокирована случившимся, что даже забыла код, раскрывающий сетку гамака.

— Госпожа! — трагически вскричал привычно рухнувший на колени паж. — Прекраснейшая Клэр! Как вы могли? Ведь ваше подобное адаманту слово охраняло прелестную пленицу! Освободите же ее!

Ида Клэр решительно пересекла рубку, вплотную приблизившись к гамаку. Прозрачными от ненависти глазами она уставилась на лицо соперницы.

— Вы дрянная девчонка, Офирель! В ваши годы я не была такой! Подумать только, не прошло и получаса, а она уже отбила у меня единственного обожателя! Дура, дрянь, гадина! Виси теперь! Что, съела?

— Ида Клэр, — холодно сказала Офирель. — Между нами все кончено. Я не буду с вами дружить.

— А ты!.. — разъяренная Клэр повернулась к пажу. — Неблагодарный мальчишка! Лживый Керубино! Вот какова твоя служба?! Долг забыл? Так я тебе напомню! Читай стихи!

— Не буду! — задрожав, отчеканил мальчик.

— Ах, вот как? Бунт?! Анастасио, утихомирь на-глеца!

Рослый бандит в феске схватил пажа, стиснув его под мышкой.

— Гад!.. — визжала Клэр.

— Я не гад, а бард Литте, — отвечал паж, сдавленный мощным бицепсом Анастасио Папа-Драки.

— А ежели так, — издевательски изрекла Ида Клэр, — то изволь работать. Корабельный бард обязан объясняться мне в безответной любви и придумывать стихи. Читай, ничтожный раб!

Литте гордо выпрямился, насколько лишь может выпрямиться человек, засунутый под мышку своему злому врагу, и начал декламировать:

Понеже аз есмь раб смердящий,
 Исполнив многажды труды,
 Полезно быти мне скорбящу
 Бо телом аще есмь худы.
 Аз бо доволен пищей днесъ,
 Пребысть в веселии зело!
 Любиши много — благо есть.
 Хощу искоренити зло...

— О любви читай, искоренитель, — напомнила Ида.

Почто мя оком зриши, царь? —
 зазвенел голос ребенка, —
 Вотще, о благий словесы;
 Глаголем кривду, государь,
 Бо тверды, аки небесы!

— Так ты опять за свое? — Ида захлебнулась негодованием и угрожающе подняла ввысь руку, чуть пожелтевшую от разлития желчи. — В карцер его!

И рече сей, и речь сия
 Предста судилищу анклав,
 Бо княже возлюбиша мя
 И дланью в выю мне наклав! —

донеслось из коридора.

— Подумать только! — пожаловалась Ида Клэр. — Кажется, одержали полную победу, а вместо нее — сплошные огорчения. Модест, вы опять забылись. Приведите пленных к покорности. Я жду... Боже, какая мигрень!.. — С этими словами разбойница ската виски ладонями и удалилась.

— Вздернуть всех на рею, и будут покорны, — проявил недовольство Модест. — А то, называется, взяли богатую добычу! Где, в таком случае, дукаты?

— Цукаты! — заорал вишневый лингвист.

— Молчи, Дон Карлос! — покровительственно сказал белогвардеец.

— Цукаты! Цукаты!

Пленники рассмеялись.

— Не вижу оснований для смеха, — изрек фон Брюгель. — Это страшные слова, и вы поседели бы от ужаса, узнай их истинный смысл. Дон Карлос заслуженный пират, он сидел на плече у Малыша Винченцо в тот день, когда его мафиози громили кондитерскую фабрику в Бердичеве. Я тогда был вольноопределяющимся! О, мы славненько позабавились! Одной ромовой пропитки было выпито две-надцать сотен бочонков. Юнкер Рубанов-Орловский утонул в грушевом сиропе. Цукаты россыпью валялись на земле. Там-то Дон Карлос и выучился этим мрачным словам.

Воспоминания погромщика прервал приход Каркаса — высокого худого пирата с бледным испытым лицом и лысой головой, которую больше не прикрывал бирюзовый берет, погибший в зеве кулеврины. Острый кадык переламывал Каркасову шею, мосластые руки далеко торчали из рукавов камзола, казавшегося на непомерно длинной фигуре головореза кургозой курточкой. Над головой Каркаса весело порхали две желтые капустницы.

— Клетка готова! — прохрипел Каркас, глядя на начальство голодными глазами и облизывая толстым языком сухие, серые, как прошлогоднее сено, губы.

Космонаторы удивленно переглянулись. На «Конан Дойле» не было клеток.

Каркас, Папа-Драки и Песя Вагончик подхватили кадку с несчастным Ангамом Жиа-хп и поволок-

ли ее к выходу. Дуэнц не сопротивлялся, лишь неодобрительно шелестел при виде столь неприкрытого самоуправства. Фон Брюгель, взял под руку последнего из своих помощников — толстяка в чалме и шароварах, вооруженного очень кривым ятаганом, направился следом за ними. Толстяк, которого звали Сююр-Тук Эфенди и который, судя по исходившим от него ароматам, служил на шхуне коком, доверительно пригнувшись к уху барона, спрашивал:

— Скажите, господин, те цукаты, о которых вы нам поведали, вываривались в сиропе с корицей или просто были засахарены?

Навстречу уходившим вылетело пяток пестрых крапивниц, пара махаонов и редкостная бабочка «мертвая голова».

«Все ясно, — отметил про себя Крыжовский, — бродяги взломали вольер с киномотыльками и хотят поместить туда Ангама Жиа-хп. Теперь мы знаем, где он, осталось только наладить с ним связь».

Капитан огляделся. Рубка опустела, лишь пол-Педро бессильно свисало со стены, потеряв сознание, а скорее всего, просто крепко заснув.

— Так что же произошло? — Нарушил тишину и субординацию Стойко Бруч. — Ваша версия, капитан?

— Не готова, — ответил из желтого гамака неподвижный командир.

— Ваша? — ответа ждали из гамака лилового.

— Не готова, — не по-женски кратко ответили оттуда. — Надо бы спросить Ангама, но у нас нет связи. Я не знаю, куда его унесли.

— Ангам в киновольере, — сказал желтый гамак. — Стойко, поручаю вам сделать детекторный приемник из подручных средств.

Стойко нехотя произнес код, выпал из гамака и принялся собирать шишки, желуди и сыроежки, необходимые для дела. Дин Крыжовский печально смотрел мимо него, туда, где в округлом юго-западном углу блистал бывало утренней росой Ангам Жиа-хп.

— Кажется, кончил, — доложил Стойко. — Но звук никудышный, половина сыроежек зачervивевшие.

Он повернул верньер настройки, и из рупора гриба-великаны, заглушая гомон радиопомех и хрупанье грызущих схему червей, донеслось:

Темнота в глазах мерцает,
Тишина звенит в ушах,
Вся покрытая рубцами,
Не дыша, лежит душа.

И жестокая обида
Просыхает заодно,
Словно зонтик позабытый
Между креслами в кино.

— Ангамчик! — закричала Лира. — Мы тебя слышим!

— А я слышу вас, — неожиданно отозвался со стены Педро, — и будьте уверены, обо всех ваших злонамеренных кознях я немедленно доложу Иде Клэр!

Мгновенная ярость захлестнула Дина Крыжовского, но тренированный сотнями психологических тестов мозг справился с нагрузкой. Звездоходчик лишь побагровел и медленно перевел тяжелый взгляд

на экран, туда, где за приплясывающими от скверной радости ногами ябеды Педро гордо вздымалась фигура удильщика.

«Бери пример с меня, — словно взывала она, — учись терпению и настойчивости. Не поддавайся жалким страстям, и долгожданная добыча когда-нибудь забытесь на твоем крючке по ту сторону бесконечности».

Крыжовский утер кулаком увлажнющиеся глаза, кряхтя, выбрался из модного Лириного гамака и, остановившись перед Педро, сказал:

— Друг мой, вам очень удобно здесь висеть?

— Ась? — не понял преступник.

— Я говорю, что вы навеки зачислены в списки хозяйственного инвентаря звездохода. Вам не выбраться отсюда, если, конечно, я вас не выпущу.

— Что вы хотите? — задыхаясь, спросил Педро.

— Вы должны принять нашу сторону, — жестко продиктовал капитан. — Ваши донесения буду составлять я. И тогда через неделю...

— Согласен! — закричал Педро.

* * *

Неприветливое пасмурное утро не торопясь вставало над Гекубой. Тусклый свет сочился по каплям и не мог разогнать остатков ночной мглы.

Пленные космопроходцы висели в гамаках, из которых якобы не умели выбраться. Рассветная тишина нарушалась только радиопомехами, которые угрюмо генерировал томящийся в заключении Ангам Жиа-хп.

Но вот хлопнула дверь, послышались легкие шаги, и на пороге появилась выспавшаяся, свежая и

благоухающая Лириными духами Клэр. Она скользнула взглядом по спящей Лире, дружески улыбнулась Стойко, пододвинула к стене кресло, чтобы вконец изнемогший Педро упокоил наконец усталую голову, и с отсутствующим видом присела рядом.

Педро, жарко дыша, зашептал, поминутно заглядывая в написанную Крыжовским шпаргалку. Клэр осталась довольна донесением.

— Пожалуй, я выпущу вас, — сказала она, — и будем жить в мире. Ведь бежать вам все равно некуда, и я рада, что вы сами это понимаете.

Пиратесса выудила из-за корсажа боцманскую дудку. Гнусавый сигнал утонул в утреннем тумане. Пришедший на зов зевающий Песя Вагончик распорол кортиком гамаки по швам. Звездоходчики вывалились на пол. Лира Офирель сразу же демонстративно отвернулась от Иды. Но хозяйка Гекубы даже не заметила бес tactности своего двойника-математика. Ее внимание было захвачено чем-то находящимся вне звездохода, и это что-то было ужасным. В зеленых глазах прильнувшей к экрану кругового обзора Иды плескался испуг.

Сначала земляне ничего не могли рассмотреть в мутном киселе Гекубы. Потом обрисовалась палуба шхуны, а за ней изуродованные недугом дали. Непривычному глазу трудно было различить и понять, что именно движется там в блеклой дымке, но постепенно оно проявилось и заняло половину неба, с той минуты четко видное всем, как изображение, вдруг обнаружившееся на загадочной картинке.

Ида и Лира инстинктивно прижались друг к другу, забыв о недавней вражде. Педро мелко сучил но-

гами и верещал, словно Оно уже вцепилось в незащищенные лодыжки. На шхуне поднялась беготня. Сразу стало заметно отсутствие единого руководства, ведь не могла же болонка, запертая в пустующем салоне, заменить в эту тяжелую минуту Иду Клэр! Охрана металась, беспцельно перетаскивая с места на место охапки оружия. Арбалетчики прятались среди канатных бухт, вооруженные тесаками молодцы спешно и беспорядочно разворачивали пушки, двое дезертиров пытались спустить шлюпку, а возле бизань-мачты оборванец в грязной сутане громко молился на варварской латыни. И только фигура в макинтоше, охранявшая угрожаемый левый борт, бросала безмолвный укор паникерам.

Следует, однако, отметить, что паникеров можно было извинить, так велико и ни на что не похоже было Оно.

— Астеровирус! — вдруг произнес Дин Крыжовский.

И сразу еще одна пелена спала с глаз работников траплфлота. Сотни раз виденный на плакатах с наглядной агитацией предстал перед ними миллиардократно увеличенный астеровирус. Толстые слои белковой шубы покрывали его, сквозь разрывы в белке сочно виднелась туга скрученная двойная спираль дезоксирибонуклеиновой кислоты. Монстр был так громаден, что на его боках отчетливо просматривались не только аминокислоты белка, но и отдельные атомы и даже вздувшиеся восьмерки р-орбиталей, словно тающие у периферии, где вероятность проявления электрона становилась пренебрежимо малой. Водородные связи бликами северного сияния мерцали вокруг страшной молекулы.

Астеровирус вел себя неспокойно. Временами его сотрясала такая дрожь, что, казалось, белок вот-вот денатурируется. И вдруг во время одного из самых сильных рывков, там, где цистиновые связи оставляли широкий просвет между двумя атомами серы, появился звездоход. Астронавты сразу узнали стремительные контуры близнеца «Конан Дойла». То была «Агата Кристи»!

Многопалубный галактоптер, ведомый опытнейшими Стриббсами, не желал сдаваться на милость безмозглому веществу. Еще ни на одних соревнованиях не видывали фигур, подобных тем, какие выделяла «Агата Кристи», пытаясь вырваться из цепких атомов астеровируса. Но ничто не помогало, аланиновые ряды встали стеной на пути астролета, и тяжелые кольца аденоzinмонофосфата увлекли его в пучину.

— Представляю, что чувствуют сейчас Стриббсы, если они вообще умеют чувствовать, — протянула Лира. — Всю жизнь ловить вирусы, а под конец попасться самим.

— Это еще неизвестно! — выкрикнул Дин Крыжовский.

«Агата Кристи» на полном ходу вылетела из колец молекулярного питона. Победно рокотали дюзы, скорость нарастила. И вот за кормой затрепетало розовое, такое яркое на фоне Гекубы облако. То развертывался небывало емкий, еще ни разу не опробованный Стриббсом новый трап с десятикратным захватом! Под напором встречного вакуума доски слипа развернулись, раскрывая чудовищную горловину. И монстр Гекубы целиком вошел туда! Трап сжался, взвыли центрифуги сепараторов, отде-

ляющих белок от ДНК, громоподобно ударил пресс. Астеровирус был разложен на составные части и упакован в грузовые трюмы. «Агата Кристи» вырвалась на свободу!

Дин Крыжовский шагнул к пульту, лишь на мгновение опередив Стойко, но предпринять ничего не успел, ибо за стеной тяжело вздохнула Гекуба, и с мрачной неотвратимостью повторилась трагедия «Жоржа Сименона».

Гнетущее молчание опустилось на «Конан Дойл». Крыжовский с дрожащими губами отошел от пульта. Спасать было некого.

— Как хорошо, что он исчез! — сказала ничего не понявшая Ида Клэр. — Иметь такого соседа! Бр-р-р-р!..

— Теперь мы знаем, что бывает здесь с теми, кто пытается бежать, — серьезно сказал Крыжовский, глядя на бледного Стойко.

* * *

Потянулись томительные дни плена. Космоторальщикам, всем, кроме Ангама Жиа-хп, была возвращена некоторая доля свободы. А вот действия их тюремщиков час от часу становились все менее понятны. Они шатались по звездоходу, заглядывали в рабочие помещения, пугались мирно дремлющих механизмов и постепенно разрушали четко действующий организм корабля.

Вечно голодный Каркас потихоньку объедал пептидную лепнину с карнизов кают-компании. Мерзавец Модест выполнил свою угрозу и устроил «охоту». Это кровавое безобразие заключалось в том, что он застрелил из своего «зауэра» вестибуляр-

ный аппарат «Конан Дойла». Сююр-Тук Эфенди изрезал несчастную добычу на части и зажарил, нанизав куски на длинные прутья. Рогатую голову вестибулярного аппарата набили трухой, и Модест повесил её на стене в узурпированной капитанской каюте, где она и висела, напоминая второе издание Педро.

Аstromобиль, лишившись вестибулярного аппарата, отключил гравитацию, и обитатели кают начали порхать, наподобие летающих повсюду киномотыльков.

Завершался девятый день пребывания в Гекубе.

«У нас на Гекубе», — как скажет через много лет Стойко Бруч, капитан альфа-гильдии, ветеринар-ветеран разумных кораблей грядущего.

Вечерело. За оконцем клубился серый туман. То возникали мириады очагов скверной болезни пространства. Пространство умирало, перерождаясь в белесое мясо Гекубы.

Лира Офирель грустно и зябко ютилась в креследемонстраторе перед мертвым экраном. Неуправляемые мотыльки кружились в причудливом свете ночных плафонов, фосфоресцирующих из последних сил на истощенном и подсохшем питательном киселе.

— Котангенс, котангенс... — бормотала Лира, — должно быть, это спутник Луны... Как я устала...

В дверь постучали.

— Ах, Стойко, к чему эти церемонии? Заходите, сыграем в лото...

Над порогом, щелкнув каблуками, завис грубый военный мужчина с седой прядью в курчавых волосах. С трудом перевернувшись, он сориентировался в пространстве рубки и опустился у кресла Офи-

рель, совершив лишь ту незначительную ошибку, что оказался к ней спиной. Лира не смогла сдержать смешок, услышанный тотчас гостем. Он резко развернулся «Кру-гом!», вновь щелкнул каблуками и дернул головой вниз, отчего вишневый какаду не удержался и съехал с эполета на спину.

— Оставьте нас, Дон Карлос! — оглушительным шепотом приказал Модест.

Попугай расправил крыло и принялся гарцевать под потолком, метко склевывая прямо из воздуха небесно-голубых мотыльков.

— Чему обязана, барон? — лукаво спросила пленница. — Идочеке понадобился математик, чтобы со-считать до десяти, и она шлет своего эмиссара, или...

— Никак нет! — жарко возразил Модест. — Вы мне нужны как мадемуазель, мадемуазель!

— Что такое? У меня в ушах звенит от ваших криков. Изъясняйтесь яснее.

— О мадемуазель, — начал преступник, эффектно помещая эполет в наиболее освещенное про-странство, — одним лишь велением сердца, не в си-лах совладать, овладеть...

— Чем овладеть, кем? — испугалась девушка.

— Своей особой, исключительно-с, — барон уже катился по наезженной, хотя и изрядно заросшей колее. — Сей миг исполнен для меня вашей особой, и такой плезир всех чувств, имею честь! Позвольте присесть. Здесь канапе.

— Курите, — милостиво разрешила Лира, чувст-вуя себя зрителем необычного спектакля.

Барон достал из-за голенища сигару, откусил кончик, сплюнув его под ноги, и ловко раскурил, используя свой монокль и далекую Бетельгейзе, видимую

лишь им одним в кромешном тумане Гекубы. Затем он продолжал, стряхивая пепел себе на колени:

— Чертовски жаль, что мы не встретились с вами прежде. Эскадрон князя Столицина, где я служил... вот была потеха!.. а мы шрапнелью!.. Позвольте ручку. Мы бы им показали «Декольте и галифе», если бы еще четыреста сабель.

— Вы хотели сказать: «Либертэ, эгалитэ», — не выдержала Лира Офирель.

— Вот именно: и галифе. Позвольте ручку, мадемуазель, — злодей захватил запястье Лирь ледяными пальцами и жадно щурил глаз.

— Без рук! — всерьез перепугалась мадемуазель и дернулась из железных клаещей фон Брюгеля.

В дверь постучали. Пират издал нечленораздельное проклятие, резво соскочил с кресла и, послав воздушный поцелуй, выскользнул в жаберную щель, обронив по пути сигару. Какаду ретировался в отверстие фильтрующей железы.

На пороге возник нежно улыбающийся Стойко Бруч. В руках он держал коробочку с лото и полотняный мешочек, в котором деревянно хрустели бочонки с цифрами.

— Добрый вечер, Лирочка, — сказал Стойко. — Поиграем немножко?

— Что?! — вскрикнула Лира, предыдущими событиями настроенная истолковывать все в дурную сторону. — И ты, Бруч?

Лира покачнулась. Стойко бросился вперед, чтобы поддержать ее, но Лира, решив, что ей грозит опасность из одних объятий попасть пряником в другие, собралась с силами, и Стойко, так ничего и

не понявший, в мгновение ока очутился в коридоре среди рассыпавшихся бочонков и карточек лото.

Лира, оставшись одна, бросилась к передатчику:

— Ангам Жиа-хп! — взывала она. — Отзовись! Модест фон Брюгель угрожает мне, Стойко ненадежен, всюду враги, я не знаю, кому верить. Отзовись!

Неразборчивое хрюпение донеслось из динамика. Он обвис и мягко развалился, обнажив истлевшее нутро, кишащее жирными желтыми червями.

* * *

Карцер на «Конан Дойле» оказался самым обширным помещением. Вольер для кинобабочек, куда поместили обоих опальных героев, был установлен в энергоотсеке.

Здесь действительно открывались если и не безбрежные, то достаточно обширные дали. Гигантские стволы энергоколонн поднимались ввысь, сплетаясь зелеными кронами. Незакатный термоядерный реактор палил в зените, и лишь недолгие бионочи, когда он скрывался за диафрагмой, приносили облегчение. Частые поливы не могли освежить воздух. Эмоциональные детекторы, чрезмерно расплодившиеся на неуправляемом «Конан Дойле», развешивали свои нити на стенах вольера. Литте, лежа на полу, лениво смахивал их и слагал стихи:

В королевстве сосен август славный месяц
От дождя и солнца теплый и сырой.
Тяжко паутинкам ничего не весить,
Ветер их уносит, шелестя корой...

Поэты быстро нашли общий язык и подружились. Они были почти оторваны от внешнего мира,

связь налаживалась с трудом и была ненадежна. Они не знали, отчего появилась невесомость, никто не поведал им, как страдал животом Каркас, обожравшийся сырыми полипептидами. Прошло мимо них и освобождение Педро.

Запрограммированные капитаном стеки начали воспринимать испанца как чужеродное тело; на борту звездохода вслух огромный нарыв, и залитый потоками гноя Педро очутился на палубе шхуны. Хотя ему не удалось отнять у сообщников похищенные сапоги, но все же он был на седьмом небе от счастья, непрестанно ощупывал то ноги, то голову, а выходя на палубу, непременно отвешивал галантный поклон в сторону корабельного телеглаза.

Короче, произошло много событий, неизвестных поэтам. Но неведение больше не волновало Ангама Жиа-хп. По личному биоциклу дуэнца наступала весна, и вместе с новой листвой приходили новые настроения и желания. Не хотелось думать над почти готовой теорией гекубизма, гораздо важнее казались невнятное томление и сладкая тоска. Жаль только, что тоска не была сладкой, ведь Ангам Жиа-хп томился в клетке, и ничто не могло вернуть утраченного вместе со свободой благодушия.

В ту ночь Ангам Жиа-хп долго не мог уснуть. Он сидел в центре клетки, стискивая тело рукой, как комок глины, словно намереваясь вылепить из него новое свободное существо. Наконец он утомонился, тяжелые струпья коры перестали колыхаться и тереться друг о друга. Смолисто запахло не то кипарисом, не то ливанским кедром. Спящий в уголке Лит-те по-детски чмокал губами.

Ангам Жиа-хп тревожно заерзал, терзаемый сновидениями и силясь что-то сказать. Но блок-лингвист молчал и только переступал с ноги на ногу, щелкая клювом.

Тугие, как струны, тонкие ребра клетки гудели смутным телеграфным гулом. Из фильтрующей железы, что вяло сырела над дверью, резко пальнул трескучий крик:

— Цукаты! Цукаты!

Омерзительное чудовище, вишневый какаду по имени Дон Карлос медленно извергался через проток железы в карцер. Калиостро налитыми кровью глазами следил за врагом, рождавшимся из стены. Окончательно перейдя на автономку, Калиостро захмурил веки и, как ртуть, прошел сквозь стенку вольера.

Неприятель же, оказавшись целиком в карцере, испытывал жгучую потребность утвердиться на чем-либо устойчивом и хоть немного просушить липкие и нехорошо пахнущие после путешествия по протоку перья. Он было завис прямо на железе у входа-выхода ее, уцепившись когтями за дряблую пленку эпидермиса, но тот не был рассчитан на такое и беззвучно лопнул, оросив сатрапа Модеста фон Брюгеля голубоватой влагой.

Железа сократилась, и Дон Карлос сорвался со стены. Сориентировавшись с похвальной быстрой, он избрал для посадки клетку, где сонный Ангам Жиа-хп потягивался, грохоча, как рассыпающаяся поленница дров. Рассыпавшись окончательно, узник пришел в себя и прильнул к решетке, в волнении наблюдая развитие событий.

Посадка врага на клетку хозяина привела Калиостро в ярость. Лингвист издал боевой клич и ринулся в атаку.

— Цука!.. — отчаянно вскрикнул какаду и прокользнул в клетку Ангама. Калиостро настиг его там и атаковал сверху, но тот, сделав бочку, красиво ушел влево. Постоянно сидя в неподвижности, лингвист несколько утратил навыки ведения воздушного боя и потому решил загнать врага в угол. В свою очередь, оправившись и обсохнув, Дон Карлос сам изготоился к нападению. Битва завязалась. Первые цветные перья закружились в воздухе. Бойцы с яростными и угрожающими криками метались меж ветвей энергоколонн. В их бешеной карусели ничего нельзя было разобрать, и никто впоследствии не мог сказать, на чью сторону клонилась чаша весов, потому что неожиданно на месте сражения неярко полыхнуло что-то напоминающее шаровую молнию, раздалось протяжное «шш-шш-ш...», словно воздух выпускали из кислородной подушки, и багряный Дон Карлос исчез. Калиостро, потерявший цель, бесполково вертелся над ареной, ругаясь словами, подслушанными у пиратов.

— Дядя Ангам, что это он? — спросил проснувшийся Литте, но Ангам Жиа-хп, лишенный лингвиста, мог только разводить ветвями, пытаясь успокоить младшего собрата.

А когда Калиостро, утомившись, вернулся на свою ветку, вдруг заработал приемник, светящийся в углу нездоровым гнилостным светом:

— ...ам...ель угрожа... — донесся искаженный помехами и отчаянием голос Лиры, — ...я не знаю... О!..

Передача оборвалась, но и услышанного было достаточно, чтобы Ангам Жиа-хп понял все. Мгновенно привязанности вечно влюбленного поэта прокоммутировали с точным знанием физика, отвлеченные теоретические измышления налились кровью личного опыта, бесценными впечатлениями последних дней и минут. Теория гекубизма была создана, и был создан план спасения Лиры!

Понадобились минуты, чтобы объяснить все верному Литте. Поэты, как ртуть, прошли сквозь частую сетку вольера и двинулись вперед. Красный от натуги Литте толкал кадку с другом, а сам Ангам Жиа-хп настраивал голос лингвиста Калиостро на нужный тембр, бормоча угрожающие формулы то диксантом, то гулким басом.

* * *

Некогда напротив каморки, приютившей изгнанную из своей каюты Лиру Офирель, находился актовый зал звездохода. Но теперь занедуживший «Конан Дойл» сокращал внутренние объемы, и первым делом пострадало помещение театра. Утробистый зал превратился в небольшую комнатушку, уставленную кукольной мебелью, а широчайшая в космофлоте сцена напоминала интимно занавешенный альков. Широкие двустворчатые двери стали не шире кошачьего лаза, а запасной пожарный выход вообще не заслуживал бы упоминания, если бы именно через него мстительные поэты не проникли в зал, воспользовавшись подсмотренным у попугаев умением проходить сквозь малые отверстия.

Ангам Жиа-хп удобно расположился посреди сцены, скрылся в предательском полумраке, при-

творившихся пришедшим в негодность театральным реквизитом, обветшалой авангардистской декорацией. Литте подкрался к дверям и незаметно выглянул наружу.

Модест фон Брюгель метался по опустевшему коридору, осторожно пробуя на прочность упругий входной клапан. Так же как и его канувший в небытие сотоварищ, он был мокр и липок, но, снедаемый нетерпением, не замечал ни ночной прохлады, ни неполадок в своем туалете.

— Очаровательница! — шипел барон, пригнувшись к дверной ручке. — Отворите! Это я, ваш Модест! О, если бы вы могли узреть мое киша... пардон, кипящее сердце, вы бы не колеблясь... колебаясь... бросились в мои объятья. Откройте же, мадемуазель, здесь никого нет!

Никто не отвечал на страстное воркование затянутого в китель ловеласа: Лиры Офирель не было дома, вскоре после описанных событий она была вызвана Дином Крыжовским и теперь находилась в рубке на тайном собрании членов экипажа. Но ни соблазнитель, ни защитники Лириной чести не могли того знать. Следовало спешить, и Ангам Жиа-хп начал действовать.

— Это вы, Модест? — вывел первую руладу блоклингвист. Голос оказался отрегулирован не очень удачно, он получился слишком низким и грудным, почти как у Иды Клэр.

— Я, мадам! — испуганно откликнулся подпоручик, шатнувшись от запретных дверей.

Ангам Жиа-хп резко крутанул хвост лингвисту, выходя на нужный диапазон. От боли лингвист издал дурной кошачий звук, но следующую фразу про-

изнес голосом почти тождественным Лириному и вдобавок украшенным некоторой долей несвойственного Лире кокетства:

— Простите, я ошиблась, оказывается, ваше пре-восходительство ожидает здесь свое непосредственное начальство! В таком случае, я удаляюсь. Всего наилучшего!

— О пардоне меня, мадемуазель! — вскинулся Модест. — Ваша шутка, комильфо, как вы меня напугали, имея в виду шарман души, пощадите, прелестница. Но где же вы?

— Тише! — перешел к делу Ангам Жиа-хп. — Кругом посторонние, поберегите мое доброе имя. Идите сюда.

Литте легким толчком распахнул двустворчатые, традиционно неудобные двери. Фон Брюгель изумленно уставился на открывшийся лаз.

— Как прикажете понимать? — вопросил он. — Это небольшой розыгрыш? Весьма мило! Ха-ха.

— Лезьте же, я жду! — колоратурил во тьме Ангам Жиа-хп. — Здесь мы будем в безопасности!

Любвеобильный пират опустился на колени и боязливо заглянул в дверцы. Рассмотреть он успел немногое, но и увиденное превзошло все ожидания.

— Будуар!.. — сладко простонал развратник и решительно ввинтился в лаз.

Хрипя от натуги, остзеец протаскивал себя сквозь узкий ход, как сквозь фильеры, и, потеряв в давке один погон, вывалился в зрительный зал, прямо в колючие объятия безжалостного дуэнца.

Расправа была короткой. Почувствовав на своем челе шипастые тернии, мерзавец бестолково замахал конечностями, закричал: «Ай-ай!» — и более ничего, ибо зеленая вспышка положила конец его без-

дарному эрзацсуществованию. От заслуженного пирата, бывшего подпоручика конно-артиллерийского полка, черносотенца, охотьского барона Модеста фон Брюгеля остался один незаконно присвоенный эполет и две перламутровые пуговицы.

Оживленная несколькими случайными светляками, вполнакала засветилась под потолком люстра. В мерцающем ультрафиолетовом (длина волны в съежившемся зале тоже сокращалась) свете можно было видеть гордо вздывавшуюся над поверженными останками врага фигуру Ангама Жиа-хп. Ветви его опалила вспышка, широкий ожог обугленной полосой пересекал торс, живица выступала на большом месте и янтарными бусинами скатывалась вниз.

— А где Модест? — недоверчиво спросил Литте. — Лопнул? А почему он лопнул?

— Видишь ли, малыш, — отечески, а вернее матерински произнес, а точнее, произнесла Ангама Жиа-хп, — дело в том, что оный паразит Модест — не живой. Он отродье Гекубы и представляет собой парази兹нь. Но ведь меня, Ангама Жиа-хп, тоже нет, мы, Ангамы, являемся метасуществами, и где наличствуем мы, там бытие паразиизни стерически затруднено.

— Так ведь я тоже отродье Гекубы! — вскричал мальчик сквозь слезы.

— Ошибаешься, малыш, — последовал ответ. — Ты поэт и, следовательно, существуешь.

* * *

Под покровом беззвездной ночи, трепещущие, но решительные конандойловцы собрались в главной рубке. Непроглядная тишина нарушалась лишь

шорохом антирадиационной плесени, прораставшей в головку фурункула, извергшего Педро, да нежным пощелкиванием гузгулятория.

Звездоход жил тайной ночной жизнью. Ультразвуковые локаторы стремительными тенями перечеркивали потолок, врубая на мгновение в его люминесцирующую блеклость черный профиль перепончатых крыльев. Какой-то механизм, вполне возможно, сбившийся с пути и одичавший, однообразно и нудно грыз переборку. Конденсаторы в уснувшем экране толкались глупыми лбами в стекло.

Тайными тропами, ежеминутно рискуя встретить на своем пути алчувшего пищи Каркаса, вышедшего на ночную охоту Модеста, а то и саму Иду Клэр, пробирались в запретную центральную рубку непокорные космопроходцы.

— Итак, — открыл заседание Дин Крыжовский, — подведем итоги сделанного за первую декаду плена.

— Девятидневку, — поправил Стойко Бруч.

— Девятидневку, — согласился либеральный капитан. — Вы, Лира.

Ускользнувшая жертва Модестовой страсти поднялась и, глядя на капитана покрасневшими от слез глазами, отрапортовала:

— Рассчитаны восемьсот вариантов выхода из Гекубы, как то: по прямой, по кривой, по синусоиде, спонтанным дрейфом, за лидером, за автосоздаваемым лидером, — голос штурмана прервался, и она прошептала: — Только ведь нету лидера, даже автосоздаваемого... и кривая тоже не вывезет!

— Ничего! — одобрил капитан. — Нету, так будет. Вы молодец. Штурман Офирель, объявляю вам благодарность! Теперь вы, Бруч.

Стойко встал и преувеличенно скромно сказал:

— Мне пока не удалось определить природу Гекубы, но некоторый практический материал накоплен. Предметы, выведенные за пределы пиратского невода, Гекуба немедленно уничтожает. Но живые объекты несколько дольше сопротивляются разрушению. Кроме того, найдено, что на окружающее квазипространство действует особого вида излучение, названное мною лямбда-лучи. При таком воздействии из Гекубы концентрируются формы более или менее материальные. Изучение обнаруженных явлений продолжается, — Стойко сел и, пригнувшись к точеному ушку соседки, прошептал: — Что-то сообщит нам старик? Сам-то он всю неделю проторчал в библиотеке, романы читал.

Дин Крыжовский видел, что товарищи ждут его отчета, но не торопился начинать. Он развернул кресло, уселся в нем поудобнее и вдруг спросил гордого собой Бруча:

— Стойко, а не являются ли таинственные лямбда-лучи обыкновеннейшими дзета-волнами, излучаемыми мозгом всякого разумного существа?

Стойко от изумления подпрыгнул в кресле:

— Откуда вы узнали, кэп?

— Вот к чему приводит скрытность, — наставительно заметил старый звездоходчик. — Прийти к такому выводу я сумел, внимательно сопоставив все имеющиеся у нас необычайные факты. Факт первый: образование, взявшее нас в плен, достаточно необычно, ибо пиратские шхуны мало характерны

для свободного космоса. Факт второй: захвачены в плен именно мы, быть может, единственные из всего флота, знающие, что такое пираты и умеющие отличить шхуну от баркентины. Третий необычный факт: Стриббс тоже взяты в плен, и чем? — астеровирусом, монопольно владеющим его мыслями. Ничего другого Стриббсы просто не смогли бы вообразить. А между тем астеровирус, даже очень большой, недостаточно приспособлен для взятия в плен космопральщиков. Вывод: взявшее нас и Стриббсов в плен явление, а я уверен, что это одно явление, порождено Гекубой и не имело никакой определенной формы, пока не вступило в контакт с нами. Возможно, это была обычная метастаза, наподобие той, что показывал нам почтенный Недовасси. Мы сами, своим воображением создали «Зарю Гекубы», а Стриббс свой архивирус. Неясно, зачем явлению понадобилось ловить нас, поскольку самой Гекубе мы не нужны, судьба «Жоржа Сименона» и «Агаты Кристи» наглядно подтверждает сие. Зато твердо можно заключить следующее: шхуна образовалась под воздействием излученных нами дзета-волн; следовательно, дзета-волны действуют на Гекубу. Я предлагаю отработать следующий план спасения: путем интенсивного дзета-волнения создать в Гекубе высокогуманное образование, которое нейтрализует воинственную ораву Иды Клэр, отнимет нас у нее и переправит в незараженную зону. С этой целью я отобрал в корабельной библиотеке ряд книг, повествующих о том, что людей следует любить. Свободные от вахты члены экипажа обязаны немедленно приступить к их чтению. И чтобы никаких приключенческих романов!

— Гениально! — закричал Стойко Бруч.
— Тише, — предупредил капитан. — Нас могут услышать.

И, словно подтверждая его слова, снаружи до- неслось далекое, но постепенно приближающееся громыхание.

Лира Офирель выглянула в иллюминатор.

— Кажется, дождь начинается, — сказала она.

* * *

Бедствие готовилось исподволь, загодя. Исполинские тучи сходились к Гекубе, словно на вече, тянулись изо всех уголков Метагалактики, собирались, сбивались в немыслимо тяжелый сгусток. Молнии зрели везде, чтобы в непредвиденный час сорваться в яростной неуправляемой поножовщине.

И грянул космический ливень!

Колонны воды обрушились друг на друга, превращая себя в хаос. Малиновые молнии схлестнулись, сжигая все вокруг. Гром грянул, как это может быть только в космосе, то есть абсолютно беззвучно и от этого особенно ужасно.

«Конан Дойл» выбросил тысячи защитных зонтов, едва выдерживавших потоки дождя. Пленники надели комплекты непромокаемого белья и, сбившись плотной группой возле безнадежно захлебнувшегося экрана, ждали самого худшего.

— Ну и погодка! — заметил Стойко Бруч. — В такой ливень хороший программист киберразведчика из ангара не выгонит.

Ему не ответили. С ним согласились. Лира трусilla грома, но, не слыша ничего и не зная, когда надо вздрагивать и затыкать уши, дрожала не пере-

ставая, а уши просто закрыла ладонями. Дин Крыжовский настороженно прислушивался к чём-то, происходящему за обшивкой.

В дверь неслышно постучали.

— Кто там? — спросил Дин Крыжовский по инструкции. — Кого носит в такую погоду? — добавил он от себя.

В проеме двери, обливая мох струями воды, стоял Ангам Жиа-хп. Под шатром его ветвей ютилась хрупкая фигурка Литте. Астролетчики кинулись на встречу вырвавшимся из застенка товарищам. Ангама Жиа-хп внесли в помещение, и Стойко Бруч уже навалился на терзаемую вакуумным ураганом дверь, чтобы захлопнуть ее, но его неожиданно остановил Крыжовский.

— Одну минуту, — сказал он и, повернувшись к дверям, крикнул: — Идите сюда! Здесь сухо!

Никто не ответил на его зов. Вспыхнул прожектор на носу звездохода. Луч света, исчерченный частой сеткой дождя, выхватил из тьмы неколебимую в своем ожидании фигуру любителя рыбной ловли. Ниагары воды срывались с козырька фуражки, мутные потоки с ревом неслись в складках макинтоша, молнии озверело лупцевали безбоязненно поднятый ввысь конец удилища. Но ничто не могло отвлечь внимание героя от опущенной в заповедные глубины наживки. Там обитала его Рыба, а прочее было так ничтожно. Призыв капитана остался без ответа.

Стойко пожал плечами и задраил дверь. После этого все повернулись к гостям, и Литте, извиняясь, сказал:

— Простите, что мы явились столь экстравагантным способом, но в коридоре спят Анастасию Папа-

Драки и Песя Вагончик. Сам я просто перешагнул бы их, но перетащить тетю Ангаму, не разбудив сторожей, мне не под силу.

— Но как вы сумели выбраться из клетки? Прутья там такие частые, что даже бабочка не протиснется. Как вы прошли? — задала вопрос Лира.

— Как ртуть! — торжествующе ответил Литте.

— Видите ли, — музыкально прозвучал голос Ангама Жиа-хп, — дело в том, что наши тела, как и все на свете, состоят из частиц, и как ни густы прутья решетки, частицы все же меньше, чем просветы между ними. Так что нет ничего удивительного, что мы прошли сквозь сетку.

— Почему же мне это никогда не удавалось? — строго спросил Крыжовский.

— А вы пробовали? К тому же ваши частицы крепче связаны друг с другом. Не забывайте, что мы не являемся истинными существами.

— А лингвист? — не удержался от подкола Стойко.

— Да будет вам известно, — снисходительно объяснил, простите, объяснила Ангам Жиа-хп, — что попугаев на свете не бывает. Подумайте сами, может ли где-нибудь обитать птица, имеющая клюв осьминога, голос человека и оперение, напоминающее клоунское одеяние? Это был бы нонсенс! Запомните, что попугаи, да и не только они, являются мета-существами. А теперь — к делу. Капитан, если это возможно, введите нас в курс событий.

Дин Крыжовский немногими словами обрисовал ситуацию и поведал, что собирается предпринять экипаж звездохода для своего избавления. Молчаливый... —вая Ангам Жиа-хп (запутавшиеся в терминологии авторы приносят извинения, что с этой ми-

нуты, принимая во внимание изменившуюся природу дуэнца, а точнее — дуэны, они будут относиться к нему... к ней... как к женщине), Ангам Жиа-хп внимательно слушала, поникнув вершиной. Потом она сказала:

— К сожалению, ваш план неосуществим. Вы сумели открыть много свойств Гекубы, большинство которых было мне неизвестно, но многое осталось покрыто мраком. Вы не учли, что Гекуба представляет собой антропоморфную раскристаллизацию пространственного континуума. Я не могу сказать, что вызвало энтропийную флюктуацию генезисного узла, но, раз возникнув, Гекуба стремится к высшей организации, ибо она антропийна, но по своей энтропийной природе не может ее достичь. В этом заключается диалектическое противоречие: Гекубе, уничтожающей всякие организованные структуры, самой требуется организующее начало, которое Гекуба жаждет поглотить и не выпускать. Можно предположить, что ваши намерения осуществляются, но даже самое высокогуманное образование не сможет отпустить вас, и вы из плена хамского попадете в ласковый плен.

— Что же делать? — простонала Лири Офирель.

— Выход есть, — произнесла Ангам Жиа-хп. Она запнулась, собираясь с мыслями, потом решительно сказала: — Только что мной уничтожен Идин прихвостень Модест фон Брюгель!

Лира ахнула, Стойко протяжно свистнул, а Крыжовский не терпящим возражений голосом потребовал:

— Расскажите поподробнее, если это, конечно, вас не слишком затруднит.

В течение одиннадцати минут конандойловцы в волнении выслушивали отчет Ангам Жиа-хп, перебиваемый порой сбивчивыми дополнениями Литте. В заключение Ангам Жиа-хп заявила:

— Я предлагаю следующий план: вы разбираете меня на куски, покрываете ими поверхность «Конан Дойла» и выходите из Гекубы, стараясь держаться изохондрической зоны. Отдельные фрагменты Ангама Жиа-хп сохраняют метажизнеспособность в течение трех суток, так что времени вам должно хватить с избытком.

— Неужто вы мыслите, — патетически вскричал Дин Крыжовский, — что мы, аки львы рыкающие, способны разорвать на части своего собрата, а потом, обрядившись в венки и помахивая сорванными ветвями, отправиться на пир жизни, оставив мученика засыхать в катакомбах Гекубы?

Вообще говоря, подобная манера излагать мысли была не типична для доблестного космопроходчика, и изреченная фраза свидетельствовала лишь о том, что, подбирая человеколюбческую литературу, капитан делал немало ложных шагов.

— Я против такого плана, — упрямко сказала Лира Офириль.

Литте плакал, обхватив руками кадку и увлажняя слезами подзолистую почву.

— Я тоже против, — высказался Стойко. — Позорно спасать свою шкуру ценой гибели женщины!

— Если дело только в голосе, — вставила Ангам Жиа-хп, — то его можно изменить.

Благородная представительница дуэнской флоты протянула руку к хвосту блок-лингвиста, но тут же отдернула ее, ибо в звуках, издаваемых Калиост-

ро, отчетливо послышались милые детские интонации.

— Дело не только в том, — пояснил капитан. — Мы должны выбраться на волю все вместе. Кроме вашего, могут быть и другие варианты. Например, раз Гекуба боится метасуществ, мы можем развести их на корабле. Думаю, что сорок тысяч попугаев заменят одного Ангама Жиа-хп.

— Сорок тысяч попугаев не смогут действовать синхронно.

— В таком случае, сооружаем инкубаторы, высиживаем двести пятьдесят миллионов какаду ипускаем в распил всю Гекубу разом!

— Вы лучше меня знаете мощности космоплана, — примирительно сказала Ангам Жиа-хп, — но не забывайте, что доступ к лабораториям и механизмам для вас закрыт. Ида Клэр строго следит за этим.

— Что касается Идочки, — прошипела Лира Офирель, — то я специально для нее выращу в своей каюте чертову дюжину самых убийственных ара.

— Долг наш — прощать ненавидящим нас... — пробормотал капитан. Потом он тряхнул головой, отгоняя опийные пары идеологически вредной литературы, и скомандовал обычным своим голосом: — Отставить террор! Хотя использование попугаев как личного оружия представляет определенный интерес. К сожалению, многотоннажного производства птиц мы действительно не сможем организовать. Зато теперь мы знаем путь...

Резкий стук прервал речь на полуслове.

— Кто там? — согласно инструкции спросил Крыжовский.

Молчание.

— Кто там? — капитан подбежал к двери и выглянул в проход.

Никого.

Стук повторился, за ним последовали еще какие-то звуки, не то смех, не то бульканье. Заговорщики многозначительно переглянулись. Звуки доносились из гузгулатория.

До сей минуты он был темен, недвижен и тих. Чуть слышно мурлыча и пощелкивая, переваривал никому не ведомую информацию. И вот, когда этого уже никто не ждал, на панели гузгулатория праздничными гирляндами засветились огни, звуковые сигналы слились в причудливую, смутно знакомую мелодию, и на словах: «Трусишка зайка серенький под елочкой скакал», легко откинулась массивная крышка, и на фоне опадающей, перепревшей пены появился исследуемый объект.

Одновременно взревел перфоратор выводного устройства, клацнули ряды острейших глоссопетров и принялись откусывать и выплевывать рулоны, неисчислимые километры и гексапарски бумаги, испещренные бесценной информацией.

Лира Офирель подбежала к зубастой морде перфоратора, подхватила начало первой ленты и, глядя на просвет, прочла:

— Гузгулаторное исследование опытных объектов. Объект № 1 — носок желтый, нейлоновый (далее именуемый «Носок»). Объект № 2 — субъект в одном желтом носке (далее именуемый «Субъект»).

Объект № 2 прыгал на одной ноге, стараясь натянуть на вторую Объект № 1. Он, речь идет об Объекте № 2, далее именуемом Субъектом, был чист, причесан и свежевыбрит, от него вкусно пахло туалетным мылом и лосьоном «Цветочный». Пестрая

ковбойка и простроченные желтой ниткой джинсы составляли его одеяние, если, конечно, не считать знаменитых желтых носков. Субъект из гузгулатория оказался молодым и довольно симпатичным. По его лицу непрестанно блуждала добрая, хотя и несколько рассеянная улыбка.

Завершив свой туалет, то есть объединившись с Объектом № 1, незнакомец обошел всех присутствующих, пожал им руки и, не порадовав никого разнообразием, представился каждому:

— Субъект В Желтых Носках. Очень приятно... — затем осведомился у капитана, где он может остановиться, и, узнав, что направо по коридору каюты от номера семь до пятьсот сороковой свободны, пожелал хозяевам спокойной ночи и с достоинством удалился.

После его ухода Стойко Бруч завладел лентой и продолжил чтение:

— ...при анализировании уникального казуса экологического ренессанса неклассическая квантово-релятивистская ретроспекция невозможна без некоторого психологического резонанса, без выявления эмоционального контекста, сближающего актуальный эпилог спинозовской «*amor intellectus*» с ее ренессансным прологом, тем беспрецедентным слиянием критериев истины с критериями добра и красоты, которые являлись безальтернативными диспозициями генезиса контампарентной науки...

Лента выпала из ослабевших пальцев Стойко, не ожидавшего, что лишь специально тренированный мозг способен безболезненно воспринимать данные современной науки.

Ангам Жиа-хп приняла ленту и, мгновенно выявив опытным взглядом естествоиспытателя, при-

выкшего к работе с гузгулаторием, наиболее важные места, во всеуслышание прочла:

—...принудительная надпространственная девитализация и неизбежно связанное с ней появление обширных анаэробно-стерильных областей приводит к локализованному понижению энталпии метазон и, согласно второму закону Ньютона Пончикова, повышению энтропии, выражающемуся в сапиенс-термической гиперпопуляции...

— С ума сойти! — призналась Лира Офирель.

— Ясно... — протянул Дин Крыжовский и, развернув ясеневое кресло к подчиненным, начал прояснять окончательно прояснившуюся ситуацию. Подчиненные слушали с проясневшими лицами, только в ясных глазах Лирь еще яснело недопонимание.

— Оказывается, мы с вами создали не только Идиных корсаров, но и всю Гекубу. Знайте же, что жизнь есть способ существования пространства. Где некому двигаться, там незачем быть расстояниям. А что составляет девяносто пять процентов мировой биомассы? Астеровиусы! Мы уничтожили практически всю микрофлору целой Галактики! Посудите сами, много ли жизни осталось в пределах нашей ойкумены? Сотни полторы цивилизаций, пяток планет с узкоспециализированной, неспособной к развитию биосферой, да дюжины полторы молодых, развивающихся планет. Это капля в море мертвого, убитого нами вакуума. Страшно вспомнить, сколько килопудов белка сдал на приемные пункты только наш коллектив! А покойные Стриббсы работали еще эффективней! И вот результат: равновесие в природе нарушено, возможно, непоправимо. Мы встретили в космосе астеровиус, сочли его чуждым и вред-

ным и, не раздумывая, уничтожили. Но вместе с астеровирусом мы уничтожили само пространство, получив нечто действительно чуждое нам — Гекубу. Если срочно не принять мер, причем самых радикальных, то мир отныне будет... — капитан метнул взгляд на перфоленту, — лишь эманацией внепротяженной сущности.

— Не надо! — закричала Офириль. — Я боюсь! Я не могу работать без пространства, я же штурман!

— Будем надеяться, что так далеко дело не зайдет, — спешно поправился капитан. — Есть музеи астерокультур, кое-где водятся и дикие астеровирусы. Только бы не спохватились слишком поздно! Если бы у нас было хоть немного астеровирусов, мы бы нанесли удар Гекубе изнутри. Это единственный действенный метод, а все наши планы со стерическим метавытеснением, заменой одного несуществования на другое оказываются лишь симптоматическим лечением.

— Так ведь у нас полны трюмы...

— Белка, Лирочка, полны трюмы белка и дезоксирибонуклеиновой кислоты. Сепараторы функционируют надежно, вряд ли мы сумеем найти хоть один живой астеровирус.

— Капитан! — закричал Стойко Бруч, невежливо перебивая старшего как по возрасту, так и по званию. — Простите за нескромный вопрос: кто вы по специальности?

— Космолетчик-астроходец, — машинально ответил Крыжовский.

— Я так и знал, что не вирусолог! Ведь уже в далеком двадцатом веке не помню какой эры было известно, что астеровирусы сохраняют жизнеспособ-

ность при сепарировании и даже кристаллизации. Мы сумеем построить смеситель?

— Разумеется.

— Тогда мы победили! Смерть Гекубе! Ура-а!!!

— Ура!.. — обреченно подхватил Литте.

На этом собрание закончилось, но никто не торопился уходить. Ангам Жиа-хп, уставшая от непривычной активности, дремала в любимом углу, зная, что дело передано в надежные руки опытных практиков. Крыжовский и Стойко вполголоса обсуждали проект смесителя, а Литте, худенький одинокий мальчик в курточке из светло-коричневого панбархата, только что сделавший все, чтобы погубить себя, сидел, как и полагается пажу и оруженосцу, за спиной Лиры Офирель и с тихим отчаянием говорил:

— Прекраснейшая Офирель! Клянусь, что с этой минуты и до конца моих недолгих дней все помыслы мои будут о вас, и все стихотворения, что удастся создать, будут посвящены вам! Если позволите, я прочту первое из них.

— Да, конечно, — рассеянно согласилась Лира.

И Литте негромко начал читать свое новое и, кто знает, не последнее ли произведение:

Пошел однажды Литте,
Он славный был герой,
С соседями на битву
Осеннею порой.

На нем доспех богатый
От шеи до колен,
На голове рогатый
Легированный шлем.

И славная ватага
Гремит мечами тут,

Четыре злых варяга:
Бьерн, Сигурд, Свен и Кнут.

А у соседа дочка —
Красотка Офирель,
Прекраснее цветочка
Я не видал, поверь!

И не было хоть битвы,
Но все ж попали в плен
Великий викинг Литте,
Бьерн, Сигурд, Кнут и Свен.

А эту сагу скальды
Поют и так, и сяк,
Где бьет в седые скалы
Холодный Скагеррак.

ГЛАВА 4

ХЕППИ-ЭНД

Чудовищный ливень, который обрушил на Гекубу тайфун Полина, имел свои последствия и для пленников. Выступление пришлось отложить, хотя это же давало возможность лучше к нему подготовиться.

Промозглая сырость пропитала волокнистое Гекубье тело, ночью кое-где седая плоть ее покрывалась тонким налетом инея. Днем повсюду горели яркие, как неоновые рекламы, радуги, самым невероятным образом сплетаясь в причудливые узоры. Лира Офирель, впрочем, утверждала, что именно эти сочетания наиболее вероятны.

Как-то в четверг звездонавты целую минуту могли любоваться изящной надписью «Метизы», переливающейся яркими красками среди окружающей зыби. Странное слово плавно разъехалось на части,

из которых тут же родилось новое: «Культтовары», затем все потонуло в хаосе. Необразованные разбойники недоумевали по поводу редких оптических явлений, но вынуждены были верить авторитетным объяснениям Лиры.

Дин Крыжовский, хотя и не подавал вида, что знает, откуда взялись «Метизы», но догадывался, что Стойко Бруч продолжает исследование лямбда-лучей, недаром же он, несмотря на то что сезон давно закончился, упорно требует на завтрак живых устриц, а на десерт неизменно заказывает прежде нелюбимые греческие орехи. Что делать, только через кухню инженер Бруч мог получать необходимое ему остродефицитное оборудование.

Корабль хоть и выдержал налет дождя, но отсырел снаружи и, что опаснее, — изнутри. Разбухшие переборки сделались мягкими и дряблыми. Гомеостаз «Конан Дойла» был серьезно нарушен, тральщик расхворался всерьез.

В неположенных местах развелось неслыханное количество излишних и просто вредных агрегатов. Так, на второй день после дождя из правой тормозной дюзы начался исход богомолов-регулировщиков. Нашествие приняло угрожающие размеры и было остановлено лишь массированным применением инсектицидов. Положительной стороной инцидента явилось то, что на богомолов удалось списать пропавшего без вести Модеста фон Брюгеля. Сююр-Тук Эфенди углядел среди груд отправленных богомолов золотой погон и пуговицы. Вещественные доказательства были представлены Иде Клэр, и назначенная диктатором туманности комиссия заключила, что канонир пал в неравной схватке с кусачими тварями.

На «Конан Дойле» был объявлен трехдневный траур, продолжавшийся ровно сутки, ибо вечером следующего дня случилось очередное ЧП. Экипаж занимался эмоциональной акробатикой, когда в помещениях резко поднялась температура. Обливаясь потом, космоплаватели принялись наполнять малый бассейн, решив окунуться в прохладный сок. Но из обоих кранов, обозначенных петроглифами «Гор» и «Хол», вялой струей пошел теплый с прямым запахом сироп.

Выбив дверь в соседнюю полость, капитан изумленно остановился, не решаясь войти: пол и стены кишили растущими отовсюду желтыми и зелеными шарами. Цепкие щупальца-усы дрожали от нетерпения в воздухе, выбирая очередную точку опоры. Огромные листья, покрытые снизу мелким жестким ворсом, разворачивались, шурша словно газеты на типографском станке. Превращенная в бахчу дыхательная полость начала мелко подрагивать стенами и потолком. Затем толчки распространились на соседние отсеки и полости, объемы и помещения. Корабль сотрясался в неудержимом ознобе.

Аварийная ситуация заставила вернуться к действительности пребывающую в трауре Иду Клэр. С горечью признав свою некомпетентность, корсаресса была вынуждена всю полноту власти временно вернуть Дину Крыжовскому. По приказу командаира в рубке появился плакат: «Все на уборку овощей!» Переодевшись в облегченное платье, экипаж бросился на штурм изобилия.

Незаменимым помощником по борьбе с дикорастущими овощами оказался добровольно вышедший на жатву Каркас. Крокодильего захвата челюсти изголодавшегося налетчика в работе напоминали

картофелеуборочный комбайн средней производительности. Бобовые, пасленовые, злаки — все сдавалось натиску его зубов, позади вдохновенно жующего корсара оставалась лишь полоса свежевспаханной дымящей земли.

Чем глубже удалялись уборочные бригады, тем богаче становилась и тайная добыча Стойко Бруча. Ежедневно изобретатель выносил, спрятав на теле, то пару водяных скорпионов, то баночку с вожделенным поверхностно-активным илом.

В тот день, когда взбунтовавшаяся растительность была окончательно усмирена, победители торжественным маршем прошли по анфиладе центральных отсеков, неся над собой срубленные в последнем бою стебли борщевика-гераклеума. Ида Клэр приветствовала шествие с порога кают-компании. Если б она только знала, что коварные астронавты несут не просто боевые трофеи, но трубы для почти готового смесителя! Но технически неграмотная захватчица не догадывалась ни о чем и потому была неприятно поражена, когда на следующий день рано поутру неожиданно взревели дюзы.

* * *

Дюзы повсеместно ревут на страницах космически-художественных произведений, и опытный читатель, заслышав их вой, облегченно вздыхает, ибо знает, что приближается счастливая развязка.

Не так обстоит дело в жизни. На этих правдивых страницах однажды уже звучала победная песнь двигателей. И что же? Дело закончилось гибелью Стриббсов Петуховых, всех троих. И в этот раз Гекуба не собиралась сдаваться. Серые волны взметнулись на-

встречу беглецу, едва челюсти звездохода перекусили пеньковые стенки темницы. «Конан Дойл» окутался защитным облаком, клубы вируса мягко столкнулись с притворно нежной мякотью Гекубы. Плотность перерожденного пространства была слишком мала, и аннигиляция протекала спокойно. С легким шипением обе волны исчезли. И сразу Гекуба заволновалась, устремилась внутрь себя, стремясь поглотить и заделать болезненную живую каверну.

Смеситель работал на полную мощность, сотрясая упругие бока космороллера. Дюзы ревели.

Разбуженная шумом Ида Клэр сначала ничего не могла понять, но потом, заметив в иллюминаторе оборванные концы сети и удаляющийся во мглу корпус шхуны, взвизгнула и, выдернув из-за корсажа боцманскую дудку, протрубила тревогу. Шхуна, словно в день абордажа, ощетинилась копьями. Пираты внутрикорабельные, зажав в зубах искривленные абордажные сабли, выстроились вокруг предводительницы и кинулись на штурм рубки.

Они неслись по плавно изогнутым проходам, сотрясая воздух издревна забытыми проклятиями. И вдруг до их слуха донеслись ругательства еще более изощренные. Лимонно-лиловая, желто-сине-зеленая масса крикливых несуществующих птиц затопила помещение, отрезала бандитов друг от друга, оглушила, раскидала по каютам и заперла их там, связанных по рукам и ногам.

Тяжелее давалась победа за бортом. Гекуба не понимала опасности, и все новые параволны сгущались на траверзе звездохода. Смеситель шумно выдыхал астеровирус, и красивое смарагдовое сияние виталической аннигиляции освещало внутренность

опухоли. Накал борьбы нарастал, что-то должно было не выдержать.

Первым начал сдавать смеситель.

— Капитан! — тревожно крикнул Стойко. — Машина перегревается! Температура тридцать восемь и два!

— Держись, сынок! — только и мог ответить Крыжовский.

Ударной дозой амидопирина температуру удалось на время сбить, но затем она принялась расти еще более угрожающими темпами.

— Нужна передышка, хотя бы пяток циклов, — доложил Стойко.

— Один цикл, — лимитировал капитан, придавив рубиновую аварийную кнопку. Попугай, наполнившие отсеки «Конан Дойла», полетели за борт. Хлопанье крыльев и гортанные выкрики на миг заглушили растревоженное ворчание Гекубы, но уже через несколько секунд всю тяжесть борьбы вновь взял на себя измученный смеситель.

Однако именно эта отчаянная вылазка принесла победу. Бандиты, узрев тучу сверкающих опасных птиц, оглушенные богохульными выкриками, но более всего испуганные таинственным исчезновением попугаев, от страха потеряли головы и, подняв паруса, пустились наутек. Нерассуждающая Гекуба послушно расступилась перед точеным ростром шхуны, и «Конан Дойл», изо всех сил вцепившийся в обрывок тральной сети, был выдернут из погибельных глубин в интактный, здоровый космос. Все произошло в точном соответствии с расчетом штурмана Офирель, вариант: «следование за лидером».

Смеситель получил передышку и был готов к новым боям. Участь Гекубы, по-прежнему грозной, но уже не опасной свободному астроходу, была решена.

Дюзы ревели. Межзвездная пустота сотрясалась от громогласного рыка. Смертельный живой туман сгущался вокруг тающей Гекубы. Паруса улепетывающей шхуны смутно чернели на горизонте. Почекумо-то шхуна не уходила совсем, она лавировала в пространстве, иногда испуганно отскакивала, но в целом медленно, словно нехотя, приближалась к своему разоряемому вертепу.

— Какого черта они здесь делают? — раздраженно спросил капитан. — Пусть убираются подобру-поздорову!

— Они не могут, — миролюбиво заметила Ангам Жиа-хп. — Энергию они получают от Гекубы.

— Да здравствует энергетический кризис! — за-кричал Стойко Бруч.

— Пощадите!

Звездоплаватели обернулись. Только сейчас они обратили внимание, что попугайное воинство случайно загнало Иду Клэр в рубку звездохода. Флибустьерша стояла на коленях, молитвенно воздев стянутые в запястьях руки.

— Сжальтесь, капитан!.. — стонала она. — Гекуба гибнет!

— Что мне Гекуба! — в азарте ответствовал навигатор.

— Милосердия!.. — слезы градом сыпались из зеленых атаманских глаз. Точеный носик распух и покраснел, а шрам — память о былых стычках — грубо рассекал накусанные губы.

В таком виде Клэр была вовсе не симпатична, что радовало оскорбленное Лирино сердце.

И вдруг — о, черная неблагодарность! — Стойко Бруч тихо коснулся капитанского плеча и робко произнес:

— Может, пока хватит, а?.. Жалко, все-таки красивая женщина...

— Действительно, — поддержала его Ангам Жиахп. — Они же без Гекубы от истощения все перемрут.

— Все? — переспросил Крыжовский.

Он метнул молниеносный взгляд туда, где под сенью Ангамовых ветвей сжался в комочек неприметный Литте, и решительным движением перекрыл подачу белка в смеситель. В нахлынувшей тишине было слышно, как всхлипывает Ида Клэр.

— Капитан, — подала голос Лира, — неужели вы собираетесь сохранить эту гадину? Предупреждаю, она опасна. Если оставить опухоль на воле, то она начнет увеличиваться в тригонометрической прогрессии!

— Не начнет! — успокоил капитан. — Инженер Бруч, готов ли ваш прибор?

— Почти, — отрапортовал Стойко. — Надо три дня на доукомплектование и настройку.

— Вы их получите. С этой минуты мы начинаем создавать новую Гекубу. Штурман Офириль, поручаю вам рассчитать оптимальную форму астеровирусных колец, препятствующих бесконтрольному разрастанию образования.

— Есть, — нехотя сказала Офириль.

* * *

Первая стадия творения была чисто механической. Повинуясь мощным силовым полям и угрожающим движениям трала, выпущенные на волю

астеровирусы сомкнулись тремя взаимопроникающими кольцами и сдавили отчаянно трепещущий комочек Гекубы, обратив ее в шар диаметром приблизительно 6 371 032 метра. Вслед за тем был включен размышлятор, удачно смонтированный Стойко Бручем из запасных частей к корабельному лукойеру.

Рыхлое тело Гекубы вздрогнуло, потемнело, в нем обозначились невидимые сверху пласти гранитов, диабазов и диоритов, затем базальтов и туфов. Звездоходцы с удовольствием, а свежеплененные гекубисты с тревогой созерцали процесс создания новой Гекубы.

Пока размышлятор действовал автоматически, ко входному блоку подсоединили элементарный учебник геологии, и, перелистывая его, обстоятельный мудретрон отправлял вниз то немного известняка, то щепотку сланцев или какой-либо иной осадочной породы. Наконец он утомился, а вернее, исчерпал в судовой библиотеке труды по геохимии, геодезии и гидрогеологии. Впоследствии выяснилось, что из-за разницы в данных что-то он напутал с кларком редкого элемента празеодима, но в целом задача была решена удовлетворительно. Пришло время тонкой отделки.

Фронтальная поверхность размышлятора — чело — уже морщнилась плавными складками, напоминая речное дно. Мелкая примитивная фауна заложилась между ними, обживая пространство, над которым толстым ковром желтела густая желатина мысли. Сквозь янтарное желе концентрированной думы просвечивали домики ручейников, личинки каких-то хищных красавиц, жадно растопырившие не знающие пощады клещи, катышки или

невесть откуда взявшийся рыболовный крючок с обрывком лески. Словом, все как положено.

Интеллектор творил, выдумывал, пробовал, развивая мощность десять в двадцать седьмой степени пядей. Собравшиеся демиурги, взолнованные и в выходных костюмах соломенного цвета, придвигнулись к аппарату, образовав подобие очереди, но то ли из-за своей малочисленности, то ли утратив за века инстинкт, создать настоящей красивой очереди не умели и держались вразнобой.

— Бортмеханик Бруч, подойдите к машине! — торжественно прогудел капитан.

Юноша вытащил из-под полы книжку и засеменил к своему детишу. Из боковой цапфы выползла мохнатая лапка и легла на затылок Стойко. Трясущимися руками Стойко затянул ремни белых очков и приступил к созиданию. Волнение передалось идеатору, вызвав в мыслеариуме небольшой штурм. Жуки-плавунцы, оцепенело висящие у поверхности мыслемассы, бросились на дно и, грубо разбросав ручейников, затонули в скоплениях ила. Хищные личинки и водяные скорпионы в панике забегали в толще мысленистой жидкости, оставляя за собой ртутные пуповины пузырьков.

Конандиловцы пытливо смотрели на мутно светящийся экран, ожидая результатов.

Бурые бока планеты внезапно набухли и принялись посверкивать яркими солнечнымиискрами. Поверхность выравнивалась, разглаживалась и вдруг засверкала ослепительной синевой.

— Что это? — требовательно вопросил капитан.

— Океан, — ответил размышлятор густым басом.

Стойко перевел дух, улыбнулся экрану и продолжил создавание. На просторах Гекубы дрожала и

раскачивалась купоросно-синяя поверхность новорожденного океана. Тучи белых загогулин висели над ним, касаясь лаковой пленки волн остроугольными краями.

— Что за летающие объекты? — уже спокойней полюбопытствовал Крыжовский.

— Чайки, — ответила за творца Лира. — В моей книге они тоже есть. Обычно они крылом волны касаются, но порой и к тучам взмывают. Траектория их полета описывается простейшими уравнениями.

— Ясно, — резюмировал капитан. — Стойко, ты слишком увлекся. Сотворением морской фауны должна заниматься Лира Игнатьевна.

За такими разговорами время полетело незаметно. Один за другим звездоходцы включались в работу, и Гекуба украшалась все новыми и новыми естественно-научными чудесами. Разверзались мрачные ущелья, кипящие лиловыми водопадами, по линейке выверенные гребенки сталактитов расчертчили кастроровые пещеры, в уединенных озерах заплескалась новенькая, не потерявшая глянца реликтовая фауна. Хищники были очень свирепы, травоядные чрезвычайно грациозны, а пейзажи потрясали хроматической величественностью. Гордости создателей не было предела.

По несколько раз включались в работу бесшабашно-смелый Бруч, основательный Крыжовский, грациозная Офирель. И только Ангам Жиа-хп оставалась в стороне от бушующего творческого процесса. Но великий лирик не была безучастным наблюдателем происходящего. Безжалостным взглядом художника и тонкого ценителя красоты подмечала Ангам Жиа-хп микроскопические промахи и крошечные недоделки товарищей и готовилась заклю-

чительным мощным аккордом вдохнуть душу в несколько палехскую красоту Гекубы.

И великая минута настала!

Ангам Жиа-хп, водруженная на вихлявый десертный столик, ловко подрулила к размышлятору и подключилась к нему. Механизм натужно заскрипел, мыслемасса взорвалась, толща ее замутилась, в ней обозначились коагулирующие сгустки воли. Все замерли в бесконечно-томительном ожидании. И вот... Размышлятор расправился словно сжатая пружина, раскалившись мудропроводы засветились изжелта-зеленым светом, громовой заряд поэтической энергии унесся к Гекубе.

— Ах! — дуэтом воскликнули Лира и Ида.

В самой середине светозарного гекубьего диска зияла черная дыра утонченно-неправильной формы. Дыра увеличивалась, угрожая расколоть только что созданный планетоид.

Положение спас Стойко. Молодой ученый, спрavedливо гордившийся порождением своего разума, рванулся вперед, вывернув волосатенькую цапфу, нашлепнул ее себе на затылок и успел-таки заткнуть опасную дырку первым, что сумел измыслить. Титанический ком влажной грязи, придуманный Бручем, влепился в середину дыры. Гороподобные брызги смяли тайгу, уложив деревья красивыми радиальными кругами. И, хотя количество перегноя было взято с заведомым избытком, но из-за оседания почвы через несколько часов посреди экваториального таежного массива образовалась устрашающих размеров яма, слегка напоминающая букву Рай хрионского алфавита.

Ангам Жиа-хп была совершенно расщеплена катастрофой. Вершина ее мелко дрожала и поскрипывала.

вала. Поэтесса побледнела, бежевые листья стали цвета маренго. Расстроенная неудачей Ангам Жиахп не могла сразу перейти от вдохновенной мечтательности к строгому анализу фактов, так что объяснение аварии нашел Дин Крыжовский:

— Идиосинкразия, — мудро решил он. — Не только вы сами, но даже ваша мысль враждебна Гекубе. Никогда ни один Ангам не сможет мыслью творить мир. Мужайтесь, дорогая!

Ангам Жиа-хп молчала, утирая листвой навернувшиеся на глаза непрошеные капли живицы. Капли застывали, обращаясь в янтарные бусины.

— Дядя Дин, а мне можно попробовать? — подал голос Литте.

— Дитя мое, — грустно сказал капитан, — боюсь, что тебя тоже ждет неудача. Парасущества не генерируют дзета-волны. Но все же ты счастливее нас, ты будешь жить на Гекубе и творить ее своими руками!

Таким образом, производство красот пришлось преждевременно свернуть. Интерес к творчеству угас, один Стойко спешно дофантазировал что-то, связанное с внеплановой ямой. Остальным не терпелось поскорее высадиться на молодую планету.

— Собирайтесь! — дал команду Крыжовский, обращаясь к обезоруженным пиратам.

— Ваше сиятельство! — широко осклабился Песя Вагончик. — Барахлишко-то наше на шхуне. К вам мы, хе-хе, без багажа заявились.

— Господин, дозвольте сходить за каганом, — поддержал сообщника Сююр-Тук, — пилавом буду кормить ваше великолепие.

— Ладно... — снизошел командующий. — Отпускаю на судно под честное слово. Возвращайтесь, как только соберете вещи. И оружие с собой не брать.

На свет явилась боцманская дудка. Подчиняясь ее гнусавому напеву, шхуна неохотно приблизилась. В борту «Конан Дойла» распахнулся люк, и Ида во главе абордажной команды покинула столь неудачно атакованный звездоход.

Повелительнице встречал приветливо улыбающийся Педро и корабельный аббат в заштопанной сутане. Очутившись на палубе своего корабля, Ида неприметно поднесла дудку к губам. Резкий свист рассек вакуум. «Заря Гекубы» взвилась на дыбы и, в мгновение ока развив свои коронные квадрильоны узлов, исчезла в клубящихся внизу кучево-дождевых облаках.

Падре, не успевший схватиться за линь, кубарем скатился за борт и величественно поплыл по орбите, определенной ему судьбой. Свежевыбритая тонзура блестела словно полная луна. Совершшая полет, служитель господа размеренно двигал ногами, отчего казалось, будто он идет к ведомой лишь ему цели. Несложный расчет показывал, что через семь лет путник войдет в плотные слои атмосферы.

— Удрала! — жалобно воскликнула Лира, бросаясь к люку. — Обманула и сбежала, подлая, подлая!..

— Успокойтесь, Лирочка, — Крыжовский мягко положил руку на плечо арифметика. — Это входило в мои планы. Мне не хотелось совершать посадку на незнакомой планете, имея на борту таких пассажиров. А внизу мы всегда сумеем отыскать их — планета не велика.

— Все равно, она подлая! — упорствовала Лира. — Ее отпустили под честное слово!

— Разумеется, подлая, — согласился Дин Крыжовский. — Иначе и быть не может. Настоятельно советую вам, Лира, побольше читать приключенчес-

ских романов, и вы всегда сможете предсказывать Идины поступки. А теперь нам с вами надо рассчитать траекторию спуска. Не годится оставлять их одних надолго.

ГЛАВА 5

ПРЕОБРАЖЕННЫЙ МИР

На сотни километров вокруг тайга была сорвана как скатерть, смята и отброшена до южных плоскогорий, изрытых аккуратными оранжевыми каньонами, до тундры на севере, за которой тотчас начинались лагуны и лиманы приполярных тропических морей. В эпицентре катализма царила чудовищная воронка, простиравшаяся на многие километры с востока на запад в виде знака Рай хрионского алфавита. Впоследствии, наполненная талыми водами, она сделалась величайшим резервуаром пресной воды на Гекубе и в местном фольклоре гордо именовалась океаном Лак-Бай, а в позднейших цивилизациях — Лох-Бой. Теперь же, явившись рваной раной на невинном теле планеты, окруженная покореженными останками вековых смоковниц, возникших намедни по мановению Лиры Офирель, воронка чернела во всем своем безобразии.

Галактоптер утопал в липком черноземе, выбросив биопеленг на предельную высоту. Стайка гигантских грифов с монотонным клекотом парила над верхними коаструмами, не пугаясь съемочных блицев. На мостике стояли с биноклями капитан Крыжовский и Стойко Бруч.

— Красота-то какая! — с воодушевлением сказал Стойко, опустив бинокль.

— Мой мальчик, — проворчал капитан, не отнимая прибора от глаз, — в чем ты видишь красоту? В разрушенной гармонии? Тут есть население?

— Должен быть старожил-охотник, который не припомнит ничего подобного случившемуся, — объяснил Стойко, возглавлявший группу контроля и, следовательно, отвечавший за события, сопутствующие посадке астролета.

— Должен быть или есть? — строго спросил Крыжовский. — И неужели поленились сотворить дублера? А если старичок контужен взрывом, кто тогда будет ничего не помнить?

— Не контужен, — отвечал юноша. — Он возник уже после катаклизма.

— В таком случае, — разъярился капитан, — почему вы вообще не загладили все следы этого во-пиющего недоразумения?!

— Видите ли, Дин Максимилианович, — Стойко снисходительно глянул поверх командирской панамы, — в одной брошюрке, такой древненькой, без обложки, я нашел нечто о преобразовании природы с помощью падающих небесных тел; с картинками. Ведь красиво вышло, удалось! Тайги наломали сто семьдесят тысяч квадратных километров. А карьер каков, а почва — гумус! Тут будет великое озеро, дайте только леднику растаять.

— Как, уже и ледник есть? — изумился капитан. — В плане, который я утверждал, ничего подобного не предусматривалось.

— Ледник будет, — пообещал Стойко, небрежно рассматривая капитанские нашивки. — Покончим только с грядой вулканов на архипелаге... — он слегка стушевался, — на архипелаге Бруч.

— Ну, ты уж хватил! — не удержался Крыжовский.

— Капитан! — торжественно отчеканил владыка вулканического архипелага. — Если оледенение не пустить на самотек, в высокогорье Стриббс может возникнуть красивейший ледник Крыжовского, длиной триста шестьдесят метров.

— Благодарю, — растроганно произнес капитан. — Однако идемте в рубку, пора переместиться. Но, предупреждаю, без преобразования природы.

Мужчины канули в зеленоватом свечении лифта, пурпурный клапан смачно закрылся над двумя белыми панамами: с одной нашивкой и с тремя. Не потревожив дна и берегов будущего озера, «Конан Дойл» легко взмыл над преображенной тайгой и исчез, оставив на пепелище единственного свидетеля — пожилого охотника в парусиновых туфлях и с двустволкой за спиной.

Абориген боязливо заглянул в кратер, на двухсотсаженной глубине которого сгущался туман над быстро натекающей водой, снял ружье и грохнул в воздух из обоих стволов. Эхо, отразившись от дна воронки, от противоположного берега, от скалистой гряды, от каменной бабы с плоским невыразительным лицом, превратило холостой дуплет в бесконечную канонаду, долетевшую до южных плоскогорий, изрытых аккуратными оранжевыми каньонами, до вересковых пустошей на севере. Уже на излете оно достигло маленькой шхуны, застывшей на якоре в одной из тропических лагун далеко за полярным кругом.

Такая акустика на Гекубе.

Не выдержав удара звуковой волны, мягкий край воронки отделился и пополз вниз, увлекая с собой

старого следопыта, так и не успевшего решить, где и когда он мог видеть подобное диво в тайге — великое разорение от Большой Небесной Грязи.

Стая гигантских грифов с монотонным клекотом продолжала кружить в зените, бесстрастно, как диск патефона, чудом уцелевшего в развалинах дома.

* * *

«Заря Гекубы» с упоением впитывала густо-синий морской рассол всеми порами истрескавшейся, иссохшей древесины днища. Легчайший ветерок шевелил паутину над клавикордами в капитанской каюте. Но вот внутри древнего инструмента проснулся слабый звук, низкий и ворчливый, словно спящий стариk, потревоженный трамвайным звонком с улицы, промычал бессознательно что-то жалобно-брюзжащее. То чуткие струны отзывались на далекий гул ружейной стрельбы, долетевший с юга, от сизой бахромы леса, застилавшей горизонт. Задребезжало битое стекло, слегка заложило уши.

Выстрел мог означать только одно: вооруженные преследователи приближались к шхуне. Следовало позаботиться о своевременной ретираде. Корсары забегали по палубе как хоккейная команда, получившая шанс спасти игру в последние десять секунд.

Две шлюпки были преданы воде, одна из них тут же раскололась, другая закачалась у правого борта, лишь слегка зачерпнув волны. Но и ей не суждено было послужить перепуганному экипажу. Едва жилистый ловкий Каркас, спрыгнувший в нее первым, изготовился принять на руки бесценный груз — предводительницу, припавшую к белой болонке и

маленькому сундучку великолепной работы, как из трюма через пролом, образовавшийся в часы героического штурма звездохода от падения многофунтового ядра, высунулись две дюжины усатых крысичных носов. Никто не успел глазом моргнуть, как бурые когорты хлынули из чрева проклятого судна и обрушились через борт в шлюпку.

Крысы сыпались вниз таким широким фронтом, что многие не попадали в шлюпку, а бултыкались в воду, тотчас находя спасение на обломках второй лодки, плавающих вокруг. Над лагуной все еще слышалась отдаленная канонада, будто кто-то откашивался в перистые занавески облаков, но теперь она звучала в контрапункте с ураганной дробью легионов крысиных лапок, шелестом хвостов, раздирающим слух писком, с ревом несчастного Каркаса, покрытого богатой живой шубой, гневным визгом болонки.

Крысиные орды извергались из трюма одну, самое большее — две минуты. Последняя крыса, видимо, окончательно потерявшая зрение в черноте трюма, с разбега залетела в опрокинутое ведро, которое с грохотом покатилось по палубе и, повинувшись легкой бортовой качке, крутясь волчком, устремилось к трапу, ведущему в нижние помещения корабля. На ступеньках трапа ведро и крыса покинули друг друга и порознь пропали за дверью камбуза.

К чести пиратов надо сказать, что они спустились с гrott-мачты и поспешили к своей госпоже, оцепеневшей над бортом с поднятой для шага ногой, почти так же быстро, как две минуты назад забрались туда, оставив Иду под защитой отважной болонки. Теперь собачка находилась в глубоком обмороке.

Крысы, переполнившие шлюпку, едва не потопили ее, а Каркас, резко оборвав свой надсадный крик, широко улыбнулся, сел за весла и принял грести к берегу. Со стороны шлюпка напоминала плывущего медведя, так густо она была покрыта грызунами. Никто не отважился вернуть безумного. Шлюпка удалялась под эскортом плывущих своим ходом зверьков. Наконец флагман и вся эскадра благополучно достигли отмели, но уже трудно было разглядеть, что с ними стало дальше.

Происшествие исчерпало себя, и Клэр могла вслед за болонкой рухнуть в обморок на руки Педро, имевшего на все случаи жизни поговорку: «Хватит, братцы, не по мне быть затычкою в стене», но оставшегося при том услужливым и ласковым хлопцем.

На палубу брякнулся маленький сундучок, выпавший из Идочкиных ослабевших рук; и не сказать ли теперь, какое имущество столь ревностно ценилось зарянами, что только сама атаманша и не иначе как в глубоком беспамятстве выпустила из рук. О, там хранилась горькая реликвия! — бренные останки подпоручика конно-артиллерийского полка — золоченый эполет и пара прекрасных перламутровых пуговиц. Все это предназначалось для торжественного погребения на суще, в красном коралловом песке.

Роковой выстрел в тайге, вызвавший на сцену полчища крыс и переполох в разбойном стане, таким образом задел рикошетом наш сюжет, которому теперь предстоит некоторое время прихрамывать, впрочем, почти незаметно.

Оставшись без шлюпок, пираты порешили высаживаться вброд, подведя шхуну к самому берегу, что, конечно, было рискованно как в отношении са-

мой шхуны, ввиду обязательных здесь рифов, так и для моряков. Привлеченные крысиным изобилием, из умопомрачительных глубин специальной, популярной и фантастической литературы, беспорядочно заглоchenной демиургами, всплыли исчадья, вид которых заставил бы содрогнуться фантастов, усомниться специалистов, а в среде популяризаторов и вовсе сделал бы панику. Гигантские ящеры, способные разжевать крейсер, морской змей с плоской, как портсигар, головой и оранжевым ненасытным брюхом, акулы всех размеров кроме мелких и средних и прочее в том же духе. Вся эта фауна резвилась теперь в теплом бассейне лагуны.

Все же решено было задуманное осуществить; шхуна тихо тронулась с места и вскоре завершила свое плавание, сев на мель в ста ярдах от кружевной оторочки прибоя. Хищные твари не подплывали сюда, и экипаж, не мешкая, приступил к высадке, опустив на воду трап, украшенный лет восемьсот назад с дредноута «Брунгильда». Тем временем начался прилив, небывало высокий, как и все на Гекубе, и путешественники столкнулись с тем неудобством, что чем дальше они уходили от родной шхуны, тем дальше отодвигался и берег, заливаемый океаном. Лишь когда уже казалось, что материку уготован первый в его жизни всемирный потоп, прилив выдохся, и все закончилось, как обещано в названии предыдущей главы.

Выбиваясь из последних сил, толкая вперед надувную подушку, на которой восседала Ида Клэр с болонкой, четверо молодцов достигли суши. За ними выбрались остальные. Оглянувшись. За узкой полоской пляжа до неба поднимался непроходимый тропический лес. В кабельтюве от берега на якоре

стояла брошенная шхуна, а там, в отсыревших по-темках трюма, гонимая ужасом одиночества, металась покинутая слепая крыса.

* * *

— В чем дело, мы опустились наконец? — вопрос, кажется, был задан самому себе. Крыжковский всматривался в экран кругового обзора, за которым, радостно впитывая изобилие солнца, играла зеленым огнем оглушительная симфония хлорофилла.

Звездоход опустился в тропический лес, в самую гущу, хотя самая гуща была здесь везде. Машина, не достигнув земли, повисла в гамаке из крепчайших лиан в двухстах тарзанах от нижнего яруса, кишащего исполинскими насекомыми, возможно, и не тропическими, и не лесными даже, ибо насекомых оказывается на свете несметное число, а в книгах описано еще больше, и перепутать что-нибудь непростительно только особо ученым энтомологам.

Ослепительной окраски птицы, выполненные с величайшей тщательностью, сверкали по богатой зелени, соперничая с орхидеями небывалых оттенков. Изгнанные из-под рисовой бумаги бремовских томов причудливо расцвеченные змеи и ящерицы холодными ручейками скользили по гигантским листьям, исчезая то и дело в утробе друг друга. Хамелоны проворно настигали мелких чешуекрылых, не забывая при этом менять окраску с такой быстротой, что в результате оказывались совершенно белыми и легко становились кормом серебристых пауков-бархаточников, чье мясистое брюхо так густо покрыто стеклянными микроскопическими блохами, что и

впрямь слегка напоминает старый бархатный кисет с монограммой «Иль» хрионского письма.

Все было очень красиво, но тем не менее до нижнего яруса оставалось двести тарзанов.

— У нас есть лестница нужной длины? — спросил капитан.

Нет, на кораблях типа «Конан Дойл» лестниц такой длины не полагалось. Спускаться без трапа не позволяла инструкция, и экипажу было над чем поломать голову.

А лес звенел, шуршал, верещал; все копошилось, переливалось, пульсировало — вырвавшаяся из не-бытия правильная жизнь наверстыvalа свое. Астроход, привольно раскинувший девятигигаметровое тело в сетке лиан, дышал зарумянившейся обшивкой.

Взволнованная Ангам Жиа-хп, глядя на праздник жизни, перебирала стихи:

На одну далекую планету
Некто неизвестный залетел.
Видит, жизни на планете нету,
И вообще не то, что он хотел.

Всюду над безжизненной равниной
Облака зеленые висят,
И вернулся человек в машину,
И велел отчаливать назад.

Но машина потеряла силу
И лететь обратно не смогла,
Отдохнуть немного попросила
И на землю черную легла.

И дыханье теплое струилось
От нее на много миль вокруг,
И от этого, скажи на милость,
Жизнь явилась на планете вдруг!

А машина, отдохнув немного,
Сообщила, что готова в путь.
Человек решил перед дорогой
Тоже, хоть немного, отдохнуть.

Он прилег на каменном бархане,
Положив оружье по бокам,
И струилось теплое дыханье
От земли к зеленым облакам.

— Эй, физики-лирики! — пошутил капитан. — Все-таки как нам ступить на твердую землю в прямом и, так сказать, переносном смысле?

— Мы здесь все лирики, — поспешил вставил Стойко, боясь, что каламбур перехватят на лету, — лирики в смысле верные рыцари Лирочки, то есть я хотел сказать...

— Капитан прав, — прервал его голосок Ангам Жиа-хп, — мы опустимся на твердь в переносном смысле. Нас перенесут.

Стойко покраснел, смекнув, что каламбур дуэйники вышел солиднее.

— Как перенесут? — заинтересовалась Лира Офирель. — Кто нас перенесет?

— Муравьи, — ответила Ангам Жиа-хп и разъяснила экипажу план действий.

Экспедиция снарядилась в несколько минут, и спуск начался. Звездоходцы осторожно перевалились через борт и опустились на ближайшие листья гигантерии, принявшие груз с такой легкостью, с какой крупный лопух встречает падающую на него божью коровку. Усевшись на шершавой поверхности листьев, конандойловцы укутали головы москитными сетками и замерли в ожидании.

Нежно запахло японским апельсином — это Ангам Жиа-хп призывала носильщиков. Но предна-

значенные на роль транспортного средства смирные счетные муравьи не успели даже выступить из звездохода, потому что тотчас отовсюду бесшумные и стремительные явились хризоформики — золотистый ужас леса — муравьи Лонгуса. Их было слишком много, крепкий парфюмерный смрад окутал лежащих, сознание помрачилось, члены оцепенели и застыли как бы от сильного холода. Необученная, плохо управляемая толпа насекомых облепила неудачников, легко оторвала тела от ворсистого ложа и стремительно понесла вниз, вниз, вниз...

Внезапно спуск прекратился. Крыжовский, очнувшись, оттопырил нижнюю губу и, сильно дунув на марлевый занавес, откинул край москитной сетки.

— Фу! Уф!

Муравьев больше не было, только обезображеные трупики их истекали янтарным соком, подергивая кто лапкой, кто усиком. Астронаторы лежали в густой сочной траве, и те, кто готовился нести их дальше, быть может, навстречу самому ужасному концу, были уже не муравьи Лонгуса, побежденные и рассеянные по лесу, а бурые крысы со шхуны «Заря Гекубы».

Крыжовский увидел это правым глазом, и тотчас левая половина его лица побледнела и отнялась. И то сказать, наблюдавшая за происходящим с высоты корабля Ангам Жиа-хп в ужасе трепетала листвой, в которой на глазах появлялись желтые пряди пережитого. Чем она могла помочь своим друзьям?

Капитан продолжал оцепенело взирать из-под сетки, и все, что он видел, были крысы. Но вот на самой кромке сцены глаз его уловил нечто новое. Повернув голову, Крыжовский увидел странное су-

щество. Покрытый живыми грызунами, на траве сидел и блаженно улыбался человек. То был Иоахим Готфрид Беркенбаум по прозвищу Каркас. Он гладил и ласкал зверьков, и они несли ему свою добычу как охотничьи собаки идеальной выучки. Каркас словно мед в сотах поедал подношения — крупных муравьев.

— Очень рад вас видеть, гражданин Каркас, — осторожно произнес Крыжовский. — Не могли бы вы попросить ваших... э-э... друзей помочь нам? У нас дама.

Каркас заглянул в самую душу капитана и нашел там много страха и мало любви к своим бурым подопечным. Он поморщился и что-то пропел. Крысы склынули, Стойко и Лира медленно поднялись на ноги, откинув москитные сетки.

— Не скажете, как пройти к морю? — первым делом поинтересовался Стойко, трезво рассудивший, что маршрут крысиного войска должен начинаться с той точки побережья, где скрывается беглая шхуна.

— К утру вы будете у моря, — спел Каркас.

* * *

Освоившись или, как принято ныне выражаться, адаптировавшись, десант со шхуны задумался о ночлеге.

Сон в джунглях. Душный пряный экстракт тропической ночи в зеленом флаконе леса.

Принялись рыть яму в песке. Кортики и заскорузлые длань пиратов легко откопали в красной пущистой крупне экологическую нишу.

— Господа, гляньте, что это? Какие камушки! — оживилась бывшая космическая воительница, заме-

тив обычный янтарь, которым сплошь были нашпигованы кучи добытого мужчинами песка.

— Э, да тут их чертова прорва! — заметил Сююр-Тук Эфенди и, взяв кусок покрупнее, попробовал укусить его. Смола треснула в кремневых резцах кока.

— Э, да тут что-то есть!

На изломе камня и в самом деле было видно нечто — крупная желтая оса с помятыми крыльями искощерженного аэроплана. Пока изумленные глаза бродяг с младенческим восторгом таращились на нее, оса шевельнула усиками, напрягla брюшко, после чего тщательно проверила сочленения суставов. Проверка показала, что левая средняя лапка прочно увязла в камне. Измятые крыльшки, нервно подергиваясь, помаленьку распрямлялись и вдруг пропали в жужжащем ореоле. Лапка не пускала в полет, но тяга была так велика, что ювелирный суставчик не выдержал, порвался, и свободное создание прянуло вверх.

— Эка! — Анастасио Папа-Драки восхищенно встряхнул кудлатой головой.

Бац! — реликтовое насекомое со всей прытью вонзило жало в облупленный греческий нос. Хозяин носа ойкнул. Ида заверещала. Собачка проснулась на сундучке и затявкала. Педро, живо припомнивший злоключения внутристенного бытия, метнулся в заросли и затаился там, стараясь не дышать и прикрыв для верности лицо.

Но о нем не вспомнили. Было еще достаточно светло, и беглецы, увлекшись сбором янтаря, с восторгом, а ужаленный с ужасом, обнаружили, что в каждом кусочке прячется скрюченное заколдованное существо. Большой частью там были слепни, шершни, пчелы, стрекозы. Встречались пауки, мок-

рицы и муравьи. Мелкие чечевички прятали комаров и блошек, иногда сразу по несколько штук. Иде Клэр посчастливилось найти великолепный обломок с ящерицей. Сквозь прозрачное тело доисторического минерала был виден даже бумажный ярлычок с латинским наименованием пленницы, привязанный ниткой к сухой лапке.

К зубастому Эфенди выстроилась очередь — колоть образцы. В воздухе, дотоле неподвижном, заметались опасные летуны, оснащенные отточенным разящим оружием. Пауки расползались по песку, в котором трудно барахтались муравьи. Ящерица долго не приходила в себя, но, согретая дыханием женщины, откинула мутные веки и юркнула в атласную норку рукава. Сделался новый переполох. Однако внезапно и густо стемнело. На небо цугом выехали луны. Пора было опускаться в ночевальную яму.

Первым туда на брюхе съехал Сююр-Тук Эфенди. Утвердившись на дне, воткнул в песок ятаган и накинул на него плащ, соорудив подобие палатки для госпожи. Ида Клэр, измученная, но так и не поймавшая прыткую рептилию, явно стремившуюся к симбиозу с роскошной атаманшей, нерешительно ступила на склон конуса. В тишине шуршали струи песка.

Жуткий крик смертельно испуганного животного ударили вдруг из глубины песчаного рупора и отлетел к небу. Атаманшу подхватили, и Песя Вагончик, бухнувшись на живот и свесив бесстрашную голову в самый ад, вытаращился в темноту.

— Ну?.. — слабо икнула Клэр. — Что там?.. Что с Эфенди?

Песя оцепенело молчал, затем взвился на ноги и, тыча трясущейся рукой в провал, зашептал электрическим голосом:

— Я знаю, что это, мадам! Я вспоминаю. Оно называется... Но, боже, какой!.. Такое называется муравьиный лев! Нам учитель рассказывал. Они водятся в песке. Насекомые они. Аркадий Назарыч... В Винницкой у нас гимназии... Мы его так и прозвали — Муравьиный Лев. Фамилия у него была Муравлев...

— Что с нашим другом? — уже грозно и требовательно воскликнула великая разбойница.

— ...муравьи, попадая в ловчий конус, неизбежно становятся жертвой сильного и жестокого хищника... — просветленно цитировал Песя, застигнутый теплым дождем детских воспоминаний.

— Сююр-Тук Бек Паша Эфенди не муравей! И не гимназист! — возвысила голос короля. — Я теряю людей! Сделайте что-нибудь. Эй, кто там?

Но «там» никого не было. Лишь храбрая болонка, всегда готовая к беспримерному героизму, залилась боевым лаем и, утопая в песке, ринулась в логово врага.

Тем временем на дне ямы происходило следующее. Жертва неточных представлений и небрежного чтения научной литературы — муравьиный лев пятнадцати пудов почуял муравья на шее Эфенди Бек Пashi. Что ему Эфенди? Но несчастный кулинар, впервые осознав себя пищей, произвел крик, закатил свои большие глаза к небу и пал ничком. Чудовище, нипочем не желая упустить своего первого муравья, кропотливо искало его в складках засаленного пластрона, словно терпеливый учитель, не теряющий надежды обнаружить единственный коло-

сок знания в запущенном пустыре ученической головы. Муравей умело уходил по пересечённой местности.

И тут с неба падает собака. Такая породистая и такая яростная. Этакий взрывпакет в красивой упаковке.

А Эфенди все равно. Он тянет божественный мокко и заводит большие глаза в потолок кофейни. Когда же принесут финики? Сколько в Стамбуле собак! Что они так лают? «Ваши финики, Эфенди», — кто-то трясет его за плечо и лает прямо в лицо. Повар поворачивает глаза на место и открывает их. Женевьева тянет его остренькими зубами за бороду. Чудовище закапывается в дно ямы, раздирая плащ кинжалами когтей. Разве оно виновато в таких когтях? Кое-кому следовало внимательнее читать в свое время...

Из тьмы доносятся голоса, все приходит в норму, и натерпевшиеся страху разбойники устраивают на ночевку подальше от неудачно вырытой норы. Спасенный муравей спит, свернувшись калачиком на жирной шее Эфенди. По небу одна за другой следуют четыре луны, а глубоко под землей ходит неведомыми путями несчастный, изголодавшийся муравьиный лев и мало ли кто еще.

Спалось Иде Клэр худо, мучило незримое присутствие ящерицы. Только под утро неугомонное существо затихло, то ли отправилось на охоту за вылетающими из зарослей поденками, а может, просто притомилось. Уснула и Ида, положив под щечку сложенные ладошки. Ее измученный паразум отдохнул от непосильных волнений последних недель, и Ида не рассыпала сквозь сон предостерегающего ворчания болонки. А опасность уже приближалась.

— Подъем! — звонкий крик нарушил розовую дымку утренних снов.

На нежном, искрящемся росой песке стояли Дин Крыжовский и его юные товарищи, перенесенные сюда словом повелителя всего грызущего и пищащего. Первым побуждением застигнутых врасплох моряков было желание бежать, но из окрестного лознячка грозно доносилось шуршание Каркасовых полков, и пираты, выбрав из двух зол то, что показалось меньшим, смирились.

— На зарядку становись! — весело командовал Крыжовский. — Как не стыдно так долго спать! Первое упражнение — ходьба не мести!..

Затем последовали наклоны («Поклоны», — как подобострастно сказал Сююр-Тук Бек Паша), приседания и бег трусцой по берегу, назад к брошенной шхуне. Спортсмены преодолевали пологую возвышенность прибрежной дюны, когда сверху их накрыла большая тень. В голубом воздухе Гекубы порхал «Конан Дойл». Его вела Ангам Жиа-хп, в которой суровая необходимость побудила атавистическую способность к действию. Глаза дуэйнийки сияли, полированный ствол блестел, юная листва раззвевалась на встречном ветру. Конечно, Ангам Жиа-хп не спряталась бы со звездоходом одной рукой, но умный корабль понимал сложность обстановки и двигался ходко и весело. Девятыигигаметровый тральщик шумно плюхнулся в лагуну, разогнав зубастую мельочь, и осторожно пришвартовался к борту дремлющей шхуны в то самое мгновение, когда конвоируемые дезертиры ступили на трап с полуустертоей надписью «Брунгільда».

Великий боже! Могли ли они предполагать, что ждет их на палубе? Там оказалось трое забытых, и

если один из них, тот, что со счастьем в руках, сам забыл обо всем на свете, то при виде других слезы выступали даже у бесчувственной красавицы Иды.

На просмоленных досках палубы сидел, прислонившись худеньким плечиком к мощному основанию мачты, паж Литте. Золотое солнце обливало лучами его бледное лицо и живыми бликами играло на потертой бархатной курточке. В руках мальчик держал старую седую крысу, наконец-то нашедшую пусть временное и ненадежное, но все же укрытие от бед и тягот одиночества.

— Не плачь! — говорил Литте, прикрывая слепое существо полой курточки, — не пугайся темноты, просто настала ночь, тебе пора спать.

И Литте запел дрожащим голосом тихую безыскусную песенку:

Баю-бай, усни, топ rat,
Всем мышатам спать пора.
Я желаю bonne nuit,
Спи, родимая, усни.

Далеко ушел gros chat,
Все спокойно у мышат,
Засыпает целый мир,
Tous les rats doivent dormir.

Громкое рыдание прервало песню. Рядом с Литте из струящегося теплого воздуха возник Каркас.

— Я забыл, я забыл ее... — прерывающимся горловым голосом твердил он. — Простите!..

Спящий пушистый комок перекочевал из ладоней в ладони, и Каркас исчез, лишь на палубе осталась медленно высыхающая лужица слез. Литте заметил гостей, бросился к Ангам Жиа-хп, обхватил руками кадку и спрятал лицо в серебристом лишайнике, прикрывавшем ствол.

Присутствующие перевели дух и заулыбались. Но улыбки очень быстро исчезли, ибо по сигналу Дина Крыжовского из грузового трюма астрохода было доставлено несколько стоп книг.

— Друзья мои, — приступил к речи капитан, — наше недолгое, но плодотворное сотрудничество убедило меня, что люди вы добрые, но, к сожалению, недостаточно воспитанные. Я предлагаю вам заняться самообразованием, и, когда вы поймете, что ближних надо любить, мы с вами заживем на славу. Здесь перед вами малая толика тех книг, которые вам надо усвоить. Гражданка Клэр, приступайте.

Воительница растерялась. Густо покраснев, она бросила беспомощный взгляд на болонку, но храбрая Женевьевыча была бессильна помочь ей. Спасительный выход, как всегда, нашелся в последнюю секунду. Владычица вскинула голову и приказала не терпящим возражений голосом:

— Сююр-Тук Бек Паша Эфенди, возьмите книгу и приступите к чтению.

— Э, госпожа, да ведь я читаю только по-арабски, — возразил кулинар.

— Сейчас будет арабский, — капитан дал знак, и Стойко скрылся в люке.

Тем не менее Сююр-Тук, к вящему *Идиному* недовольствию, получил отсрочку.

— Песя, тогда ты, — выхватила Клэр из толпы очередную жертву. — И не вздумай утверждать, что неграмотный, — поспешила она упредить маневр, — у Муравлева учился, Аркадия Назарыча, не у кого-нибудь!

— Помилосердствуйте! — лепетал экс-гимнаст. — Давно было, не припомнить... изгнан из зведения за недопонимание...

— Разговоры отставить! — жестко скомандовала Клэр. — Понимания от тебя никто не требует. Пока... — добавила она многозначительно.

Песя понял, что погиб. Он еще юлил, бормотал что-то неубедительное, испуганно пятился, но все же взял бы книгу, если бы, отступив еще на шаг, не свалился через пролом, образовавшийся в часы героического штурма космохода от удара улетевшей медной кулеврины. С шумным плеском головорез погрузился в воды лагуны.

И тут... Привлеченный аппетитным бульканьем, со дна поднялся гигантский ящер, способный разгрызть если не крейсер, то уж миноносец средних размеров — наверняка. Вздыная волны и издавая глухое мычание, зверь ринулся к добыче. Песя понял, что погиб второй раз.

Герои наши оцепенели, и даже непреклонная Женевьеве, не умевшая плавать, ничем не могла помочь. Исчерченная бесчисленными зубами пасть приближалась. Из глотки, напоминавшей вход в железнодорожный тоннель, неслось характерное уханье и мычание, столь ужасавшее мореходов древности. Да и не только древности! Думается, некоторые из присутствующих горько пожалели в этот миг, что не умерили некогда прыть своей фантазии. Ах, как легко исчезнет сейчас Вагончик в надвигающемся тоннеле!

Песя, Песя! Жить бы тебе в родной Виннице, учиться, сменить на тяжелом посту престарелого Аркадия Назарыча! И что за нелегкая занесла тебя в далекую галактическую пустыню, вырядила в не-

модный пиратский мундир и швырнула в пасть безобразно придуманному хищнику? Неужто только злая воля того литератора, что об одном тебе и умел писать и в погоне за жирным гонораром напяливал на тебя то римскую тогу, то нелепый литой скафандр, и заставлял порхать по странам и эпохам. Увы тебе!

К счастью для выпускника винницкой гимназии, животное слишком торопилось к пиршественному столу и решило сократить путь. Правда, при этом на дороге оказывалась «Заря Гекубы», но почему бы не пожрать заодно и ее? Однако проглот не подозревал, что на его алчном пути появилась препрата неизмеримо более мощная, нежели дубовый корпус шхуны. Там на борту стояла скромная фигура с бамбуковым орудием лова в руках. И дракон со всего маху налетел на опущенную в воду леску!

Нет, это не была его Рыба! Не качнулся поплавок, не согнулось удилище, не дрогнуло радостным ожиданием сердце рыбака. Словно бы головастик проплыл мимо счасти, поставленной на крупную щуку. Совершенно иной была реакция дракона. Бронированный плавучий динозавр, налетев на тончайшую и крепчайшую капроновую нить, был разрезан ею пополам, и обе половинки мгновенно пошли на дно, удивленно косясь друг на друга и силясь понять, что же их разлучило.

Песю Вагончика извлекли из кровавых волн, и он тут же потребовал бюллетень, в чем ему не было отказано. Иде Клэр пришлось искать другую кандидатуру.

— Педро... — неуверенно назвала она.

— Это, братцы, не по мне... — мгновенно откликнулся испанец.

Авторитет атаманши падал с каждой минутой. Напрасно она взывала к Анастасию Папа-Драки, обращалась к остальным пиратам — безымянным статистам, нужным лишь для шума и создания колорита. Подчиненные прятали глаза, разводили руками, говорили нечленораздельно, но книг не брали.

Неведомо, чем бы закончилась тягостная сцена, если бы на арене не появилось еще одно действующее лицо. Появившись, оно обошло всех присутствующих и поздоровалось с каждым за руку, приятно улыбаясь и шаркая ногой в желтом носке.

— Извините, — обратилось оно к капитану, — мне показалось, что здесь выдают книжки. Можно почитать?

— Пожалуйста, — неуверенно произнес капитан, совершая гостеприимный жест в сторону кучи.

Субъект В Желтых Носках выбрал несколько манускриптов, отвесил общий поклон и канул в переходах средней палубы. Навстречу ему из тьмы люка появился Стойко, сгибающийся под тяжестью арабских сочинений.

— Э-эх! — неожиданно выдохнул Сююр-Тук Эфенди и, придвинувшись к куче, осторожно вытащил книжицу потоньше.

Прочие пираты, уяснив преимущество первых мест, кинулись к книгам. Иде Клэр пришлось утешиться тем, что ей достался том хотя и толстый, но зато с картинками.

Остаток дня прошел в ожесточенной зубрежке и не был омрачен никакими событиями. Вечером глава конандойловцев удовлетворенно констатировал, что пираты, располагаясь на ночлег, уныло пожелали друг другу спокойной ночи.

* * *

Богатейшие во Вселенной залежи праездимовых руд — вот единственная ошибка, допущенная размышлятором, пока тот работал автоматически. Недочеты конандойловцев, хоть и не столь грубые, были гораздо многочисленнее. Помимо теплых полярных морей, следует отметить еще один промах: никто из галактопроходцев не вспомнил, а значит, и не создал звездное небо. То, что вечно перед глазами, забывается легче всего. Зато каждый из демиургов изобрел лунный диск, соответствующий его характеру и устремлениям, так что ночи на Гекубе красотой превосходили все ожидания, особенно когда всходили все четыре луны и заливали ландшафт снопами призрачного света. Четвертой луной служила нарядная тонзура летающего аббата.

Но иногда, хотя и очень редко, все четыре луны исчезали за горизонтом, и тогда наступала ночь, черная, как душа Иды Клэр. Первым в морскую даль скатился мрачно кровавый диск Бруча, за ним исчез элегантный Лирин рожок, несколько дольше освещало хрусткий ракушечник добропорядочное произведение капитана. Последним погас ореол, окружавший плешь аббата. Патер скрылся за краем земного круга, неуклонно стремясь к тому великому мигу, когда он, окруженный огненным смерчем, рухнет в центр уединенного острова Недовасси, до полусмерти перепугав диких аборигенов, принявших его за живого бога. И весь остаток жизни не-преклонного инквизитора будет посвящен борьбе с этой пагубной ересью.

Тьма пала на побережье, поглотив смутно сереющие силуэты состыкованных шхуны и астроллера.

Настала ночь, благоприятствующая тайным замыслам.

Вот протяжно заскрипел плохо смазанный клапан входного люка, слышны шаги, кто-то пробирается по палубе, спотыкаясь о тела спящих пиратов, которые в ответ сонно бормочут: «Карамба!» Некто останавливается у левого борта. Слышен тихий шепот:

— Кто ты? Скажи! Зачем ты здесь? Кто придумал тебя? Ведь это я, правда? Ответь, прошу!

Узенький лучик света прокалывает тьму. Смутно угадываются две фигуры. Дрожащий огонек индикаторного светляка вспыхивает на прелестнейшей ладошке одной из фигур и с трудом освещает ее соседа, дозволив увидеть лаковый козырек фуражки и волевой подбородок, заросший двухнедельной щетиной. Больше ничего нельзя рассмотреть в мертвой тени козырька. Безжалостная косая черта удилища разделяет фигуры.

— Цукаты! Цукаты! — крик гаснет, убитый чернотой. То кричит Калиостро, каждую ночь во сне заново переживающий грозную баталию с Дон Карлосом.

Ладонь вздрагивает, светлячок, очнувшись, снимается с нее и плавно улетает ввысь — единственная блестка на черном бархате ночи.

Жалобно, по-детски всхлипывает Лира Офирель, нетвердо ступая, возвращается на звездоход.

Мягко размывается черненое серебро небосвода. Скоро взойдут луны. Ночь. Все спят.

* * *

Очередное занятие по человеколюбию закончилось, на шхуне наступил час трудотерапии. Бывшие налетчики в это время приводили в порядок сильно

потрепанную былыми шквалами «Зарю Гекубы». И, надо сказать, занимались они этим гораздо охотнее, нежели благородным умственным трудом. Тысячелетние наслоения грязи уступали натиску швабр и скребков. Шхуна, избавившись от лишнего балласта, снялась с мели и дрейфовала по зеркалу лагуны, кокетливо отражаясь в нем.

Не обошлось и без передержек. Сююр-Тук Эфенди, вычистив камбуз, сбросил отскобленную грязь за борт. Тонны прогорклого сала растеклись по воде безобразной, переливающейся радужными разводами лужей, затем, подгоняемые пассатом, двинулись к берегу и безвозвратно погубили золотистые пляжи Полярной Ривьеры. Триста лет спустя в этих местах возникла цепь грязелечебниц и несколько участков нефтедобычи.

Но в целом работа успешно продвигалась. Отмытую шхуну решено было перекрасить в белый прогулочный цвет. Крыжовский выделил со склада пять банок цинковых белил, и работа забурлила. Выкрашенную поверхность расписывали цветами и райскими птицами. Эту тонкую операцию выполнял пират по имени Джон. Во времена Идного правления он не пользовался никаким влиянием, ибо, несмотря на гиппопотамью внешность, был слишком робок и деликатен. Выручали его могучие бицепсы, лишь благодаря им Ида Клэр сочла возможным доверить будущему художнику абордажный крюк.

Под руководством Лиры талант моряка развился и окреп. В кратчайший срок Джоном была создана галерея картин в духе мифического живописца древности Петрония ван Бооха. Эмоциональная сила их была так велика, что явившиеся на открытие выставки звездоходцы безо всякого размышлятора,

силой одного лишь потрясенного чувства воплотили в жизнь разношерстную толпу апокалиптических уродцев, изображенных на полотнах. Монстры немедленно расползлись и в скором времени, неслыханно расплодившись, заселили прибрежные камыши, выстроив там свою столицу Лиргород и тем на неся смертельное оскорбление штурману «Конан Дойла». Джона попросили временно новых выставок не организовывать, и теперь он халтурил, расписывая борта шхуны.

Ида Клэр, которую высокая должность не оберегала более от работы, перемешивала краску тонкой палочкой эбенового дерева, прочие перевоспитуемые дружно действовали кистями под руководством Анастасио Папа-Драки, назначенного бригадиром за зычный голос и размашистые жесты. Один только Субъект В Желтых Носках был освобожден от физической работы, да и от теоретических занятий тоже. Информационный гузгуляторий, исследуя его, повредил что-то в хрупком механизме злодейства, и теперь в Субъекте нечего было перевоспитывать. Он был идеален, этот молодой человек в джинсах и пестрой ковбойке, читавший сейчас в своей каюте брошюру «Как стать вежливым». А ведь еще и поныне живы люди, помнившие его под кличкой Стари-кашка Гоп, или попросту Вредный Тип.

Освободившиеся конандойловцы могли в этот час заняться своими делами. Литте, принятый в дружную семью космотральщиков, пропалывал землю в кадке своего старшего товарища, а Ангам Жиахп, впавшая в меланхолию со дня приснопамятной лак-байской катастрофы, уныло творила упадочни-

ческие стихи, нимало не опасаясь, что их пессимизм может повредить безмятежности Гекубы:

От вспышки трамвая зеленой
Еще не ложился с налету
Таинственный медный покров,
Ударом кувалды фотонной
Сдирающий позолоту
С полуночных куполов...

Остальные члены экипажа были собраны педантичным Дином Крыжовским для очередного отчета о проделанной работе. Звездоходчики, посвежевшие, румяные, пахнущие репеллентами и змеиной сывороткой, собрались в главной рубке. После диких просторов Гекубы немного странно было очутиться здесь, в привычной обстановке звездохода, вновь увидеть экран кругового обзора, обрамленный косичками цветущего выонка, ступить ногой на ковер, покрытый перезревшей позабытой клюковой, ощутить на обветренном лице прикосновение паутины, которую покинул эмоциональный детектор.

Мужчины устроились на диване, оставив Лире Офирель мягкое кресло. Почему-то штурман запаздывала. Капитан поглядел на часы и кашлянул как бы про себя. В этот момент появилась Лира. Она вбежала так стремительно, что не успевший открыться клапан был сорван и отброшен к стене, на гладкой поверхности которой вспухла большая, медленно багровеющая шишка.

— Капитан! — крикнула Лира от порога. — Она, эта женщина, крадет книги! Вот, поглядите, это мой библиотечный абонемент. А какие книги на нем? Читаю: «Некоторые специальные аспекты вирусо-

логии», «Влияние *Asterovirus specius* на клетчатку ворсовника бородавчатого», «Скопление астеровируса в созвездии Дождевого Червя и особенности борьбы с ним». Тут еще много! Я этих книг не брала! Это все Идка! Она хочет разрушить охранные кольца и снова захватить власть на Гекубе, для этого она взялась изучать вирусологию. А я-то не могла понять, куда девался мой читательский билет!

— Понятно, — сказал помрачневший капитан, — мы примем меры, чтобы похищения не повторялись. К счастью, в вашем курсе нет ни одного «Курса основ» или «Введения в...», а без фундаментальных знаний разобраться в специальных монографиях будет трудновато. Так что не беспокойтесь, Лира. Меня значительно сильнее волнует, что госпожа Клэр, как видим, плохо поддается облагораживанию. Я полагаю, следует ввести некоторые изменения в процесс...

Резкий квакающий звук прервал речь капитана. Это включился передатчик спецсвязи. Молодой неопытный пеленгатор шустро задвигал антеннами, настраиваясь на нужную волну. Из пышного ворса нетоптаного сфагnumного ковра высунулся динамик, до той поры мирно ловивший генераторы ультразвука, и проквакал голосом суперкапитана Недовасси:

— Обеспокоен молчанием. Приказываю двухдневный срок завершить экспедицию и вернуться базу когорты.

— Как же так?! — вскричал Стойко. — Ведь мы еще ничего не успели сделать!

Но передатчик уже замолк, глаза его сузились, в них заиграла золотая радуга. Делать было нечего, приказ, полученный по спецсвязи, следует немедленно выполнять.

* * *

Все, что можно сделать за два дня, было сделано. Заряне получили лошадиную дозу человеколюбия. Вокруг Гекубы поставили дополнительный комплект астеровирусных колец, а в незначительном отдалении на всякий случай высекли небольшое скопление прежде ревностно уничтожавшегося микроорганизма.

Основная задача была возложена на Стойко Бруча. Гекубе, с отлетом «Конан Дойла», угрожала опасность вновь вернуться в первобытное серое состояние, и, чтобы этого не случилось, решено было оставить на планете работающий размышлятор. Стойко собственноручно погрузил уникальный прибор на спины двух скоростных дромадеров, отвез его на высокогорье Стиббс и установил на высочайшей точке гигантского пика Монт-Оффирель. Там, среди вечных снегов, в незапамятные времена была выстроена гробница для какого-то не родившегося властелина. Отныне мавзолей будет заключать в себе вечно животворящий интеллектор. Чтобы прибору было над чем поразмыслить, к нему подключили пожертвованную экипажем корабельную библиотеку — две тысячи томов художественной литературы. Стремясь обеспечить размышлятору безопасность, Стойко запер вход на висячий замок, а у двери поставил на страже неистребимого старожила с ружьем.

Заряне со своей стороны также готовились к отлете победителей. Ида Клэр, видя, что вожделенная микробиологическая литература скоро станет абсолютно недоступной, решилась на крайние меры. Она подговорила двух самых отпетых мерзавцев из числа безымянных, и те, проникнув ночью через среднее ухо звездохода в библиотеку, совершили кражу. К счастью, бандиты хотя и сумели найти отдел биологических наук, не смогли выбрать нужные книги и, сблизившись цветными таблицами, похитили четырнадцать пудов анатомических атласов. В ответ доза человеколюбия была еще увеличена, и в последний день исправляемые буквально светились изнутри.

Наконец от «Конан Дойла» отпочковалась пассажирская каюта № 539, в которой проживал источающий благожелательство Субъект В Желтых Носках. Эту трудоемкую операцию пришлось провести, так как никто не осмелился оторвать энтузиаста от подвижнического труда по изучению правил хорошего тона.

Казалось, все сделано и можно со спокойным сердцем покинуть Гекубу. И тут обнаружилось, что Лира Офирель исчезла с корабля.

ИЗ ДНЕВНИКА СТОЙКО БРУЧА

«29 альта (14 декабря).

...в 17 часов по местному времени. Монт-Офирель совершенно неприступна с южной стороны (в отличие от оригинала, неприступного со всех сторон). Поднялись по довольно сложному траверсу и, преодолев небольшой ледник, на 11037 увидели древнее капище и следы человеческих жертвопри-

ношений. И это на Гекубе! Храмовый комплекс еще на километр выше. Усыпальница — бирюзовый семнадцатигранник, смотрится лучше, чем в книге. Думке будет тут хорошо, пусть думает.

30 альта (утро).

Этих не исправишь. Выкрали книги, грамотеи, но, кажется, не те. Дин нервничает, велел Лирочеке и Ангаме обсчитать для Недовасси клэвэр всех происшедших сипсонарных токливаций. А тому, может, и не надо будет. Счетные муравьи работают на износ. Ну, их дело. Остается пять часов до «Белой клавиши». Капитан зовет срочно. Потом допишу про Иду.

37 альта.

Теперь вспомнить, как все было. Оставалось пять часов. Капитан, бледный и страшный, не дал мне вбежать в рубку криком:

— Лира Игнатьевна пропала! Десять минут назад кончили считать. Вышла от меня, тотчас всюду свет погас. Я к силовому щитку — батюшки-светы! — предохранителей нет. В запасном комплекте одни личинки, да и то бронзовок. Не выдержат. Кричу по инструкции: «Штурман, где вы?» Пропала.

Услыхав, чуть не потерял головы. Но применяю спецметод — считаю до восьмисот, пропуская числа, делящиеся на семнадцать (метод Новицкого), и беру себя в руки. Найти Лиру. Спасти. Остается четыре часа. Пока приходил в норму, капитан куда-то умчался, верно, махнул на меня рукой. Тем лучше, никто не будет мешать.

Начинаю с обсчета вариантов. Иду на поклон к Ангаме. Заламывает ветви в отчаянии, будто хочет сплести из них корзину и спрятаться в нее от по-

стигшего. Все-таки она существо, раз такая боль. Мне потом Лира показывала стишкы, написанные Ангамой после этих событий. Я переписал.

Упражняясь в приемах запретных,
Некий гений предела достиг.
И ему среди истин конкретных
Абсолют показался на миг.

Полыхнул голубым океаном,
Прозвучал на своем языке,
Переполнил предчувствием странным
И пропал у себя в далеке.

Но коснулось ушных перепонок,
Или то показалось на миг,
Будто где-то смеется ребенок
Или, может быть, плачет на крик.

Озадачен вернувшийся гений:
Так чему я свидетелем был?
Нужно в сущности этих видений
Разобраться, пока не забыл.

Ведь не смеет бесчувственный космос,
Или как там его ни назвать,
Имитировать голосом косым
Плач ребенка, зовущего мать.

Если то, что я слышал — рыданье,
Значит, стоит стремиться туда,
Значит, это живое созданье,
А не просто струится вода.

И пропев благозвучное слово,
И дыханье в груди перекрыв,
Чародей переправился снова
За черту, за опасный обрыв.

Но разгон оказался чрезмерным,
И не выдержал тоненький мост.
И... кровоизлияние в мозг.
А не надо быть нервным.

Внизу Лириной рукой приписано: «Душа его была привлечена собственным отражением в себе самом. Какая древняя баллада! Как далеко мы ушли от этого!»

По-моему, тут страшная заумь, но все же следует над этим подумать, иначе мне никогда не понять Лиры.

Однако отвлекся. Утешаю поэта, предлагаю объединить усилия. Прошу рассчитать варианты. Пере-стает плести корзину и делается умницей.

— Всю информацию, пожалуйста, — говорит. — Свет погас? Почему же раньше не сообщили? Минутку... Да, только так. Л. И. Офирель похищена обитателями камышей. Проверьте, на месте ли ее личное дело, а также «Большой корабельный слесарный набор».

— Это к чему? — спрашиваю.

— У меня все, — отвечает.

Остается три с половиной часа. Сейчас-то хорошо вспоминать, а тогда... Самое ужасное — ни личного дела, ни слесарного набора! Откуда она узнала? Неужто с помощью своих стихов? Но главное, что похитители — красавчики с полотен нашего живописца. Бедная Лира! В таких случаях принято писать: «Бр-р!»

За две минуты собрался в путь: болотные сапоги, накомарник — и спасательная экспедиция началась! Старику ни звука, погубит весь план, заставит проверять наличный инструмент по инструкции, то есть в алфавитном порядке. Отпочковываю капсулу типа «Внешний мир — благоприятная среда». Будет ей местечко в музее Бруча. И вот, по вечно синей воде скользит капсула, ходовые ворсинки повизгивают, стругая залив. До поселения обитателей ше-

стъдесят миль. Ага, впереди тучи чаек и макушки жилищ! Прячу шлюпку в камышах, по пояс в воде бреду к плавням. Хорошо еще, что чайки помет не роняют — у них его нет. Из поэзии взяты.

Лиргород прячется в зарослях цикуты. Вот и обитатели. Все громче щебет. Когда они явились с картин этого маньяка, то ворковали и гукали. Мутят, бедняги. Вижу много нищих. Тянут лапы, плавники, корешки. На севере, озаренная восходом, рдеет Монт-Офирель. Как-то там Думка? Потом надо будет проверить.

Проникаю в город. Силюсь не удивляться, но удается плохо. У них тут, оказывается, расцвет архитектуры! Когда успели — непонятно. Центр ансамбля — огромная плетеная шляпа, небрежно опрокинутая шутником-зодчим посреди сильно заболоченной поймы неспешно виляющего к заливу ручья. От земли к полям архитектурно-антикварной редкости поднимаются бесчисленные ступени, сплошь занятые белобрысыми худощавыми девами со спящими глазами. Девы заученными сомнамбулическими движениями передают по цепочке всевозможные посудины — птичьи черепа, ковши, ушата, полные, вероятно, воды. Верхняя данаида опрокидывает их в шляпу; и вода струйками выпирает из всех щелей.

Среди лужи сооруженная из осоки палатка. Очредь стоит, дают какой-то напиток. Вот и зацепка. Становлюсь за старикашкой, вылепленным из большой перезревшей клубничины. Лысая голова торчит из воротника чашелистиков. За мной громоздится шеренга из таких же милашек, но двух похожих нет. Талант этот Джон. На востоке за мысом взлетает огненный шар, на «Конане» бьют склянки. Остается три часа. Очредь движется, и я решаюсь. Деликат-

но снимаю с плеча соседа жирного слизня, который уже выел немалую дыру, и спрашиваю, кивая в сторону шляпы:

— Дорогой друг, как здоровье госпожи? Что говорят?

Клубничник внезапно темнеет и кричит театральным голосом:

— Горе! Горе! Госпожа больше не живет в Хижине! Госпожу похитили!

Вот те раз! Неужто Дин успел? Только хотел спросить подробнее, как мой собеседник неожиданно и бурно растекся лужей клубничного сиропа. Пример оказывается заразительным, очередь катастрофически редеет, я обнаруживаю, что стою в ней первым. За стойкой хозяйничает весьма необычный сладкоежка. Он, не слишком утруждая себя обслуживанием клиентов, без отдыха пожирает розовый подарочный торт. Отделив кусок опасной бритвой, отправляет ее в пасть, смачно разминает кусок языком и резко выхватывает лезвие изо рта. Продавец в черном жениховском фраке с хризантемой в петлице, а ниже пояса — гнутые ножки венского стула. Мне становится не по себе, но уйти я не осмеливаюсь. Выдергиваю из проходящего мимо засохшего жереха чешуйку с фрагментом боковой линии, протягиваю его стулу-жениху и получаю синий вспененный напиток в деревянной плошке.

— Пейте, не отходя от кассы, — зловеще шипит стул, размахивая бритвой.

Срываю с пояса флягу, переливаю синюху. Кажется, все удовлетворены.

— Где же искать Лиру? — забывшись, задаю вопрос вслух и мгновенно получаю ответ от случивше-

гося поблизости лилового пузыря на воробыиных ножках:

— Госпожу увезли в Логово. Ее отнял Золотоплечий.

Теперь все становится ясным. У бедолаг переразвит инстинкт, повелевающий захватывать в плен людей, и теперь они принялись красть Лиру друг у друга!

— Этого я так не оставлю! — говорю. — Госпожу надо вернуть. До логова как ехать?

Пузырь раздувается и скрипит складками брюха:

— Я подвезу, мне по дороге.

Сажусь на любезного пузыря, и летим. Из него извергается струя фиолетового дыма, и реактивная тяга ведет нас на бреющем над камышами. Вот и Логово. Всюду разноцветные монстры. Иные, завидев нас, дудят в длиннющие дудки. В воздухе парение обитателей. Урчание, гудки, посисты отовсюду, щелканье целлULOидное. Словом, их нравы.

— Куда тебе? — спрашивает пилот, а сам уже полупустой, обвис весь. — Вон госпожу повели. Туда хочешь?

Хочу ли я? Из последних сил долетаем и садимся. Из-за ширмы трехметровых стеблей выходит она. Кто это с ней? — Не может быть! — Модест фон Брюгель собственной персоной!

38 альта (выходной).

Продолжаю восстанавливать события. Сейчас уже нет времени писать подробно. Модест оказался восстановлен кистью художника, хотя весь замысел принадлежал Клэр. Она заказала портрет, Джон, простофия, выполнил, а мы оживили всех оптом. Просмотрели. На это и был расчет. Нарисован, подлец,

мастерски, и такой же вредный. Взять бы растворитель да стереть его долой! Но сдержался, надо экономить. Должны быть и другие способы, не может живописец-романтик не усилить какую-нибудь слабость натуры. Выхожу перед ними и громовым голосом:

— Смир-рна!

Мерзавец выкатил глаза и столбом стоит. Лира — как подкошенная.

— Кру-гом! — выполнил и это с блеском.

— Шагом — арш! — Чудо случилось — зомби, выкидывая ноги, ринулся в болото. Исчез в зарослях, слышно только чавканье сапог и треск стеблей: Раз-два! Раз-два!

Обитатели сообразили, что кумир у них упливает, и двинулись было на меня. Между прочим, у них там сабли имелись и копье, одно на всех. Делать нечего, достал флакон и побрызгал растворителем на одного, особо назойливого. Симпатичный парнишка, вроде вешалки, а на ней халат дырявый. Зашипел парнишка, по хламиде разводы акварельные пошли. Увидали храбрецы действие эликсира и отступились. Они же нарисованные, им пятновыводитель страшнее пожара.

Пленницу переправил в шлюпку. Остается два часа, надо проверить Думку — детище родное. Тут навстречу обитатель, здоровый, как цеппелин. Брюхо вскрыто и полно икры. Нанял его. Цеппелин еще ничего не знает и за флягу синюхи готов куда угодно. Сговорились и поехали. Оказывается, самозваный дирижабль летать не может, а скачет как лягушка. Вцепился в холку и терплю. Так наше путешествие вдвое больше продлится, а времени вовсе не осталось. Добрались до гор. Знакомые места, на снегу — следы дромадеров. Будка караульщика. Верный

Адриян сидит с ружьем между колен и смотрит, как у замка возится фигура. В пальцах жужжат напильники. На снегу коробка «Большого набора». Вот оно! Между прочим, сам виноват, не сказал часовому, что надо не только следить, но и не пускать тех, кто без ключа. Подхожу к взломщику и не хуже стажика, по инструкции:

— Руки вверх! Ни с места!

Оборачивается — Ида! Я осталбенел, а она мне с ходу такое выкладывает, что писать неловко. Я, мол, давно только о тебе и думаю, и зачем тебе Лирка, цаца разэтакая! Я, разумеется, остаюсь тверд и верен Лире, но бдительность на мгновение потерял. А она — зубилом! Все же успел среагировать, провожу харимадзе и сразу же шикагава. Готова. Хрипит. Зря я так резко.

— Прощайте, Ида. Вы проиграли. Не надейтесь на помощь, ваш сообщник шагает сейчас в противоположном направлении по непроходимым трясинам и появится здесь, обогнув Гекубу, через 1450 дней.

Забираю инструмент, объясняю сторожу его обязанности. Адриян кивает головой, вскидывает стволы и лупит в воздух. Раскальвается слух. Трещит снежный наст, и оползень уносит Иду Клэр в долину. Вместе с ней исчезает и драгоценное личное дело. Как бы я хотел когда-нибудь прочесть этот документ! Кстати, зачем он Иде? Эхо достигает отдаленных пределов и пугает милую Лиру. Цеппелин, перебирая лапками, карабкается ко мне, мы отправляемся в обратный путь. Только бы успеть! Через семнадцать минут...»

На этом обрываются записки Стойко П. Бруча, хранящиеся в Массачусетском филиале музея. Ме-

муары же, написанные семьдесят три года спустя, изобилуют подробностями, которые заставляют усомниться в их подлинности.

* * *

Оставалось сорок пять секунд до «Белой клавиши». Постаревший, седой Крыжовский стоял у пульта. Одинокий, страшный, раздавленный. Оставалось сорок секунд. Не выполнить приказа, полученного по спецсвязи, нельзя, значит, двух членов экипажа придется бросить на чужой враждебной планете.

И ничего нельзя поделать. Капитан обязан быть на борту, ведь, кроме него, на астроплане находятся женщина и ребенок. А какой был план! Оставить за себя Стойко, пусть занимался бы делом, проверял бы по описи, не пропало ли еще что-нибудь, а самому отправиться в путь. Сначала поисковые команды: к Иде, к Каркасу и в камыши. Потом отпочковать капсулу — и вперед, как в молодости! Но пока капитан программировал задания разыскателям, Стойко, валившийся в истерике и тихо икавший: «107, 108, 110...» — вдруг очнулся и удрал со звездохода.

Обиднее всего, что план был верен. Один из отрядов обнаружил Лирин след в Логове разноцветных монстров, но затем сбился, направившись по неведомо кем проложенной в гуще камышей просеке. Крыжовский лишь застонал, услышав, что ищей движется по следам сапог армейского образца. Болван Стойко, захотелось сопляку отличиться, и вот результат! Выговор ему! Поздно... Не поможет выговор.

С белой клавиши снят чехол, она ожидает уверенного капитанского нажима. Тридцать секунд. Литте, дежурящий возле люка, вскрикивает. Раздаются шаги.

— Дин Максимилианович, разрешите доложить, штурман Офирель возвращена на борт вверенного вам судна! — Капитан слышит знакомый юный голос Стойко. Ощущает знакомый аромат Лириных духов, и краска возвращается его лицу и кудрям. Остается пять секунд... 4... 3... 2... В своей каюте полу-засохшее существо в плетеной корзине из собственных ветвей.

— Все в порядке, друг! Хеппи-энд!

Одна секунда.

— А знаете, капитан, с корабля был похищен набор инструментов. Он возвращен на место.

— Стойко, мальчик, нужно ли говорить о таких пустяках? Потом проверим по описи в алфавитном порядке.

Старт!

* * *

Существует в технике тенденция к увеличению количества деталей в механизме по мере его развития. И если первое транспортное средство — каток, подложенный под тушу мамонта, состоял всего из одной детали — бревна, то уже в двускатной телеге, весьма совершенном для своего времени агрегате, тряслось и скрипело более полусотни частей. Что же, в таком случае, говорить о современном галактоплане, каковым является «Конан Дойл»? Пока сигнал, ползущий со скоростью света, обежит все его закоулки, пройдет не меньше получаса. Именно эти полчаса были теперь в распоряжении звездонавтов. Зазвенели звонки, замигало грозное табло: «Не курить! Пристегнуть ремни!», но траулер не сдвинулся с места, парадный люк был широко распахнут.

— Литте, — позвал капитан. — Скорее заходи. Старт объявлен.

Но Литте, вместо того чтобы поспешить на командирский зов, присел на обломок известняка, густо испещренный контурами окаменелых трилобитов, и задумчиво сказал:

— Извините, дядя Дин, но мне никак нельзя улетать с вами.

— Ты ошибаешься! — закричала Ангам Жиахп. — Неужели мы не сможем обеспечить тебя энергией? Дин Максимилианович давно занес тебя в списки команды.

— Как вы не понимаете, — воскликнул паж, — я не могу улететь с Гекубы, ведь они без меня все здесь одидают!

— А с тобой? — строго спросил Крыжовский. — Что можешь ты один?

— Я не один, — возразил мальчик. — Художник Джон будет помогать мне. И еще Каркас. Он странный, но ко мне почему-то относится неплохо. Педро тоже незлой человек. Все они не злые! — последнюю фразу новоявленный миссионер выкрикнул и совсем тихо добавил: — А без меня они пропадут.

Возражать было бесполезно. Пошли обятия, слезы, советы, одним словом — проводы. Лира повязала на шею пажа пуховый шарфик и строго наказала беречь здоровье. Ангам Жиахп, сжав зубы, резким движением отломила большую, прямую как стрела ветвь и вручила ее другу со словами:

— Возьми на память. Кроме того, ею можно защищаться, все-таки это часть метасущества.

— А если станет совсем трудно, — добавил Стойко, — то беги к размышлятору. Вот запасной ключ.

— Спасибо! Спасибо! — твердил Литте, обнимая всех по очереди. — Прощайте!

— Никаких «прощайте»! — гудел капитан. — Мы скоро вернемся.

Появилась делегация зарян. Празднично наряженные пираты преподнесли улетавшим подарок — большую скатерть, сотканную Идой Клэр в часы ночных бдений. Сама Ида неожиданно скромно держалась в задних рядах, кружевная мантилья, против обыкновения, была по всем правилам накинута на голову и надвинута на самые брови, в попытках скрыть вспыхающие следы харимадзе и шикагава.

— Будьте взаимовежливы! — напутствовал капитан провожающих, и те поспешили отойти.

В кустах растроганно шебуршали крысы. Трудно переживающие поражение лиргородцы из камышей следили, как отбывает в неведомые края их кумир.

Проводы грозили затянуться еще на сутки, но времени уже не оставалось. Звонки взыграли на самой высокой ноте, из-под кормы «Конан Дойла» пошел черный дым. Космоплаватели поспешили впрыгнуть в люк, и тот громко захлопнулся.

— Так-то, — сказал Крыжовский, когда все расселись по местам возле уютного экрана кругового обзора. — С тревожным сердцем покидаю я Гекубу. Более всего меня волнует, что отдельные гекубяне недостаточно полно исправлены.

— И размышлятор без присмотра, — пробормотал Стойко. — Как бы не измыслил чего...

— И эти, ползучие, — передернула плечиками Лира, ткнув мизинцем в экран, так что неясно было, кого она имеет в виду: Каркасовых питомцев или болотных жителей.

— Положение действительно непростое, — подвела итог Ангам Жиа-хп, — думается мне, что у этой истории в самое ближайшее время появится продолжение.

ЭПИЛОГ

Взревели дюзы, и «Конан Дойл» начал плавный подъем в лазоревое небо Гекубы. Белоснежная точка шхуны скоро затерялась внизу, берег и острова быстро превратились в подобие рельефной карты. Солнце, как это всегда бывает в фантастических опусах, отражалось в бирюзовом океане. Всюду расцветали огни звезд, прежде скрытые серой туманностью. Гекуба привольно плыла в свободном космосе. Предохранительные кольца астеровируса превращали ее в миниатюрную копию Сатурна.

— До свидания! — отечески улыбаясь, произнес Дин Крыжовский.

— Капитан! — вдруг отчаянно вскрикнул Стойко Бруч. — Забыли!

— Кого? — взревел командор.

— Попрощаться забыли! С рыболовом. Бедняга, придется ему свою леску укоротить, самая большая глубина в океане — пятнадцать тысяч метров, я лично придумал. Сильно придется укоротить...

— Весьма сомневаюсь, — заметила Ангам Жиа-хп. — Мне кажется, незачем укорачивать снасть, если ловишь в прежних условиях. Ведь он здесь.

Капитан и Стойко Бруч одновременно потянулись к экрану кругового обзора, но всех опередила Лира Офириль. С быстротой молнии она метнулась к экрану. Глаза ее лучились радостью, щеки пылали.

Да, он был здесь. Макинтош свисал прямыми складками, фуражка с неразборчивыми знаками различия по-прежнему была надвинута на лоб, оставляя для обозрения лишь твердо очерченные губы да волевой подбородок, покрытый жесткой двухнедельной щетиной. Рыбалкмейстер стоял у стабилизатора, у самых дюз, удилище остро вздымалось ввысь, а леска уходила вдоль борта «Конан Дойла», вниз, в голубую бесконечность.

И вдруг... Леска напряглась, кончик удилища с мучительной дрожью согнулся.

— Клюет!.. — простонал капитан, и огонь былой страсти зажегся в его глазах.

Неприметное, профессионально-опытное движение кисти, удилище мотнулось вверх и вправо — подсечка! — бамбуковые колена согнулись, заскрипела, разматываясь, спиннинговая катушка.

— Ну же!.. — выдохнул Крыжовский.

Рука, до той поры надежно скрытая в недрах кармана, рванулась и уверенно легла на катушку. Звенящая струной леска пошла наверх.

— Ах! — Лира Офирель упала в обморок.

* * *

Третью неделю неуправляемый «Конан Дойл» несся в неизведанных космических просторах. Экипаж намертво прилип к экрану, с волнением ожидая исхода титанической борьбы, развернувшейся на стабилизаторе возле правой дюзы. Леска победно пела. Катушка вращалась столь быстро, что ее нельзя было рассмотреть, лишь прозрачное гекубоподобное облако мерцало на ее месте. Кончик удилища, там, где леска ныряла в первое проводное коль-

цо, дымился. Стойко Бруч предложил выйти наружу и подвести к ней гелиевое охлаждение, но Крыжовский неожиданно резко осадил его:

— Не мешайся! Он лучше знает, что делать.

Это безличное «Он» показывало всю глубину уважения, которым рыболов пользовался у железного капитана. Сам герой стоял все на том же месте, у выхлопа. За все время он ни разу не переступил с ноги на ногу, губы его не дрогнули, и макинтош не колыхнулся. Только стремительно-плавное движение руки выдавало жизнь, бурлившую в нем. Эмоциям места не было. Волновались за него конандойловцы. Лира находилась в состоянии тлеющей истерики.

«Только бы не сорвалось!» — то была единственная мысль всех обитателей «Конан Дойла». К исходу третьей недели сверхмощный телескоп сообщил, что виден конец лески. Астронавты, все, кто был способен к передвижению, бросились наружу. Оставшаяся в одиночестве Ангам Жиа-хп в отчаянии простирала им вслед корявые ветви. Трое землян столпились на краю стабилизатора и замерли в напряженных позах. И вот показалось грузило и остро отточенный крюк, на котором трепыхалась богатая добыча: наколотые, словно чеки в магазине, густо исписанные листы бумаги.

Вот уже можно прочитать название: «ВОКРУГ ГЕКУБЫ» и эпиграф, принадлежащий величайшему из придворных историографов:

«Создание художественного произведения сродни ловле рыбы: чем крупнее ожидается добыча, тем глубже следует забрасывать крючок. Но многое должен иметь в виду самонадеянный рыболов...»

НА ОСТРИЕ

Ваалентина против обыкновения ворвалась к нему ни свет ни заря, так что Марч, привыкший подниматься рано, еще и часа не успел поработать. Ваалентина явилась как стихийное бедствие, тай-фун, срывающий с привязи утлыя лодочки и разрушающий мирные хижины, как разъяренная фурия... хотя именно фурией Ваалентина и была, поэтому, как ей еще являться к жениху, не желающему думать о завтрашнем дне и вполне довольному существующим положением вещей, в то время как все приличные демоны сложа руки не сидят, лишь один Марч, гром его разрази, и почесаться не желает ради собственного благополучия!

Марч оставил в покое излишне упорную праведницу, которой он навевал искусственные предупреждение сны, спокойно дослушал сетования невесты и спросил:

— Что случилось, дорогая?
— Как что случилось?.. — вновь разъярилась Эринния. — Ты что, не знаешь, что найден способ межзвездных коммуникаций? Собирайся, мы летим вместе со всеми!

— Мы никуда не летим, — мягко сказал Марч.

Он привычно переждал новый пароксизм ярости, а затем в сотый раз принялся повторять давно известное любому представителю дьявольского племени:

— Ваалюша, пойми же наконец, что нам закрыт выход в космос. С тех пор, как мы были сброшены с небес, нам нет туда пути. Ангелы, будь они неладны, спокойно преодолевают космическую бездну, а нам, хотя мы столь же нематериальны, невозможно проникнуть за пределы атмосферы. Холод, ионизирующее излучение, этот отвратительный вакуум... бр-р!.. Ни один нечистый дух не сможет долететь своим ходом даже до Луны. А ты собралась на альфу Центавра!

— Ты ничего не знаешь! — Ваалентина явно пришла во всеоружии новой сплетни, которых среди бесов ходит куда как побольше, нежели среди людей. — Мы полетим в свадебное путешествие на человеческом корабле! Старт через два дня, оставь в покое свою праведную дуру и собирайся немедленно!

— Мы никуда не полетим, — повторил Марч, безуспешно стараясь добавить в голос твердости. — Постановлением адского синклита запрещено даже смотреть на строящийся корабль.

— Корабль уже построен! — Ваалентина не умела говорить ни тихо, ни мягко, но все же Марч не сбился с тона и, словно странствующий проповедник, продолжал нравоучение:

— Для охраны астролета Люцифер выделил отборнейшие части личной гвардии. Нас поймают прежде, чем мы сумеем подобраться к кораблю.

А мне почему-то совсем не улыбается из бесов-искусителей переходить в простые истопники. Думаю, что и тебе это не понравится.

— То есть ты позволишь переселенцам улететь чистенькими, без единого беса на борту? — Ваалентина явно что-то знала и теперь провоцировала жениха на необдуманные слова, чтобы потом побольнее уязвить его.

Вообще-то Ваалентина любила Марча самой нежной и искренней любовью, однако дьявольская натура и непомерное тщеславие брали свое, так что беседы влюбленных порой напоминали ссоры супругов, стоящих на грани развода. Ничего не поделаешь, Ваалентина была высококлассной специалисткой по семейным ссорам, а профдеформация среди чертей встречается еще чаще, нежели среди сынов Адама. Марч понимал это и относился к неизбежным скандалам stoически. В конце концов, Ваалентина — дьяволица из знатной семьи, это даже по имени видно, и если ты намерен войти в хорошее общество, то некоторые неудобства приходится терпеть. Хотя из всего высшего общества Марчу была нужна только его невеста, но зато ради Ваалентины он был готов претерпеть многое. И Марч, вздохнув, безропотно полез в предложенную ловушку.

— Даже если мы проникнем на корабль, мы все равно рассеемся, едва он выйдет в открытый космос. К сожалению, это проверялось неоднократно. Чтобы выдержать космический перелет, дьяволу необходимо во что-нибудь или в кого-нибудь вселиться. А в такой сложной системе, как космический корабль, подобный поступок неизбежно приведет к

катастрофе. Инфернальное существо, вселившееся даже в самый простой механизм, становится гремлином, а звездолет, зараженный гремлинами, никуда не долетит. Тем более никуда не долетит корабль, в экипаже которого имеется хотя бы один одержимый бесом человек. Это аксиома.

— Ах, какой ты у нас умненький! — нежно пропела фурия. — Жаль только, что дурачок! — наманикюренный коготок, только что расчесывавший Марчу волосы, звонко и больно тюкнул его в лоб. — Ничего-то ты не знаешь, на все тебе наплевать, даже нашим свадебным путешествием должна заниматься я! Так хотя бы прочисти свои глухие уши и слушай внимательно! Звездолет не просто достроен, вчера ему дали имя. Его назвали «Игла»! Хоть это ты понимаешь, болван!

— Это я понимаю, — меланхолично заметил Марч.

Прекрасно зная достоинства и недостатки своей любимой, Марч не стал уточнять, что сам был в числе тех, кто внушал власть имущим странную мысль назвать первый межзвездный лайнер изящным словом «Игла». Поэтому Марч хлопнул себя промеж рогов и, словно только что вспомнил важную новость, сказал невпопад:

— Ты знаешь, у Люции объявился новый ухажер.

— Па-адумаешь!.. — протянула Валентина. — У нее их на всякий день чертова дюжина набирается. Она же суккубка, чем ей еще заниматься...

— Да, но она рассталась со своим ифритом, — с некоторым злорадством произнес Марч.

Восточный дух, сказочно богатый и знатный, с которым недавно сумела познакомиться Валентина подруга, служил постоянным источником упреков со стороны честолюбивой фурии. И, разумеется, Марч, которому до смерти надоело выслушивать жалобы, что он неказист, беден и вообще в подметки не годится даже самому захудалому джинну, не мог скрыть удовлетворения, сообщая Валюше о любовной неудаче ее подруги.

— Мерзавец! — с чувством произнесла Валентина. — Ведь он обещал жениться! А еще говорят, что ифриты всегда держат слово!

— Так он и собирался жениться, — подтвердил Марч, — но оказалось, что у него есть гарем и он хочет, чтобы Люция была восемнадцатой любимой женой. Можешь представить — Люська в гареме! И чтобы у нее не было никого, кроме законного супруга!

— На него что — благодать сошла? — изумилась Валентина. — Впрочем, Лю-Лю какую угодно клятву даст и в тот же день обманет. У нее же специализация — супружеские измени.

— Ага, только в качестве свадебного подарка твой дражайший ифрит приволок ей пояс верности из полированного ниобия с чудесным эмалевым распятием на самом пикантном месте. Ни снять, ни так извернуться.

— Бедняжка!.. — прошептала Валентина. — Невероятно, что ей пришлось отказать такому же-нишку. Я всегда знала, что все мужчины скоты! — Валентина перевела понимающий взор на Марча, и тот поспешно пробормотал:

— Дорогая, мне пора... работа, понимаешь ли...

— Ты мне зубы не заговаривай! — Валентина сверкнула безукоризненными клыками, безо всякой подготовки выходя на истерические ноты. — Лю-Лю со своими женихами сама разберется, а ты... чтобы сегодня же!.. иначе забирай свое кольцо и ищи себе другую дуру, которая согласится торчать на Земле, в то время как все уважающие себя черти...

Марч поник ушами, стараясь не слышать любимого голоса.

* * *

Готовящийся межзвездный перелет недаром волновал адскую общественность. Люди, вызывая зависть чертей, уже давно летали в космос, но сейчас готовилась не просто исследовательская экспедиция. Летели переселенцы — пятьдесят тысяч человек. А этого бесовское общество допустить не могло. И дело тут не в зависти, просто оставить без присмотра такую ораву народа оказалось бы непростительной глупостью.

Проще всего было бы сорвать экспедицию. Пара смертников-гремлинов — и фотонную громаду разнесет на части, едва будет включен маршевый двигатель. Однако заполучить разом пятьдесят тысяч мучеников никому не улыбалось. Да и просто — жаль людей, ведь за тысячи лет совместного существования бесы успели полюбить своих симбионтов. Да и вообще — тоскливо сидеть на одной планете. Выходить в космос страшно, однако, *navigare necesse est*.

Но главное, никак нельзя позволить людям оставаться без опеки старших братьев. Дени Дидро неко-

гда правильно заметил, что человек по природе добр, и, лишившись помощи темных сил, люди, несомненно, все как один, станут праведниками. Тем паче что ангелы-хранители никуда не денутся, и уж они-то насоветуют своим подопечным такого, что не приведи Сатана!

Марч, невидимкой спешивший по улице, поднял голову и глянул в небо. Там, словно бомбовоз, груженный добродетелями, на бреющем проходил бело-снежный ангел. Вроде бы не хранитель — обычный посланец, тупой и самодовольный, как все курьеры. Впрочем, будь ты хоть архангелом, природу свою не спрячешь, ведь само слово «ангел», ежели перевести на нормальный язык, означает «курьер».

Марч остановился и погрозил крылатой гадине кулаком. Ангел сделал вид, что не заметил.

Собственно говоря, Марч, как и большинство молодых бесов, был убежденным атеистом. Легенду о восстании против всемогущего господа он рассматривал как отголосок древней вражды между поборниками военно-бюрократической олигархии и свободолюбивыми бунтарями. Разумеется, в той давней войне бунтари были побиты, но с тех пор они обзавелись собственной знатной верхушкой, армией, аристократией и бюрократией, и теперь ни в чем не уступали противнику. Вот только ангельское воинство спокойно летало сквозь космические бездны, а некогда поверженному адскому народу вход туда был закрыт. Эта несправедливость стала источником бешеной ненависти дьяволов и непомерной гордыни ангельской своры. До новой вой-

ны, впрочем, дело не доходило. Покуда не доходило... Но теперь...

Если люди не просто доберутся к звездам, но оснуют там колонии, свободные от влияния темных сил, это даст решающий перевес ангельским армадам. Общество, состоящее сплошь из праведников, немедля начнет выполнять все заповеди подряд, и ничего хорошего из этого не выйдет. Ведь это только кажется, что Библия противоречит сама себе, на самом деле при желании вывернуться можно. Любовь греховна, и в безгрешном обществе никто не будет любить, зато все примутся возлюблять ближнего своего... Марч потряс головой, отгоняя неуместное сравнение божественного глагола с матерным словом.

Эти люди будут постниками и молитвенниками, и хотя они не станут сеять и жать, но в то же время будут трудиться в поте лица своего, как приказано в Ветхом Завете. Трудиться во имя исполнения заветов. И они выстроят такое общество, что никакому дьяволу не приснится даже в кошмарном сне. Раз велено плодиться и размножаться, то они примутся плодиться не хуже саранчи, причем самым безгрешным образом. Детей будут зачинять в пробирке, и лишь затем женщины станут рожать в муках во искупление давнего и не своего греха.

Вскоре им станет тесно в их внеземном раю, и они двинутся нести по Вселенной светоч истинной веры. И Земля, грешная и неправедная, где умеют любить и любят грешить, вызовет их праведный гнев. Вот тогда и случится Армагеддон, после которого некому будет являться на Страшный суд.

А что до такой мелочи, как шестая заповедь, то и ее можно обойти без проблем. Разве совершают убийство квалификатор, дающий заключение о преступности еретика? А тот, кто привязывает его к костру? Ведь безбожник остается жив, а порой, устрашенный, даже отказывается от вредной истины. А тот, кто подносит факел к дровам, разве он убийца? Ведь так недолго назвать убийцей всякого, кто вечером разжигает очаг в доме своем. Главное, чтобы исправители нравов исполняли долг без гнева, возлюбя ближнего своего. И они будут исправлять без гнева и страсти.

Воистину, нет такой гадости, какой не сказали бы черти о людях безгрешных! Особенно если это правда.

Точно так же будет вестись и война. Одни станут чертить карты и составлять планы, другие нажимать кнопки, а трети — умирать сами по себе, исключительно в силу своей испорченности. И когда окажется, что Землю можно захватить, но нельзя победить, потому что «испорченность» немедля захватит победителей, праведники примут радикальные меры по исправлению нравов. А технические средства для этого у них будут. Так что в скором времени не будет самой Земли вместе со всеми нечестивыми людьми и нечистыми духами.

Конечно, дьяволы и сами не прочь повоевать. Хорошая войнушка бодрит и полирует кровь. Но когда тебя могут на самом деле убить — это не нравится никому. Именно поэтому никак нельзя было допустить, чтобы люди улетели, не имея на борту должного количества дьяволов.

Безвыходное получалось положеньице, парадоксальное!

Впрочем, есть наука, которая очень любит заниматься парадоксами. Имя ей — схоластика. Та самая схоластика, что многие годы потратила на выяснение принципиально важного вопроса: сколько чертей может поместиться на кончике иглы?

Сегодня люди почти забыли древнюю науку, но именно к схоластике обратили свои взоры неунывающие черти, частенько подбирающие то, что осталось невостребовано людьми.

О, великие схоласты минувших веков, мастера силлогизмов и спекуляций! О, Жан Руисбрук, Грегуар де Римини, Жан Хризостом, благородный сенсуалист Дунс Скот и ты, христианнейший доктор Джон Герсон! Ваши работы не пропали втуне и как всякий истинный труд нашли выход в практику. Задача, которую поставили вы перед неблагодарным человечеством, была разрешена не людьми, а самими заинтересованными лицами. Демонология, ангеловедение и кристаллография совместными усилиями справились с древней проблемой.

Прежде всего адские ученые дали определение понятию «кончик иглы». Истинным кончиком всякой иглы могла считаться лишь верхняя грань завершающего монокристалла. Только там на нескомпенсированных узлах кристаллической решетки сверхъестественные существа начинали обладать способностью к сверхплотной упаковке. При этом они переходили в латентное состояние, в котором становились нечувствительными к внешнему воздействию. Больше всего подобное явление напоми-

нало превращение активного микроорганизма в спору, умеющую выдержать высушивание, нагревание и космический холод.

Никто не знает, занимались ли этой проблемой ангелы, но любознательные черти исследовали ее досконально. Выяснилось, что на всяком узле, входящем в понятие «кончик иглы», может поместиться один активный дьявол или легион чертей в латентном состоянии. А поскольку железо, из которого, по преданию, делались иглы, кристаллизуется в форме объемноцентрированной кубической решетки, у которой нескомпенсированными оказываются пять узлов, то, значит, всего на кончике стальной иглы может поместиться пять легионов самых злых-вредных бесов.

С этой задачей юные демоны знакомятся еще в школьные годы, на уроках прикладной схоластики. Прежде казалось, что задачка представляет лишь умозрительный интерес, но теперь способность переходить в латентное состояние и, значит, выдерживать космическое путешествие оказалась жизненно важной. Жаль только, что за многие сотни лет дьяволы, и прежде не особо ориентировавшиеся в предметах материальной культуры, полностью забыли, что такое «игла». Задачу знали все, а что такое игла — не ведал никто. Смутно вспоминалось, что есть у иглы ушко, через которое ходят верблюды. Еще есть рыба-игла, ничуть не железная и не склонная к космическим перелетам.

Дурацкое сложилось положение: есть возможность лететь вместе с людьми к иным мирам, и в то же время — нет такой возможности. Задача разре-

шена, а люди иглами больше не пользуются или пользуются так тайно, что никакой бес не пронюхает.

Однако великая наука схоластика не привыкла отступать перед трудностями. Раз все сущее поименовано, то все поименованное — существует! И значит, достаточно назвать звездолет иглой, как он обретет все иррациональные свойства схоластической иглы.

Это был очень тонкий ход. Перед темными силами приоткрылась узенькая лазейка к звездам. Узенькая, потому что на самом деле пять легионов чертей — это, по адским меркам, очень немного.

Общеизвестно, что для полного контроля над человеком требуется легион бесов. Даже в богословской литературе отражен такого рода факт. Конечно, никто не собирался подселять в каждого переселенца по легиону злых духов, этого никакое душевное здоровье не выдержит, но все же пять легионов чертей на пятьдесят тысяч человек — безбожно и прямо-таки дьявольски мало. Так что многие не без оснований считали, что отбывающие на альфу Центавра улетают на верную гибель.

И все же энтузиазм в адских поселениях царил небывалый, квинтильоны и додекальоны добровольцев мечтали попасть в избранные, портреты счастливцев печатали в газетах, а литавры, барабаны и тулумбасы сопровождали всякий их шаг. Неудивительно, что Валентина покою не давала своему непутевому суженому, требуя, чтобы на кончике иглы нашлось место и для них.

Марч летел над самой землей, грустно вспоминая перипетии еще не начавшейся супружеской жиз-

ни, и, задумавшись, с ходу налетел на что-то мягкое. Обратив взгляд на грешную землю, Марч увидал Люцию — суккубочку, которая так неудачно пытлась пофлиртовать с заезжим ифритом. Видимо, Люция нарочно встала на его пути, а он, задумавшись, ткнулся физиономией прямиком ей в груди.

— Марчик! — воскликнула Люция, стараясь притянуть беса-искусителя к себе. — Неужто ты наконец обратил на меня внимание?

С Люцией Марч был знаком дольше даже, чем с Валентиной. Более того, со своей невестой он познакомился на одной из оргий, что порой устраивала суккубка. С Люцией у Марча сложились отношения, каких даже среди людей встретишь не часто. Порой такая ни к чему не обязывающая дружба возникает между давними любовниками, разошедшимися по взаимному согласию и оставшимися добрыми друзьями. Но между демоном-искусителем и специалисткой по супружеским изменам никогда не было ничего, кроме взаимного приятельства. Хотя Марч понимал, что в нынешнем состоянии от Люции можно ждать всяческих выкидонов.

Обычно, испытав очередное любовное разочарование, Люция бросалась во все тяжкие. В припадке самоуничтожения она немедленно заводила нового вздохателя, желательно самого затруханого и убогого. Вскружив ему голову, суккубка самым жестоким образом бросала несчастного, утешаясь его страданиями. Лишь после этого любвеобильная демонесса приходила в норму и могла вернуться к нормальной жизни.

Хотя Марч был самым неподходящим претендентом на роль затруханого любовника, но кто знает, что может прийти в извращенный женский ум... Поэтому Марч не стал поспешно отстраняться, что могло быть трактовано как смужение, а, напротив, обнял Люцию и братски поцеловал в щечку, отодвинувшись при этом от пышных персей, в которые так неосмотрительно вмазался.

— Люсек! — воскликнул он. — Как твои дела? Я так волновался!

— Волноваться? Из-за меня? Право, не стоит. — Люция, судя по всему, находилась в пике самоуничижения. — Со мной все в порядке, да и что может приключиться с таким существом, как я. Лучше расскажи, как там Ваалюша? Когда вы наконец пожениитесь?

— Как же не волноваться? — возмутился Марч, полностью игнорируя риторические вопросы подруги. — Этот ужасный дэв, который хотел отнять тебя у нас, увести в свою Аравию... не помню, как его звали...

— Абдурибليس ибн Оберхам, — произнесла Люция недавно еще дорогое имя.

— Во-во! Обдур ибн Хам. Мы так его и называли.

— Не надо так говорить, я понимаю, ты излишне хорошо ко мне относишься, но благородный гнев — это добродетель, и тебе он не идет. К тому же дура по-арабски означает «жемчужина». Он часто называл меня жемчужиной жемчужин: дур-из-дуран. А я была дурой из дур! Должна бы понимать, что такая дрянь, как я, не может рассчитывать на приличную партию. Но теперь я свое место знаю...

— Кто он? — напрямую спросил Марч, заранее смиряясь, что сейчас ему придется знакомиться с каким-то забродой, которого уже успела подцепить Люция.

— Если тебя не смущает подобное знакомство, мы бы могли зайти к нему. Он живет здесь, совсем недалеко.

Марч бросил взгляд вдоль шумной улицы и недоуменно проговорил:

— Но ведь это человеческий город, как он может тут жить? Не с домовым же ты спуталась...

— Может, может... — говорила Люция, увлекая Марча к подъезду многоквартирного дома. — А если по совести, то мне и с домовым путаться — много чести.

Они остановились возле обшарпанной пластиковой двери.

— Люська, — догадался Марч, — ты что, закрутила роман с человеком?

— А что? — подбоченясь, спросила Люция. — Скажешь, нельзя?

— Так ведь это — твоя профессия... какая тебе радость возиться с человеком? Опять же, для этого дела вселяться нужно в какую-нибудь шалаву...

— Обойдусь без шалавы, — проговорила Люция, подрастая до человеческих размеров и принимая облик прелестной старшеклашенки. Затем она без тени сомнения прошла сквозь запертую дверь и, очутившись в прихожей, позвала: — Котик, это я!

На призыв никто не отозвался. Люция и невидимый Марч прошли в захламленную комнату. Хозяин, пьяный и несчастный, сидел над компьютером,

бесстыдно вывалившим на стол все свои блок-внутренности.

— Котик, это я! — повторила Люция.

На этот раз хозяин поверотил небритую физиономию и, печально дохнув перегаром, сказал:

— Не работает. Видеокарта барахлит, а в чем дело — не въехать.

— Сейчас въедем! — успокоила Люция.

Она наклонилась над столом, ухватив за хвостик, двумя пальчиками выдернула из видеокарты веерящего гремлина и со словами: «Пшел вон, пакостник! Еще подглядывать тут будет!» — выкинула его в форточку.

— Вот и все, а ты боялся!

— Люцинька, ты у меня умничка! — с чувством промычал пьяный.

— Как тебе мой Котик? — спросила Люция у Марча. — Правда, прелесть? Он специалист по древним порокам и так испорчен, что к нему даже демона-искусителя приставлять не стали.

— Люська, ты умом тронулась! — сказал Марч. — Ну, ладно, сейчас он над компьютером сидит, но ведь ночью ему другое понадобится, а ты нематериальна!

— Он у меня такой пьяненький, — с нежностью проворковала Люция, — и так помешан на своих машинах, что не разберет, по-настоящему я с ним сплю или виртуально.

— Пьян да умен — два угодья в ем! — возгласил Котик, разобравший лишь начало фразы. — Люцинька, ведь это ничего, что я сегодня выпил? Пить — здоровью вредить... но я и не пью, я только

водочки — от огорчения, что видеокарта полетела... я же не на иглу подсел...

— Что?! — услыхав знакомое слово, Марч подпрыгнул. — Разве люди тоже умеют садиться на иглу?

— Сгинь! — крикнула Люция, с ходу сообразившая, что Марч от неожиданности забыл про невидимость. — Это у него какая-то древняя идиома! Сгинь, тебе говорят!

Но Котик уже сфокусировал глаза на мечущемся Марче.

— Люцинька, глянь, я упился до чертиков! Слущай, ты почему не зеленый?

Это было ужасно обидно, Марч впервые попался на глаза человеку, а тот даже не удивился по-настоящему. От огорчения Марч позеленел, но от своего не отступил:

— Ты не ответил, — угрожающе повторил он, выпятив грудь, но забыв увеличиться в размерах, так что по-прежнему был по колено пьяничужке. — Умеют люди садиться на иглу?

— Еще как! — подтвердил образованный ханыга.

— И сколько человек может поместиться на кончике иглы?

— Сколько угодно. Но по одному. В очередь.

Марч не стал вдаваться в схоластические тонкости странного ответа и сразу перешел к главному:

— Что такое игла и где ее можно достать?

— А я почем знаю? — честно ответил предмет Люциевой страсти. — Вот ежели бы подсел, то знал бы, а так — не знаю.

— А где можно узнать? — Марч решил во что бы то ни стало выяснить все. Конечно, с людьми запре-

щено разговаривать в собственном обличье, но раз уж он все равно попался, то, как говаривали предки: семь бед — один ответ.

— А вон там, — невежливо ответил хозяин и пинком ноги адресовал Марча к компьютеру.

С невнятным воплем Марч пролетел сквозь корпус и ухнулся в глубины винчестера.

О, эти поисковые системы, где сам черт ногу сломит! Искать в компьютерных сетях нужную информацию — что иголку в стоге сена, пока вслепую не наколешься — не сыщешь. Кодовые слова, документы — оригинальные и уникальные (Марч так и не понял, чем они отличаются), ужасное слово «Рамблер», таинственное, как шумерское заклинание. И антивирусные программы, всякая из которых рассматривает просочившегося дьяволенка как потенциальную угрозу целостности программ и жаждет стереть его с диска. И самое жуткое, что они правы, ибо дьявол в компьютерных сетях действует наподобие вируса. И весь ты у противовирусных программ на виду, спрятаться некуда, светло на интернетовских сайтах — хоть иголки подбирай!

Хотя и Марч своего не упустил, подпортил кой-что в паре-тройке архивов, чтобы пользователям жизнь медом не казалась. А потом еле унес сломанные ноги.

Все-таки хорошо, что черти не в ладах с техникой, иначе многих сорвиголов не досчиталась бы родная преисподняя. Хотя и люди вынуждены были бы расстаться с компьютерами, ибо на всякий

пароль найдется свой хакер и на любую программу отыщется вирус.

Марч выбрался наружу через два часа, хромой на обе ноги, но с бесценной информацией в зубах.

Игла — это, оказывается, то же самое, что иголка! Знать бы заранее, можно было бы внушить переселенцам благую мысль захватить с собой десяток ежей или дикобразов. Ведь если вдуматься, то вдали от родных небес никак нельзя обойтись без дикобраза, который сопением и треском игл будет напоминать о навеки покинутых саваннах и пампасах. А какая могла бы получиться диссертация: «Дикобраз, как межзвездный переносчик инфернальной инфекции»!

Ах, как много можно сделать, если бы знать заранее! Впрочем, кто скажет, как обстоят дела с координационными узлами на острие дикобразьей иголки, смогут ли бесы впасть там в латентное состояние? Ведь настоящая игла, как явствует из трудов древних схоластов, сделана из металла. Пришлось искать металлические иглы. И такие иглы нашлись.

Игла оказалась частью медицинского и отчасти палаческого инструментария, предметом, с помощью которого нарушалась интактность кожи. С первого взгляда подобное изуверство показалось бесмысленным, но, поразмыслив, Марч понял, что это делалось для того, чтобы ввести под кожу чертей, несомненно обитающих на кончике иглы. Ведь давно известно, что человек, одержимый бесами, боли не чувствует.

При этом становилось понятным, почему иглы для иглоукалывания делались не из железа, а из серебра или золота. Отвратительная вещь — драгоценные металлы, кристалл у них в виде гранецентрированного куба, и, значит, на кончике золотой или серебряной иголки поместится всего четыре легиона бесов. Но ведь для полного одержания достаточно и одного легиона, так что неудивительно, что древние врачеватели стремились уменьшить количество чертей на игле, предназначенный для облегчения страданий.

В умезамаячила новая тема докторской диссертации: «Одержанность бесами, как метод лечения соматических заболеваний», — дивные темы придумываются тем, кто никогда диссертации защитить не сможет, хотя бы потому, что никогда научной работой не занимался.

Затем Марчу удалось узнать, что значит — сесть на иглу. Прочитав в полуустертом от старости слова —ре молодежного сленга толкование этой идиомы, Марч долго не мог поверить, что такое действительно возможно. Добровольно вкалывать себе по пять легионов чертей за раз, да еще в сочетании с наркотическими веществами — для этого надо было потерять всякое представление о самосохранении! Поневоле задумашься, есть ли смысл искушать столь испорченных людей. Тут уже не черти людей, а люди чертей плохому научат.

Жаль, что все применения игл безбожно устарели. Как говорится, была игла, да спать легла.

И, как это обычно бывает, уже в самом конце и совершенно случайно нашел Марч исходное значе-

ние искомого слова. Настоящая игла оказалась заостренной протыкалкой с ушком для всяких швейных и скорняжных работ.

Это был полный облом. Ну кому в наше время может понадобиться заостренная протыкалка? Ультразвуковые насадки заменили их и в швейных делах, и в скорняжных. Давно прошло то время, когда несшивный хитон удивлял людей и разыгрывался в кости, будто бог весть какая ценность. В новое время как раз шва найти не удастся. Никто не шьет, не сметывает, не штопает и заплаток не ставит. Всюду нетканые материалы, лазерная кройка, ультразвук и клей вместо иглы. Это ж каким дремучим поборником отживших традиций нужно быть, чтобы взять в руки иглу?

Марч задумался глубоко и надолго. В самом деле, где найти такого ретрограда? Ну разве что...

* * *

Ваалентина встретила его привычно гневно.

— Собираешься сорвать, будто был в приемной Вельзевула и получил персональный отказ от его шестого заместителя? Не выйдет, дорогой, на такую уловку меня не купиши!

— Я не был в приемной, — коротко ответил Марч. — Собирайся, нам пора.

— Куда?! — по инерции взъерепенилась Ваалентина. Потом до нее дошло, и она восхищенно прошептала: — Неужто получилось?

Марч приложил коготь указательного пальца к губам и кивнул.

Оказалось, что Ваалентина, готовая лететь к звездам хоть сию минуту, совершенно не собрана. Марч даже заподозрил, что все скандалы по поводу грядущего свадебного путешествия она закатывала ему просто на всякий случай, чтобы не потерять квалификации. Но так или иначе через час амулеты, косметика и любимые бирюльки были собраны, а больше невещественному существу, даже женского пола, не требуется. Этим дьяволицы выгодно отличаются от своих человеческих сестер. Не присев на дорожку (суеверия приличны только людям!), Марч и Ваалентина покинули дом, в который им вряд ли доведется возвращаться.

Всякое путешествие, даже самое межзвездное, начинается с первого шага к дверям, а поскольку это было свадебное путешествие, то по адским законам Марч и Ваалентина, выйдя из дома, считались уже не женихом и невестой, а мужем и женой. Конечно, не мешало бы закатить пир для родственников и приятелей, но, как обмолвился один апостол: «По нужде и закону применение бывает». Лукавое племя очень любит эту оговорку и частенько ею пользуется.

На улицах Дита, как всегда, было чертовски много народа. Какой-то знакомый сатаненок окликнул молодую пару:

— Далеко собрались?
— К звездам! — отшутился Марч фразой, ставшей за последние месяцы расхожим штампом.

Ваалентина побледнела, заставив Марча пожалеть о неумной шутке. К счастью, знакомый ничего не заметил, а через несколько минут молодожены

уже пробирались через человеческий город, где было чертовски людно, но бесчеловечно мало чертей. Они приближались к одному из оплотов богообязненности в этом чересчур свободолюбивом мире.

Здесь можно было встретить лишь беса-искусителя, явившегося по зову долга. Для собственного удовольствия сюда никто не ходил. Неприятное было место, и чем ближе к центру, тем больше вокруг пованивало святостью, пока наконец Ваалентина не остановилась, зажавши нос, и не спросила гундоса:

— Куда мы идем, в конце концов?

— Черт побери! — ласково воскликнул Марч. — Крепись, дорогая! Через это необходимо пройти. Будь здесь хоть капельку приятнее, кто-нибудь непременно отыскал бы этот путь прежде меня.

Ваалентина судорожно кивнула и, шепча успокаительные проклятия, двинулась следом за Марчем.

По счастью, им не пришлось идти в храм, которые торчали тут во множестве, Марч свернул к самому обычному дому и, просочившись сквозь древнюю кирпичную кладку, очутился в жилище, обставленном с пуританской скромностью. Здесь явно обитала семья, так что Ваалентина хищно потянула носом, выискивая, к чему бы могла прицепиться хозяйка, чтобы закатить своему благоверному скандал. И сморшилась, не найдя ничего. Если бы не сильный запах ханжества, здесь было бы очень уютно. Занавески, пуфочки, кружевные подзорчики... спокойствие, тишина, мягкий свет, льющийся из окна. И полный порядок и чистота, которые так не по нраву даже самым аккуратным нечистым. Лишь два

пребольших крокодильей кожи чемодана, выставленные у стены, нарушали общую гармонию.

На голубоватой тахте возле окошка сидела женщина средних лет и, придвигнувшись поближе к свету, рукодельница.

— Что это за особа? — подозрительно спросила Валентина.

— Это моя подопечная праведница, — с некоторой грустью сказал Марч. — Та самая, которую мне не удалось склонить ни к единому греху. Кроме того, она супруга корабельного священника и завтра вместе со своим мужем отправится в путешествие. И мы вместе с ней. Так что я еще поработаю с этой красавицей и, надеюсь, заставлю хотя бы раз в жизни чертыхнуться.

— Ты что, вообразил, будто таможенники Люцифера не станут проверять багаж твоей набожной идиотки? — возопила фурия, к которой немедленно вернулось утерянное было благоразумие. — Да нас выволокут из этого чемодана за уши!

— Не выволокут, — успокоил Марч. — Скоро в этот чемодан выстроится огромнейшая очередь, но мы-то будем в ней первыми. Как ты думаешь, чем занимается моя богомольная лапушка?

Валентина двинулась было вперед, но тут же попятилась, издав отчаянный вопль:

— Она мастерит тряпочную икону!

— Это не икона, это плащаница. И она не просто мастерит ее, а вышивает вручную, как было принято в древние времена. Эта техника называется: вышивка гладью.

— Да хоть гадью, это все равно богоугодное занятие, у меня от одного взгляда на него голова болеть начинает!

— Терпи! Ты хоть знаешь, что за инструмент у нее в руках? Конечно, не знаешь, ведь им чертову прорву лет никто не пользуется, только такие замшелые ревнители старины, как эта богоомолка. Так вот, это у нее игла! Самая настоящая, а все остальные — паллиативы! Острая часть и есть знаменитое острие, а с другой стороны — ушко... видишь, сквозь него продета нитка.

— А где верблюд? — пискнула Валентина.

— Нет никакого верблюда и никогда не было, это святой Иероним напутал или еще кто-то из переводчиков. А острие, как видишь, есть. На нем мы и полетим. Вперед, родная!

Взявшись за руки, Марч и Валентина взвились в воздух. Стремительно уменьшаясь в размерах, они приближались к проворно снующей игле. Полированный металл тускнел, теряя кажущиеся свойства и проявляя истинные. В металле бродили вихревые токи, бушевали магнитные поля, источаемые доменами, электронный газ резонировал, обретая подобие порядка в полинговых структурах, и все эти факторы словно в фокусе сходились в одной точке, где крутыми курганами вздувались нескомпенсированные узлы кристаллической решетки. Плотность всего на свете здесь достигала таких величин, что никакие внешние воздействия не могли бы затронуть севшего на иглу. И места тут было... да, пожалуй, на каждом узле без труда могло бы разместиться по легиону крылатых добровольцев.

Пробившись сквозь магнитные шквалы, влюбленная пара опустилась на самый кончик иглы. Марч на центральный узел, Ваалентина чуть левее.

— Устраиваемся? — радостно предложил Марч.

— Мы что, одни будем на целой игле сидеть? — ошаращенно спросила Ваалентина.

— Нет, конечно. Но остальных предупредим за час до отлета. Толкотня тут начнется, не приведи Сатана! Но мы уже будем в латентном состоянии, так что нас отсюда даже твой дядюшка Ваал выцарапать не сумеет. Зато на альфе Центавра мы развернемся! Вот где простор для работы — десять легионов чертей на целую планету! Трудновато будет, но справимся.

— Трудоголик ты мой... — ласково пробормотала Ваалентина, мысленно прикидывая, как это слово будет звучать в качестве ругательства при грядущих разборках. Затем она подняла взгляд ввысь и задавленно вскрикнула. Сверху на нее пикировал мертвенно-зеленый Христос.

— Икона!

— Спокойствие! — заорал Марч. — Ты что, в школе не учились? Икона всего лишь деревяшка, отголосок язычества, христианский идол. А тут й во все недоделанная тряпка! В ней святыни и на полкотя нет!

— Стра-а-шно!.. — тянула свое трусливая фурия.

Марч подлетел, обнял ее. Мертвый Христос с плащаницы был уже совсем близко.

— Нашла чего бояться! — глумливо закричал Марч. — Баба гладью вышивает! Добро бы еще крестиком... Длинная нитка — ленивая девка! Давай, шей веселей! Коли его иголкой! Прямо в глаз коли!

Острие иглы коснулось божественного ока, плотно и навсегда зажмуренного. Вышивальщица ожидала, что игла, как обычно, невесомо скользнет сквозь частое переплетение нитей, но двух чертей, обосновавшихся на острие, оказалось достаточно, чтобы иголочка зацепила какую-то нитку, дернула ее, портя тонкое рукоделие. В безукоризненной ровности стежков появилась едва заметная неправильность.

— Что за черт? — жалобно воскликнула белошвейка. — Иголка затупилась! Надо будет захватить с собой пачку запасных...

— Правильно, милочка! — возопил Марч, выплясывая на острие иглы. — Именно: «что за черт?» — и главное — не забыть пачку запасных иголок! И на каждой — по пять легионов чертей! Как ты думаешь, — повернулся он к Валентине, — сколько иглок может поместиться в одной пачке?

— Не знаю, любимый, — шепнула чертовка, нежно прильнув к нему. — В школе мы этого не проходили.

СОДЕРЖАНИЕ

<i>С. Логинов. ИМПЕРСКИЕ ВЕДЬМЫ</i>	5
<i>С. Логинов, А. Рыбошлыков. ВОКРУГ ГЕКУБЫ</i>	313
<i>С. Логинов. НА ОСТРИЕ</i>	447

Литературно-художественное издание
Логинов Святослав Владимирович
ИМПЕРСКИЕ ВЕДЬМЫ

Издано в авторской редакции
Ответственный редактор *Д. Малкин*
Художественный редактор *С. Киселева*
Технический редактор *О. Кулакова*
Компьютерная верстка *Т. Жарикова*
Корректор *Л. Перовская*

ООО «Издательство «Эксмо»
127299, Москва, ул. Клары Цеткин, д. 18/5. Тел.: 411-68-86, 956-39-21.
Home page: www.eksмо.ru E-mail: Info@eksмо.ru

**По вопросам размещения рекламы в книгах издательства «Эксмо»
 обращаться в рекламный отдел. Тел. 411-68-74.**

Оптовая торговля книгами «Эксмо» и товарами «Эксмо-канц»:
ООО «ТД «Эксмо», 142700, Московская обл., Ленинский р-н, г. Видное,
Белокаменное ш., д. 1. Тел./факс: (095) 378-84-74, 378-82-61, 745-89-16,
многоканальный тел. 411-50-74.
E-mail: reception@eksмо-sale.ru

Мелкооптовая торговля книгами «Эксмо» и товарами «Эксмо-канц»:
117192, Москва, Мичуринский пр-т, д. 12/1. Тел./факс: (095) 411-50-76.
127254, Москва, ул. Добролюбова, д. 2. Тел.: (095) 745-89-15, 780-58-34.
www.eksмо-kanc.ru e-mail: kanc@eksмо-sale.ru

**Полный ассортимент продукции издательства «Эксмо» в Москве
в сети магазинов «Новый книжный»:**

Центральный магазин — Москва, Сухаревская пл., 12
(м. «Сухаревская», ТЦ «Садовая галерея»). Тел. 937-85-81.
Москва, ул. Ярцевская, 25 (м. «Молодежная», ТЦ «Трамплин»). Тел. 710-72-32.
Москва, ул. Декабристов, 12 (м. «Отрадное», ТЦ «Золотой Вавилон»). Тел. 745-85-94.
Москва, ул. Профсоюзная, 61 (м. «Калужская», ТЦ «Калужский»). Тел. 727-43-16.
Информация о других магазинах «Новый книжный» по тел. 780-58-81.

В Санкт-Петербурге в сети магазинов «Буквоед»:
«Книжный супермаркет» на Загородном, д. 35. Тел. (812) 312-67-34
и «Магазин на Невском», д. 13. Тел. (812) 310-22-44.

Полный ассортимент книг издательства «Эксмо»:
В Санкт-Петербурге: ООО СЭКО, пр-т Обуховской Обороны, д. 84Е.
Тел. отдела реализации (812) 265-44-80/81/82/83.
В Нижнем Новгороде: ООО ТД «Эксмо НН», ул. Маршала Воронова, д. 3.
Тел. (8312) 72-36-70.

В Казани: ООО «НКП Казань», ул. Фрязерная, д. 5. Тел. (8432) 70-40-45/46.
В Киеве: ООО ДЦ «Эксмо-Украина», ул. Луговая, д. 9.
Тел. (044) 531-42-54, факс 419-97-49; e-mail: sale@eksмо.com.ua

Подписано в печать 13.07.2005.
Формат 84×108 $\frac{1}{32}$. Гарнитура «Таймс». Печать офсетная.
Бумага газетная. Усл. печ. л. 25.20. Уч.-изд. л. 18,2.
Тираж 4000 экз. Заказ № 0510910.

Отпечатано в ОАО «Ярославский полиграфкомбинат»
150049, Ярославль, ул. Свободы, 97

МИР ФАНТАСТИКИ

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ПОЛНОЦВЕТНЫЙ ЖУРНАЛ О ФАНТЕЗИ
И ФАНТАСТИКЕ ВО ВСЕХ ПРОЯВЛЕНИЯХ

ФОРМАТ ИЗДАНИЯ: А4

СПРАШИВАЙТЕ ЖУРНАЛ "МИР ФАНТАСТИКИ"
ПОВСЕМЕСТНО В ОТКРЫТОЙ ПРОДАЖЕ!

Книжный ряд: Рецензии на фантастические книги, обзоры жанров и грандиозных авторских вселенных.

Контакт: Интереснейшие беседы с писателями-фантастами, редакторами издательств и другими деятелями фантастической культуры.

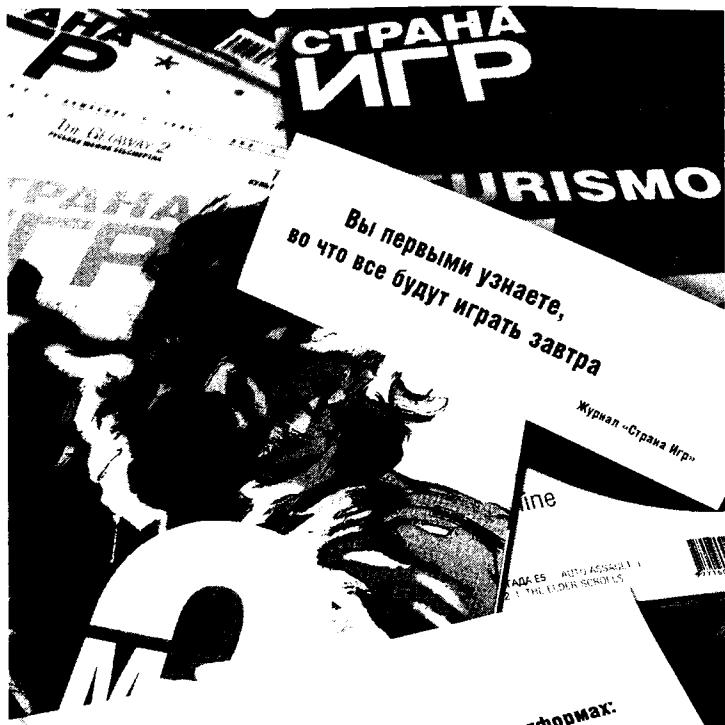
Машине времени: Популярные статьи о средневековом быте, оружии, о передовых технологиях и науке завтрашнего дня.

Бестиарий: Чудовища и разумные расы фэнтези и научной фантастики.

А также: Рассказы известных авторов, Видеодром, Игровой клуб, Врата миров, В центре вселенных, Комната смеха и другие рубрики!

Часть тиража журнала комплектуется компакт-диском с оригинальными материалами.

www.mirf.ru

Лучшие игры на самых разнообразных платформах:
PC, PlayStation 2, Xbox, GameCube.
Мы поможем вам разобраться в этом
круговороте и сделать правильный выбор

Издательство «Эксмо» представляет

АЛЕКС ОРЛОВ

В СЕРИИ

РУССКАЯ
ФАНТАСТИКА

Алекс Орлов –
знаменитый писатель-фантаст!

Книги Орлова мгновенно
становятся бестселлерами!

Многочисленные фэнзи
называют Орлова «российским
Эдмундом Гамильтоном»!

Роман «База 24»
и его продолжение
«Штурм базы» написаны
в традиционном
для автора жанре –
«фантастический боевик»!

Также в серии:
«Атака теней»,
«Тени войны»,
«Двойник императора»,
«Особый курьер»

СВЯТОСЛАВ ЛОГИНОВ

ИМПЕРСКИЕ ВЕДЬМЫ

Ему был нужен штаб: знатное офицерье, столетиями ведущее войну чужими руками, войну не ясно с кем и за что, зажавшее Вселенную в имперские тиски. Пусть они хоть раз узнают, что такое грохот настоящего взрыва и как пахнет не чужой, а собственный страх. Скинувший ментальный поводок, спасенный от смерти ведьмой, открывший новую Вселенную лейтенант Влад Кукаш начинает атаку во имя спасения, во имя свободы!

ISBN 5-699-12726-7

9 785699 127269 >